

ОТРИМАНО
В ДАР

Від директора бібліотеки КНУ
П.В. Куріленко

5509
C97

БИБЛІОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

ЖАНЪ БАТИСТЪ СЭ.

ТРАКТАТЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Переводъ Е. Н. Каменецкой.

ФРЕДЕРИКЪ БАСТІА.

Кобденъ и Лига.—Экономическіе Софизмы и Гармонія.—Что видно и чего не видать.

Переводъ З. С. Яновской.

Издание К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 1 рубль.

Выпускъ VII.

МОСКВА.

Типо-Литографія О. Н. Ланкевичъ и К^о, Тверская, домъ Саввиного подворья.

1896.

КНЕУ
імені Вадима Гетьмана
БІБЛІОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

ЖАНР БАЛЕТЪ СЪ

ПРЕДЪСТАВЛЯЮЩАЯ СЕБЕ

ПРЕДЪСТАВЛЯЮЩАЯ СЕБЕ

ФРЕДЕРИКА БАЛЕТЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО" — ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО" — ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

ПРЕДЪСТАВЛЯЮЩАЯ СЕБЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО" — ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО" — ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СВЕТЛО"

Издание: М. Академия Наук. 1900 г.

ЖАНЪ БАТИСТЪ СЭ.

Редакція: *М. Щепкинъ. — И. Вернеръ.*

Вышли:

Адамъ Смитъ.
Давидъ Рикардо.
Томасъ Мальтусъ.
Джонъ Стюартъ Милль.
Давидъ Юмъ.
Іеремія Бентамъ.
Франсуа Кенэ.

Печатаются:

Ж. Тюрго и фізіократы.
Ф. Леплэ.
Симондъ де-Сисмонди.

Maur-Famucm Co.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редакціи	I—X
Жизнь и труды Ж.-Б. Сэ	I—XI

Трактатъ политической экономіи.

I. Польза политической экономіи	1
II. Что такое производство	12
III. Операции, общія всѣмъ отраслямъ промышленности . .	17
IV. Употребленіе машинъ	26
V. Теорія сбыта	35
IV. Свойство и употребленіе денегъ	50
VII. Прибыль съ капитала и заработная плата	58
VIII. Частное потребленіе	80
IX. Потребленіе общественное	99

ОГЛАВЛЕНИЕ

1-2	Отечественная война 1812 г.
1-11	Восстание в Польше 1830-31 гг.
	Триумфальная арка в Париже
1	I. История возникновения искусства
16	II. Искусство Древнего Востока
17	III. Искусство Древней Греции и Рима
20	IV. Искусство Средних веков
25	V. Искусство Возрождения
26	VI. Искусство XVII-XVIII вв.
28	VII. Искусство XIX в. до 1848 г.
30	VIII. Искусство XIX в. после 1848 г.
32	IX. Искусство XX в.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Посвящая настоящій выпускъ „Библіотеки“ выбраннымъ мѣстамъ изъ сочиненій двухъ старѣйшихъ и выдающихся французскихъ экономистовъ, пользовавшихся въ свое время наибольшимъ вліяніемъ, редакция считаетъ не бесполезнымъ предпослать здѣсь этому выпуску нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Вообще, французскіе экономисты утратили у насъ свою репутацію. Какъ въ прежнее время придавали имъ настолько выдающееся значеніе, что приглашали въ Москву даже наименѣе важныхъ изъ ихъ представителей, для водворенія публичными лекціями *здоровыхъ экономическихъ понятій* въ русскомъ обществѣ; такъ, наоборотъ, теперь низвергаются съ пьедесталовъ даже такіе писатели, которые по своимъ несомнѣннымъ заслугамъ достойны особой признательности. Вотъ два довольно яркіе примѣра такого болѣе чѣмъ страннаго обращенія съ писателемъ, справедливо считавшимся когда-то первокласнымъ служителемъ экономической науки.

Когда Ж.-Б. Сэ издалъ свой „Трактатъ политической экономіи“, то Д. Рикардо, самый глубокій изслѣдователь экономическихъ явленій, положившій своимъ строго дедуктивнымъ методомъ изслѣдованія незыблемое основаніе науки, далъ та-

кой отзывъ объ этомъ „превосходномъ“ сочиненіи. „Сэ былъ первымъ, или однимъ изъ первыхъ писателей на континентѣ, вѣрно излагавшимъ и примѣнявшимъ начала Адама Смита, и болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ иностранныхъ писателей, вмѣстѣ взятыхъ, содѣйствовалъ разъясненію европейскимъ народамъ общихъ началъ этой прекрасной и благодѣтельной системы и въ особенности успѣлъ расположить отдѣльныя части этой науки въ логическомъ и поучительномъ порядкѣ и обогатить ее многими оригинальными, точными и глубокими изслѣдованіями *). Но уваженіе, которое я питаю къ трудамъ этого писателя, не помѣшало мнѣ однако, въ интересахъ науки, сдѣлать свои замѣчанія на тѣ мѣста его сочиненія, которыя представлялись мнѣ несогласными съ моими собственными выводами **). Такой простой, искренній отзывъ одного изъ корифеевъ науки не понравился его русскому переводчику, который призналъ его недостойнымъ такъ-сказать олимпійскаго величія Рикардо. И вотъ къ приведенному отзыву знаменитаго экономиста г. Зиберъ дѣлаетъ отъ себя такое примѣчаніе: „въ виду того, что Рикардо почти нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не соглашается съ мнѣніями Сэ, а напротивъ, относится къ нимъ болѣею частью проницательно, настоящій диониромбъ автора французскому экономисту слѣдуетъ приписать гораздо болѣе соображеній въ ясности, чѣмъ дѣйствительной

*) „Гл. XV, ч. 1—10 съмѣстѣ“—Des débouchés, въ особенности содержитъ въ себѣ многія весьма важныя начала, которыя, какъ мнѣ кажется, въ первый разъ изложены этимъ выдающимся писателемъ“.

**) См. II выпускъ нашей „Библіотеки“, посвященный Давиду Рикардо, стр. XXXIV.

высокой оцѣнѣ* *). Только нежеланіе быть безпристрастнымъ и справедливымъ къ несимпатичному писателю могло побудить русскаго переводчика заподозрить даже такой высоко-научный авторитетъ, какъ Рикардо, въ томъ, что онъ, при обсужденіи научныхъ трудовъ, руководился недостойными его высокаго значенія соображеніями французской салонной вѣжливости. Необдуманно направивъ свой ударъ на ничтожнаго писателя, русскій переводчикъ оказался не особенно бережнымъ и осмотрительнымъ по отношенію къ тому авторитету, который взялся обереечь отъ неосторожной похвалы французскому экономисту. Ударъ г. Зиберы попалъ не въ ту цѣль, на которую онъ мѣтилъ.

Другой русскій публицистъ, не изъ числа самостоятельныхъ и оригинальныхъ двигателей науки, г. Жуковскій, посвятилъ Ж.-Б. Сэ особую главу въ своемъ обширномъ сочиненіи по исторіи политической литературы. Отрицая за авторомъ „Трактата политической экономіи“ всякое научное значеніе и даже отвергая въ немъ способность наблюденія, свойственную первокласснымъ писателямъ, русскій публицистъ даетъ о немъ такой отзывъ:

„Но вмѣстѣ съ отсутствіемъ первоклассныхъ внутреннихъ достоинствъ Сэ въ значительной степени обладалъ тѣми *внѣшними* качествами, которыя дѣлаютъ писателя привлекательнымъ для читающаго большинства. Легкій слогъ, поверхностное изложеніе предмета, отсутствіе всякой потребности вду-

*) См. „Сочиненія Давида Рикардо“, Пер. Н. Зиберы. С.-Пб. 1882. Прилѣчаніе къ „Предисловію“ Рикардо, Стр. III.

мываться въ глубину вещей и вопросов и готовность всегда замѣнить фразой дѣло тамъ, гдѣ разсмотрѣніе самаго дѣла повело-бы къ трудностямъ, все это весьма приходится по сердцу читателю, который видитъ возможность знакомиться съ наукой на довольно льготныхъ условіяхъ. Все это и сдѣлало изъ Сэ того милаго, свѣтскаго, прекраснаго человѣка, котораго всякій встрѣчаетъ съ радужной улыбкой и всякій-же готовъ превозносить какъ человѣка, въ которомъ каждая черта характера льститъ нашимъ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ. Сэ сталъ такимъ образомъ популяризаторомъ экономическаго направленія, сдѣлать изъ экономической науки науку гостинную, свѣтскую. Въ то время какъ большинство образованныхъ людей не преодолѣетъ изъ Рикардо трехъ страницъ сряду, почти нѣтъ свѣтскаго полуобразованнаго франта, который не прочелъ-бы Сэ, неотрываясь и подъ-рядъ, который не вынесъ-бы изъ него, правда, поверхностныхъ, но ясныхъ свѣдѣній о воззрѣніяхъ школы*. Въ то-же время г. Жуковский великодушно допускаетъ, что „оба сочиненія“ Сэ, т. е. и „Трактатъ“, и „Полный курсъ“ политической экономіи, „представляютъ *сами по себѣ* весьма полезный сводъ воззрѣній экономическаго направленія, въ которомъ нашли свое дополнительное разсмотрѣніе тѣ болѣе уже частныя, хотя и не менѣе любопытныя части экономической науки, которыя оставлены были или совершенно въ сторонѣ въ трудахъ такихъ специальныхъ изслѣдователей, какъ Рикардо или Мальтусъ, или о которыхъ было упомянуто только вскользь“ *).

*) „См. Исторія политической литературы XIX-го столѣтія“. Т. I. С.-Пб. 1871. Гл. VIII. Стр. 391—392.

Какой странный, исполненный противорѣчій отзывъ. Прежде всего недоумѣваешь, какимъ образомъ писатель, не обладающій ни способностью наблюдать, ни даже потребностью вдумываться въ свое дѣло, а умѣющій только легко и привлекательно писать и, гдѣ нужно, фразой замѣнять сущность дѣла, т. е. скорѣе развращающій, чѣмъ обогащающій знаніями публику, — какимъ образомъ такой писатель можетъ быть признанъ популяризаторомъ экономическаго направленія, такъ что не было свѣтскаго франта, который-бы не прочелъ этого писателя и не вынесъ изъ него ясныхъ свѣдѣній о воззрѣніяхъ школы; — наконецъ, какимъ образомъ такой, можно сказать, убогій писатель можетъ быть признанъ по нѣкоторымъ своимъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ частей науки дополнительнымъ столь сильныхъ авторитетовъ, какъ Рикардо и Мальтусъ.

Издавая въ краткомъ извлеченіи Сэ, редація не сочла себя въ правѣ умолчать о подобныхъ отзывахъ. Но не будемъ смущаться ими, такъ какъ болѣе близкое знакомство съ исторіей приведетъ всякаго безпристрастнаго читателя къ инымъ заключеніямъ. Въ этомъ отношеніи не бесполезно было-бы для нашихъ читателей заглянуть въ „Исторію политической экономіи“ Бланки, гдѣ въ короткой XXXIX главѣ, посвященной характеристикѣ Ж.-Б. Сэ и „его доктринѣ“, они найдутъ отзывъ прямо противоположный двумъ вышеприведеннымъ мнѣніямъ русскихъ публицистовъ. Мы охотно ссылаемся на этого писателя потому, что его, по нѣкоторой социалистической окраскѣ направленія, менѣе чѣмъ кого-либо можно заподозрить въ односторон-

ней приверженности къ такъ-называемой чистой экономической доктринѣ, а также и потому, что названное сейчасъ сочиненіе его настойчиво рекомендуется для прочтенія составителямъ „Программы“ для домашняго чтенія по политической экономіи. Какъ-же относится Бланки къ старѣйшему изъ французскихъ экономистовъ? Не вдаваясь ни въ какія подробности, приводимъ здѣсь на справку лишь слѣдующія мѣста изъ его „Исторіи“.

„Изданіемъ „Трактата политической экономіи“ созданъ дѣйствительно въ Европѣ простой строго научный методъ для изученія политической экономіи... Главная заслуга этого сочиненія состоитъ въ томъ, что въ немъ точно опредѣлены основанія науки. Ж.-Б. Сэ отдѣлилъ ее отъ политики, съ которою постоянно смѣшивали ее экономисты XVIII стол., и отъ администраціи, съ которою иѣмцы считали ее нераздѣльною... Сколько возраженій ни возникало потомъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ его ученій, а теперь всеми признано превосходство его метода надъ всеми другими современными ему методами“. Перечисляя заслуги Сэ по отдѣльнымъ частямъ его изслѣдованія, и въ особенности въ теоріи сбыта, Бланки замѣчаетъ, между прочимъ, что Сэ приходилось вступать въ жаркій споръ съ самыми славными учеными экономистами своего времени. „Мальтусъ, Рикардо, Сисмонди, Шторхъ опровергали важныя положенія его по многимъ пунктамъ его ученія; но все они согласно признавали въ немъ неутомимаго борца науки и самаго выдающагося популяризатора ея, послѣ Адама Смита“.

Наконецъ, намъ пріятно привести здѣсь дословно

еще слѣдующій отзывъ нашего заслуженнаго профессора политической экономіи въ московскомъ университетѣ, А. И. Чупрова, горячаго поклонника Рикардо, „какъ величайшаго теоретика“ въ этой наукѣ, и приверженца впервые примененнаго имъ дедуктивнаго метода извѣдованія. Вотъ что читалъ онъ своимъ слушателямъ въ 1889—90 академическомъ году:

„Во Франціи самымъ крупнымъ распространителемъ идей Адама Смита и главою ранней школы французскихъ экономистовъ былъ извѣстный Ж.-Б. Сэ, авторъ двухъ большихъ трактатовъ (*Traité d'économie politique* 1803 г. и *Cours d'économie pratique*, 1828 г.). Сэ первый по времени систематикъ въ области политической экономіи; въ своемъ *Traité d'économie politique* онъ впервые переработалъ всю область науки въ стройное, легкодоступное обозрѣнію цѣлое; развилъ нѣкоторые положенія, исправилъ отдѣльныя ученія и въ то-же время обогатилъ науку нѣкоторыми самостоятельными ученіями и оригинальными изслѣдованіями (особенно извѣстны его теорія рынковъ и теорія кризисовъ). Сочиненія Сэ, имѣвшія въ свое время такой огромный успѣхъ, что знакомство съ ними считалось едва-ли не необходимою принадлежностью хорошаго воспитанія, не представляютъ, конечно, той глубины и оригинальности мысли, какія мы встрѣчаемъ у Смита и Рикардо; но они обнаруживаютъ несомнѣнно значительную наблюдательность автора, ясность мысли, замѣчательную талантливость и изящество изложенія* *).

*. См. курсъ политической экономіи А. И. Чупрова, читанный въ 1889—90 гг., стр. 305. Къ сожалѣнію, болѣе позднія курсы мы пока не имѣемъ.

Итакъ, на все свое время и всякому свое мѣсто во времени. Чтобы справедливо судить о писателяхъ, отжившихъ свой вѣкъ, но еще продолжающихъ жить въ своихъ потомкахъ, нельзя руководствоваться только современными теоріями и воззрѣніями, а надо принимать въ соображеніе всю совокупность условій мѣста и времени, среди которыхъ приходилось дѣйствовать этимъ писателямъ. Это—слишкомъ простая и давно извѣстная истина, невѣдѣніе которой и вызываетъ тѣ крупныя ошибки, тѣ слишкомъ односторонніе и предвзятые приговоры, которыми погрѣшили наши русскіе публицисты, такъ легко отвергающіе наставленія исторіи. Не забудемъ, что „Трактатъ политической экономіи“ Сэ былъ изданъ въ первый разъ въ 1803 г., т.-е. 92 года тому назадъ и лишь черезъ 22—23 года послѣ изданія знаменитаго творенія Смита, когда самое названіе науки едва проскользнуло въ немъ въ видѣ исключенія и никакого общаго, цѣльнаго образа ея еще не представлялось. Ж.-Б. Сэ, какъ ближайшій истолкователь и распространитель Смита, первый вырисовалъ рельефными чертами этотъ образъ, опредѣлилъ задачу и объемъ политической экономіи, какъ науки о *производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства*. Богатство, по ученію Сэ, производится при посредствѣ трехъ главныхъ отраслей человѣческаго труда—земледѣлія, промышленности и торговли. Природа, трудъ и капиталъ суть три главныя орудія производства, сбереженіе и накопленіе создаетъ капиталы, собственность обезпечиваетъ свободное пользованіе двумя другими орудіями. Трудъ человѣка, комбинируван-

ный съ силами природы и машинами, даетъ жизнь всей совокупности этихъ источниковъ, изъ которыхъ рождается богатство, составляющее главную основу общественнаго благосостоянія *).

Начертаніемъ общей задачи и объема науки о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства, на основаніи общихъ принциповъ, возвыщенныхъ Ад. Смитомъ, опредѣляется и выдающееся историческое значеніе трудовъ Ж.-Б. Сэ, заслужившаго почетное имя старѣйшаго учителя политической экономіи на континентѣ. Къ Сэ примыкаетъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей и ученыхъ—Бланки, авторъ „знаменитой“ исторіи политической экономіи, Дюнойе, авторъ трактата о свободѣ труда, Ж. Гарнье, Росси, Мишель-Шевалье, извѣстный своими изслѣдованіями о деньгахъ и путяхъ сообщенія, Курсель-Сенель, авторъ руководства къ практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ, Поль-Леруа Болье, еще не давно издавшій свое сочиненіе о распредѣленіи богатствъ; старѣйшимъ изъ этихъ писателей былъ современникъ Сэ, Симондъ де-Сисмонди, занимающій по своей оригинальности особое мѣсто среди писателей ранней французской школы **). Наконецъ, къ нимъ примыкаетъ и Фр. Бастіа, даровитый приверженецъ идей свободной торговли и неутомимый боецъ и популяризаторъ экономической свободы, которую онъ съ необычайною горячностью отстаивалъ во Франціи отъ нападковъ правительствъ, такъ быстро смѣнявшихъ другъ друга послѣ реставра-

*) См. Бланки, тамъ-же.

**) См. тѣ-же лекціи проф. Чупрова.

ція 1815 г. и тщетно созидавшихъ общественное благостояніе на началахъ протекціонизма, монополіи и всяческихъ стѣсненій. Съ другой стороны, значительная часть блестящихъ памфлетовъ Бастіа были внушены тѣмъ новымъ революціоннымъ движеніемъ, которое въ 1848 г. охватило собою всю Францію, и направлена противъ многочисленныхъ проектовъ тогдашнихъ социалистовъ и коммунистовъ по переустройству общества на новыхъ началахъ. Въ этомъ отношеніи Бастіа былъ истымъ французомъ своего вѣка и тогдашнимъ экономическимъ положеніемъ его отечества исчерпывается все содержаніе его высоко талантливыхъ полемическихъ очерковъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ Ж.-Б. Сэ.

Ж.-Б. Сэ родился въ Лионѣ 5 января 1767 г. Семейство его было родомъ изъ Нима, протестантскаго вѣроисповѣданія. Еще въ концѣ XVII столѣтія предки его должны были, вслѣдствіе отмены нантскаго едикта, выѣхать изъ этого города и поселились въ Женевѣ. Ж.-Э. Сэ, отецъ экономиста, занимался въ Лионѣ торговлею, и несмотря на свою практическую дѣловитость, заботился о томъ, чтобы дать сыну широкое общее образованіе. Но нѣкоторыя семейныя неудачи прервали это воспитаніе: молодой Сэ, не окончивъ своего образованія, долженъ былъ послѣдовать за отцемъ въ Парижъ и тамъ, посвятивъ себя работѣ въ коммерческой конторѣ, долго боролся съ нуждою. Къ счастью, для него явилась возможность уѣхать съ братомъ въ Англію, гдѣ онъ и окончилъ свое образованіе. кипучая дѣятельность промышленная и торговая, которой молодой Сэ былъ живымъ свидѣтелемъ въ этой странѣ, имѣла на него очень сильное вліяніе. По возвращеніи во Францію, Сэ не оставлялъ, согласно желаніямъ отца, своихъ торговыхъ занятій; но преимущественное вниманіе свое отдалъ все-таки изученію экономическихъ вопросовъ. Знаменитое „Исслѣдованіе“ Ад. Смита о богатствѣ народовъ, напечатанное еще въ 1776 г.,

имѣло рѣшающее значеніе въ жизни французскаго экономиста: получивъ изъ Лондона экземпляръ этого творенія, Сэ сдѣлалъ его предметомъ своего спеціальнаго изученія и цѣлый годъ проводилъ надъ тѣмъ, чтобы комментировать и дополнять новыми фактами и доказательствами ученіе шотландскаго философа. Съ тѣхъ поръ основные принципы свободы труда, промышленности и торговли стали заветными принципами всей его жизни.

Когда разразилась революція 1789 г., двадцатидвухлѣтій Сэ горячо примкнулъ къ возвыщеннымъ ею общимъ началамъ и къ патріотическому движенію 1792 г. Но тутъ пришлось ему на время оставить свои любимыя занятія, онъ поступилъ въ военную службу и волонтеромъ сдѣлалъ походъ въ Шампани. Въ 1793 г., въ самый разгаръ террора, онъ вернулся въ Парижъ и тамъ женился на дочери адвоката, г-жѣ Делонжъ. Семейное счастье его на первыхъ-же порахъ подверглось тяжкому испытанію — онъ потерялъ почти все и безъ того очень небольшое состояніе вслѣдствіе всеобщаго обезцѣненія бумажныхъ денегъ; онъ извѣдалъ тутъ на своемъ горькомъ опытѣ, къ какимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ могутъ привести иногда экономическія мѣропріятія правительства, не основанныя на разумныхъ началахъ науки. Сдѣланныя имъ въ то время обширныя связи съ выдающимися дѣятелями литературы и журналистики доставили ему выгодныя занятія въ качествѣ главнаго редактора изданія *Décade philosophique, littéraire et politique*, около котораго собрался „кружокъ республиканцевъ“. Нѣсколько лѣтъ кряду работалъ онъ въ этомъ изданіи, напечаталъ много статей

экономическаго содержанія и цѣлый рядъ очерковъ изъ области общественныхъ правовъ. Этими трудами онъ настолько обратилъ на себя вниманіе и общества и правительства, что въ 1799 г. былъ назначенъ на должность члена суда и прикомандированъ къ комитету финансовъ. По образъ мыслей Ж. - Б. Сэ, всегда независимаго и твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ на общія начала финансоваго управленія, не могъ поправиться тогдашнему правительству: находясь въ твердыхъ рукахъ великаго полководца, окружившаго Францію славою небывалыхъ воинскихъ подвиговъ, оно уже въ то время давало понять, какою дорогою цѣной былъ купленъ восстановленный имъ на время порядокъ и какія испытанія готовило оно народу въ ближайшемъ будущемъ. Расточительность, съ одной стороны, и чрезмѣрная тягость налоговъ, съ другой, дошли тогда до крайней степени напряженія. „Не сокращать расходы до размѣра неотложной въ нихъ надобности, писалъ Сэ, но какъ можно больше усиливать тягость обложенія“ — таково было правило, которымъ руководствовалось финансовое управленіе и которое нашло въ Сэ самаго упорнаго противника *).

Между тѣмъ ученныя занятія Сэ шли своимъ чередомъ, и въ 1803 г. явился его „Трактатъ политической экономіи“**), обратившій на себя всеобщее вниманіе и замѣченный даже полновластнымъ, не терпѣвшимъ возраженій правителемъ государства, оцѣнившимъ его по достоинству. Знаменитый кон-

*) См. ниже ст. объ общественномъ потребленіи.

**) *Traité d'économie politique.*

сулъ пригласилъ Сэ къ себѣ обѣдать и въ Мальмезанѣ, гуляя съ нимъ по темнымъ аллеямъ парка, долго излагалъ ему свои планы о возрожденіи французской промышленности, торговли и финансовъ. При этомъ онъ старался доказать автору „Трактата“, что ученые сочиненія могутъ быть особенно полезны, когда публика находитъ въ нихъ оправданіе мѣрамъ, вызываемымъ требованіями времени. Намекъ былъ сдѣланъ слишкомъ прозрачно, чтобы Сэ могъ не понять его внутренняго смысла. Но согласиться съ такимъ воззрѣніемъ значило для него отречься отъ самого себя, значило передѣлать свое сочиненіе въ самомъ основаніи и, принявъ за руководство противныя науки воззрѣнія будущаго властителя Франціи, ограничиться примѣненіемъ „Трактата“ къ условіямъ практической жизни. Сэ, вѣрный своимъ принципамъ, не могъ принять такого предложенія. Послѣдствія его отказа не заставили себя долго ждать: Сэ былъ исключенъ изъ комитета финансовъ и, какъ-бы въ вознагражденіе за потерю мѣста, ему была предложена должность управляющаго налогами (*directeur des droits réunis*). Велико было искушеніе для отца четверыхъ дѣтей, не имѣвшаго никакихъ средствъ. Но онъ устоялъ передъ этимъ искушеніемъ и отказался принять участіе въ примѣненіи такой системы, которую считалъ пагубною для Франціи. Въ тоже время поразилъ Сэ и другой еще болѣе тяжелый ударъ—по распоряженію правительства ему было воспрещено переиздать уже приготовленный къ печати „Трактатъ политической экономіи“. Такимъ образомъ, лишенный должности и возможности приоб-

рѣсть какія-нибудь средства учено-литературнымъ трудомъ, Сэ оказался въ положеніи, почти отчаянномъ...

Что оставалось дѣлать въ такомъ положеніи? Сэ не потерялъ спокойствія и присутствія духа: оставивъ на время литературное поприще, онъ рѣшился заняться какимъ-нибудь промышленнымъ или торговымъ дѣломъ. Болѣе выгоднымъ представлялось ему хлопчатое - бумажное производство, которому, вслѣдствіе важныхъ изобрѣтеній въ механикѣ, открывалось тогда широкое поле успѣховъ. Не долго думалъ Сэ: съ своимъ десятилѣтнимъ сыномъ, Орасомъ, онъ пошелъ въ простые рабочіе — учиться практическимъ приѣмамъ новаго производства на машинахъ, выписанныхъ тогда изъ Англіи и поставленныхъ въ консерваторіи, на выставкѣ, въ Парижѣ. Изумительная настойчивость преодолѣла важнѣйшія затрудненія и вскорѣ въ Оши, въ Па-де-кале была открыта новая мануфактура, на которой Сэ былъ въ одно время и механикомъ, и инженеромъ, и архитекторомъ и не отступалъ ни передъ какими трудностями. Подъ личнымъ, умѣлымъ руководствомъ экономиста, прядильня пошла въ ходъ: въ короткое время она стала давать заработокъ до 500 мѣстныхъ жителей; скоро благосостояніе развилось во всей округѣ, отличавшейся прежде бѣдностью своего населенія. Когда, черезъ восемь лѣтъ послѣ того, разногласія съ товарищемъ по управленію мануфактурой заставили Сэ покинуть это дѣло и вернуться съ семействомъ въ Парижъ, то рѣшеніе это было принято мѣстнымъ обществомъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, о чемъ было засвидѣтельствовано

черезъ 30 л. послѣ того (1853) на праздникѣ, на которомъ чествовалось имя основателя мануфактуры.

Сѣ вернулся въ Парижъ въ 1813 г. Время, проведенное имъ въ занятіяхъ промышленностью, не прошли даромъ и для его ученыхъ трудовъ. Непосредственное управленіе мануфактурой и постоянныя личныя сношенія какъ съ рабочими, такъ и съ массою потребителей ея продуктовъ, обогатили наблюдательнаго экономиста запасомъ практическихъ данныхъ и опытности, которыми онъ воспользовался въ своихъ послѣдующихъ трудахъ по политической экономіи. Въ теченіе восьми лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Оши, онъ былъ безпрестаннымъ свидѣтелемъ многочисленныхъ и крупныхъ ошибокъ имперіи и ея ложной экономической системы постоянного вмѣшательства въ частныя дѣла промышленности и торговли; пріобрѣтенныя имъ за это время практическія данныя сослужили ему свою службу и еще болѣе утвердили его въ его общихъ принципахъ—что лишь одна свобода и полное невмѣшательство администраціи въ частную дѣятельность могутъ обезпечить благосостояніе народа.

Вернувшись въ Парижъ, Сѣ располагалъ уже скромнымъ капиталомъ, давшимъ ему возможность не заботиться о настоятельныхъ нуждахъ завтрашняго дня. Наступившая тогда эпоха реставраціи дала ему возможность напечатать второе изданіе запрещеннаго до тѣхъ поръ „Трактата политической экономіи“. Этого мало. Тогдашнее правительство, болѣе благопріятное для либеральнаго направленія, возложило на Сѣ важное порученіе—

предпринять поѣздку въ Англію для изученія ея въ промышленномъ отношеніи. Знаніе англійскаго языка, извѣстность его, какъ автора „Трактата“ и гостепріимство такихъ авторитетныхъ людей какъ Рикардо, Бентамъ и др. многихъ профессоровъ и ученыхъ открыли французскому экономисту двери въ салоны лучшихъ представителей науки и литературы и дали ему возможность успѣшно окончить данное ему порученіе. Книга Сэ — „Объ Англіи и англичанахъ“ *), 3-е изд. 1816, много обязана этому путешествію, которое оставило въ немъ одно изъ лучшихъ воспоминаній: рассказывая потомъ своимъ парижскимъ слушателямъ объ этомъ путешествіи и о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ, онъ съ гордостью упоминалъ, какъ предлагали ему въ то время занять въ Глазгоу кафедру, прославленную Ад. Смитомъ.

Въ 1815 г. Сэ открылъ въ Парижѣ курсъ политической экономіи; аудиторія его была всегда переполнена слушателями; лекціи его имѣли блестящій успѣхъ, который и побудилъ его потомъ изложить въ краткой формѣ общіе принципы прочитаннаго имъ курса, подъ заглавіемъ — „Катехизисъ политической экономіи“ **) (1817).

Въ эти годы Сэ проявилъ особенно сильную дѣятельность. Одновременно съ политической экономіей онъ останавливался и на вопросахъ нравственности: „Маленькій томъ, содержащій въ себѣ нѣсколько взглядовъ на людей и общество“ (1818) служить тому доказательствомъ. Къ тому-же вре-

*) De l'Angleterre et des Anglais.

**) Catechisme d'economie politique.

мени относится и его этюдъ о судоходныхъ каналахъ. Но какъ бы ни были разнообразны эти занятія, а „Трактатъ“ составлялъ все-таки самый капитальный трудъ, къ которому онъ опять вернулся: такъ-какъ второе изданіе его быстро разошлось, то автору пришлось вновь переработать и дополнить это сочиненіе на основаніи новыхъ богатыхъ данныхъ, которыя дала ему преобразившаяся экономическая жизнь Франціи. Но и это третье изданіе скоро было исчерпано и въ 1819 г. понадобилось уже четвертое изданіе, а въ 1826 г. — пятое и послѣднее, вышедшее еще при жизни автора. Въѣстъ съ тѣмъ Сэ ведетъ дѣятельную перенеску и полемику съ Мальтусомъ, издавшимъ въ то время свои „Начала политической экономіи“ (напечатаны были отдѣльно въ 1820), съ Рикардо и Сисмонди по многимъ основнымъ вопросамъ науки.

Любопытно, что въ это именно время возникли во Франціи первыя серьезныя предположенія объ учрежденіи особыхъ кафедръ политической экономіи — одной въ юридической школѣ, другой въ консерваторіи (Conservatoire de arts et métiers). Первая осталась пока въ проектѣ, вторая же была открыта, но подъ особымъ названіемъ — кафедръ *промышленной* (industrielle) экономіи, потому что названіе *политической* экономіи страшило тогдашнее правительство. Эту послѣднюю кафедру занялъ тогда Сэ. Только въ 1830 г. кафедра политической экономіи была учреждена, уже подъ своимъ настоящимъ названіемъ, въ Collège de France. Первымъ профессоромъ ея былъ опять Сэ; но онъ читалъ очень недолго и преемникомъ его былъ извѣстный экономистъ Россіи, такъ трагически окончившій свою жизнь въ Италіи.

Къ послѣднимъ годамъ жизни Ж.-Б. Са относится другое крупное сочиненіе его — „Полный курсъ политической экономіи“ (1828—1830), въ которомъ дано авторомъ болѣе широкое мѣсто изложенію практическихъ выводовъ изъ общихъ принциповъ науки и многочисленныхъ примѣненій ихъ къ разнымъ вопросамъ общественной важности.

Но плодотворная жизнь Са приходила къ концу. Продолжительная и настойчивая работа развила въ немъ сильныя нервныя страданія, которыя особенно усилились послѣ смерти жены его въ 1830 г. Съ тѣхъ поръ здоровье его быстро разрушалось и никакія развлечения, поѣздки и под. не помогали; Са черезъ силу продолжалъ еще читать свой курсъ въ Коллежѣ, пока 15 ноября 1832 г. нервный ударъ не прекратилъ его жизни, въ возрастѣ 66 л.

Научное значеніе Ж.-Б. Са состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что составленный имъ еще въ 1803 г. „Трактатъ политической экономіи“ былъ первымъ по времени сочиненіемъ, въ которомъ въ строгой систематической формѣ были провѣрены и изложены начала, возведенныя въ великомъ твореніи Ад. Смита, и прибавимъ — которое при каждомъ новомъ изданіи перерабатывалось и дополнялось новыми данными изъ экономической жизни Европы. Великаго автора „Исслѣдованія о богатствѣ народовъ“ справедливо упрекали въ отсутствіи порядка и цѣльности плана изложенія, въ излишествѣ частныхъ и обширныхъ отступленій и повтореній, прерывающихъ главную нить его изслѣдованій. Никакого полного изложенія науки это великое твореніе не представляетъ;

самое названіе политической экономіи встрѣчается въ видѣ исключенія. „Трактатъ“ Ж.-Б. Сэ былъ однимъ изъ первыхъ сочиненій, познакомившихъ Европу съ полною системою науки, задачею которой онъ поставилъ *производство, распределеніе и потребленіе богатствъ*. Полное заглавіе этого сочиненія таково: *Traité d'économie politique, ou simple exposition de la maniere dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses*—„Трактатъ политической экономіи, или простое изложеніе того, какъ производится, распределяются и потребляются богатства“. „Трактатъ“ послужилъ потомъ главною основою, канвою, по которой составлялись потомъ многочисленныя „курсы“ французскихъ экономистовъ, смотрѣвшихъ на Сэ всегда какъ на своего учителя. Давая отзывъ о значеніи этого сочиненія, Бланки въ своей „Исторіи политической экономіи“ выдвигаетъ на первый планъ, какъ одну изъ крупныхъ научныхъ заслугъ Сэ, его *теорію сбыта* *), которая основывается на тщательномъ изученіи фактовъ и доказала, что націи платятъ за чужіе продукты только продуктами собственнаго производства и что всѣ законы, воспреещающіе покупать, пренятствуютъ въ то-же время продажѣ. Всякое бѣдствіе, поражающее на одномъ мѣстѣ, непременно отзывается на другомъ; если урожай недостаточенъ на одномъ пунктѣ, то мануфактурная промышленность чувствуетъ его вліяніе на другомъ; если какая-нибудь страна благоденствуетъ, то всѣ сосѣди ея принимаютъ въ немъ участіе, частью вслѣдствіе усиленнаго сирова на нихъ

*) См. ниже §. V.

товары, частью вслѣдствіе дешевизны продуктовъ, являющейся результатомъ ихъ обилія. Нации солидарны какъ въ удачѣ, такъ и въ неудачѣ; войны-же — безразсудство, отъ котораго страдаютъ сами побѣдители, и общій интересъ всѣхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы помогать, а не вредить другъ другу, какъ этого требовала до сихъ поръ близорукая политика правительствъ“.

Задача другого капитальнаго сочиненія Сэ — „Курса политической экономіи“, состоитъ въ томъ, чтобы, какъ сказано въ распространенномъ заглавіи его, „объяснить людямъ государственнымъ, землевладѣльцамъ и капиталистамъ, ученымъ, земледѣльцамъ, мануфактуристамъ, купцамъ и вообще всѣмъ гражданамъ, въ чемъ состоитъ общественная экономія“ (*L'économie des sociétés*). Этотъ курсъ отличается, въ сравненіи съ „Трактатомъ“, лишь болѣе практическимъ направленіемъ.

Трактатъ политической экономіи.

I.

Польза политической экономіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ общественной жизни есть много недостатковъ, которые связаны съ самою природою вещей и отъ которыхъ невозможно совершенно освободиться; но есть много и такихъ, которые не только возможно, но и легко устранить. Въ этомъ можно убѣдиться, ознакомившись съ содержаніемъ этой книги. Я могъ-бы даже прибавить, что почти у всѣхъ народовъ многія злоупотребленія могли-бы быть совершенно устранены безъ малѣйшей жертвы со стороны привилегированныхъ лицъ, дѣйствительно извлекающихъ изъ нихъ пользу или только воображающихъ, что извлекаютъ ее. Скажу болѣе: есть такія измѣненія общественныхъ условій, которыя могутъ быть сдѣланы въ общихъ интересахъ, безъ всякой опасности для кого-бы то ни было, и которыя отвергаются только вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ экономіей обществъ. Въ большинствѣ случаевъ люди не понимаютъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя они могли-бы извлечь изъ того, что на всѣхъ безъ исключенія членовъ общества были-бы распространены преимущества, которыми пользуются теперь только немногіе. Такое непониманіе происходитъ отъ не-

довѣрія къ книгамъ, потому что, къ сожалѣнію, дурныхъ книгъ всегда больше, чѣмъ хорошихъ, а книги, дающія пустыя разсужденія, вмѣсто изображенія дѣйствительныхъ фактовъ, ведутъ только къ сомнительнымъ результатамъ; и потому, наконецъ, что нѣкоторыя книги написаны скорѣе изъ-за личныхъ соображеній, а не внушены любовью къ истинѣ и желаніемъ добра.

Долго держалось мнѣніе, что знаніе политической экономіи должно составлять достояніе лишь небольшого круга людей, призванныхъ къ управленію государственными дѣлами. Я знаю, что очень важно, чтобы люди, стоящіе у власти, были болѣе вооружены знаніемъ, чѣмъ остальные; знаю также, что ошибки частныхъ лицъ въ большинствѣ случаевъ могутъ разорить только нѣсколько семействъ, тогда какъ ошибки государей и ихъ министровъ распространяютъ разореніе на всю страну. Но могутъ-ли государи и ихъ министры быть образованными въ то время, когда простые смертные лишены всякаго просвѣщенія? Вопросъ этотъ стоитъ того, чтобы его поставить. Въ среднемъ классѣ общества, вдали отъ опьяненія властью, съ одной стороны, и отъ тяжелаго труда бѣдняковъ, съ другой;—въ томъ классѣ общества, въ которомъ состоянія нажиты честнымъ трудомъ, въ которомъ досугъ не исключаетъ привычки къ труду и въ средѣ котораго всего чаще встрѣчается дружеское общеніе людей, любовь къ чтенію и возможность развивать свой умъ путешествіями, — именно въ этомъ классѣ общества, говорю я, и рождается просвѣщеніе. Отсюда оно распространяется, какъ на сильныхъ міра сего, такъ и на простой на-

родъ, потому что и сильные міра, и простой народъ не имѣютъ времени для умственного труда: они усваиваютъ себѣ только тѣ истины, которыя доходятъ до нихъ въ формѣ непреложныхъ правилъ, а слѣдовательно не нуждаются въ доказательствахъ.

Если-бы монархъ и его главные министры даже были основательно знакомы съ принципами, на которыхъ основывается благосостояніе народовъ, то какую, спрашивается, пользу они могли-бы извлечь изъ своихъ знаній, если-бы не нашли на всѣхъ ступеняхъ управленія поддержки въ людяхъ, способныхъ понять ихъ, войти въ ихъ соображенія, привести въ исполненіе ихъ планы? Извѣстно, что благосостояніе города или провинціи часто вполне зависитъ отъ дѣятельности мѣстной администраціи, и нерѣдко бываетъ, что человѣкъ, стоящій во главѣ самаго незначительнаго административнаго центра, проводя въ жизнь какую-нибудь серьезную мѣру, имѣетъ болѣе вліянія, чѣмъ самъ законодатель.

Въ странѣ, пользующейся представительнымъ правленіемъ, каждый гражданинъ обязанъ изучать политическую экономію уже потому, что тамъ каждый призванъ къ участию въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ.

Предположимъ, наконецъ, что всѣ лица, принимающія участіе въ управленіи на всѣхъ ступеняхъ администраціи, будутъ образованы въ то время, какъ народъ погруженъ еще въ невѣжество (что, впрочемъ совершенно невѣроятно),—на какое противоѣдѣствіе натолкнулись-бы эти просвѣщенные правители при исполненіи своихъ лучшихъ начер-

таній? Какія препятствія встрѣтили-бы они въ предрассудкахъ тѣхъ, которымъ эти мѣропріятія и должны были принести наибольшую пользу.

Итакъ, чтобы какой-нибудь народъ могъ воспользоваться преимуществами хорошей экономической системы, еще недостаточно, чтобы правители его были способны усвоить себѣ наилучшіе планы, — необходимо еще, чтобы самъ народъ былъ въ состояніи воспринять ихъ.

Во всѣхъ предположенныхъ нами случаяхъ общественное благо требуетъ, чтобы частные люди были такъ-же хорошо знакомы съ принципами политической экономіи, какъ и государственные дѣятели. Имъ слѣдуетъ изучать ее не только въ интересахъ общественного блага, но и ради своихъ собственныхъ выгодъ. Истинное пониманіе сущности цѣнностей и ихъ движенія доставляетъ и имъ огромныя средства для того, чтобы составить себѣ правильный взглядъ на предпріятія, въ которыхъ они заинтересованы, хотя-бы какъ акціонеры; оно даетъ имъ возможность предвидѣть нужды этихъ предпріятій и ихъ результаты, изыскивать средства для ихъ процвѣтанія, умѣло пользоваться своими правами, находить наиболее солидное помѣщеніе для капиталовъ, предвидѣть исходъ займовъ и другихъ мѣръ, своевременно заботиться объ улучшеніи своихъ земель, сохранять равновѣсіе между затратами на предпріятіе и ожидаемыми отъ него доходами, понимать общія нужды общества, распознавать признаки его процвѣтанія или упадка и т. п.

Мнѣніе, что знакомство съ политической экономіей должно составлять достояніе только людей, управляющихъ государствомъ, помимо уже своей

неосновательности, было причиной того, что почти всѣ экономисты, до Смита, считали своимъ главнымъ призваніемъ—давать совѣты власти. Но такъ какъ они далеко не всегда были согласны между собою и такъ какъ факты общественной жизни, ихъ взаимная связь и вытекающія изъ нихъ слѣдствія были имъ самимъ мало извѣстны и совершенно неизвѣстны толпѣ, то на нихъ, естественно, и смотрѣли какъ на мечтателей. Отсюда—презрѣніе, которое должностныя лица питали ко всему, что только походило на какой-нибудь принципъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ политическая экономія сдѣлалась простымъ изложеніемъ законовъ, управляющихъ экономіей человѣческихъ обществъ, истинные государственные люди поняли, что изученіе ея не можетъ быть для нихъ безразлично. И вотъ, чтобы предвидѣть результаты принимаемой мѣры, они принуждены сообразоваться съ принципами этой науки, точно также какъ приходится руководствоваться законами динамики или гидравлики тому, кто хочетъ прочно построить мостъ или плотину. Когда администрація принимаетъ неправильныя мѣры, то естественно оказывается въ очень шаткомъ положеніи: ей по-неволѣ приходится отступать, когда она встрѣчаетъ на пути непреодолимые препятствія, которыхъ не сумѣла предвидѣть раньше.

Очень можетъ быть, что именно этой причинѣ слѣдуетъ приписать превратности, терзавшія Францію, въ продолженіи послѣднихъ двухъ столѣтій, т. е. какъ разъ въ то время, когда явилась для нея возможность достигнуть высшей степени благосостоянія, на которую даютъ ей право ея почва, поло-

женіе и геній народа. Подобно кораблю, плывущему безъ компаса и ландкарты, по волѣ вѣтра и прихоти лоцмановъ, неизвѣстно откуда и куда, Франція двигалась впередъ наудачу, потому что у народа не было никакого опредѣленнаго представленія о причинахъ, способствующихъ общественному благосостоянію. А знаніе этихъ причинъ, если-бы оно существовало, распространилось-бы послѣдовательно на многихъ ея правителей, которые, если-бы они даже и не были расположены дѣйствовать въ ихъ пользу, то по крайней мѣрѣ, не оказывали-бы имъ такого явнаго противодѣйствія, и тогда корабль, именуемый Франціей, не подвергался-бы такимъ крутымъ измѣненіямъ курса, отъ которыхъ ему приходилось такъ жестоко страдать.

Всякое шатаніе вызываетъ такіа гибельныя послѣдствія, что даже переходъ отъ дурной системы къ хорошей не обходится часто безъ важныхъ затрудненій. Нѣтъ сомнѣнія, что покровительственная и запретительная система сильно вредитъ успѣхамъ промышленности и развитію народнаго богатства, а между тѣмъ невозможно, не причинивъ большаго зла, сразу уничтожить учрежденія, ею порожденныя. Здѣсь требуются постепенныя мѣры, чрезвычайная сноровка, чтобы перейти безъ серіозныхъ затрудненій къ болѣе благоприятному порядку вещей,—точно также какъ путешественники, проѣзжая сѣверныя страны и отморозивши себѣ нѣкоторые члены, только постепенно отогрѣвая ихъ, могутъ возвратить имъ жизнь и здоровье.

Самые лучшіе принципы не всегда могутъ быть прижизними на практикѣ. Безусловно необходимо

прежде узнать ихъ, чтобы потомъ извлечь изъ нихъ все, что нужно. Не подлежитъ сомнѣнiю, что даже молодой народъ, который, кажется могъ-бы воспользоваться этими принципами въ полномъ объемѣ, никогда не достигаетъ сразу очень большихъ успѣховъ; но все-таки нѣкоторая степень благосостоянiя доступна для всякаго народа, если-бы онъ даже иногда и нарушалъ эти принципы. Могушественное дѣйствiе жизненной силы способствуетъ росту и благоденствию человѣческаго организма, несмотря даже на излишества юности, несчастные случаи и даже на раны, отъ которыхъ ему приходилось страдать. Въ дѣйствительности нѣтъ абсолютнаго совершенства, въѣ котораго все было-бы дурно и все вело-бы только ко злу: зло вездѣ перемежivano съ добромъ. Когда беретъ верхъ первое, общество клонится къ упадку; когда-же беретъ верхъ второе, общество идетъ болѣе или менѣе быстрыми шагами къ благосостоянiю, и тогда ничто не должно ослаблять его усилiй къ познанию и распространению добрыхъ принциповъ. Даже самый ничтожный шагъ, который общество сдѣлаетъ въ этомъ направленiи, есть уже самъ по себѣ благо и принесетъ обильные плоды.

Тутъ не слѣдуетъ унывать, въ особенности потому, что въ политической экономiи, какъ и во всякой наукѣ, на практикѣ дѣйствуютъ сильнѣе всего элементарныя свѣдѣнiя. Теорiи теплоты, рычага, наклонной плоскости отдали всю природу въ распоряженiе человѣка. Точно также теорiя обмѣна и сбыта измѣнитъ всю политику мiра. Поэтому мы должны поступать такъ, чтобы заботиться больше о распространенiи уже доказанныхъ положенiй,

чѣмъ преслѣдовать ихъ конечные выводы, чтобы заботиться не столько объ увѣщаніи зданія науки, сколько о расширеніи его основанія. Но какъ еще велика эта задача и какъ еще невѣжественны и грубы, такъ-называемые цивилизованные, народы! Проѣзжайте по всѣмъ областямъ Европы, столь гордой своимъ знаніемъ; допросите сотни, тысячи, десятки тысячъ народа и вы натолкнетесь развѣ на одного, много двухъ человѣкъ, усвоившихъ себѣ знанія, которыми такъ кичится наше время. Вы не встрѣтите при этомъ знакомства, не говорю уже съ высокими истинами науки—въ этомъ не было-бы ничего удивительнаго,—но даже и съ самыми простыми элементарными свѣдѣніями, наиболѣе примѣнимыми къ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. А на сколько еще рѣже встрѣчаются условія, необходимыя для того, чтобы учиться. Какъ мало еще людей, способныхъ наблюдать то, что ежедневно происходитъ передъ ихъ глазами, и умѣющихъ сомнѣваться въ томъ, чего не знаютъ!

Какъ-бы то ни было, а надо выждать время. Какъ теплота только постепенно проникаетъ въ массу значительныхъ тѣлъ, послѣдовательно захватывая всѣ ея отдѣльныя частицы, такъ и просвѣщеніе постепенно распространяется между людьми, пока не охватитъ всей массы, которая зовется народомъ. Ничто не можетъ замѣнить дѣйствія времени — вліяніе его всегда непреложно. Если намъ кажется, что оно дѣйствуетъ медленно, то потому только, что жизнь наша сравнительно слишкомъ коротка; но оно дѣйствуетъ очень быстро, если смотрѣть на жизнь народовъ.

Физика Ньютона, единодушно отвергнутая во

Франціи не болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, теперь преподается во всѣхъ нашихъ школахъ. Придетъ, наконецъ, время, когда увидятъ, что есть науки еще болѣе важныя чѣмъ физика, если измѣрять степень этой важности тѣмъ непосредственнымъ вліяніемъ, какое онѣ имѣютъ на судьбу людей.

Въ настоящее время политическая экономія преподается вездѣ, гдѣ хоть сколько-нибудь понимается важность знанія. Она и прежде читалась въ германскихъ, шотландскихъ и итальянскихъ университетахъ, но при новыхъ условіяхъ изученіе ея пойдетъ еще усиѣннѣе и она станетъ на ряду съ самыми положительными науками. Въ то время какъ оксфордскій университетъ еще упорно держится своихъ старыхъ заблужденій, въ Лондонѣ открываютъ новый университетъ *), въ которомъ однако, будутъ преподаваться только обычныя науки, какъ-бы для того, чтобы выставить всю несообразность учреждений, въ которыхъ, въ эпоху самыхъ поразительныхъ успѣховъ человѣческаго разума, преподается то-же, что преподавалось еще три вѣка тому назадъ. Частные курсы политической экономіи читаются во многихъ городахъ, въ томъ числѣ въ Женевѣ. Французское правительство, къ чести своей, постановило учредить кафедру политической экономіи въ юридической школѣ въ Парижѣ, а что особенно важно — наши молодые публицисты стремятся завершить свое образование изученіемъ наукъ, раскрывающихъ имъ механизмъ человѣческихъ обществъ. Нельзя не удивляться ихъ успѣхамъ, когда сравнишь боль-

*) Это написано въ 1826 году.

шинство периодическихъ изданій нашего времени, а также отдѣльныя сочиненія по политикѣ, исторіи, философій, торговлѣ и искусствамъ съ тѣмъ, что было писано по этой части не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Тѣ изъ этихъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ полное незнаніе ихъ авторами основныхъ началъ политической экономіи, ни на минуту не останавливаютъ на себѣ вниманія публики. Когда молодые люди, сидящіе теперь на школьной скамьѣ, разойдутся по всѣмъ классамъ общества и достигнутъ высокихъ должностей въ управленіи, общественныя дѣла пойдутъ гораздо лучше, чѣмъ они шли до сихъ поръ. Какъ правители, такъ и управляемые будутъ руководствоваться одинаковыми принципами, что поведетъ, конечно, къ ослабленію притѣсненій, съ одной стороны, и къ большому довѣрію, съ другой. Но что всего болѣе способствовало успѣхамъ политической экономіи, это — важныя условія, въ которыхъ цивилизованный міръ оказался въ послѣдніе 40 лѣтъ. Расходы правительствъ возрасли до неимоверныхъ размѣровъ; призывы, съ которыми правительства принуждены были обращаться къ своимъ подданнымъ, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, обнаружили всю серьезность положенія; почти вездѣ требовалось, если не постановлялось, содѣйствіе всего общества или, по крайней мѣрѣ, нѣчто въ этомъ родѣ. Когда громадные налоги, взимаемые съ населенія подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами, оказались недостаточными, пришлось обратиться къ кредиту, а для этого необходимо было раскрыть передъ обществомъ какъ нужды, такъ и наличныя средства государства. Публичность отчетности, необходимость разъяснять

публикѣ распоряженія администраціи, произвели въ политикѣ такую нравственную революцію, которую уже нельзя остановить.

Въ то-же время великіе общественные перевороты, великія бѣдствія явили собою и великія испытанія. Злоупотребленія бумажными деньгами, торговые запрещенія и пр. дали возможность познать послѣднія слѣдствія почти всѣхъ крайностей. Внезапное разрушеніе самыхъ солидныхъ устоевъ, колоссальныя вторженія непріятеля, крушеніе однихъ правительствъ и образованіе другихъ, возникновеніе на другомъ полушаріи новыхъ государствъ, освобожденіе колоній, извѣстный общій подъемъ духа, столь благопріятный для развитія всѣхъ человѣческихъ способностей, свѣтлая надежда и великія разочарованія,—все это значительно расширило кругъ нашихъ идей сначала въ людяхъ умѣющихъ и наблюдать и разсуждать, а потомъ и во всѣхъ остальныхъ.

Вотъ какъ надежды идутъ рука объ руку съ встрѣчающимися препятствіями;—вотъ какъ толчокъ, получаемый человѣчествомъ въ его стремленіи къ лучшему будущему, никогда не остается безъ результатовъ.

II.

Что такое производство.

Люди пользуются известными благами, которые природа доставляет им даромъ, какъ напр., воздухомъ, водой, свѣтомъ солнца; но это не тѣ блага, которые обыкновенно принято называть *богатствомъ*. Это названіе дается только тѣмъ предметамъ, которые имѣютъ собственную, имъ присущую цѣнность и которые сдѣлались исключительной собственностью своихъ владѣльцевъ, какъ напр. земли, металлы, монеты, хлѣбъ, ткани и вообще товары всякаго рода. Если-же это названіе дается также процентнымъ бумагамъ, векселямъ и т. п., то это, очевидно, лишь потому, что они представляютъ собою обязательства, по которымъ владѣльцы ихъ могутъ получить вещи, имѣющія цѣнность сами по себѣ. Богатство всегда пропорціонально этой цѣнности: оно велико, если велика сумма составляющихъ его цѣнностей; оно мало, если мала сумма входящихъ въ его составъ цѣнностей.

По общепринятому пониманію, богатыми людьми называютъ тѣхъ, кто обладаетъ большимъ количествомъ этихъ благъ, имѣющихъ определенную цѣнность. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы изучить, какъ образуются, распределяются и потребляются богатства, то этимъ-же именемъ называются всѣ

предметы, заслуживающіе его, независимо отъ того, много-ли ихъ, или мало, точно также, какъ зерно называется какъ отдѣльное зерно, такъ и мѣшокъ этого товара.

Цѣнность каждаго предмета, пока она не установлена, совершенно произвольна и неопредѣленна. Владѣлецъ его можетъ цѣнить ее очень высоко, но отъ этого онъ не будетъ богаче. Но съ того момента, какъ другія лица, желающія пріобрѣсти данный предметъ, соглашаются дать за него въ обмѣнъ другіе предметы, въ свою очередь имѣющіе цѣнность, количество этихъ послѣднихъ предметовъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ, является мѣриломъ цѣнности даннаго предмета, такъ какъ за него могутъ дать тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ стоитъ самъ по себѣ.

Къ числу предметовъ, которые могутъ быть отдаваемы въ обмѣнъ на предметъ, который желаютъ пріобрѣсти, относится *монета*. Количество монеты, которое владѣлецъ ея соглашается дать въ обмѣнъ за пріобрѣтаемый предметъ, называется его *цѣною*: это—его *рыночная цѣна* въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, если владѣлецъ предмета увѣренъ, что получить ее въ случаѣ, если захочетъ отдѣлаться отъ этого предмета.

Знаніе истинной природы богатства, какъ оно сейчасъ объяснено, знаніе всѣхъ трудностей, которыя приходится преодолевать для его пріобрѣтенія, знаніе того, какъ оно распределяется въ обществѣ, какъ можно пользоваться имъ, а также всѣхъ послѣдствій этихъ разнообразныхъ факторовъ,—составляетъ науку, которую принято теперь называть *политической экономіей*.

Цѣнность, которую человекъ придаетъ какому-нибудь предмету, имѣетъ свое первое основаніе въ томъ употребленіи, какое онъ можетъ изъ него сдѣлать. Одни предметы служатъ намъ пищей, другіе—одеждой, третьи защищаютъ насъ отъ суровыхъ вліяній климата, какъ напр. наши дома, четвертые, какъ напр. украшенія, обстановка этихъ домовъ, удовлетворяютъ вкусу, составляющему также своего рода потребность. Всегда-же несомнѣнно то, что, если люди признаютъ за предметомъ опредѣленную цѣнность, то лишь въ отношеніи его употребленія: что ни на что не годится, тому и не даютъ никакой цѣны.

Эта способность извѣстныхъ предметовъ удовлетворять разнымъ потребностямъ человека я позволяю себѣ назвать *полезностью* (потребительной цѣнностью).

Я скажу такъ: производить предметы, имѣющіе какую-нибудь полезность, значить — производить богатство, такъ какъ полезность предметовъ составляетъ первое основаніе ихъ цѣнности, а цѣнность есть богатство.

Но создавать предметы нельзя: масса матеріаловъ, изъ которыхъ состоитъ міръ, не можетъ быть ни уменьшена, ни увеличена. Все, что мы можемъ сдѣлать, это—воспроизводить эти матеріалы въ той формѣ, въ которой они становятся пригодны для нашего употребленія и которой они раньше не имѣли, или въ той формѣ, въ которой можетъ увеличиться ихъ полезность. Слѣдовательно, тутъ есть созданіе, но не матеріи, а полезности, и такъ какъ эта полезность сообщаетъ предметамъ цѣнность, то является *производство богатства*.

Вотъ въ какомъ смыслѣ надо понимать слово *производство* въ политической экономіи, и въ какомъ оно будетъ употребляться въ этомъ сочиненіи. Производство не создаетъ матеріи, но создаетъ полезность. Оно не можетъ быть измѣряемо ни въ длину, ни въ объемѣ, ни въ вѣсѣ продукта, но только соотвѣтственно полезности, сообщенной предмету.

Но изъ того, что цѣна предмета есть мѣрило его цѣнности, а цѣнность есть мѣрило его полезности, не слѣдуетъ выводить того нелѣпаго заключенія, будто искусственнымъ возвышеніемъ цѣны предметовъ можно увеличить ихъ полезность. Мѣновая цѣнность, или цѣна предмета, служитъ только вѣрнымъ указателемъ полезности, которую люди признаютъ въ предметѣ, если только происходящій между ними обмѣнъ предметовъ не нарушается никакимъ для ихъ полезности стороннимъ вліяніемъ, подобно тому, какъ барометръ показываетъ давленіе атмосферы лишь по столько, по сколько никакое стороннее вліяніе не нарушаетъ производимаго на него вліянія атмосферы.

III. —

Операции, общія всемъ отраслямъ промышленности.

Наблюдая разнообразныя отрасли человеческой промышленности, мы видимъ, что каковы-бы ни были предметы, къ которымъ онѣ относятся, всё онѣ состоятъ изъ трехъ различныхъ операций.

Чтобы получить какой-нибудь продуктъ, прежде всего необходимо изучить движеніе и законы природы, относящіеся къ этому продукту. Какъ-бы мы сработали какой-нибудь замокъ, если-бы сначала не познакомились со свойствами желѣза и со средствами, какими могли-бы извлечь его изъ рудника, очистить, размягчить и дать ему ту или другую форму?

Потомъ пришлось-бы приложить эти знанія къ полезному дѣлу, подумать надъ тѣмъ, какъ, обрабатывая извѣстнымъ образомъ желѣзо, получить такой предметъ, который имѣлъ-бы извѣстную цѣнность.

Наконецъ, пришлось-бы употребить тотъ ручной трудъ, который указанъ двумя предыдущими операциями, т. е. выковать и спаять различныя части, изъ которыхъ состоитъ замокъ.

Рѣдко бываетъ, чтобы всё эти три операции исполнялись однимъ и тѣмъ-же лицомъ.

Чаще-же всего одинъ изучаетъ движеніе и законы природы. Это—*ученый*.

Другой, пользуясь его знаніями, создаетъ полезные продукты. Это — земледѣлецъ, мануфактуристъ или торговецъ, или, чтобы всѣхъ такихъ лицъ назвать однимъ именемъ, это — *предприниматель*, т. е. лицо, которое берется на свой счетъ и рискъ и въ свою пользу произвести какой-нибудь продуктъ.

Третій, наконецъ, работаетъ по указанію двухъ первыхъ. Это — *рабочій*.

Разсмотрите послѣдовательно всѣ продукты и вы увидите, что всѣ они не могли-бы существовать иначе какъ вслѣдствіе этихъ трехъ названныхъ операций.

Вотъ идетъ дѣло о мѣшкѣ хлѣба или бочкѣ вина. Прежде всего необходимо было, чтобы натуралистъ или агрономъ знали напередъ путь, которому слѣдуетъ природа въ производствѣ хлѣба или винограда, время и почву, благоприятныя для посѣва или посадки этихъ растений, а также какія заботы надо употребить на то, чтобы они благополучно созрѣли. Фермеръ или землевладѣлецъ приложили эти знанія каждый въ своемъ частномъ дѣлѣ, употребили всѣ способы къ тому, чтобы вынестъ изъ земли полезный продуктъ, и устранили всѣ препятствія, какія могли встрѣтиться имъ. Наконецъ, рабочій вспахалъ землю, засѣялъ ее, подрѣзалъ и подвязалъ виноградныя лозы. Эти три рода операций были необходимы для того, чтобы окончательно произвести хлѣбъ или вино.

А вотъ примѣръ изъ виѣшней торговли. Возьмемъ индиго. Географъ, путешественникъ, астрономъ, благодаря своимъ знаніямъ, указываютъ намъ страну, въ которой добывается этотъ продуктъ, и

научаютъ насъ какъ переплыть моря. Коммерсантъ снаряжаетъ суда и отправляетъ ихъ за товаромъ. Матросъ, возчикъ, работаютъ механически при этомъ производствѣ.

Если разсматривать индиго только какъ сырой матеріалъ для другого продукта, напримѣръ, для синяго сукна, то увидимъ, что химикъ раскрылъ свойство этой краски, способы какъ распускать ее, закрѣплять на шерстяной ткани; мануфактуристъ употребилъ въ дѣло все средства, чтобы произвести эту окраску, а рабочій работалъ, повинаясь ихъ указаніямъ.

Повсюду промышленность состоитъ изъ теоріи, ея примѣненія и исполненія. Только нація, отличающаяся въ этихъ троякаго рода операціяхъ, можетъ быть названа вполнѣ промышленною націей. Если она не искусна въ той или другой изъ этихъ операцій, то она не можетъ произвести продуктовъ, являющихся результатомъ всѣхъ трехъ операцій. Уже изъ этого одного можно видѣть пользу наукъ, которыя на первый взглядъ, какъ будто удовлетворяютъ только праздному любопытству.

Негры на африканскомъ побережьи отличаются большою ловкостью: они очень искусны во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ и ручномъ трудѣ, но они представляются мало способными въ двухъ первыхъ операціяхъ промышленности. А потому имъ поневолѣ приходится покупать у европейцевъ ткани, оружіе, украшенія, въ которыхъ нуждаются. Страна ихъ такъ мало производительна, несмотря на свое естественное плодородіе, что суда, ходившія къ нимъ за покупкой невольниковъ, не находили тамъ даже достаточно припасовъ, чтобы прокормиться

во время пути и принуждены были запастись ими заранее.

Современные народы, болѣе чѣмъ древніе, и европейцы, болѣе чѣмъ остальные обитатели земного шара, обладали свойствами, благоприятными для промышленности. Самый ничтожный обыватель любого изъ нашихъ городов пользуется множествомъ такихъ жизненныхъ удобствъ, въ которыхъ принужденъ отказывать себѣ повелитель дикарей. Достаточно назвать только стекло, которое, пропускающая свѣтъ въ жилище и въ то же время защищая его отъ измѣнчивостей климата,—одно ужъ стекло представляеть собою удивительный результатъ наблюдений, знаній и усовершенствованій въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Надо было узнать прежде, изъ какой сорты песка способенъ превращаться въ тягучее, крѣпкое и прозрачное вещество; при помощи какихъ смѣсей и при какой степени жара можно выдѣлать этотъ предметъ. Надо было узнать также, какую наилучшую форму придать плавильнымъ горнамъ. Одна рама, къ которой прикрѣпляется стекло, есть результатъ тщательнаго изученія крѣпости дерева и способовъ употребленія его на это дѣло.

Но однихъ знаній было недостаточно. Они могли существовать только въ памяти нѣсколькихъ лицъ или въ книгахъ. Требовалось, чтобы явилось лицо, вооруженное способами приложить ихъ къ дѣлу. Такой мануфактуристъ началъ съ того, что сталъ изучать все, что было извѣстно по этой отрасли промышленности, онъ собралъ капиталы, созвалъ строителей, рабочихъ и каждому изъ нихъ отвелъ особое дѣло.

Наконецъ, искусство рабочихъ, изъ которыхъ одни построили зданіе и плавильни, другіе поддерживали огонь, составляли смѣси, выдували стекло, рѣзали его, распиливали, прилаживали, вставляли и т. д., — это искусство, говорю я, довершило работу. И вотъ получился продуктъ, польза и красота котораго превосходятъ все, что только могли себѣ представить люди, незнакомые еще съ этимъ удивительнымъ даромъ человѣческой промышленности.

Благодаря промышленности, самыя негодныя вещества сдѣлались въ высшей степени полезными. Тряпки, ни на что непригодные отбросы хозяйства превратились въ легкіе, бѣлые листы, переносящіе на край свѣта заказы торговли и знакомство съ приемами искусства. Являясь носителями изобрѣтеній человѣческаго гения, эти листы передаютъ намъ опыты вѣковъ. Они хранятъ наши права на собственность; мы ввѣряемъ имъ самыя благородныя и самыя нѣжныя движенія нашего сердца и, благодаря имъ, пробуждаемъ такіе-же чувства и въ душѣ намъ подобныхъ. Бумага, облегчая намъ до невѣроятной степени сношенія между людьми, можетъ быть отнесена къ числу такихъ продуктовъ, которые наиболѣе улучшили судьбу человѣчества. А насколько счастливѣе была бы эта судьба, если бы такое могущественное средство просвѣщенія не становилось иногда проводникомъ лжи и орудіемъ тиранніи.

Необходимо замѣтить, что знанія ученаго, столь необходимыя для развитія промышленности, довольно легко передаются отъ одного народа къ другому. Ученые сами заинтересованы въ ихъ ра-

сиространеній: они увеличиваютъ ихъ личное благосостояніе и упрочиваютъ ихъ репутацію, которая для нихъ бываетъ дороже богатства. Слѣдовательно, народъ, въ которомъ науки еще мало развиты, можетъ однако дать широкое развитіе своей промышленности, пользуясь свѣтомъ науки отъ другихъ народовъ. Не такъ бываетъ съ умѣньемъ прилагать знанія къ потребностямъ человѣка и таланты къ практикѣ. Эти способности бываютъ полезны только тѣмъ, которые ими обладаютъ: поэтому страна, гдѣ много купцовъ, мануфактуристовъ и опытныхъ земледѣльцевъ, имѣетъ болѣе средствъ къ благосостоянію, чѣмъ другая страна, отличающаяся преимущественно развитіемъ умственной дѣятельности. Въ эпоху возрожденія въ Италіи науки были въ Болоньѣ, а богатства—во Флоренці, Генуѣ и Венеціи.

Современная Англія обязана своими несмѣтными богатствами не столько своимъ ученымъ, хотя она насчитываетъ у себя многихъ весьма выдающихся дѣятелей этого рода, сколько замѣчательному таланту своихъ предпринимателей въ практическомъ дѣлѣ производства и рабочихъ, умѣющихъ хорошо и быстро исполнять работу. Національная гордость, въ которой упрекаютъ англичанъ, не мѣшаетъ имъ быть самой укладистой націей, когда надо приладиться къ потребностямъ потребителей: они снабжаютъ шляпами и сѣверъ и югъ, потому что умѣютъ дѣлать ихъ легкими для юга и теплыми для сѣвера. Нація-же, умѣющая изготовлять шляпы только по одному образцу, продаетъ ихъ только дома.

Англійскій рабочій восполняетъ предпринимателя;

вообще онъ трудолюбивъ и терпѣливъ; онъ не любитъ выпускать изъ рукъ предметъ своего труда, до тѣхъ поръ пока не придастъ ему со всею точностью того совершенства, какое требуется. Онъ не употребляетъ на это больше времени, но онъ прилагаетъ гораздо больше вниманія, заботливости, прилежанія, чѣмъ большинство рабочихъ въ другихъ странахъ.

Впрочемъ, нѣтъ ни одного народа, который долженъ-бы отчаяваться, что не можетъ приобрести способностей, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлаться вполне промышленнымъ народомъ. Не болѣе полутораго вѣка тому назадъ сама Англія была еще такъ мало развита въ промышленномъ отношеніи, что получала изъ Бельгіи почти всѣ свои ткани, и не прошло еще восьмидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Германія снабжала мелкими металлическими издѣліями страну, которая теперь снабжаетъ ими весь міръ.

Я сказать, что земледѣлецъ, мануфактуристъ и купецъ пользуются приобретенными знаніями и примѣняютъ ихъ къ потребностямъ людей; но чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать на этомъ поприщѣ, имъ необходимы еще другія знанія, которыя они могутъ приобрести только на практикѣ производства и которыя можно назвать положительными знаніями ихъ профессій. Если-бы самый свѣдущій натуралистъ вздумалъ самъ заняться удобреніемъ своихъ полей, то имѣлъ-бы, вѣроятно, меньше успѣха, чѣмъ его фермеръ, хотя и понимаетъ это дѣло гораздо лучше его. Самый опытный механикъ, хорошо знакомый съ механизмомъ прядильныхъ машинъ, вытянулъ-бы, вѣроятно, очень плохую нитку, если-бы не нау-

чился хорошенько этому дѣлу на практикѣ. Въ искусствахъ есть всегда извѣстная степень совершенства, которая достигается опытомъ и послѣдовательнымъ рядомъ попытокъ, изъ которыхъ одиѣ удаются, а другія нѣтъ. Итакъ, однихъ знаній не достаточно для успѣха искусства: тутъ необходимъ еще опытъ, болѣе или менѣе рискованный, успѣхъ котораго не всегда окунаетъ то, чего онъ стоитъ. Если такой опытъ удастся, то конкуренція не замедлитъ умалить барыши предпринимателя, а общество сдѣлается обладателемъ новаго продукта, или—что тоже самое, воспользуется пониженіемъ цѣны прежняго продукта.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, опыты, кромѣ труда и капиталовъ, на нихъ посвящаемыхъ, стоятъ обыкновенно еще и поземельной ренты въ теченіе одного или болѣе лѣтъ, когда они производятся.

Въ мануфактурной промышленности производство опытовъ основывается на болѣе вѣрныхъ расчетахъ, не такъ долго занимаетъ капиталы и, въ случаѣ удачи, доставляетъ предпринимателю болѣе продолжительное и исключительное пользованіе добытымъ успѣхомъ, такъ какъ употребленные ими при этомъ приемы бываютъ менѣе замѣтны, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ право исключительнаго пользованія новымъ изобрѣтеніемъ гарантируется особыми привилегіями. Во всякомъ случаѣ успѣхи въ мануфактурной промышленности совершаются вообще гораздо быстрѣе и бываютъ гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ земледѣліи.

Въ торговой промышленности, еще болѣе чѣмъ въ другихъ, опыты бываютъ очень рискованными,

если необходимые для этого расходы не имѣли въ тоже время какого-нибудь другого назначенія. Если негоціантъ дѣлаетъ опытъ перевезти какой-нибудь продуктъ, извѣстный въ одной странѣ, въ другую, гдѣ онъ былъ неизвѣстенъ, то лишь тогда, когда коммерческое предпріятіе его стоитъ на твердомъ основаніи. Такъ голландцы, когда вели торговлю съ Китаемъ, около половины семнадцатаго столѣтія сдѣлали попытку, не рассчитывая на большой успѣхъ, — привезти оттуда новый продуктъ, въ видѣ мелкихъ высушенныхъ листьевъ, изъ которыхъ китайцы дѣлали напитокъ, бывшій у нихъ въ большемъ употребленіи. И вотъ возникла торговля чаемъ, котораго ежегодно ввозится въ Европу болѣе 45 милліоновъ фунтовъ, продающихся болѣе, чѣмъ на 300 милл. *).

Помимо совершенно исключительныхъ случаевъ благоразуміе требуетъ, можетъ быть, чтобы на производство промышленныхъ опытовъ употреблялись не капиталы, назначенные на вполнѣ прочное производство, а только доходы, которые каждый можетъ, безъ ущерба своему благосостоянію, тратить, какъ ему вздумается. Такія прихоти, направляющія къ полезной цѣли и доходы, и досугъ, которыми такъ много людей пользуются для своихъ удовольствій, а иногда и для чего-нибудь хуже — во всякомъ случаѣ похвальны. Я не думаю, чтобы можно было найти болѣе благородное употребленіе богатства и личныхъ талантовъ. Какой-нибудь богачъ и филантропъ можетъ этимъ обогатить

*) Эти цифры не имѣютъ теперь, конечно, никакого серьезнаго значенія.

классъ промышленниковъ и потребителей, т. е. весь міръ, такими продуктами, которые во много разъ превосходятъ цѣнность того, что онъ даетъ, и даже цѣнность всего его богатства, какъ-бы оно ни было велико. Попробуйте, если это возможно, подсчитать, чего стоить человѣчеству неизвѣстный изобрѣтатель плуга!

IV.

Употребленіе машинъ.

Съ какой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на машины, начиная съ самаго простаго орудія и кончая самымъ сложнымъ, начиная съ подпалка и кончая самымъ обширнымъ аппаратомъ? Орудія суть только простыя машины, а машины—только сложныя орудія, которыми мы пользуемся для увеличенія силы нашихъ рукъ; и тѣ, и другія во многихъ отношеніяхъ являются лишь средствами для того, чтобы воспользоваться естественными силами природы. Результатъ ихъ, очевидно, долженъ состоять въ томъ, чтобы съ меньшимъ трудомъ получить тоже количество полезностей или, — что то-же самое — получить больше полезностей при томъ-же количествѣ труда. Орудія и машины расширяютъ власть человѣка; они заставляютъ физическія тѣла и силы служить человѣческому разуму: въ употребленіи ихъ заключается наибольшій прогрессъ промышленности.

Но введеніе чего-бы то ни было новаго, даже самаго драгоценнаго, всегда сопровождается какими-нибудь неудобствами; всегда чьи-нибудь интересы связаны съ сохраненіемъ прежнихъ, худшихъ приемовъ и нарушаются введеніемъ новыхъ,

болѣе усовершенствованныхъ приѣмовъ. Всякій разъ, какъ новая машина или, вообще, какой-нибудь новый приѣмъ замѣняютъ собою дѣйствовавшій до тѣхъ поръ человѣческій трудъ, часть рабочихъ вытѣсняется и на время остается безъ работы. Изъ этого выводили довольно важныя доказательства противъ употребленія машинъ, а во многихъ мѣстахъ введеніе ихъ было приостанавливалось яростію толпы и даже распоряженіями администраціи. Тѣмъ не менѣе было-бы безуміемъ отталкивать отъ себя такія усовершенствованія, которыя навсегда могутъ быть благодѣтельны для человѣчества, изъ-за того только, что они на первыхъ порахъ представляютъ какія-нибудь неудобства. Притомъ эти неудобства обыкновенно смягчаются еще разными обстоятельствами, которыя всегда надо принимать въ соображеніе.

1. Введеніе и распространеніе новыхъ машинъ совершается вообще очень медленно, такъ что рабочіе, интересы которыхъ могутъ пострадать при этомъ, всегда имѣютъ достаточно времени принять свои мѣры предосторожности, а администрація — приготовить средства къ устраненію этихъ невыгодъ.

2. Нельзя ввести никакихъ машинъ безъ того, чтобы не употребить много предварительнаго труда, который можетъ доставить занятіе людямъ трудолюбивымъ и лишившимся временно, благодаря машинамъ, работы. Когда вводится, напримѣръ, гидравлическая машина, вытѣсняющая собою въ большомъ городѣ трудъ водолазовъ, то приходится, хотя-бы на нѣкоторое время, дать работу такимъ рабочимъ, какъ плотники, каменщики, кузнецы, земле-

коны для постройки зданій, прокладки трубъ, побочных вѣтвей и т. п.

3. Положеніе потребителей, а слѣдовательно и рабочаго класса, который страдаетъ, улучшается вслѣдствіе удешевленія того самаго продукта, надъ которымъ онъ работаетъ.

Сверхъ того, всякое стараніе воспрепятствовать введенію машины, въ виду могущихъ оказаться при ея изобрѣтеніи временныхъ неудобствъ, было-бы совершенно напраснымъ. Если машина выгодна, то она все равно гдѣ-нибудь да будетъ введена, продукты ея будутъ дешевле тѣхъ продуктовъ, которые ваши рабочіе будутъ производить самымъ трудолюбивымъ образомъ, и рано или поздно дешевизна этихъ продуктовъ отобьетъ отъ рабочихъ и потребителей и работу.

Если-бы ручные прядильщики хлопка, которые въ 1789 г. разбили прядильныя машины, введенныя-было въ Нормандіи, продолжали дѣйствовать въ томъ-же направленіи, то намъ пришлось-бы всеѣмъ отказаться отъ хлопчато-бумажнаго производства; все хлопчато-бумажные товары привозились-бы къ намъ изъ-за границы, или были-бы замѣнены другими. Тогда нормандскіе прядильщики, которые все-таки кончили тѣмъ, что поступили большею частью на крупныя мануфактуры, еще сильнѣе пострадали-бы отъ недостатка работы.

Вотъ каковы бываютъ ближайшіе результаты введенія новыхъ машинъ. Что-же касается до послѣдствій болѣе отдаленныхъ, то они все — въ пользу машинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ при помощи машинъ завоевываетъ природу и заставляетъ рабо-

тать на себя ея естественныя силы и разные естественныя факторы, то выгода здѣсь очевидна: тутъ всегда оказывается или увеличеніе продукта или уменьшеніе издержекъ производства. Если продажная цѣна продукта не падаетъ, то это завоеваніе приходится въ пользу производителя и въ то-же время ничего не стѣитъ потребителю. Если цѣна понизится, то потребитель получаетъ выгоду на всю сумму этого пониженія, причемъ производитель не несетъ никакого убытка.

Обыкновенно умноженіе продукта вызываетъ паденіе цѣны на него: дешевизна способствуетъ большому распространенію его, и производство его, хотя и стало гораздо быстрее, не замедлитъ занять большее число рабочихъ чѣмъ прежде. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что хлопчато-бумажное производство занимаетъ теперь въ Англіи, во Франціи и Германіи гораздо больше рукъ, чѣмъ до введенія машинъ, такъ значительно сократившихъ и улучшившихъ этотъ трудъ.

Довольно поразительный примѣръ того-же рода представляетъ машина, служащая къ быстрому снятію копій съ одной и той-же рукописи—я говорю о книгопечатаніи.

Оставляя здѣсь въ сторонѣ вліяніе, какое вообще имѣло книгопечатаніе на усовершенствованіе человѣческихъ знаній и цивилизацію, я посмотрю на него просто какъ на мануфактуру и на ея значеніе въ экономическомъ отношеніи. Въ моментъ введенія книгопечатанія множество переписчиковъ остались безъ работы, ибо можно съ увѣренностью сказать, что одинъ наборщикъ типографіи замѣнилъ собою двѣсти переписчиковъ. Слѣдова-

тельно, можно утверждать, что сто девяносто девять рабочихъ изъ двухсотъ остались безъ работы. И что-же? Легкость, съ которою печатныя книги читаются въ сравненіи съ рукописями, дешевизна, до которой дошли печатныя книги, несравненно большее число сочиненій, которыя стали издавать писатели вслѣдствіе толчка, даннаго этимъ изобрѣтеніемъ—всѣ эти причины повели къ тому, что по прошествіи очень короткаго времени рабочихъ-типографчиковъ оказалось гораздо болѣе, чѣмъ сколько было прежде переписчиковъ. И если-бы теперь можно было точно высчитать не только число рабочихъ въ типографіяхъ, но и число всѣхъ лицъ, которымъ они даютъ работу, граверовъ, рѣпчиковъ, литейщиковъ, возчиковъ, бумажныхъ фабрикантовъ, корректоровъ, переплетчиковъ, книгопродавцевъ, то оказалось-бы, можетъ быть, что число лицъ, занятыхъ теперь фабрикаціей книгъ, въ сто разъ больше того числа, которое было занято до изобрѣтенія книгопечатанія.

Да позволено мнѣ будетъ прибавить здѣсь, что если сравнивать вообще употребленіе рабочихъ рукъ съ употребленіемъ машинъ и при этомъ сдѣлать крайнее предположеніе—что когда нибудь машины замѣнятъ собою почти весь ручной трудъ, то увидишь, что число людей не уменьшится, потому что не уменьшится и сумма производствъ. Кромѣ того на землѣ будетъ, можетъ быть, меньше страданій въ средѣ нуждающагося рабочаго класса, потому что тогда при тѣхъ потрясеніяхъ, которыя по временамъ придется переносить разнымъ отраслямъ промышленности, будутъ оставаться безъ работы не люди, а главнымъ образомъ машины,

т. е. капиталы; машины-же не умрут съ голоду—они только перестанутъ приносить доходъ своимъ предпринимателямъ, которые вообще стоятъ отъ нужды дальше, чѣмъ простые рабочіе.

Но какъ-бы ни были велики выгоды, которыя въ концѣ-концовъ приносятъ употребленіе всякой новой машины не только одному классу предпринимателей, но и рабочимъ, а самую большую выгоду извлекаютъ изъ нея все-таки потребители. Они составляютъ всегда самый важный классъ общества, потому что онъ—самый многочисленный, потому что въ составъ его входятъ производители всякаго рода и потому что благополучіе этого класса составляетъ и общее благосостояніе, процвѣтаніе всей страны *). Я говорю, что главную выгоду извлекаютъ изъ машинъ потребители: если изобрѣтатели исключительно пользуются, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, плодами своего открытія, то въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго: съ другой стороны, не было примѣра, чтобы долго хранилась какая-нибудь тайна изобрѣтенія. Въ концѣ-концовъ все становится извѣстнымъ, въ особенности-же то, что старается раскрыть личный интересъ человѣка и что ввѣрено скромности многихъ

*) Можетъ показаться парадоксальнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что рабочий классъ больше всѣхъ другихъ заинтересованъ въ техническомъ успѣхѣ производствъ, сберегающихъ ручной трудъ, ибо именно этотъ классъ, наиболѣе нуждающійся, извлекать наибольшую пользу изъ дешевизны товаровъ и наиболѣе страдаетъ отъ дороговизны. Если-бы съ сихъ поръ не умѣли превращать зерна въ жукъ иначе какъ ручнымъ трудомъ, то рабочему было-бы гораздо труднѣе приобретать хлѣбъ по доступной ему цѣнѣ, а если-бы не были изобрѣтены вязальные машины, то онъ не носилъ-бы чулокъ.

лицъ, строившихъ машину и пользующихся ея услугами. Кромѣ того, какъ только раскрыта тайна изобрѣтенія, является конкуренція, которая понижаетъ цѣнность продукта на всю сумму сбереженныхъ издержекъ производства, и съ этого-то момента начинается выгода потребителя. Размоль хлѣба, вѣроятно, не доставляетъ теперь мельникамъ больше дохода, чѣмъ въ прежнее время, но онъ обходится гораздо дешевле потребителямъ.

Дешевизна не составляетъ однако единственной выгоды, которую введеніе улучшенныхъ приѣмовъ производства доставляетъ потребителямъ: они выигрываютъ вообще и въ болѣе совершенной обработкѣ продуктовъ. Правда, художники могли-бы отъ руки исполнять рисунки, украшающіе наши набивныя матеріи, наши обои, но печатныя доски и валики, которые употребляются для этого, сообщаютъ рисунку такую правильность, а краскамъ такую ровность, которыхъ не могъ-бы достигнуть самый искусный художникъ.

Если постепенно разсмотрѣть все промышленныя искусства, то увидишь, что большая часть машинъ не ограничиваются только тѣмъ, что просто помогаютъ человѣческому труду, а создаютъ какъ-бы совершенно новые продукты тѣмъ, что совершенствуютъ ихъ. Коромысло, плющильная машина производятъ такіе продукты, которыхъ искусство и старанія самаго искуснаго рабочаго никогда не могли-бы произвести безъ этихъ машинъ.

Наконецъ, машины дѣлаютъ еще больше: онѣ увеличиваютъ количество даже такихъ предметовъ, въ производствѣ которыхъ сами не участвуютъ. Не повѣрять, можетъ быть, если не вдуматься хоро-

шенько въ дѣло, что соха, борона и подобныя орудія, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ вѣремъ, могущественно содѣйствовали пріобрѣтенію человѣкомъ многихъ предметовъ не только жизненной необходимости, но и такихъ предметовъ прихоти, которыми онъ теперь пользуется и о которыхъ, безъ этихъ орудій, онъ не имѣлъ-бы, вѣроятно, ни малѣйшаго представленія. Однако, если-бы для разныхъ способовъ обработки почвы пришлось пользоваться однимъ только заступомъ, мотыкою и другими столь-же малосовершенными орудіями; если-бы нельзя было пользоваться для этихъ работъ животными, которыя, съ точки зрѣнія политической экономіи, представляются своего рода машинами, то пришлось-бы, вѣроятно, для полученія сѣстныхъ припасовъ, сохраняющихъ жизнь теперешняго населенія, употребить въ дѣло безъ исключенія всѣ рабочія руки, которыя теперь заняты въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Итакъ, плугъ далъ возможность извѣстному числу рабочихъ посвятить себя другимъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ занятіямъ, а что еще важнѣе — развитію умственныхъ способностей.

Древніе не знали мельницъ: въ ихъ время люди собственными руками растирали зерно, изъ котораго приготовлялся хлѣбъ. Говорятъ, что сила паденія воды, приводящей въ движеніе мельницу, равна силѣ ста-пятидесяти человѣкъ. Стало-быть, сто-пятьдесятъ человѣкъ, которыхъ древніе принуждены были употреблять больше чѣмъ мы, взаимѣнъ голько одной изъ такихъ мельницъ, могутъ свободно существовать въ наши дни, какъ они существовали и прежде, потому что мельница не

уменьшила количества предметовъ, обращающихся въ обществѣ, а въ тоже время промышленность, въ которой они работаютъ, можетъ производить еще другіе продукты, которые мѣняются на продукты мельницы, а тѣмъ самымъ умножается народное богатство.

V.

Теорія сбыта.

Предприниматели въ разныхъ отрасляхъ промышленности говорятъ обыкновенно, что не трудно произвести, а трудно продать, что можно всегда произвести достаточное количество товаровъ, если легко найти имъ вѣрный сбытъ. Когда продажа ихъ продуктовъ идетъ медленно, туго и не даетъ выгоды, то они говорятъ — *денегъ мало*; все желаніе такихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы потребление было дѣятельнѣе, чтобы оно умножало продажи и поддерживало цѣны. А если спросить ихъ—какія обстоятельства, какія причины благоприятствуютъ размѣщенію ихъ продуктовъ, то окажется, что эти люди имѣютъ обыкновенно весьма смутное представленіе объ этомъ предметѣ, что они дурно наблюдаютъ факты и еще хуже объясняютъ ихъ, что они принимаютъ за вѣрное то, что подлежитъ еще большому сомнѣнію, желаютъ того, что прямо противно ихъ интересамъ, и стараются отъ власти получить покровительство, ведущее обыкновенно къ плохимъ результатамъ.

Чтобы составить себѣ болѣе вѣрное и примѣнимое къ практикѣ понятіе о томъ, что мѣста сбыта открываютъ продуктамъ промышленности,

разсмотримъ здѣсь всѣмъ извѣстные и постоянно повторяющіеся факты; сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что уже выяснено нами тѣмъ-же путемъ, — можетъ быть мы откроемъ тогда истины новыя, важныя и способныя освѣтить желанія промышленниковъ и стремленія правительства, такъ горячо принимающаго ихъ подъ свое покровительство.

Человѣкъ въ промышленности старается сообщить цѣнность своимъ продуктамъ, создавая для нихъ какое нибудь полезное употребленіе, и можетъ надѣяться, что его товаръ будетъ оцѣненъ и проданъ только тамъ, гдѣ есть люди, имѣющіе средства купить его. Изъ чего состоятъ эти средства? Изъ другихъ цѣнностей, изъ другихъ продуктовъ, плодовъ промышленности, изъ ихъ капиталовъ, земель. А изъ этого слѣдуетъ, хотя на первый взглядъ это можетъ показаться парадоксомъ, что сбытъ для продуктовъ создается самимъ производствомъ.

Если какой нибудь продавецъ матеріи скажетъ: „въ сбытъ на мои продукты я требую не продуктовъ, а денегъ“, то ему не трудно было-бы доказать, что покупатель его товара можетъ заплатить ему деньгами, полученными за товары, которые онъ продаетъ въ свою очередь. Ему можно было-бы отвѣтить такъ: такой-то фермеръ купить ваши матеріи, если у него будетъ хорошій урожай, и онъ купить у васъ ихъ тѣмъ больше, чѣмъ обильнѣе будетъ его жатва. Но онъ ничего не купитъ, если самъ ничего не произведетъ.

— Да и вы сами купите у него хлѣба и шерсти лишь настолько, насколько сработали матеріи. Вы утверждаете, что вамъ нужны не продукты, а деньги,

а я вамъ говорю, что вамъ нужны продукты. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ деньги? Не правда-ли—зачѣмъ, чтобы купить на нихъ сырыхъ матеріаловъ для вашей промышленности, или съѣстныхъ припасовъ для васъ самихъ? *) Изъ этого вы сами видите, что вамъ нужны не деньги, а продукты. Деньги, за которыя вы продадите ваши продукты и на которыя купите другіе продукты, будутъ служить для той-же цѣли двумъ другимъ сторонамъ, а потомъ опять въ другой и въ третій разъ, и такъ безъ конца, подобно тому какъ повозка, которая, перевезя продукты, вами проданные, повезетъ потомъ другіе, третьи и т. д. Когда вамъ полезно бываетъ продать ваши продукты, то развѣ вы ссылаетесь на то, что у покупателей нѣтъ повозокъ, чтобы перевезти ихъ? Тоже самое и деньги, онѣ—тѣ же повозки, перевозящія цѣнность продуктовъ. Все назначеніе ихъ въ томъ, чтобы перевезти къ вамъ цѣнность продуктовъ, которые покупщикъ продалъ, чтобы купить у васъ ваши продукты; точно также деньги повезутъ къ тому, у кого вы купили, цѣнность продуктовъ, которые вы продали другимъ.

Слѣдовательно, если весь міръ покупаетъ предметы, въ которыхъ всѣ нуждаются, то не иначе какъ на цѣнность продуктовъ, только на время превратившихся въ опредѣленную сумму денегъ,

*) Даже и въ томъ случаѣ, когда деньги копятъ только ради того, чтобы копить ихъ, назначеніе ихъ въ концѣ-концовъ состоитъ все-таки въ томъ, чтобы купить на нихъ что нибудь. Если покупаетъ на нихъ даже и не тотъ, кто нажилъ ихъ, то покупаетъ его наследникъ, или кто нибудь другой, въ чьи руки случайно они попадаютъ, ибо деньги, какъ деньги, никакого другого употребленія имѣть не могутъ.

которую вы покупаете. Иначе какимъ-же образомъ могло-бы быть, что теперь во Франціи въ одинъ годъ покупается въ шесть и въ восемь разъ больше предметовъ, чѣмъ сколько покупали въ несчастное царствованіе Карла VI? Это происходитъ, очевидно, оттого, что теперь производится также въ шесть или восемь разъ больше продуктовъ, чѣмъ прежде и потому что они продаются въ общій одинъ на другіе^а.

Говорять и такъ: *нельзя продать, потому что мало денегъ*. Но здѣсь средство принимается за причину. Ошибка, которую при этомъ дѣлають, происходитъ отъ того, что почти всѣ продукты обыкновенно превращаются въ деньги прежде, чѣмъ они обмѣнены на другіе продукты, и отъ того, что товаръ, появляющійся такъ часто, получаетъ въ глазахъ толпы значеніе товара по преимуществу, является конечною цѣлью всѣхъ торговыхъ сношеній, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ служить не болѣе какъ посредникомъ въ этихъ сдѣлкахъ. Нельзя, слѣдовательно, говорить: *нельзя продать, потому что мало денегъ*, а надо сказать такъ: *нельзя продать, потому что мало другихъ продуктовъ*. Денегъ всегда довольно, чтобы служить обращенію и взаимному обмѣну другихъ цѣнностей, если только эти цѣнности дѣйствительно существуютъ. Когда же ощущается недостатокъ денегъ въ массѣ совершающихся сдѣлокъ, то его легко пополнить, и самая надобность въ пополненіи служить указателемъ на благопріятное положеніе дѣлъ. А именно: она указываетъ на то, что есть, значить, большое количество произведенныхъ цѣнностей, на которыя желаютъ пріобрѣсть большое количество другихъ

цѣнностей. Въ такихъ случаяхъ товаръ, служащій посредникомъ и облегчающій заключеніе сдѣлокъ, т.-е. деньги, легко замѣняется другими извѣстными въ торговомъ морѣ способами, а вскорѣ затѣмъ опять притекають деньги, такъ какъ монета есть товаръ, а всякій товаръ направляется туда, гдѣ въ немъ чувствуется потребность. Стало-быть, это—хорошій знакъ, коли не хватаетъ денегъ въ торговлѣ, точно также—хорошій знакъ, коли въ магазинахъ не хватаетъ товаровъ.

Когда какого-нибудь товара очень много и онъ не находитъ себѣ покупателей, то причина этого вовсе не въ томъ, что недостатокъ денегъ останавливаетъ продажу. Продавцы его были-бы очень довольны получить цѣнность своего товара такими продуктами, которые нужны имъ для ихъ потребленія, по курсу настоящаго дня; они совсѣмъ не ищутъ денегъ и не имѣютъ въ нихъ надобности, а если и желаютъ имѣть ихъ, то лишь для того, чтобы превратить ихъ въ предметы своего потребленія.

Производитель, который думаетъ-бы, что его потребители состоятъ не только изъ тѣхъ, которые сами производятъ, но также и изъ многихъ другихъ классовъ, которые матеріально сами ничего не производятъ, какъ, напримѣръ, чиновники, врачи, юристы, духовенство и пр., и вывелъ-бы изъ этого то заключеніе, что есть еще другіе рынки кромѣ тѣхъ, которые представляютъ лица, сами производящія что-нибудь,—производитель, разсуждающій такимъ образомъ, доказалъ-бы только, что онъ судитъ по одной внѣшности и не умѣетъ проникнуть въ сущность дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ

священникъ, который идетъ къ торговцу, чтобъ купить себѣ эпитрахиль или стихарь; цѣнность, которую онъ несетъ въ лавку, это — сумма денегъ. Откуда онъ взялъ ее? Отъ сборщика податей, который получалъ ее отъ плательщика ихъ. Откуда-же взялъ ее плательщикъ налога? Она произведена имъ самимъ. Эта самая цѣнность, произведенная плательщикомъ налога и промѣненная на деньги, а потомъ переданная священнику, и дала ему возможность сдѣлать свою покупку. Священникъ сталъ на мѣсто производителя, а производитель могъ-бы и самъ, на цѣнность своего продукта, купить если не эпитрахиль или стихарь, то какой-нибудь другой болѣе полезный для себя продуктъ. Потребленіе продукта, называемаго стихаремъ, совершилось на счетъ какого-нибудь другого потребленія. Но какъ-бы то ни было, а покупка всякаго продукта не можетъ совершиться иначе, какъ на цѣнность другого продукта.

Первый выводъ, который можно сдѣлать изъ этой важной истины, состоитъ въ томъ, что чѣмъ больше въ каждомъ государствѣ производителей и чѣмъ многочисленнѣе производства, тѣмъ легче, разнообразнѣе и обширнѣе сбытъ продуктовъ.

Въ мѣстахъ, которыя много производятъ, создается то, на что только и можно купить — *цѣнность*. Деньги исполняютъ лишь временную роль въ процессѣ обмѣна; какъ только состоялись сдѣлки, всегда оказывается, что за продукты заплачено только продуктами.

Полезно замѣтить здѣсь, что каждый продуктъ, съ того самаго момента, какъ онъ произведенъ, открываетъ собою сбытъ для другихъ продуктовъ

на полную сумму своей цѣнности. И точно, лишь только послѣдній производитель окончилъ свой продуктъ, ничего онъ такъ сильно не желаетъ, какъ продать его, дабы цѣнность этого продукта не оставалась праздною у него на рукахъ. Но не меньше спѣшить онъ отдѣлаться и отъ денегъ, которыя доставила ему продажа этого продукта, дабы также не оставалась у него на рукахъ и цѣнность вырученныхъ денегъ. Но сбыть деньги можно только покупкою какого-нибудь продукта. Изъ этого видно, что одинъ только фактъ производства товара, въ тотъ самый моментъ какъ онъ произведенъ, открываетъ сбытъ для другихъ продуктовъ.

Вотъ почему хорошій урожай выгоденъ не только земледѣльцамъ, но и торговцамъ всѣми другими продуктами, а не однимъ хлѣбомъ. Покупаютъ всегда больше тогда, когда собираютъ больше. На-оборотъ, дурной урожай вредитъ всѣмъ продажамъ. То-же самое можно сказать и объ урожаѣ въ области мастерства и торговли. Та отрасль торговли, которая процвѣтаетъ, даетъ средства купить, а слѣдовательно доставляетъ возможность и продать по всѣмъ другимъ отраслямъ торговли. На-оборотъ, если какая-нибудь отрасль промышленности или торговли идетъ вяло, страдаютъ и всѣ остальные.

Если это такъ, то откуда берется, спросить меня, такое большое количество товаровъ, которые иногда загромождаютъ обращеніе, потому что не находятъ себѣ покупателей? Почему-же эти товары не покупаются одни на другіе?

На это я отвѣчу, что если товары не продаются, или продаются съ убыткомъ, то они, зна-

чить, превышаютъ сумму потребностей въ нихъ, или потому, что ихъ было произведено слишкомъ много, или еще болѣе потому, что другія производства дали товаровъ меньше чѣмъ нужно. Извѣстныхъ продуктовъ слишкомъ много, потому что не достаесть другихъ.

Выражаясь проще — многіе меньше купили, потому что сами меньше выработали, а выработали они меньше потому, что встрѣтили затрудненія въ примѣненіи способовъ своего производства, или же потому, что у нихъ не достало этихъ средствъ.

Можно замѣтить также, что въ одно и то же время одни товары продаются туго, а другіе, наоборотъ, дорожаютъ до непомерно высокихъ цѣнъ. Такъ какъ поднявшіеся цѣны должны-бы представлять достаточныя причины къ усиленію производства, то тутъ дѣйствуютъ, значить, какія-нибудь исключительной важности обстоятельства или насильственные мѣры, въ родѣ естественныхъ или политическихъ бѣдствій, алчности или неспособности правительствъ, которыя, искусственно поддерживая эту скудость, причиняютъ такое гибельное скопленіе. Если такая причина политической бѣдѣзми минуетъ, то средства производства направляются туда, гдѣ оно отстало: постепенно развиваясь, оно благоприятствуетъ развитію и всѣхъ другихъ производствъ. Одно производство рѣдко опережаетъ бы другія, а продукты его рѣдко обезцѣнивались бы, если-бы все было предоставлено собственному движенію.

Второй выводъ изъ того-же принципа состоитъ въ томъ, что каждый заинтересованъ въ благопо-

лучиі всѣхъ и что процвѣтаніе одной отрасли промышленности всегда благопріятно процвѣтанію всѣхъ прочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую-бы промышленность ни взяли мы для примѣра, личные таланты находятъ въ ней тѣмъ лучшее примѣненіе и извлекаютъ для себя тѣмъ болѣе выгоды, чѣмъ больше вокругъ нихъ людей, которые сами зарабатываютъ что-нибудь. Человѣкъ талантливый, печально прозябающій въ какой-нибудь странѣ, клонящейся къ упадку, нашелъ-бы множество занятій для своихъ способностей въ странѣ производительной, гдѣ онъ могли-бы принести пользу и получать вознагражденіе. Купецъ въ какомъ-нибудь промышленномъ и богатомъ городѣ продаетъ на гораздо большія суммы, чѣмъ торговецъ, живущій въ бѣдномъ округѣ, гдѣ господствуетъ безпечность и лѣнь. Что могъ-бы сдѣлать энергическій мануфактуристъ или ловкій купецъ въ городѣ мало населенномъ и необразованномъ, въ какомъ-нибудь уголкѣ Испаніи или Польши? Хотя-бы онъ и не встрѣтить тамъ никакого конкуррента, однако онъ продавалъ-бы все-таки очень мало, потому что тамъ и производить мало, тогда какъ въ Парижѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ онъ дѣлалъ-бы огромныя дѣла, не смотря на конкурренцію сотенъ такихъ-же какъ онъ купцовъ. Причина этого проста: здѣсь онъ окруженъ людьми, которые производятъ много продуктовъ всѣхъ родовъ и дѣлаютъ закупки на то, что они произвели, т. е. на деньги, полученныя отъ продажи того, что они произвели.

Въ этомъ заключается источникъ прибылей, получаемыхъ жителями городовъ съ людей деревенскихъ и получаемыхъ послѣдними съ первыхъ: и

тѣ и другіе покупаютъ другъ у друга тѣмъ больше, чѣмъ больше сами производятъ. Городъ, окруженный богатыми деревнями, находитъ тамъ многихъ и богатыхъ покупателей, точно также вблизи богатаго города деревенскіе продукты получаютъ большую цѣнность. Нѣтъ ничего несправильнѣе, какъ дѣлить народы на земледѣльческіе, промышленные и торговые. Если народъ преуспѣваетъ въ земледѣліи, то поэтому самому преуспѣваетъ и его мануфактурная промышленность и его торговля, а если процвѣтаетъ его мануфактурная промышленность и торговля, то развивается и земледѣліе.

Каждый народъ, въ отношеніи къ сосѣднему народу, находится въ такомъ-же положеніи, какъ всякая провинція въ отношеніи къ другой провинціи, какъ всякій городъ въ отношеніи къ окружающимъ его деревнямъ: всѣ онѣ заинтересованы въ его процвѣтаніи и въ томъ, чтобы онъ могъ увѣренно пользоваться своимъ благосостояніемъ. Слѣдовательно, Соединенные Штаты совершенно разумно старались всегда распространять промышленную дѣятельность среди дикихъ племенъ, которыми они окружены; они хотѣли, чтобы эти племена владѣли чѣмъ-нибудь, дабы могли дать что-нибудь въ обмѣнъ на то, что имъ нужно, ибо ничего нельзя извлечь изъ народовъ, которымъ нечего дать въ обмѣнъ. Для человѣчества чрезвычайно важно, чтобы народъ, среди своихъ сосѣдей, руководствовался въ каждомъ данномъ случаѣ принципами свободы. Блестящіе результаты, которые онъ получить при такомъ руководствѣ, докажутъ ему, что *пустыя системы, нибельныя теоріи* составляютъ исключительныя пра-

вила, ревниво охраняемая только въ старыхъ государствахъ Европы, которая громко провозглашаетъ ихъ *практическими истинами*, потому только что эти системы и теоріи, къ сожалѣнію, приводятся ими въ исполненіе на практикѣ. Сѣверо-Американскому Союзу принадлежитъ въ будущемъ слава доказать на личномъ опытѣ, что самая высокая политика всегда находится въ согласіи съ умѣренностью и гуманностью.

Третій выводъ изъ того-же благотворнаго принципа заключается въ томъ, что ввозъ иностранныхъ продуктовъ благоприятенъ продажѣ внутреннихъ продуктовъ, потому что мы не можемъ купить иностранные товары иначе, какъ за продукты нашей промышленности, нашихъ земель и нашихъ капиталовъ, которымъ, слѣдовательно, торговля доставляетъ сбытъ. „Но мы, возразятъ мнѣ, платимъ за иностранные товары деньгами!“ Да, это такъ, но если наша земля не производитъ денегъ, то эти деньги приходится покупать на продукты нашей промышленности, а слѣдовательно на что-бы мы ни покупали заграничные товары — на собственные-ли продукты или на деньги, но эти покупки доставляютъ сбытъ національной промышленности.

Четвертый выводъ изъ того-же принципа заключается въ томъ, что потребленіе чистое и простое, имѣющее своимъ предметомъ — только вызвать новые продукты, ни въ чемъ не содѣйствуетъ богатству страны. Оно разрушаетъ, съ одной стороны, то, что вызываетъ съ другой. Чтобы потребленіе было благоприятно, нужно только, чтобы оно исполняло свою существенную задачу — удовлетво-

рять потребностямъ. Когда Наполеонъ требовалъ, чтобы придворные его являлись ко двору въ расшитыхъ кафтанахъ, то причинялъ этимъ лицамъ уронъ, который по меньшей мѣрѣ равнялся заработку, какой получали ихъ вышивальщики. Онъ дѣлалъ еще хуже, когда онъ разрѣшалъ особыми распоряженіями тайную торговлю съ Англіей, требовалъ, чтобы вывозилась французскими товарами такая же цѣнность, какую предполагалось ввезти. Купцы, пользовавшіеся этими разрѣшеніями, грузили на свои суда товары, которые, за невозможностью продать по ту сторону пролива, сваливали въ море тотчасъ-же по выходѣ изъ порта. Правительство, ничего не разумѣвшее въ политической экономіи, громко одобряло такой маневръ, признавало, что онъ очень выгоденъ для нашихъ мануфактуръ. Но каково-же было его дѣйствительное вліяніе? Купецъ, принужденный потерять всю цѣнность французскихъ товаровъ, которые онъ вывозилъ, продавалъ потомъ сахаръ и кофе, вывезенные изъ Англіи, а французскій потребитель оплачивалъ ему за нихъ сполна и всю цѣну товаровъ, которыми онъ не пользовался. Это — все равно, какъ если-бы, ради поощренія фабрикъ, купили, за счетъ плательщиковъ, мануфактурные товары и побросали ихъ въ море *).

*) Англичанамъ важно было только сбывать во Францію по хорошей цѣнѣ свои колониальные товары. Слѣдовало, не смотря на войну, не жѣшать этому. Тогда французы, вмѣсто того, чтобы тратить 50 милл. на сахаръ, тратили-бы на него только 25 милл., а другіе 25 милл. оставались-бы у нихъ ежегодно для покупки своихъ продуктовъ, которые бросались въ море. Производство отъ этого не уменьшилось бы, же тогда не было-бы крайней мѣрѣ ни для кого никакой потери.

Чтобы поощрять промышленность — для этого недостаточно одного чистаго и простаго потребления, тутъ надо еще способствовать развитію вкуса и потребностей, которыя вызываютъ въ населеніи желаніе потреблять; точно также, какъ для поощренія торговли необходимо помочь потребителямъ получать большіе заработки, на которые они могли-бы покупать. Только общія и постоянныя потребности въ народѣ понуждаютъ его производить, дабы получить возможность покупать и тѣмъ самымъ пробуждаютъ постоянно возобновляющееся потребленіе, благоприятное для благосостоянія семействъ.

Усвоивъ себѣ то положеніе, что спросъ на продукты вообще бываетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ дѣятельнѣе производство, — непреложная истина, хотя и выраженная нѣсколько парадоксально — нечего особенно заботиться о томъ, на какую именно отрасль промышленности желательно направить это производство. Созданные продукты вызываютъ различный спросъ, опредѣляемый нравами, потребностями, состояніемъ капиталовъ и промышленности, а также естественными агентами страны; самый большой спросъ бываетъ на такіе товары, которые, вслѣдствіе усиленнаго требованія на нихъ, представляютъ наибольшія выгоды для капиталовъ, на нихъ затраченныхъ, наибольшія выгоды для предпринимателей, наибольшій заработокъ для рабочихъ. Такіе-то именно товары и производятся въ большемъ количествѣ, чѣмъ другіе.

Можетъ быть, спросятъ: гдѣ-же предѣлъ все возрастающаго производства и гдѣ продукты, ежедневно все увеличивающіеся, могли-бы постоянно

мѣняться другъ на друга? Вѣдь безконечныя прогрессіи существуютъ только въ области отвлеченныхъ количествъ, на практикѣ-же самой природой вещей положенъ предѣлъ всякимъ излишествомъ, стало-быть, тутъ дѣло идетъ уже о примѣненіи политической экономіи къ практикѣ.

На практикѣ еще не было никогда такого примѣра, чтобы какая-нибудь нація была совершенно лишена продуктовъ, которые-бы она могла производить и потреблять. Но мы можемъ мысленно распространить послѣдовательно на всѣ продукты то, что наблюдали надъ нѣкоторыми изъ нихъ. За извѣстными предѣлами трудности, которыя сопровождаютъ каждое производство и обыкновенно преодолеваются производителями, возрастаютъ въ такой быстро увеличивающейся пропорціи, что превосходятъ удовлетвореніе, доставляемое пользованіемъ такого продукта. И тогда можно произвести какую-нибудь полезную вещь, но ея полезность не будетъ стоить того, во что она обошлась, и не будетъ удовлетворять существенному условію всякаго продукта—чтобы цѣнность его по крайней мѣрѣ равнялась издержкамъ его производства. Если съ извѣстнаго пространства земли собрано все количество съѣстныхъ припасовъ, какое только можно было получить съ него, и если сверхъ того выписаны издалека еще новые запасы этихъ припасовъ, то производство ихъ можетъ оказаться настолько дорогимъ, что полученный продуктъ не будетъ стоить того, что на него израсходовано. Если трудъ тридцати дней можетъ прокормить работавшихъ только въ теченіе двадцати дней, то невозможно продолжать такое производство: оно не побуждало-бы въ дѣятельности

новыхъ лицъ, которыя, вслѣдствіе этого, не увеличивали-бы спроса на новую одежду, на новыя жилища и т. д.

Число потребителей опредѣляется, правда, количествомъ съѣстныхъ припасовъ, но всѣ другія потребности ихъ, кромѣ питанія, могутъ возрастать до безконечности; въ такой-же степени могутъ увеличиваться и мѣняться другъ на друга и продукты, способные удовлетворять этимъ потребностямъ. Но они могутъ увеличиваться также и въ видахъ накопленія капиталовъ. Но если потребности становятся все менѣе настоятельны, то естественно, что потребители будутъ дѣлать все меньше усилій для ихъ удовлетворенія; то-есть другими словами—будетъ все труднѣе находить въ цѣнѣ продуктовъ справедливое вознагражденіе за издержки ихъ производства. Остается всегда вѣрнымъ то положеніе, что продукты продаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ развитѣе потребности народа и чѣмъ больше предметовъ онъ можетъ представить для объѣда, то-есть—чѣмъ болѣе онъ цивилизованъ.

VI.

Свойство и употребленіе денегъ.

Во всякомъ, мало-мальски цивилизованномъ обществѣ никто не можетъ самъ производить все, что ему нужно, рѣдко бываетъ даже, чтобы одно и тоже лицо произвело какой-нибудь предметъ весь сполна. Но если каждый производитель и совершаетъ только то, что, по его силамъ, необходимо для полнаго производства продукта, то потребности его все-таки не ограничиваются какимъ нибудь предметомъ — онѣ чрезвычайно разнообразны. А слѣдовательно, всякому производителю приходится еще заботиться о всѣхъ другихъ предметахъ своего потребленія посредствомъ обмѣна того, что онъ произвелъ самъ для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, на другіе продукты, которые ему нужны.

Здѣсь мимоходомъ можно замѣтить, что, такъ какъ всякій сохраняетъ для своего потребленія только самую малую часть того, что онъ производить, какъ напримѣръ, огородникъ — самую малую часть разводимыхъ имъ овощей, хлѣбникъ — самую малую часть хлѣба, который печетъ, сапожникъ — самую малую часть обуви, которую тачаетъ и т. д., то наибольшая часть продуктовъ, можно сказать даже почти всѣ продукты общества, потребляются только благодаря обмѣну.

Изъ этого положенія выводили то ошибочное заключеніе, что обмѣнъ служить самою главною основою производства богатствъ, тогда какъ онъ играетъ въ этомъ настолько второстепенную роль, что если-бы каждое семейство само производило (примѣры этого встрѣчаются въ западныхъ областяхъ Соединенныхъ Штатовъ) всѣ предметы, необходимыя для его потребленія, то общество все-таки могло-бы существовать, хотя тутъ и не совершалось-бы никакого обмѣна.

Впрочемъ, я сдѣлалъ это замѣчаніе лишь для того, чтобы вернуть вопросъ къ его справедливымъ принципамъ. Я вполне понимаю, на сколько обмѣнъ полезенъ для развитія производства, и началъ доказывать, что онъ безусловно необходимъ въ развитіи состояніи обществъ.

Установивъ необходимость обмѣна, остановимся на минуту и посмотримъ, какъ трудно было-бы разнымъ лицамъ, образующимъ наше общество и представляющимъ собою чаще всего производителей какого-нибудь одного продукта или покрайней мѣрѣ очень малаго числа нѣсколькихъ разныхъ продуктовъ, — какъ трудно было-бы этимъ лицамъ, оставаясь потребителями, и притомъ самыми нуждающимися въ самыхъ разнообразныхъ продуктахъ, обмѣнивать то, что они производятъ сами, на то, что имъ нужно для себя, если-бы этотъ обмѣнъ производился натурою, т.-е. продуктъ на продуктъ.

Пожевщику пришлось-бы идти къ хлѣбнику и, чтобы получить у него хлѣбъ, онъ сталъ-бы предлагать ему ножи; но хлѣбнику нужны не ножи, а платье. Чтобы получить это платье, хлѣбникъ охотно

далъ бы хлѣбъ портному; но портному нуженъ не хлѣбъ, а мясо, и такъ далѣе до безконечности.

Чтобы избѣжать этихъ затрудненій, ножевникъ, не имѣя возможности навязать хлѣбнику товаръ, который ему вовсе не нуженъ, будетъ покрайней мѣрѣ стараться найти такой товаръ, который хлѣбникъ могъ-бы, въ свою очередь, легко обмѣнять на другіе необходимые ему продукты. Если есть въ обществѣ такой *товаръ*, который всякій желаетъ приобрести, не въ силу той пользы, какую онъ могъ-бы доставлять самъ по себѣ, а въ силу той легкости, съ какою онъ могъ-бы мѣняться на предметы, необходимые для потребленія, — товаръ, количество котораго легко соразмѣрить съ цѣнностью того, что хотять приобрести, то именно этотъ самый товаръ и сталъ-бы искать ножевникъ въ обмѣнъ на свои ножи, потому что опытъ научилъ его, что на него онъ легко получить, посредствомъ другого обмѣна, и хлѣбъ и всякій другой необходимый ему продуктъ.

Этотъ товаръ и есть *деньги* *).

Есть два свойства, одинаково важныя, вслѣдствіе которыхъ вообще предпочитаютъ монету, имѣющую обращеніе въ странѣ, всякому другому товару. Вотъ эти свойства:

1. Монета, какъ освященный обычаемъ и разрѣшенный закономъ посредникъ въ обмѣнѣ продуктовъ, годится всякому, кому надо произвести

*) Въ другомъ мѣстѣ Ж.-Б. Са доказываетъ, что деньги не суть только простой знакъ, но что онѣ должны имѣть свою внутреннюю (intrinsicque) цѣнность, равную тому, что покупается за нихъ, и выводить отсюда, что монета должна быть сдѣлана изъ драгоцѣннаго металла. — Прим. франц. издат.

обмѣнъ или купить что-нибудь для своего потребленія, то-есть годится всѣмъ. Всякій, хорошо знаетъ, что, предлагая монету, онъ предлагаетъ такой товаръ, который годится всякому, и увѣренъ поэтому, что онъ и самъ можетъ приобрести на нее, посредствомъ операции, называемой *куплей*, всѣ предметы, какіе ему могутъ понадобиться. Тогда какъ если-бы онъ запасся какимъ-нибудь другимъ продуктомъ, то онъ не былъ-бы увѣренъ, что онъ дѣйствительно годится владѣльцу того продукта, какой ему хочется приобрести. Для этого онъ долженъ совершить два обмѣна—сначала *куплю*, а потомъ *продажу*, предполагая при этомъ, что цѣнность обмѣниваемыхъ продуктовъ совершенно одинакова.

2. Второе свойство, дающее предпочтеніе монетъ, состоитъ въ ея способности дробиться на такіе части, изъ которыхъ каждая равна какъ-разъ цѣнности покупаемаго предмета, такъ что ее принимаетъ всякій, кому надо купить, какова-бы ни была цѣнность покупаемаго предмета. Вотъ почему стараются обыкновенно обмѣнять продуктъ, оказывающійся излишнимъ (а такими продуктами всегда бываютъ остающіеся отъ собственного производства) именно на монету, потому что, кромѣ приведеннаго сейчасъ мотива, дѣйствуетъ здѣсь еще и увѣренность всякаго въ томъ, что можно всегда приобрести на цѣнность проданнаго продукта какой-нибудь другой продуктъ, цѣнность котораго будетъ равняться только части проданнаго, или въ нѣсколько разъ превышать цѣнность его, и что на деньги можно, по желанію, покупать въ нѣсколько пріемовъ или въ разныхъ мѣстахъ пред-

меты, какіе желательно получить въ обмѣнъ на продаваемые.

Въ обществѣ очень развитомъ, въ которомъ частныя потребности очень разнообразны и многочисленны, и производительная дѣятельность распространяется между большимъ числомъ рукъ, необходимость въ обмѣнѣ бываетъ еще настоятельнѣе. Обмѣнъ все болѣе усложняется, а вслѣдствіе этого становится все труднѣе мѣнять товары непосредственно одинъ на другой. Если, напримѣръ, ножевщикъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать ножи всѣ сполна, работаетъ однѣ только ручки къ нимъ, — какъ это бываетъ обыкновенно въ городахъ, гдѣ ножевое дѣло ведется въ большихъ размѣрахъ — то онъ, собственно говоря, не дѣлаетъ ничего, что могло-бы быть непосредственно полезно ему, ибо на что пригодна ему одна ручка ножа безъ лезвія? Очевидно, что онъ не можетъ потребить непосредственно даже самой малой части того, что онъ произвелъ, и вотъ ему приходится обмѣнять всѣ надѣланныя имъ ручки на такіе предметы, которые ему нужны, напримѣръ — на хлѣбъ, мясо, холстъ и пр. Но ни хлѣбнику, ни мяснику, ни ткачу совсѣмъ не нуженъ такой продуктъ, который годится одному только фабриканту ножей; а этотъ послѣдній, въ свою очередь, не можетъ дать въ обмѣнъ на ручки ни мяса, ни хлѣба, ибо онъ не производитъ ихъ. Слѣдовательно, ему остается только одно — дать ножевщику такой товаръ, который, по обычаю страны, можно было-бы всегда легко промѣнять на всякій другой.

Такимъ образомъ деньги становятся тѣмъ необходимымъ, чѣмъ образованнѣе страна и чѣмъ раз-

витѣ въ ней раздѣленіе труда. А между тѣмъ исторія представляетъ намъ примѣры, что бывали довольно значительныя страны, въ которыхъ употребленіе товара-денегъ было неизвѣстно. Такова Мексика. Еще въ эпоху покоренія ея испанскими авантюристами, только-что стали употребляться тамъ, въ частныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, вмѣсто денегъ — зерна кака.

И сказать, что если какой-нибудь товаръ становится *денгами* скорѣе чѣмъ другой, то это есть дѣло народнаго обычая, а не правительственной власти, ибо если начинаютъ чеканить металлъ въ видѣ монеты, то правительство (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ уважается собственность) никого не принуждаетъ отдавать свой товаръ за куски драгоценныхъ металловъ. Если, совершая торговую сдѣлку, соглашаются принять монету въ обмѣнъ на товаръ, то совсѣмъ не потому, что на ней отчеканено правительственное клеймо. Монету отдаютъ и принимаютъ также свободно, какъ и всякій другой товаръ и, смотря потому, что выгоднѣе, мѣняютъ товаръ или прямо на товаръ, или на кусокъ золота и серебра, хотя-бы онъ и не былъ отчеканенъ, въ формѣ монеты. Слѣдовательно, монету принимаютъ въ обмѣнъ предпочтительно передъ всякимъ другимъ товаромъ только потому, что по опыту знаютъ, что она свободно принимается владельцами товаровъ, въ которыхъ можетъ оказаться надобность. Это свободное ничѣмъ не стѣсняемое преимущество представляетъ единственную силу, которая сообщаетъ кускамъ металла значеніе денегъ. Если-бы было основаніе вѣрить, что въ обмѣнъ на какой-нибудь другой товаръ, напримѣръ на

хлѣбъ, можно было-бы купить гораздо легче, чѣмъ на монету, предметы, въ которыхъ имѣется надобность, то никто не сталъ-бы отдавать свой товаръ на куски металла, а требовать-бы въ обмѣнъ только хлѣба *).

Такъ какъ всякій свободенъ отдавать или не отдавать свой товаръ въ обмѣнъ на монету—не говорю здѣсь о насильственномъ похищеніи или воровствѣ,—то изъ этого выходитъ, что цѣнность монеты не можетъ быть установлена закономъ, а опредѣляется взаимнымъ соглашеніемъ продавца и покупателя. Цѣнность ея бываетъ выше, когда покупатель согласенъ отдать большее количество какого-нибудь товара за то-же количество монеты, или получить меньшее количество ея за то-же количество товара. Она бываетъ ниже въ обратномъ случаѣ. Но помимо мотивовъ, по которымъ монета принимается и получаетъ соответствующую цѣнность, законъ опредѣляетъ еще извѣстные случаи, въ которыхъ обязываетъ разсчитываться

*) Когда негры съ береговъ Гамби стали вести торговлю съ европейцами, дороже всего цѣнилось у нихъ желѣзо, потому что оно служило имъ для приготовления орудія и земледѣльческихъ орудій. Желѣзо сдѣлалось у нихъ цѣнностью, съ которою они сравнивали всѣ другія цѣнности. Но скоро оно стало участвовать во всѣхъ сдѣлкахъ только по имени: въ этихъ областяхъ обмѣнивали, на примѣръ, *нуку* табакъ, въ двадцать или тридцать листовъ, на *боченокъ* рому, въ четыре или пять пинтъ, смотря по тому, много или мало этого товара. Въ этой странѣ всѣ товары играютъ роль монеты, одни относительно другихъ. Но это не избавляетъ ни отъ одного изъ неудобствъ обмѣна натурою, состоящихъ главнымъ образомъ въ томъ, что нѣтъ такого товара, который всегда легко было-бы раздробить и соразмѣрить по количеству и по цѣнности съ цѣнностью всѣхъ другихъ предметовъ* (См. Voyage de Mungo Park en Afrique. T. I. Гл. II).

монетою, а именно—при уплатѣ государственныхъ повинностей.

Вотъ на чемъ основывается употребленіе монеты. Не слѣдуетъ думать, что эти соображенія представляютъ собою лишь болѣе или менѣе любопытныя разсужденія: всякое разсужденіе, всякій законъ, всякое правило хороши только тогда, когда они истекають изъ существа дѣла, къ которому относятся. Такова, по моему мнѣнію, и сущность денегъ.

VII.

Прибыль съ капитала и заработная плата.

Прибыль предпринимателей. — Такъ какъ невозможно вести какое промышленное предпріятіе, не употребивъ на него какого-нибудь капитала, то прибыль предпринимателя состоитъ обыкновенно изъ двухъ частей: изъ прибыли собственно отъ промышленности и изъ прибыли съ капитала. Часть этого капитала почти всегда составляетъ собственность предпринимателя, другая-же часть очень часто берется имъ въ долгъ. Во всѣхъ случаяхъ, будетъ-ли капиталъ занятъ или нѣтъ, прибыль, получаемая съ дѣла, поступаетъ въ пользу предпринимателя, потому что онъ принимаетъ на свою отвѣтственность всѣ шансы успѣха или неуспѣха производства. Въ этомъ отдѣлѣ я буду говорить только о той части этихъ прибылей предпринимателя, которая поступаетъ какъ-бы въ вознагражденіе за его промышленныя способности, за его таланты, дѣятельность, духъ порядка и руководство. Послѣ мы увидимъ, какая часть этихъ прибылей можетъ быть отнесена на счетъ производительныхъ услугъ капитала.

Хотя это разграниченіе очень тонко, однако

оно имѣть реальное значеніе, потому что въ предпріятіяхъ, въ которыхъ заинтересованы многіа лица, одни своимъ трудомъ, другіа своимъ капиталомъ, для каждаго изъ нихъ должна быть опредѣлена доля участія въ предпріятіи. Люди, хотя они и не разбираютъ своихъ правъ въ подробности, умѣютъ однако очень хорошо требовать ихъ себѣ во всемъ ихъ объемѣ.

Тутъ надо вспомнить, что дѣятельность предпринимателя имѣетъ отношеніе ко второму рода операціямъ, которыа мы признали необходимыми въ каждой отрасли промышленности, — къ операціи, которая заключается въ примѣненіи приобрѣтенныхъ знаній къ производству какого-нибудь продукта, годнаго для нашего употребленія. Не надо забывать, что это примѣненіе одинаково необходимо какъ въ земледѣльской и въ мануфактурной, такъ и въ торговой промышленности, и что именно въ этомъ и состоитъ трудъ фермера или земледѣльца, мануфактуриста и купца. Разсмотримъ-же, въ чемъ состоятъ прибыли этихъ трехъ разрядовъ предпринимателей.

Стоимость ихъ труда опредѣляется отношеніемъ между *требуемымъ количествомъ* этого рода труда съ одной стороны, и количествомъ, какое употреблено въ *дѣло, предложеннымъ количествомъ*, съ другой.

Третья главными причинами опредѣляется это послѣднее количество и поддерживается на высокомъ уровнѣ цѣна этого рода труда.

Обыкновенно предприниматель промышленнаго дѣла старается достать средства, въ которыхъ оно нуждается. Я не дѣлаю изъ этого того вывода, что

предприниматель долженъ быть непременно богатъ, потому что онъ можетъ завести свое дѣло и на заемныя средства. Но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы предприниматель былъ человѣкомъ состоятельнымъ, извѣстнымъ своимъ умомъ, благо-разуміемъ, любовью къ порядку, честностью и чтобы въ силу этихъ свойствъ онъ могъ получить капиталы, которыхъ самъ не имѣеть.

Въ силу этихъ условий многіе не могутъ вступить въ число его соперниковъ.

Далѣе, этотъ родъ труда требуетъ такихъ нравственныхъ качествъ, которыя не часто соединяются въ одномъ лицѣ: тутъ требуется здравый умъ, постоянство, знаніе людей и пониманіе окружающихъ обстоятельствъ, умѣнье вѣрно оцѣнить важность продукта, потребность, которой онъ долженъ будетъ удовлетворить, средства производства; часто тутъ потребуется еще привлечь къ дѣлу очень большое число людей, закупить самому или поручить закупить сырые матеріалы, собрать рабочихъ, привлечь потребителей, обнаружить стремленіе къ порядку и бережливости, однимъ словомъ—обладать талантомъ управленія. Кромѣ того, предприниматель долженъ вѣрно сводить свои счета и вычислить издержки производства сравнительно съ цѣнностью, какую будетъ имѣть продуктъ его въ продажѣ. Во время самаго производства придется претерпѣвать много препятствій, переживать много безпокойствъ, исправлять много неудачъ, изобрѣтать новыя приемы производства и пр. Если люди, начиная свои предпріятія, не обладаютъ всѣми этими качествами, то обыкновенно имѣютъ мало успѣха: такія предпріятія держатся не долго и трудъ ихъ

скоро вытѣсняется изъ обращенія. Остаются-же только такія предпріятія, которыя могутъ продолжаться съ успѣхомъ, то-есть такія, которыя ведутся умѣло. Такимъ образомъ умѣлость ограничиваетъ число людей, предлагающихъ свой трудъ въ качествѣ предпринимателей.

Но это не все. Промышленныя предпріятія всегда соединяются съ извѣстнымъ рискомъ: какъ-бы хорошо они ни были поставлены, по мнѣнію предпринимателя, они могутъ разстроиться, и послѣдній можетъ, безъ всякой вины съ своей стороны, пошатнуть свое состояніе и даже до нѣкоторой степени повредить своей чести—въ этомъ заключается еще новая причина, по которой обыкновенно число предпріятій сокращается или становится нѣсколько дороже.

Не всѣ предпріятія требуютъ отъ принимающихъ одинаковыхъ способностей и знаній. Для фермера, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, нѣтъ необходимости имѣть такія познанія, которыя безусловно необходимы купцу, ведущему торговлю съ отдаленными странами. Если фермеръ знакомъ съ рутинными приѣмами какихъ-нибудь двухъ-трехъ видовъ земельной культуры, дающихъ доходъ его фермѣ, то онъ можетъ еще справиться съ дѣломъ. Знанія-же, необходимыя для того, чтобы вести торговлю съ отдаленными странами, гораздо выше и сложнѣе. Тутъ требуется не только знать свойство товаровъ, которыми ведется торговля, но и умѣть составить себѣ понятіе о размѣрѣ потребностей и объемѣ сбыта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагается продать эти товары. Слѣдовательно, тутъ требуется отъ купца, чтобы онъ всегда хорошо

знать цѣны на каждый изъ этихъ товаровъ въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ свѣта. А чтобы имѣть всегда вѣрное свѣдѣніе объ этихъ цѣнахъ, надо быть знакомымъ съ разными монетами и ихъ относительною цѣнностью, съ тѣмъ, что называется *вексельнымъ курсомъ*. Надо знать способы перевозки товаровъ, мѣру риска, связаннаго съ ней, количество требуемыхъ на это расходовъ, — надо знать обычаи и законы, управляющие народами, съ которыми производится торговля. Наконецъ, надо хорошо знать людей, дабы не обмануться, оказывая имъ свое довѣріе, возлагая на нихъ извѣстные порученія и вообще поддерживая съ ними какія-бы то ни было отношенія. Если способности и знанія, необходимыя для хорошаго фермера, встрѣчаются гораздо чаще, нежели способности и знанія, необходимыя для хорошаго купца, то можно-ли удивляться тому, что трудъ перваго оплачивается дешевле, чѣмъ трудъ послѣдняго?

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы торговля во всѣхъ своихъ отрасляхъ требовала непременно болѣе рѣдкихъ способностей, чѣмъ земледѣльческая промышленность. Есть такіе различные торговцы, которые, какъ и большая часть фермеровъ, работаютъ по рутинѣ, слѣдуя простому общему теченію дѣлъ этого рода, и, наоборотъ, есть такіе роды земледѣльческой культуры, которые требуютъ особой заботливости и быстрого соображенія, не часто встрѣчающихся. Читатель самъ пойметъ, какъ все это можетъ примѣняться на практикѣ. Мое дѣло — установить только общіе принципы; изъ нихъ можно потомъ вывести массу такихъ болѣе или менѣе измѣняющихся, смотря по обстоя-

тельствамъ, заключеній, которыя сами вытекають изъ другихъ принциповъ, объясненныхъ въ другихъ частяхъ этого сочиненія. Точь-въ-точь какъ въ астрономіи: вамъ говорятъ, что всѣ планеты описываютъ равные круги въ теченіе одинаковаго времени; но кто изъ васъ захотѣлъ-бы имѣть болѣе точное представленіе объ этомъ частномъ явленіи, тотъ долженъ-бы былъ принять во вниманіе нарушенія, происходящія отъ сосѣдства другихъ планетъ, притягательная сила которыхъ условливается другимъ, общимъ закономъ физики. Дѣло же лица, желающаго примѣнить общіе законы къ какому-нибудь частному случаю—принять въ соображеніе вліяніе каждаго изъ тѣхъ законовъ, которые установлены.

Говоря о заработкѣ рабочаго, мы увидимъ, ка-
кое преимущество имѣетъ передъ нимъ глава пред-
пріятія, вслѣдствіе разницы въ положеніи того и
другого; но здѣсь не бесполезно замѣтить еще и
другія преимущества, которыя можетъ извлечь пред-
приниматель, если онъ обладаетъ ловкостью. Онъ —
посредникъ между всѣми классами производителей,
а также между производителями и потребителями.
Онъ правитъ дѣломъ производства; онъ—центръ
всевозможныхъ отношеній; онъ извлекаетъ выгоду
изъ того, что знаютъ другіе и чего они не знаютъ,
изъ всѣхъ случайныхъ условій производства. Вотъ
почему въ этомъ классѣ производителей, когда об-
стоятельства благоприятствуютъ ихъ ловкости, и
образуются почти всѣ большія состоянія.

Заработная плата рабочих.—Простыя и грубыя работы могутъ быть исполнены всякимъ человѣкомъ, лишь-бы онъ былъ живъ и здоровъ; поддержаніе жизни и здоровья составляетъ единственное условіе, чтобы эти работы исполнялись. Поэтому плата за такія работы обыкновенно нигдѣ не подымается выше того, что нужно для поддержанія жизни, а число лицъ, предлагающихъ свой трудъ, достигаетъ уровня существующаго на нихъ спроса, и очень часто превышаетъ его, потому что не трудно родиться на свѣтъ, а трудно существовать. Если нужно только существовать для того, чтобы исполнять ту или другую работу, и если ея достаточно для того, чтобы существовать, то всегда будетъ на лицо и человѣкъ способный на такую работу.

Здѣсь слѣдуетъ однако сдѣлать одно замѣчаніе. Человѣкъ не рождается съ тѣми способностями и силами, которыя были-бы достаточны для исполненія даже самой легкой работы. Эти способности и силы, достигающія своего развитія въ возрастѣ 15—20 лѣтъ, могутъ быть разсматриваемы какъ капиталъ, который образовался лишь ежегоднымъ *накопленіемъ* *) и послѣдовательнымъ увеличеніемъ расходовъ на его воспитаніе. Кѣмъ-же были накоплены эти суммы? Обыкновенно родственниками рабочаго, лицами того промысла, къ которому онъ готовитъ себя, или какого-нибудь другого. Слѣдовательно, нужно, чтобы въ такомъ промыслѣ ра-

*) Я говорю *накопленіемъ*, хотя суммы, употребленныя на воспитаніе рабочаго, были потрачены; но онъ истраченъ производительно, потому что произвели человѣка, представляющаго собою накопленный капиталъ.

бочіе получали заработную плату нѣсколько выше той, какая требуется для простаго существованія, т.-е. получали неменѣе того, сколько нужно, чтобы содержать себя и воспитывать дѣтей.

Если-бы самая грубая работа не давала рабочимъ такого заработка, чтобы они могли содержать свои семейства и воспитывать дѣтей, то число такихъ рабочихъ оказывалось-бы недостаточно. Спросъ на ихъ трудъ превышалъ-бы то количество рабочихъ, какое предлагалось-бы на рынкѣ, и заработная плата поднялась-бы тогда до того размѣра, при которомъ эти рабочіе могли-бы воспитывать своихъ дѣтей въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы удовлетворить существующему спросу на этотъ трудъ.

Такое равновѣсіе получилось-бы и въ томъ случаѣ, если-бы многіе рабочіе остались не женатыми. Рабочій, не имѣющій ни жены, ни дѣтей, можетъ отдавать свой трудъ дешевле, чѣмъ рабочій, имѣющій жену и дѣтей. Но если-бы увеличилось число неженатыхъ среди рабочаго класса, то они не только не содѣйствовали-бы его пополненію, но помыслили-бы и другимъ пополнить его. Временное пониженіе заработной платы, въ зависимости отъ того, что неженатые рабочіе могутъ работать за болѣе дешевое вознагражденіе, повлекло-бы за собою потомъ болѣе сильное возвышеніе ея вслѣдствіе того, что уменьшилось число рабочихъ. Поэтому, хотя главнымъ распорядителямъ предпріятій и незачѣмъ было-бы употреблять женатыхъ рабочихъ, какъ болѣе дорогихъ, однако имъ все-таки выгоднѣе было-бы поступать такъ, потому что, заплативъ имъ немного дороже, они избѣгли-бы потомъ большихъ расхо-

довъ на заработную плату вслѣдствіе сокращенія рабочаго населенія.

Это не значить, чтобы каждый промыселъ, взятый въ отдѣльности, правильно пополнялся дѣтьми, рожденными именно въ этомъ промыслѣ. Дѣти переходятъ отъ одного занятія къ другому, въ особенности отъ занятій деревенскихъ къ подобнымъ же занятіямъ въ городахъ, потому что вообще воспитаніе дѣтей стоитъ дешевле въ деревнѣ. Я хотѣлъ только сказать, что классъ самыхъ простыхъ рабочихъ получаетъ изъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ участвуетъ своимъ трудомъ, достаточную долю вознагражденія не только для того, чтобы существовать, но и для того, чтобы пополняться *).

Когда страна клонится къ упадку, когда уменьшаются въ ней средства производства, падаетъ просвѣщеніе, сокращаются производительная дѣятельность и капиталы, то постепенно уменьшается и спросъ на простую грубую работу. Тогда и заработная плата падаетъ ниже того размѣра, какой необходимъ для поддержанія класса чернорабочихъ; число ихъ уменьшается и дѣти другихъ разрядовъ рабочихъ, спросъ на которые также пропорціонально уменьшился, переходятъ въ классъ непо-

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ комиссіей при палатѣ общинъ въ Англіи въ 1815 г., высокая цѣна свѣтныхъ припасовъ не только не повысила заработную плату, но даже понизила ее. Я самъ наблюдалъ такое явленіе во время голода во Франціи въ 1811 и 1817 годахъ. Трудность жить заставляла многихъ работать, а другихъ принятись за болѣе или болѣе тяжелый трудъ; отсюда—избытокъ товара, называемаго *трудомъ*. Но въ то-же время рабочій классъ долженъ былъ много страдать въ эту пору, а слѣдовательно и сократиться въ числѣ.

средственно низшаго разряда. Когда-же, наоборотъ, благосостояніе увеличивается, то низшіе классы не только легко пополняются сами изъ себя, но снабжаютъ своими подростками непосредственно слѣдующіе за ними высшіе классы. При этомъ нѣкоторые изъ этихъ подростковъ, болѣе счастливые и одаренные лучшими способностями, поднимаются еще выше и часто достигаютъ высокихъ степеней въ обществѣ.

Заработная плата тѣхъ, кто не живетъ единственно своимъ трудомъ, бываетъ дешевле заработной платы специальныхъ рабочихъ: они сыты и цѣна на ихъ трудъ не зависитъ настолько отъ необходимости жить. Въ деревняхъ бываютъ прядильщицы, работающія по избамъ, которыя не зарабатываютъ и половины того, что имъ нужно для прожитка, хотя онѣ и очень скромны; это обыкновенно — матери, дочери, сестры, тетки, тещи рабочихъ, которымъ пришлось-бы кормить ихъ, если-бы онѣ даже и ничего не зарабатывали сами. Если-бы такой женщинѣ пришлось жить только на свой трудъ, то ей, очевидно, нужно было-бы или зарабатывать вдвое болѣе, или умереть съ голоду; другими словами — такой трудъ или оплачивался-бы вдвое дороже, или онъ не существовалъ-бы совсѣмъ.

Сейчасъ сказанное примѣняется ко всѣмъ работамъ женщинъ. Вообще, онѣ оплачиваются очень дурно, потому что большинство ихъ живетъ не на свой только личный трудъ и можетъ выбирать родъ занятій, болѣе подходящій къ ихъ вкусамъ и способностямъ, не стѣсняясь размѣрами вознагражденія, опредѣляемыми объемомъ ихъ потребностей.

То-же самое можно сказать о трудѣ монаховъ и

монахинь. Въ странахъ, гдѣ они существуютъ, настоящіе рабочіе должны только радоваться, что въ монастыряхъ занимаются самыми пустыми работами; если-бы тамъ существовали работы обыкновенной промышленности, то рабочіе того-же рода, принужденные содержать свои семейства, не могли бы отдавать свой трудъ такъ дешево, не рискуя погибнуть отъ нужды.

Заработная плата фабричныхъ рабочихъ часто бываетъ выше чѣмъ сельскихъ рабочихъ; за то она подвергается превратностямъ весьма печальнаго свойства. Какая-нибудь война, какой-нибудь новый таможенный законъ внезапно сокращаютъ спросъ на рабочія руки, и вотъ рабочіе, занимавшіеся своимъ дѣломъ, впадаютъ въ большую нужду. Часто простая перемена моды имѣетъ гибельное вліяніе на цѣлыя классы рабочихъ: одна замѣна шнурковъ пряжками на обуви разорила такіе города, какъ Шеффилдъ и Бирмингемъ.

Малѣйшія пониженія заработной платы за самый распространенный трудъ всегда признавались весьма сираведливо за большія несчастія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ нѣсколько высшемъ классѣ общества, пользующемся благосостояніемъ и талантами (а это — своего рода богатство) нѣкоторое пониженіе доходовъ или заставляетъ сокращать расходы или ведетъ за собою расточеніе части капиталовъ, которыми обыкновенно располагаютъ такіе классы, то въ средѣ рабочихъ, доходы которыхъ не превышаютъ иногда уровня самыхъ обыкновенныхъ потребностей, пониженіе заработной платы бываетъ равносильно смертному приговору, если не для самихъ рабочихъ, то по крайней мѣрѣ для части ихъ семействъ.

Вотъ почему всѣ заботливыя правительства приходили на помощь немущимъ классамъ всякій разъ, когда вслѣдствіе какого-нибудь неожиданнаго событія заработанная плата за самый обыкновенный трудъ временно падала ниже размѣра, необходимаго для содержанія рабочихъ. Но очень часто эта помощь по своимъ послѣдствіямъ не отвѣчала благимъ намѣреніямъ правительствъ, вслѣдствіе неумѣнья ихъ выбрать способы для этой помощи. Если хотять, чтобы она была дѣйствительна, то необходимо начать съ того, чтобы выяснить самую причину паденія заработной платы. Если эта причина сама по себѣ дѣйствуетъ продолжительно, то никакія денежныя и временныя пособія не приведутъ ни къ чему — они только отсрочатъ время наступленія бѣдствія. Открытіе какого-нибудь новаго приѣма въ производствѣ, новый ввозъ товаровъ или переселеніе извѣстнаго числа потребителей и пр. принадлежать къ числу такихъ причинъ. Въ такихъ случаяхъ надо заботиться о томъ, чтобы доставить рабочимъ, оставшимся безъ работы, какія-нибудь продолжительныя занятія, вызвать новыя отрасли промышленности, организовать предпріятія въ отдаленныхъ странахъ, основать колоніи и т. д.

Если же паденіе заработной платы не грозитъ продолжительностью, если оно, напримѣръ, вызвано хорошимъ или дурнымъ урожаемъ, то достаточно, можетъ быть, ограничиться просто выдачею пособій несчастнымъ, пострадавшимъ отъ такихъ колебаній.

Правительство и частныя благотворители могутъ легкомысленно поставить себя въ необходимость

сожалѣть о томъ, что ихъ благодѣянія оказываются не соотвѣтствующими своей цѣли. вмѣсто всякихъ разсужденій я постараюсь пояснить это слѣдующимъ примѣромъ.

Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ, занимающейся винодѣліемъ, оказывается такое обиліе бочекъ, что ихъ употребить не на что. Предположимъ также, что война или какой-нибудь законъ, неблагоприятный для производства вина, заставили многихъ владѣльцевъ виноградниковъ измѣнить культуры своихъ земель. Такова постоянно дѣйствующая причина, вызвавшая избытокъ труда въ бочарномъ промыслѣ. Но эта причина не принимается во вниманіе, и рабочимъ-бочарамъ приходится на помощь тѣмъ, что или закупаютъ безъ всякой надобности заготовленные ими бочки, или раздаютъ пособія въ размѣрѣ тѣхъ заработковъ, какіе обыкновенно получались отъ этого промысла. Но ни закупки ненужныхъ бочекъ, ни раздача пособій не могутъ-же продолжаться долго, и вотъ лишь только онѣ прекратятся, рабочіе окажутся точно въ такомъ-же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ они были прежде. Слѣдовательно, было принесено много жертвъ, сдѣланы большіе расходы и притомъ безъ всякой пользы, если не считать нѣкотораго временнаго облегченія въ положеніи этихъ бѣдныхъ людей.

Предположимъ, наоборотъ, что причина, вызвавшая избытокъ бочекъ, — скоропроходящая, какъ напримѣръ плохой урожай. Если вмѣсто раздачи бочарамъ временныхъ пособій, стали-бы переводить ихъ въ другія мѣста, гдѣ они нужны, или приспособлять ихъ къ какой-нибудь другой отрас-

ли промышленности, то на слѣдующій годъ, урожайный для вина, оказался-бы недостатокъ въ бочкахъ; цѣна ихъ была-бы чрезмѣрно высока и онѣ сдѣлались-бы предметомъ вредной спекуляціи и азіютажа. А такъ какъ ни алчность, ни азіютажъ не могутъ произвести бочекъ, когда уничтожены способы производства этого товара, то часть заготовленнаго вина можетъ погибнуть за недостаткомъ бочекъ. Только послѣ новыхъ потрясеній и тревоженій производство ихъ опять достигнетъ тѣхъ размѣровъ, которые соотвѣтствовали-бы существующей потребности.

Слѣдовательно, надо мѣнять лѣкарство соотвѣственно причинѣ, вызвавшей болѣзнь, и распознать эту причину прежде, чѣмъ выбирать лѣкарство.

Выше я сказалъ, что мѣриломъ заработной платы за трудъ самый простой и грубый, служить то, что требуется рабочимъ для того, чтобы жить. Но это мѣрило очень измѣнчиво, ибо привычки людей имѣютъ большое вліяніе на объемъ ихъ потребностей. Мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ округахъ Франціи рабочіе врядъ-ли могутъ обходиться безъ стакана вина. Точно также въ Лондонѣ они не обходятся безъ кружки пива; тамъ этотъ напитокъ составляетъ предметъ такой настоятельной необходимости, что нищіе выпрашиваютъ милостыню на кружку пива, точно также какъ во Франціи—на кусокъ хлѣба. Можетъ быть, такая просьба нищаго, совершенно естественная въ нашихъ глазахъ, покажется дерзкимъ поступкомъ какому-нибудь иностранцу, въ первый разъ пріѣхавшему къ намъ изъ страны, гдѣ немущій классъ можетъ питаться какимъ-нибудь

растеніемъ, маниокой, или другими еще болѣе грубыми продуктами.

Стало-быть, мѣра того, что нужно для того, чтобы жить, зависитъ частью отъ самихъ жителей страны, гдѣ трудится рабочій. Чѣмъ меньше его потребленіе, тѣмъ ниже можетъ быть установлена обычная величина его заработной платы и тѣмъ дешевле могутъ продаваться продукты, въ производствѣ которыхъ онъ участвуетъ. Если онъ захочетъ улучшить свое положеніе и поднять свою заработную плату, то или вздорожаютъ продукты, которые онъ производитъ, или уменьшится доля другихъ участниковъ въ производствѣ.

Нечего опасаться, что потребленіе рабочаго класса, при его настоящемъ неблагопріятномъ положеніи, разовьется слишкомъ широко. Въ интересахъ человѣчества хотѣлось-бы видѣть, чтобы рабочіе и ихъ семейства были одѣты соотвѣтственно климату и временамъ года; чтобы жилища ихъ давали достаточно простора, воздуха и тепла, необходимыхъ для ихъ здоровья; чтобы пища ихъ была здорова, довольно обильна и разнообразна и давала-бы имъ возможность выбора. Но найдется мало такихъ странъ, въ которыхъ даже такія умѣренныя потребности не считались-бы выходящими за предѣлы первой необходимости и гдѣ, слѣдовательно, онѣ могли-бы удовлетворяться обыкновенною заработной платою, получаемую послѣднимъ разрядомъ рабочихъ.

Размѣръ потребностей первой необходимости измѣняется не только въ зависимости отъ болѣе или менѣе сноснаго образа жизни рабочихъ и ихъ семействъ, но и отъ совокупности всѣхъ расхо-

довъ, считающихся для нихъ необходимыми въ странѣ, гдѣ они живутъ. Къ числу такихъ необходимыхъ расходовъ мы отнесли сейчасъ и расходы на воспитаніе дѣтей; но есть у рабочихъ и другія нужды, по существу своему, правда, менѣе настоятельныя, но удовлетвореніе которыхъ въ такой-же степени подсказывается нравственнымъ чувствомъ, это—забота о старикахъ. Эта забота въ рабочемъ классѣ находится въ полномъ пренебреженіи. Природа, ради продолженія человѣческаго рода, поставила людей въ зависимость отъ потребности кормиться и отъ заботливости со стороны родительской любви, стариковъ-же, въ которыхъ не оказывается болѣе надобности, она предоставила признательности потомства послѣ того, какъ сдѣлала ихъ жертвами малой предусмотрительности ихъ въ молодые годы. Если-бы въ силу народныхъ нравовъ каждое семейство было признано безусловно обязаннымъ принасить что-нибудь въ пользу старости, какъ это дѣлается вообще по отношенію къ дѣтскому возрасту, то потребности первой необходимости стали-бы шире, а естественный размѣръ самой низкой заработной платы долженъ-бы былъ подняться. Филантропу показалось-бы ужаснымъ, что это не всегда такъ бываетъ; онъ содрогается при видѣ того, какъ рабочій не только не заботится объ обезпеченіи старости, но и не предусматриваетъ даже возможности несчастій, болѣзней, неспособности къ труду. Вотъ почему нельзя не отнестись съ сочувствіемъ и не поддержать рабочихъ ассоціацій, въ которыхъ рабочіе ежедневно откладываютъ самое ничтожное сбереженіе, чтобы принасти себѣ нѣкоторую сум-

му на тотъ случай, когда неожиданная болѣзнь или неспособность къ труду могутъ лишить ихъ возможности работать. Но чтобы такіе союзы могли имѣть успѣхъ, необходимо, чтобы рабочіе смотрѣли на эту предусмотрительность, какъ на безусловную необходимость, чтобы свою обязанность снести свои сбереженія въ кассу союза онъ считалъ такою-же неотложною, какъ и обязанность заплатить за квартиру или внести налогъ. Изъ этого ясно, что обычный размѣръ заработной платы долженъ быть нѣсколько повышенъ, дабы его доставало на образованіе такихъ сбереженій, а это уже само по себѣ было-бы благомъ для рабочихъ.

Къ сожалѣнію, законы, которые должны-бы были покровительствовать такимъ сбереженіямъ, часто противодѣйствуютъ имъ, какъ, на примѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда включаютъ лотереи въ число обыкновенныхъ ресурсовъ казны и открываютъ на всѣхъ улицахъ конторы, которыя предлагаютъ весьма соблазнительныя, но обманчивыя помѣщенія для самыхъ ничтожныхъ суммъ и привлекаютъ къ казнѣ, т.-е. обрекаютъ на разрушеніе милліоны, которые могли-бы накопиться и распространить среди рабочихъ довольство и утѣшеніе на случай старости.

Не менѣе вредна для благосостоянія рабочихъ политика, которая, чтобы усынить ихъ на счетъ ихъ собственнаго положенія, побуждаетъ ихъ сносить въ кабаки то, что они могли-бы отложить для улучшенія своего положенія. Если пустыя и дорогія удовольствія богачей не всегда могутъ быть оправданы разумомъ, то во сколько разъ гибельнѣе безумная расточительность бѣдняковъ?

Радости ихъ всегда подправлены слезами, и оргіи черни являются днями скорби для философа.

Независимо отъ того, что объяснено выше—почему прибыль предпринимателя, если даже онъ и не получаетъ ее въ качествѣ капиталиста, бываетъ обыкновенно выше заработка простого рабочаго, есть еще другія причины, правда менѣе законныя въ своемъ основаніи, но вліяніе которыхъ все-таки отрицать нельзя.

Заработная плата рабочаго устанавливается взаимнымъ соглашеніемъ между нимъ и предпринимателемъ: одинъ старается, какъ можно больше получить, другой—какъ можно меньше дать. Но въ этомъ спорѣ на сторонѣ хозяина есть одно преимущество, независимо отъ тѣхъ выгодъ, которыя вытекаютъ изъ самого положенія его. Хозяинъ и рабочій одинаково нуждаются одинъ въ другомъ, такъ какъ первый не можетъ получить никакой прибыли безъ помощи другого; но нужда хозяина не бываетъ такъ непосредственна и настоятельна, какъ рабочаго. Мало найдется такихъ предпринимателей, которые не могли-бы прожить нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже нѣсколькихъ лѣтъ, не пользуясь трудомъ ни одного рабочаго; тогда какъ мало найдется такихъ рабочихъ, которые могли-бы, не рискуя дойти до послѣдней крайности, прожить и нѣсколькихъ недѣль безъ работы. Трудно представить себѣ, чтобы эта разница въ положеніяхъ не имѣла никакого вліянія на установленіе величины заработной платы.

Де-Сисмонди предлагаетъ нѣсколько законодательныхъ мѣръ для улучшенія рабочаго класса *).

*) См. Nouveaux principes d'économie politique, кн. VII гл. IX.

Онъ отправляется отъ того положенія, что низкая заработная плата рабочихъ обращается въ пользу предпринимателей, на которыхъ они работаютъ, и отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что въ такомъ случаѣ о нуждахъ рабочихъ должно заботиться не общество, а предприниматели, пользующіеся ихъ трудомъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы заставить землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ содержать сельскихъ рабочихъ во всякое время, а мануфактуристовъ—содержать тѣхъ, которые работаютъ въ ихъ мастерскихъ. Въ то-же время, чтобы рабочіе чрезмѣрно не размножались, вслѣдствіе увѣренности ихъ, что они сами и ихъ семейства обезпечены въ постоянномъ содержаніи, онъ предоставляетъ предпринимателямъ, на которыхъ лежало-бы бремя ихъ содержанія, право разрѣшать или запрещать вступленіе въ бракъ.

Эти предложенія, внушенныя самымъ похвальнымъ чувствомъ человеколюбія, не могутъ, ни кажется, быть примѣнены на практикѣ. Обременять одинъ классъ общества содержаніемъ другого класса и заставлять платить заработную плату, которой не могъ-бы окупить никакой продуктъ, значило-бы отказаться отъ всякаго уваженія къ праву частной собственности. Еще большимъ нарушеніемъ этого права было-бы предоставленіе кому-бы то ни было права на личность другого, составляющую самую священную изъ всѣхъ собственности. Запрещая болѣе или менѣе произвольно заключеніе однихъ браковъ, мы способствовали-бы большей плодовитости другихъ. Сверхъ того, не вѣрно у Сисмонди и то положеніе, что если кто извлекаетъ выгоду изъ низкой заработной платы,

также справедлива, какъ и первая, подумаль онъ, иначе Матюрень оказалъ-бы мнѣ услугу безвозмездно: онъ обрекъ-бы себя на лишенія, отказался-бы отъ своего дорогого ему предпріятія, и далъ-бы мнѣ возможность исполнить мое дѣло, далъ-бы мнѣ право въ теченіе цѣлаго года пользоваться его сбереженіями—и все это даромъ. Такъ какъ онъ отсрочиваетъ обработку своей земли и даетъ мнѣ возможность исполнить выгодную работу, то весьма натурально, что и я, въ свою очередь, долженъ сдѣлать его въ какой-нибудь долъ участникомъ въ тѣхъ выгодахъ, которыми я обязанъ только его пожертвованію“.

Съ другой стороны, Матюрень, какъ человѣкъ развитой и умѣлый, разсуждалъ такъ: „по первой статьѣ нашего соглашенія *мѣшокъ хлѣба* вернется ко мнѣ только черезъ годъ, тогда я могу опять отдать его займы; онъ вернется ко мнѣ опять черезъ годъ, и я опять отдамъ его и т. д. до безконечности. Въ то-же время я не могу отрицать, что онъ давнымъ-давно будетъ сѣденъ. А вотъ что дѣйствительно странно: я буду вѣчно оставаться владѣльцемъ *мѣшка хлѣба*, тогда какъ *мѣшокъ*, который я далъ займы, давно ужъ пересталъ существовать. Но это объясняется тѣмъ, что онъ былъ уничтоженъ еще въ то время, когда находился въ пользованіи Жерома, я-же дамъ Жеромау возможность выработать большую *цѣнность*, и слѣдовательно онъ можетъ вернуть мнѣ *мѣшокъ хлѣба*, или его *цѣнность*, и не только не понесетъ отъ этого никакого убытка, но даже получить выгоду. Что-же касается меня, то эта *цѣнность*

Не менѣ заботливо оно должно оберегать рабочихъ отъ злоупотребленій хозяевъ, какъ и этихъ послѣднихъ отъ заговоровъ рабочихъ. Число предпринимателей меньше, а потому и взаимныя сношенія ихъ легче. Наоборотъ, рабочіе не могутъ стовориться между собою безъ того, чтобы ихъ стоворы не были приняты за возмущеніе, которые всегда спѣшнѣ подавить полиція. Система, полагающая главныя выгоды страны въ вывозѣ ея продуктовъ, дошла даже до того, что считаетъ всякіе союзы рабочихъ гибельными для благосостоянія государства, потому будто-бы, что они ведутъ къ возвышенію цѣнъ на предметы вывоза, а это, въ свою очередь, мѣшаетъ достигнуть преобладанія на иностранныхъ рынкахъ. Но что-же это за благосостояніе государства, когда многочисленный классъ народа держится въ самомъ бѣдственномъ состояніи ради того только, чтобы дешевле снабжать своими товарами иностранцевъ, пользующихся выгодами отъ тѣхъ лишеній, на которыя страна сама обрекаетъ себя!

Встрѣчаются такіе предприниматели, которые держатся того мнѣнія, что если платить рабочему дороже, то онъ будетъ хуже работать, и что полезно, чтобы нужда заставляла его работать. Смитъ, который много видѣлъ и много знаетъ, не раздѣляетъ этого мнѣнія. Вотъ, что говорить онъ по этому поводу:

„Какъ щедрое вознагражденіе за трудъ поощряетъ народъ къ размноженію, точно также оно усиливаетъ трудолюбіе низшихъ классовъ. Хорошая заработная плата служитъ поощреніемъ трудолюбія, а трудолюбіе, какъ и всякое свойство человѣка, совершенствуется

соотвѣственно поощренію, какое оно получаетъ. Обильныя средства существованія увеличиваютъ физическія силы человѣка, основная надежда улучшить свое положеніе и окончить свои дни, можетъ быть, въ мирѣ и довольствѣ, побуждаетъ рабочаго къ тому, чтобы извлечь изъ своихъ силъ все, что только можно извлечь изъ нихъ. Вотъ почему болѣе дѣятельные, прилежные и смысленные рабочіе, встрѣчаются всегда тамъ, гдѣ заработная плата высока, а не тамъ, гдѣ она низка; въ Англіи, напримѣръ, болѣе чѣмъ въ Шотландіи, въ окрестностяхъ большихъ городовъ болѣе, чѣмъ въ глухихъ деревняхъ. Есть, конечно, и такіе рабочіе, которымъ если удастся заработать въ четыре дня столько, что они могутъ просуществовать недѣлю, то остальные три дня они проводятъ въ праздности; но, разумѣется, не они составляютъ большинство. Напротивъ того, часто встрѣчаются между ними такіе, которые, при оплатѣ за работу поштучно, надрываютъ себя, разстраиваютъ свое здоровье и въ нѣсколько лѣтъ разрушаютъ свой организмъ“^{*)}).

^{*)} Ад. Смитъ: „Исследование о богатствѣ народовъ“. Кн. I. Гл. VIII. „Зарботная плата“. — См. „Ад. Смитъ“, въ наш. изд. гл. VII.; стр. 98. — Въ перев. П. А. Бибикова, стр. 225.

VIII.

Частное потребление.

Частное потребление, въ противоположность потребленію общественному, состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять потребностямъ частныхъ лицъ и ихъ семействъ. Эти потребности относятся главнымъ образомъ къ пищѣ, одеждѣ, жилищу и удовольствіямъ. Доходы каждаго частнаго лица, получаются-ли они съ промышленныхъ талантовъ, съ капиталовъ или съ земель, употребляются на различные предметы потребленія, которыхъ требуетъ удовлетвореніе потребностей. Богатство семьи возрастаетъ, падаетъ или остается неподвижнымъ, смотря потому, отстаютъ-ли потребленіе отъ ея доходовъ, превышаетъ-ли оно ихъ, или идетъ съ ними вровень. Совокупность всѣхъ частныхъ потребленій, вмѣстѣ съ потребленіемъ правительства, совершаемымъ въ интересахъ государства, образуетъ общее потребленіе всей націи.

Но изъ того, что всякая семья, какъ и всякій народъ въ совокупности, можетъ, не бѣднѣя, потреблять всѣ свои доходы, еще не слѣдуетъ, что она должна такъ поступать. Предусмотрительность требуетъ, чтобы принимались въ соображеніе всякія обстоятельства. Кто поручится, что онъ всегда сохранить въ цѣлости все свое состояніе? Чье состояніе вполнѣ обезпечено отъ несправедливости, обмана, или насилія? Развѣ не бывало конфискаціи земель? Развѣ корабли не подвергались крушеніямъ? А кто поручится, что ни-

когда не будетъ имѣть процесса, или что онъ всегда будетъ выигранъ? Развѣ богатые купцы не бывали жертвами банкротства или какой-нибудь невѣрной спекуляціи? Если ежегодно тратить весь свой доходъ, то запасъ средствъ можетъ постепенно уменьшаться — онъ даже, по всей вѣроятности, непременно уменьшится.

Но если онъ долженъ оставаться всегда въ одномъ размѣрѣ, то стоитъ-ли поддерживать его? Можетъ-ли состояние, какъ-бы оно значительно ни было, оставаться столь-же значительнымъ, когда приходится раздѣлить его между многими дѣтьми? Но если даже и не настоятъ надобности дѣлить его, то почему-же и не приумножить его, если употребляются при этомъ честныя средства? Развѣ стремленіе частныхъ лицъ увеличить свое благосостояніе не способствуетъ, посредствомъ сбереженій, умноженію капиталовъ, что, въ свою очередь, благопріятствуетъ промышленности и дѣлаетъ націи богатыми и цивилизованными? Если-же наши отцы не имѣли такого стремленія, то мы остались-бы дикарями. Мы еще въ точности не знаемъ, какой степени цивилизаціи можно достигнуть, съ помощью возрастанія богатства. Мнѣ представляется далеко недоказаннымъ, чтобы девять-десятихъ жителей въ большей части Европы должны непременно коснѣть въ состояніи, близкомъ къ варварству, какъ это дѣйствительно наблюдается еще въ настоящее время.

Частная экономія учить насъ правильнымъ образомъ направлять потребленіе семьи, то-есть въ каждомъ данномъ случаѣ вѣрно соразмѣрять потребляемую цѣнность съ удовлетвореніемъ, какое

получаетъ при этомъ семья. Каждый человѣкъ въ отдѣльности лучше всего самъ можетъ правильно взвѣсить какъ то, такъ и другое, потому что все это зависитъ отъ размѣра его состоянія, отъ занимаемаго имъ въ обществѣ положенія, отъ его личныхъ потребностей и потребностей его семьи, и даже отъ его личныхъ вкусовъ. Слишкомъ сдержанное потребленіе лишаетъ его тѣхъ удовольствій, которыми онъ могъ-бы пользоваться по своему состоянію, а безпорядочное потребленіе лишаетъ его тѣхъ средствъ, которыя благоразуміе совѣтуетъ ему беречь.

Потребленіе частныхъ лицъ всегда находится въ связи съ характеромъ и страстями людей. Самыя благородныя и самыя дурныя побужденія поочередно вліяютъ на него. Они вызываются то любовью къ чувственнымъ наслажденіямъ, то тщеславіемъ, то великодушіемъ, то мстительностью, то даже алчностью. Съ другой стороны, оно подавляется предусмотрительностью, воображаемыми опасеніями, мнительностью, эгоизмомъ. То одни, то другія изъ этихъ разнообразныхъ побужденій берутъ верхъ и руководятъ людьми въ пользованіи ихъ богатствами. Слѣдовать пути, указываемому благоразуміемъ, здѣсь какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, труднѣе всего. Человѣкъ-же по своей слабости отклоняется то въ ту, то въ другую сторону и слишкомъ часто ударяется въ крайности.

Крайностями въ потребленіи являются расточительность и скупость. И та и другая сторона лишаютъ человѣка выгодъ, которыя доставляетъ ему богатство: расточительность тѣмъ, что истощаетъ его средства, скупость тѣмъ, что мѣшаетъ ему

пользоваться ими. Но расточительность все-таки симпатичнѣе скупости и соединяется со многими общественными достоинствами. Ее скорѣе оправдаютъ, потому что она привлекаетъ другихъ къ участию въ своихъ удовольствіяхъ; тѣмъ не менѣе для общества она вреднѣе скупости: она расточаетъ, отымаетъ у промышленности капиталы, которыми она держится; уничтожая одинъ изъ могущественныхъ агентовъ производства, она не даетъ возможности развиваться другимъ. Кто говоритъ, что деньги для того и существуютъ, чтобы ихъ тратить, и что продукты для того и произведены, чтобы ихъ потреблять, очень ошибается, если при этомъ предполагаетъ, что расходы и потребление назначены для того, чтобы доставлять намъ удовольствія. Деньги нужны намъ еще и для того, чтобы употреблять ихъ производительнымъ образомъ, а производительное употребленіе ихъ ведетъ всегда къ большому благу, и всякій разъ, какъ расточается какой-нибудь запасъ производительныхъ средствъ, въ какомъ-нибудь уголкѣ міра, непременно погасаетъ соотвѣтствующая часть промышленности. Расточитель, поѣдающій часть своихъ личныхъ запасовъ, въ тоже время непременно лишаетъ промышленнаго человѣка его прибылей.

Скряга, не пускающій въ оборотъ своихъ сокровищъ, отъ страха потерять ихъ, правда, не приноситъ никакой выгоды промышленности, но онъ, по крайней мѣрѣ, не отымаетъ у нея ни одного изъ ея средствъ. Эти сокровища накоплены имъ въ ущербъ его собственнымъ наслажденіямъ, но не на счетъ общества, какъ обыкновенно думаютъ: они не были отвлечены ни отъ какого про-

изводительнаго употребленія и, по смерти скряги найдутъ себѣ, по крайней мѣрѣ, полезное помѣщеніе и оживятъ промышленность, если не будутъ расточены его наслѣдниками, или не будутъ запрятаны такъ далеко, что нельзя будетъ достать ихъ.

Люди расточительные напрасно величаются своимъ мотовствомъ—оно также недостойно благородства человѣческой природы, какъ и скарредство скупца. Нѣтъ никакой заслуги въ томъ, чтобы расточить все, что имѣешь, и потомъ легко обходиться безъ того, чего не имѣешь. Такъ поступаютъ только животныя, да и то болѣе развитыя изъ нихъ бываютъ и болѣе предусмотрительны. Что отличаетъ поступки всякаго существа, одареннаго предусмотрительностью и разумомъ, это—ни при какомъ случаѣ ничего не потреблять безъ разумной цѣли впереди. Таковъ по крайней мѣрѣ совѣтъ экономіи.

Экономія есть сужденіе въ примѣненіи къ потребленію. Она знаетъ свои средства и знаетъ, на что лучше всего употребить ихъ. У экономіи нѣтъ никакихъ абсолютныхъ принциповъ, она всегда сообразуется съ состояніемъ, положеніемъ и потребностями потребителя. Расходъ, рекомендуемый благоразумной экономіей для хозяйства средней руки, былъ-бы скарредствомъ для богатаго и расточительностью для нуждающагося хозяйства. Во время болѣзни приходится пользоваться такими удобствами, отъ которыхъ отказываешь себѣ, когда бываешь здоровъ. Благодареніе, дѣлаемое въ ущербъ личнымъ наслажденіямъ благотворителя, достойно всякой похвалы, если-же оно дѣлается въ ущербъ содержанію собственныхъ дѣтей, заслуживаетъ порицанія.

Здравая экономія одинаково чуждается какъ скупости, такъ и расточительности. Скупость копить не для того, чтобы потреблять, или воспроизводить новые продукты, а для того, чтобы копить; это—инстинктъ, потребность машинальная и постыдная. Экономія—дочь благоразумія и просвѣщеннаго разума; она умѣетъ отказывать себѣ въ излишнемъ, чтобы обезпечить себѣ необходимое, тогда какъ скупость отказываетъ себѣ въ необходимомъ, чтобы доставить себѣ излишнее въ будущемъ, которое никогда не наступитъ. Экономію можно внести въ устройство самого роскошнаго ширшества, и она даетъ средство сдѣлать его еще болѣе роскошнымъ; скупость-же только портитъ вездѣ, куда ни покажется. Человѣкъ хозяйственный соразмѣряетъ свои средства съ настоящими и будущими потребностями, со всѣмъ, чего требуютъ отъ него его семья, друзья, человѣчество. У скупого нѣтъ семьи, нѣтъ друзей; онъ едва имѣетъ кое-какія потребности, а человѣчество для него не существуетъ. Экономія не потребляетъ ничего даромъ; скупость не хочетъ потреблять ничего. Первая является слѣдствіемъ похвального разсчета, который одинъ даетъ средство исполнить свои обязанности и быть великодушнымъ, не нарушая справедливости. Скупость—низкая страсть, потому что она имѣетъ въ виду только себя и все приносить въ жертву себѣ.

Экономія признается добродѣтелью и не безъ основанія. Она предполагаетъ силу и власть надъ собою, какъ и другія добродѣтели, и болѣе чѣмъ какая-нибудь изъ нихъ ведетъ къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Благодаря ей, семейства могутъ да-

Государство.

Я-бы очень желать, чтобъ установили премію не въ 500, а въ миллионъ франковъ, съ награжденіемъ еще крестами и лентами для выдачи ихъ тому, кто даль-бы хорошее, простое и вразумительное опредѣленіе слова: *Государство*.

Какую громадную услугу оказалъ-бы онъ обществу!

Государство! Что это такое? Гдѣ оно? Что оно дѣлаетъ? Что должно дѣлать?

То, что мы знаемъ теперь про него, это—какая-то таинственная личность, которая навѣрно болѣе всѣхъ на свѣтѣ хлопочетъ, болѣе всѣхъ тормозится, болѣе всѣхъ завалена работой, съ которою болѣе всѣхъ совѣтуются, которую болѣе всѣхъ обвиняють, къ которой чаще всѣхъ обращаются и къ которой чаще всѣхъ вызываютъ о помощи.

Я не имѣю чести знать васъ, милостивый государь, но готовъ держать какое хотите пари,—одинъ противъ десяти, что вы въ теченіе уже 6 мѣсяцевъ занимаетесь составленіемъ утопій, а если это такъ, то бьюсь объ закладъ,—одинъ противъ десяти, что исполненіе вашихъ утопій вы возлагаете на *Государство*. А вы, милостивая госуда-

имѣть силъ освободиться отъ нихъ. Онъ никогда не знаетъ, ни гдѣ онъ, ни въ какую сторону долженъ идти.

Домъ, въ которомъ нѣтъ порядка, становится добычей всѣхъ и каждаго; онъ разоряется даже и при вѣрныхъ слугахъ; онъ разоряется даже и при мелочной бережливости. Онъ постоянно доступенъ множеству самыхъ мелкихъ потерь, которыя возобновляются безпрестанно во всевозможныхъ видахъ и по самымъ ничтожнымъ причинамъ.

Къ числу причинъ, всего болѣе вліяющихъ на частное потребленіе, принадлежитъ роскошь, которая доставляла такъ много матеріала для всевозможной декламации, о которой я могъ-бы и не говорить здѣсь, если-бы всѣ согласились дѣлать правильное практическое примѣненіе принциповъ, изложенныхъ въ этомъ сочиненіи, и если-бы не было всегда полезно приводить доказательства, вмѣсто праздныхъ разглагольствованій.

Говорили, что роскошь есть *употребленіе излишняго* *). Признаюсь—я не понимаю разницы между *излишнимъ* и *необходимымъ*. Подобно цвѣтамъ радуги, эти понятія переливаются одно въ другое и смѣшиваются въ неуловимыхъ оттѣнкахъ. Вкусы, воспитаніе, темпераменты, здоровье устанавливаютъ безконечное разнообразіе между всѣми степенями полезнаго и необходимаго, такъ что невозможно, въ смыслѣ абсолютномъ, пользоваться этими двумя словами, имѣющими всегда только относительное значеніе.

*) См. Стьюартъ: „Политическая экономія“. Тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что *излишніе предметы*—тѣ, которые абсолютно не необходимы для жизни.

Понятіе о необходимомъ и излишнемъ мѣняется смотря по различному состоянію самого общества. Такъ, хотя человѣкъ и могъ жить, питаясь одними кореньями, одѣваясь только въ звѣринныя шкуры и укрываясь въ простомъ шалаши; однако теперь, при современномъ состояніи нашихъ обществъ, невозможно считать въ нашемъ климатѣ излишествомъ употребленіе хлѣба и мяса, шерстяной одежды и жилищъ въ домахъ. Точно также понятія о необходимомъ и излишнемъ мѣняются смотря по состоянію частныхъ лицъ: что необходимо въ городѣ, при извѣстномъ занятіи, то бываетъ излишне въ деревнѣ, при иномъ положеніи. Слѣдовательно, никакъ нельзя провести раздѣльной линіи между необходимымъ и излишнимъ. Смитъ, который отодвинулъ эту линію дальше, чѣмъ Стюартъ, потому что онъ называетъ предметами необходимыми (necessities) не только все то, что требуется самою природою, но и то, что сдѣлалось необходимымъ даже для низшихъ классовъ народа въ силу установившихся правилъ приличія и благопристойности, — Смитъ, говорю я, былъ не правъ въ этомъ отношеніи. Эта раздѣльная линія измѣнчива по самому существу своему.

Можно сказать вообще, что роскошь есть употребленіе предметовъ дорогихъ; это слово — *дорогой*, смыслъ котораго относителенъ, достаточно подходитъ для опредѣленія слова, имѣющаго также относительный смыслъ. На французскомъ языкѣ слово *luxe* (роскошь) возбуждаетъ въ одно и тоже время скорѣе понятіе о тщеславіи, чѣмъ о сластолюбіи: *роскошь въ одеждѣ* значить не то, что эта одежда болѣе удобна для тѣхъ, кто ее носить, а то, что

она ешита, чтобы поразить глаза тѣхъ, кто смотритъ на нее. *Роскошь стола* возбуждаетъ понятіе скорѣе о пышности пиршества, чѣмъ о тонкости кушаньевъ эпикурейца.

Съ этой точки зрѣнія роскошь имѣетъ своею главною цѣлью возбудить удивленіе рѣдкостью, дороговизною, великолѣпіемъ предметовъ, которыми блещетъ, а предметы роскоши употребляются не ради ихъ дѣйствительной полезности, ни ради доставляемаго ими удобства или удовольствія, но ради только того, чтобы ослѣпить глаза и подѣйствовать на мнѣніе другихъ людей. Роскошь родственна *тщеславію*; но тщеславіе распространяется на всѣ преимущества, которыми хотятъ украсить себя—можно быть добродѣтельнымъ изъ тщеславія, но нельзя быть добродѣтельнымъ изъ роскоши. Роскошь предполагаетъ расходы, и если говорятъ—*роскошь ума*, то дѣлаютъ натяжку, предполагая, что тратится умъ, когда расточаются его силы, которыя слѣдовало бы поберечь.

Хотя то, что мы называемъ роскошью, основывается главнымъ образомъ на тщеславіи, однако тождественными съ нею можно признать утонченныя проявленія сластолюбія. Въ этомъ отождествленіи—лучшее объясненіе послѣднихъ, да и результаты ихъ получаются тѣ-же—значительное потребленіе, способное удовлетворить большимъ потребностямъ и посвященное суетному самоуслажденію. Но я не называлъ-бы предметомъ роскоши того, что просвѣщенный и умный человѣкъ, живущій въ развитой странѣ, желалъ-бы имѣть для своего стола, хотя-бы у него и не было гостей, для своего дома и костюма, хотя-бы ему и не было на-

добности выставять себя на показъ. Это—удовольствіе, это—удобство, осмысленное и соотвѣтствующее его состоянію, но не роскошь.

Опредѣливъ роскошь въ такомъ смыслѣ, можно теперь выяснитъ, какое вліяніе она имѣетъ на экономію народовъ.

Непроизводительное потребленіе можетъ охватывать и удовлетвореніе потребностей весьма реальныхъ. Въ этомъ отношеніи оно еще можетъ представить нѣкоторый противовѣсъ вреду, который происходитъ всегда отъ уничтоженія цѣнностей. Но чѣмъ можно вознаградить этотъ вредъ, когда потребленіе не имѣетъ своимъ предметомъ удовлетворенія какой-нибудь дѣйствительной потребности, когда расходъ дѣлается только ради расхода, уничтоженіе цѣнности ради самого уничтоженія?

Вы скажете, можетъ быть, что такое потребленіе доставляетъ выгоду производителямъ потребленныхъ продуктовъ.

Но вѣдь расходы, производимые не ради безполезнаго потребленія, дѣлаются всегда потому, что деньги, которыхъ не хотятъ расточать на предметы роскоши, не бросаются же въ рѣку. Они идутъ или на болѣе благоразумное потребленіе, или на новое производство. Во всякомъ случаѣ весь доходъ, если только онъ не запрятывается куда-нибудь, идетъ на потребленіе; во всякомъ случаѣ поощреніе, получаемое производителями отъ потребленія, равняется всей суммѣ доходовъ. А изъ этого слѣдуетъ:

1. Что поощреніе, получаемое тѣмъ или другимъ производствомъ отъ расходовъ на предметы

роскоши, непременно отнимается отъ какого-нибудь другого производства.

2. Что поощреніе, произтекающее изъ такихъ расходовъ, можетъ возрасти только въ томъ случаѣ, если увеличивается доходъ потребителя, а извѣстно, что онъ увеличивается не отъ расходовъ на предметы роскоши, а отъ расходовъ на производство новыхъ продуктовъ.

Въ какую ошибку впадали тѣ, которые, видя вообще, что производство всегда равняется потребленію (ибо необходимо, чтобы все потребленное было прежде произведено), принимали дѣйствіе за причину и ставили принципомъ, что только непроизводительное потребленіе вызываетъ воспроизводство, что сбереженіе прямо противно общественному благосостоянію, и что самый полезный гражданинъ—тотъ, который расходуетъ больше всѣхъ!

Сторонники двухъ противоположныхъ системъ—экономической и торговаго баланса, создали изъ этого положенія главное основаніе для своихъ ученій. Мануфактуристы и купцы, заботившіеся только о томъ, чтобы продать свой продуктъ, не помышляя о причинахъ, на основаніи которыхъ они могли-бы продать больше, поддерживали это положеніе, повидимому столь подходившее къ ихъ интересамъ; поэты, всегда немного увлекающіеся внѣшностью и не считающіе себя обязанными знать больше, чѣмъ государственные люди, воспѣвали роскошь на всѣ лады, люди же богатые поспѣшили одобрить эту систему, которая возводила ихъ тщеславіе въ добродѣтель, а ихъ наслажденія — въ благодѣяніе.

Но политическая экономія, успѣвшая раскрыть истинные источники богатства, выяснить средства производства и результаты потребленія, на всегда разрушить этотъ предрасудокъ. Суетность можетъ величаться бесполезными расходами—она только возбудить къ себѣ презрѣніе всякаго разумнаго человѣка послѣдствіями своей расточительности, какъ прежде возбуждала принципами, которыми руководствовалась.

Что доказывается разсужденіемъ, то подтверждается и опытомъ. Нищета идетъ всегда вслѣдъ за роскошью. Пышный богачъ употребляетъ на дорогія бездѣлушки, роскошные пиры, великолѣпные дворцы, на собакъ, лошадей, любовницъ массу цѣнностей, которыя могли-бы быть употреблены производительнымъ образомъ и доставить теплое платье, здоровую пищу, удобную мебель огромному числу трудящихся людей, обреченныхъ по его милости на праздность и нищету. И вотъ богачъ ходитъ въ золотыхъ пряжкахъ, а бѣднякъ сидитъ безъ сапогъ; богачъ одѣтъ въ бархатъ, а у бѣдняка нѣтъ рубашки.

Такова ужъ сила вещей — сколько-бы роскошь ни гнала нищету съ своихъ глазъ, а нищета упорно идетъ за ней по пятамъ, какъ-бы въ укоръ за ея излішества. Вотъ что наблюдалось въ Версали, въ Римѣ, въ Мадридѣ, при всѣхъ дворахъ; печальный примѣръ такого состоянія представила намъ, наконецъ, Франція, какъ послѣдствіе расточительной и пышной администраціи, какъ будто требовалось, чтобы такіе неопровержимые принципы нуждались въ такомъ ужасномъ подтвержденіи.

Люди, не привыкшіе распознавать дѣйствительность подъ ея виѣшнею оболочкою, иногда соблазняются блескомъ и громомъ блестящей роскоши. Они видятъ благосостояніе тамъ, гдѣ дѣлаются большіе расходы. Но они глубоко ошибаются въ этомъ: страна, которая падаетъ, обыкновенно въ теченіе нѣкотораго времени являетъ подобіе богатства, какъ домъ мота, который разоряется. Но этотъ обманчивый блескъ непродолжителенъ: такъ какъ онъ иссушаетъ самыя источники воспроизводства, то за нимъ неизбѣжно слѣдуетъ стѣсненность, общее истощеніе, съ которыхъ можно вытѣчься только постепенно и средствами, прямо противоположными тѣмъ, которыя привели къ такому упадку.

Прискорбно, что общественныя нравы, гибельныя привычки страны, съ которою человѣкъ связанъ своимъ рожденіемъ, состояніемъ, привязанностями, подчиняются своему вліянію даже самыхъ развитыхъ, наиболѣе способныхъ предусматривать опасность и уразумѣвать ея печальныя послѣдствія. Лишь очень немногіе люди, довольно твердые въ своихъ убѣжденіяхъ и независимые по своему матеріальному положенію, дѣйствуютъ только по своимъ принципамъ и руководствуются только своими убѣжденіями. Большинство-же слѣдуетъ, вопреки своимъ желаніямъ, за безразсудной толпой, которая, ни надъ чѣмъ не задумываясь, не замѣчаетъ, что, если удовлетворены заурядныя потребности жизни, счастье заключается не въ праздныхъ наслажденіяхъ роскоши, а въ размѣренномъ пользованіи своими физическими и нравственными способностями.

Стало-быть, лица, которыя, пользуясь большою властью или большими талантами, стараются распространить вкусъ къ роскоши, дѣйствуютъ во время благополучію народа. Если какая-нибудь привычка еще заслуживаетъ поощренія какъ въ монархіяхъ, такъ и въ республикахъ, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ государствахъ, то это только — экономія. Но нуждается-ли она въ поощренія? Не достаточно-ли для этого уважать неприкосновенность всѣхъ сбереженій и ихъ употребленій, т. е. признать цѣльное развитіе всякой промышленности, если только она не преступна? Когда не развращаютъ націй дурными примѣрами и дурными учрежденіями, когда не мѣшаютъ имъ самимъ имѣть свое правильное сужденіе о своихъ истинныхъ интересахъ, то онѣ всегда ведутъ себя хорошо. Всякія вредныя крайности—дѣло отдѣльных лицъ.

Говорятъ, что, возбуждая людей къ тратамъ, тѣмъ самымъ возбуждаютъ ихъ къ производству—надо-же, чтобы они вырабатывали что-нибудь, для того, чтобы дѣлать расходы. Чтобы дойти до такого разсужденія, надо прежде начать съ предположенія—что отъ людей самихъ зависить какъ производить и потреблять и что также легко увеличивать свои доходы, какъ и проѣдать ихъ. Но если-бы это и было такъ, если-бы дѣйствительно потребность бросать деньги развивала любовь къ труду, что вовсе не подтверждается опытомъ, то все-таки производство могло-бы возрастать не иначе, какъ съ помощью умножающихся капиталовъ, которые составляютъ всегда одинъ изъ необходимыхъ элементовъ всякаго производства, а

капиталы — умножаются только сбереженіемъ. А какихъ сбереженій можно ожидать отъ тѣхъ, кто побуждается къ производству однимъ только желаніемъ хорошо пожить?

Сверхъ того, если любовь къ роскоши внушаетъ стремленіе къ пріобрѣтенію, то достаточно-ли медленныхъ и ограниченныхъ средствъ дѣйствительнаго производства для утоленія жажды широкаго потребленія? Не рассчитываетъ-ли эта любовь къ роскоши скорѣе на быстрые и постыдные барыши отъ интриги и разорительной для народа промышленности, на то, чтобы, ничего не производя, принять участіе въ раздѣлѣ продуктовъ, произведенныхъ чужимъ трудомъ? Въ такихъ случаяхъ мошенникъ развиваетъ всѣ силы своего презрѣннаго генія, сутяга спекулируетъ на неясности законовъ, человѣкъ, у власти стоящій, продаетъ людской глупости и нечестности покровительство, которое онъ обязанъ даромъ оказывать достоинству и справедливости. Я видѣлъ за ужиномъ, рассказываетъ Иллія, Паулину въ костюмѣ, затканномъ жемчугомъ и изумрудами и стоившемъ 40 милл. сестерцій, что можно было-бы подтвердить, какъ она говорила, ея домашними счетами; этимъ костюмомъ она была обязана грабительству своихъ предковъ. Чтобы внучка могла появиться, прибавляетъ римскій писатель, на пиру въ драгоценныхъ камняхъ, дѣдъ ея Лоллій согласился разорить нѣсколько провинцій, покрыть себя позоромъ на всемъ Востокѣ, потерять дружбу сына Августа и въ концѣ всего умереть отъ яда.

Вотъ какова промышленность, вселяющая вкусъ къ безумной расточительности!

Могут доказывать, что система, поощряющая расточительность и благопріятствующая только богатымъ, имѣетъ покрайней мѣрѣ то хорошее дѣйствіе, что умаляетъ неравенство состояній. Но мнѣ нетрудно было-бы доказать, что расточительность богачей заражаетъ средніе и бѣдные классы населенія, и что именно эти классы скорѣе всего исчерпываютъ свои небольшіе доходы, такъ что всеобщая расточительность скорѣе усиливаетъ, чѣмъ сглаживаетъ разницу состояній. Скажу болѣе — расточительность богачей всегда предшествуетъ расточительности правительства или слѣдуетъ за ней, а эта послѣдняя расточительность почерпаетъ свои средства только изъ налоговъ, которые всегда тяжеле для мелкихъ, чѣмъ для крупныхъ доходовъ.

По временамъ пытались законами противъ роскоши обуздать надменную суетность и разорительную расточительность. Но эти законы рѣдко достигали своей цѣли. Когда нравы испорчены, то легко избѣжать этихъ законовъ, при хорошихъ нравахъ они бесполезны, но всегда являются посягательствомъ на частную собственность. Ошибки частныхъ лицъ несутъ въ себѣ свое наказаніе, и было-бы безуміемъ пытаться достигать законами того, что непремѣнно достигается въ силу вещей.

Послѣ неудачной защиты роскоши, старались иногда выступать на защиту нищеты. Говорили, что если-бы бѣдняковъ не преслѣдовала нужда, то они не стали-бы работать, а это лишило-бы богатыхъ, да и все общество промышленности бѣднаго населенія.

Но это положеніе, къ счастью, также ложно по су-

ществу, какъ и безчеловѣчно по своимъ послѣдствіямъ. Если нищета служила побужденіемъ къ трудолюбію, то самымъ трудолюбивымъ изъ людей быть-бы дикарь, потому что онъ самый бѣдный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ, какъ онъ недоволенъ, знаемъ, что дикари умирали отъ огорченія, когда ихъ хотѣли занять работой. У насъ, въ Европѣ, самые лѣнныя рабочіе — тѣ, которые по своимъ привычкамъ болѣе всего подходятъ къ дикарямъ; количество работы, исполненной грубымъ трудомъ въ какомъ-нибудь бѣднѣйшемъ округѣ, не можетъ сравниться съ количествомъ работы, исполненной порядочнымъ рабочимъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Потребности расширяются по мѣрѣ ихъ удовлетворенія. Человѣкъ, одѣтый въ простую куртку, хочетъ имѣть платье, а у кого есть платье, хочетъ имѣть черныя сюртукъ. Рабочій, живущій въ одной комнатѣ, хочетъ жить въ двухъ комнатахъ; у кого только двѣ рубашки, хочетъ имѣть ихъ дюжину, чтобы можно было чаще мѣнять бѣлье, а кто никогда не зналъ никакой рубашки, тотъ и не думаетъ о пріобрѣтеніи ея. Человѣкъ никогда не отказывается пріобрѣсть больше, потому что онъ имѣетъ что-нибудь.

Довольство низшихъ классовъ вовсе не несовмѣстимо, какъ часто говорили, съ существованіемъ общественнаго организма. Сапожникъ можетъ тачать сапоги также хорошо въ теплой комнатѣ, хорошо одѣтый, когда онъ самъ сытъ и сыты его дѣти, какъ и цѣпенѣя отъ холода, въ лавчонкѣ, на углу какой-нибудь глухой улицы. Люди не работаютъ ни хуже, ни гораздо хуже отъ того, что они пользуются разумными удобствами жизни.

Пускай богачи бросяť свое дѣтское опасеніе, что имъ будетъ хуже жить, если бѣдняки достигнутъ благосостоянія. Опытъ, какъ и простое соображеніе, доказываютъ, напротивъ, что вообще въ странахъ, наиболѣе богатыхъ, всего легче найти удовлетвореніе своимъ наиболѣе развитымъ потребностямъ.

IX.

Потребление общественное.

Кромѣ тѣхъ потребностей частныхъ лицъ и ихъ семействъ, удовлетвореніе которыхъ образуетъ собою частное потребленіе, есть еще такія особыя потребности, которыя ощущаются союзомъ частныхъ лицъ, называемымъ обществомъ, и удовлетвореніе которыхъ составляетъ потребленіе общественное. Общество покупаетъ и потребляетъ услуги администраціи, оберегающей его интересы, войска, ограждающаго страну отъ внѣшняго нападенія, суда гражданскаго и уголовнаго, охраняющаго каждое частное лицо отъ посягательства другихъ. Всѣ эти разнообразныя услуги приносятъ свою пользу, и если они размножаются сверхъ существующей въ нихъ потребности, если они оплачиваются дороже своей цѣнности, то лишь вслѣдствіе недостатковъ общественной организаціи, разсмотрѣніе которыхъ выходитъ изъ предѣловъ настоящаго сочиненія.

Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, гдѣ общество находитъ цѣнности, на которыя покупаетъ или услуги своихъ агентовъ, или предметы, необходимые для удовлетворенія ихъ потребностей. Въ этой-же главѣ мы разсмотримъ только—какъ производится общественное потребленіе и къ какимъ оно приводитъ результатамъ.

Если начало этой книги хорошо понято, то читатель легко уразумѣетъ, что общественное потребление, имѣющее въ виду общую пользу, по существу своему совершенно тоже, что и удовлетвореніе потребностей частныхъ лицъ и ихъ семействъ. Какъ то, такъ и другое есть всегда разрушеніе цѣнностей, разрушеніе части богатствъ, хотя-бы при этомъ и не выходило ни одной копейки изъ предѣловъ страны.

Чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ движеніе цѣнности, потребленной ради общественной пользы.

Правительство требуетъ отъ плательщика уплаты деньгами какого-нибудь налога. Чтобы удовлетворить сборщика налога, плательщикъ мѣняетъ на деньги продукты, которыми онъ располагаетъ, и эти деньги вручаетъ правительственному чиновнику. Другіе агенты покупаютъ на эти деньги сукно и съѣстные припасы для войска. Здѣсь еще никакая цѣнность ни потреблена, ни потеряна, а есть только цѣнность, которая добровольно передана плательщикомъ и обмѣнена на другія цѣнности. Она продолжаетъ существовать въ формѣ съѣстныхъ припасовъ и сукна въ складахъ арміи. Но вотъ, наконецъ, эта цѣнность потребляется, съ этого именно момента часть богатства, вышедшая изъ рукъ плательщика налога, уничтожается, разрушается.

Но здѣсь сумма денегъ не разрушена — она только перешла изъ однихъ рукъ въ другія, отчасти безвозмездно, когда плательщикъ вручилъ ее сборщику налога, отчасти посредствомъ обмѣна, когда она была передана правительственнымъ чи-

новникомъ поставщику арміи, у котораго были закуплены съѣстные припасы и сукно. Не смотря на всѣ передачи, цѣнность денегъ сохранилась, и если-бы она перешла въ третьи, четвертые и десятые руки, она все продолжала-бы существовать, не испытывая никакого чувствительнаго измѣненія, а разрушилась-бы при этихъ переходахъ цѣнность сукна и припасовъ, которая перестала существовать. Совершенно такой-же результатъ получился-бы, если-бы плательщикъ налога на тѣ-же деньги купилъ съѣстныхъ припасовъ и сукна и самъ потребилъ-бы ихъ. Вся разниа только въ томъ, что удовлетвореніе отъ этого потребленія получилъ не плательщикъ налога, а государство.

Все это не трудно примѣнить и ко всякому роду общественнаго потребленія. Когда деньги плательщика идутъ на выдачу содержанія какому-нибудь должностному лицу, то послѣднее, значить, продаетъ свое время, свои способности, свой трудъ, которые потребляются на пользу общественную, и, въ свою очередь, потребляетъ, вмѣсто плательщика налога, цѣнность, полученную имъ въ обмѣнъ на свои услуги, точно также какъ это сдѣлалъ-бы какой-нибудь прикащикъ, или всякое другое лицо, нанятое плательщикомъ налога для соблюденія его частныхъ интересовъ.

Почти всегда думали, что цѣнность, платимая обществомъ за общественныя услуги, возвращается ему въ другой формѣ, и доказывали это, между прочимъ, тѣмъ, что все, что получаетъ правительство и его агенты, они возмещаютъ имъ, что сами расходуютъ. Но это—ошибка и ошибка тѣмъ болѣе вредная по своимъ послѣдствіямъ, что

повлекла за собою страшныя расхищенія, совершенныя безъ всякаго угрызенія совѣсти. Цѣнность, доставленная плательщикомъ налога, передана имъ даромъ; правительство воспользовалось ею, чтобы купить трудъ, предметы потребленія, продукты, однимъ словомъ — то, что имѣеть такую-же цѣнность. Покупка не есть возстановленіе цѣнности.

Съ какой-бы стороны ни разсматривалась эта операція и какъ-бы она ни была усложнена въ практическомъ исполненіи, она всегда путемъ анализа приведетъ къ тому общему положенію, какое сейчасъ высказано. Потребленный продуктъ всегда будетъ потерянною цѣнностью, кто-бы ни былъ потребителемъ ея, и притомъ она будетъ потеряна безъ вознагражденія того, кто не получилъ ничего въ обмѣнъ на нее. Но въ данномъ случаѣ надо считать возмѣщеніемъ ту выгоду, которую плательщикъ налога получаетъ отъ службы должностнаго лица, или отъ потребленія, сдѣланнаго на общую пользу.

Если общественные расходы дѣйствуютъ на сумму богатствъ совершенно также, какъ и частные расходы, то тѣ-же самые принципы экономіи должны руководить какъ тѣми, такъ и другими. Нѣтъ двухъ родовъ экономіи, какъ нѣтъ двухъ родовъ честности или двухъ родовъ нравственности. Если правительство, какъ и частное лицо, совершаетъ потребленіе, въ результатъ котораго получается больше цѣнностей, чѣмъ сколько ихъ потреблено, то, значить, дѣятельность ихъ производительна. Если-же отъ потребленной цѣнности не осталось никакого продукта, то она, значить, совершенно потеряна какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ; но она

можетъ, исчезая, оказать услугу, которую отъ нея ожидали. Всякіе военные запасы вещей и провіанта, точно также какъ время и работа гражданскихъ и военныхъ чиновъ, служившихъ на защиту государства, перестали существовать, хотя и могли быть употреблены съ большею пользою: тутъ произошло тоже самое, что съ предметами и услугами, которые непосредственно употребило на себя какое-нибудь семейство. Тутъ не оказалось никакой другой выгоды, кромѣ удовлетворенія потребности; но если потребность была дѣйствительная, если она была удовлетворена при возможно наилучшихъ условіяхъ, то такого возмѣщенія совершенно достаточно, чтобы уровновѣсить, часто даже съ большою выгодною, то, чего стоило такое удовлетвореніе. Если-же потребности не существовало, то и потребленіе семьи и защита ея интересовъ оказываются только зломъ, ничѣмъ вознаграждаемымъ. То-же самое представляетъ и потребленіе государства: потреблять только для того, чтобы потреблять, расходовать только для того, чтобы расходовать, требовать услугъ отъ кого-нибудь ради того, чтобы давать ему жалованье, уничтожить предметъ для того, чтобы имѣть случай заплатить за него, это—такое-же безразсудство со стороны правительства, какъ и со стороны частного лица въ его частномъ потребленіи, и также непростительно для правителя государствомъ, какъ и для всякаго человѣка, стоящаго во главѣ какого-нибудь частного предпріятія. Расточительное правительство даже виновнѣе частного лица: это послѣднее потребляетъ то, что принадлежитъ ему, тогда какъ правительство само ничего не имѣетъ

и является только распорядителем общественнаго достоянія *).

Что-же можно думать о тѣхъ писателяхъ, а ихъ не мало, которые хотѣли установить то положеніе, что богатство частное и богатство общественное суть два совершенно различныя понятія: что богатство частнаго лица умножается дѣйствительно сбереженіемъ, а богатство общественное, напротивъ, умножается отъ усиленія потребленія, и которые вывели изъ этого положенія такое опасное и ложное заключеніе, что правила, которыми руководствуется управленіе частнымъ богатствомъ, и правила, которыми должно руководствоваться управленіе общественнымъ достояніемъ, не только совершенно различны, но часто даже просто противоположны другъ другу?

Если-бы такіе принципы высказывались только въ книгахъ и никогда не дѣйствовали на практикѣ, то еще можно было-бы оставаться спокойнымъ и равнодушно смотрѣть на нихъ, какъ на множество другихъ являющихся въ печати заблужденій. Но какъ не скорбѣть о судьбахъ человѣчества, когда видишь, что подобные принципы исповѣдуются людьми, отличающимися своими достоинствами, талантами и образованіемъ, когда видишь, что ими руководствуются на практикѣ люди, которые обле-

*) Всякое правительство, считающее себя собственникомъ богатства частныхъ лицъ, или дѣйствующее на правахъ такого собственника, является узурпаторомъ, а узурпація есть фактъ, а не право. Никто всякій воръ, достаточно ловкій или достаточно сильный, чтобы захватить чужимъ достояніемъ, будучи пойманъ, долженъ быть признанъ законнымъ собственникомъ того, что съворовалъ, а не обязаннымъ возратить украденное.

чены властью и могутъ поддержать такіа заблужденія и безсмыслицы силою штыковъ и пушекъ *).

Госпожа де-Ментенонъ рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кардиналу Ноалью, что когда ей пришлось однажды упрашивать короля усилить раздачу милостыни бѣднымъ, то Людовикъ XIV отвѣтилъ ей такъ: *король подаетъ милостыню тогда, когда трагитъ много*. Какія драгоценныя и страшныя слова, доказывающія, какъ разореніе можетъ быть возведено даже въ принципъ. Дурныя принципы бывають хуже самой развращенности, потому что ими руководствуются даже въ противность своимъ плохо понимаемымъ интересамъ, и вдобавокъ еще въ теченіе очень продолжительнаго времени, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и безъ всякой пощады. Если-бы Людовикъ XIV думалъ, что своею пышностью и расточительностью онъ удовлетворяетъ только своему тщеславію, а завоеваніями—своему честолюбію, то онъ былъ-бы честнымъ человѣкомъ; онъ могъ-бы раскаяться въ своемъ заблужденіи и положить ему конецъ, онъ могъ-бы по крайней мѣрѣ остановиться ради собственнаго интереса. Но, къ несчастію, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ своею расточительностью приноситъ пользу своимъ государствамъ, а слѣдовательно и самому себѣ, и не остановился до тѣхъ поръ, пока не дошелъ до нищеты и униженія.

Здравыя идеи политической экономіи были еще

*) Легко замѣтить, что это мѣсто, какъ и нѣкоторые другіа, были написаны въ господство военнаго режима, который присвоилъ себѣ право истощать всѣ источники народнаго благосостоянія и увѣрять насъ, не допуская для страны никакихъ возраженій, что все это такъ и быть должно.—Прим. автора.

настолько чужды лучшимъ людямъ даже XVIII стол., что король прусскій, Фридрихъ II, человекъ, такъ страстно искавшій истины, столь способный понять ее и столь достойный, чтобъ взять ее подъ свое покровительство, такъ писалъ д'Алламберу, въ оправданіе веденныхъ имъ войнъ: „мои многочисленныя войска способствуютъ обращенію денегъ и равномерно распредѣляютъ въ провинціяхъ то, что народы доставляютъ правительству“. Итъ, еще разъ итъ; все что получаетъ правительство съ провинцій, не возвращается имъ обратно. Уплачиваются-ли налоги деньгами или натурой, они превращаются въ воинскіе запасы и въ этой формѣ потребляются, уничтожаются людьми, которые не возстановляютъ ихъ, потому что не производятъ никакой цѣнности *). Счастьемъ для Пруссіи были то, что дѣятельность Фридриха II не всегда соответствовала его принципамъ: онъ

*) Для снабженіе войска въ рукахъ правительства или его агентовъ имѣются цѣнности двойкаго рода: 1) цѣнность того, что платится подданными; 2) цѣнность воинскихъ запасовъ, доставляемыхъ поставщиками. Кто доставляетъ цѣнности перваго рода (плательщики), ничего не получаютъ въ возмѣщеніе ихъ, кто доставляетъ цѣнность втораго рода (поставщики), получаютъ взамѣнъ въ видѣ платы другія цѣнности.—Но существованіе этихъ послѣднихъ цѣнностей не даетъ никакого права утверждать, что правительство возвращаетъ одной рукой то, что беретъ другою, что тутъ происходитъ только обращеніе цѣнностей и что нации отъ этого ничего не терпятъ. Что получило съ плательщиковъ правительство, равно 2, а что она возмѣстила имъ за это, равно 1. Потеря этой недостающей 1 падаетъ всецѣло на плательщиковъ, и такъ какъ частныя богатства плательщиковъ въ совокупности образуютъ богатство народа, то, значить, народное богатство уменьлось за всю сумму цѣнностей, потребленныхъ правительствомъ, за исключеніемъ изъ нея того, что произведено правительствомъ, благодаря общественнымъ учрежденіямъ.

принесъ странѣ больше пользы своею экономіей въ управленіи, чѣмъ сколько принесъ ей вреда своими войнами.

Если потребленіе народа или его правительства причиняетъ потерю цѣнностей, а слѣдовательно и богатства, то оно можетъ быть оправдано лишь по столько, по скольку народъ получаетъ отъ него выгоды, равныя тѣмъ жертвамъ, которыхъ оно стоило ему. Стало-быть, все искусство администраціи заключается въ постоянномъ и справедли-вомъ сопоставленіи размѣра приносимыхъ народомъ жертвъ съ выгодами, извлекаемыми изъ нихъ государствомъ, и я не обинуясь скажу, что несоразмѣрность приносимыхъ жертвъ съ полученными выгодами есть глупость или преступленіе администраціи.

Что произошло-бы, въ самомъ дѣлѣ, если-бы безумные расходы дурного правительства не ограничивались однимъ расточеніемъ народного благосостоянія и если-бы потребленіе государства не только не доставляло народу никакого равноцѣннаго возмѣщенія, а, наоборотъ, подготовляло ему безчисленное множество всякихъ бѣдствій; если-бы послѣдствіемъ самыхъ произвольныхъ поборовъ были сумасбродныя и преступныя предпріятія; если-бы, наконецъ, народъ почти всегда оплачивалъ свою кровью право платить деньги изъ своего кармана?

Какъ прискорбно было-бы называть пустымъ фразерствомъ истины, которыя здравому смыслу такъ часто приходится разъяснять потому только, что глупость и страсти упорно отказываются признавать ихъ!

Обычное потребленіе правительства составляетъ важную часть общаго потребленія народа, потому что доходить иногда до шестой, пятой и четвертой части общаго потребленія и даже болѣе, а отсюда слѣдуетъ, что экономическая система правительства имѣетъ огромное вліяніе на возвышеніе или упадокъ народа. Если частный человѣкъ вообразить себѣ, что на треть усилить свои средства, расточая ихъ, и что расточительностью дѣлаетъ себѣ большую честь; если онъ не умѣетъ устоять передъ соблазномъ пустого удовольствія или передъ внушеніемъ даже справедливаго, но поздняго раскаянія, то онъ разорится и своимъ крушеніемъ подѣйствуетъ лишь на небольшое число людей. Что-же касается правительства, то нѣтъ такой ошибки его, которая не сдѣлала-бы нѣсколькихъ милліоновъ людей несчастными и не могла-бы вызвать упадка цѣлой націи. Если желательно, чтобы граждане хорошо понимали собственные интересы, то во сколько разъ желательнѣе это по отношенію къ правительству? Если порядокъ и экономія считаются добродѣтелями въ частной жизни, то какимъ прекраснымъ именемъ, справедливо было-бы назвать эти свойства въ людяхъ, руководящихъ судьбами государствъ и могущихъ устроить благоденствіе цѣлаго народа?

Частный человѣкъ вполне понимаетъ цѣнность предмета имъ потребленнаго; часто это — плодъ его тяжолыхъ трудовъ, продолжительныхъ заботъ, настоячивыхъ сбереженій. Онъ легко взвѣшиваетъ выгоды, какія можетъ получить отъ своего потребленія, и лишенія, какія онъ долженъ испытать. Правительство не заинтересовано такъ непосред-

ственно въ порядкѣ и экономіи; оно не можетъ такъ живо и такъ скоро почувствовать неудобство отъ ихъ отсутствія. Прибавьте къ этому, что частный человѣкъ побуждается къ бережливости не только личнымъ интересомъ, но еще и вліяніемъ сердца; экономія обезпечиваетъ средство для дорогихъ ему существъ, а бережливое правительство берегаетъ для гражданъ, которыхъ оно непосредственно почти не знаетъ, и плоды его бережливости сослужать свою службу, можетъ быть, только его преемникамъ.

Ошибочно было-бы думать, что наслѣдственная власть предохраняетъ отъ такихъ неудобствъ. Соображенія, дѣйствующія на частнаго человѣка, не касаются правителя страны. Онъ смотритъ на состояніе своихъ наслѣдниковъ, какъ на совершенно обезпеченное, но сколько это зависитъ отъ наслѣдованія. Да и не онъ лично постановляетъ рѣшенія по большей части расходовъ и не онъ заправляетъ дѣлами купли и продажи. Это дѣлаютъ его министры, его генералы. Но, наконецъ, постоянный опытъ доказываетъ, что самыя бережливия правительства не суть ни монархіи, ни демократическія правительства, а преимущественно аристократическія республики.

Еще менѣе надо думать, что духъ экономіи и порядка въ общественномъ потребленіи несовмѣстимъ съ геніемъ, препринимающимъ и совершающимъ великіе подвиги. Карлъ Великій—одинъ изъ самыхъ славныхъ государей; онъ завоевалъ Италію, Венгрію и Австрію, отразилъ сарациновъ и разсѣялъ саксовъ; онъ стяжалъ блестящій титулъ императора и тѣмъ не менѣе заслужилъ отъ

Монтескьё такую похвалу: „Отец семейства могъ-бы поучиться въ законахъ Карла Великаго, какъ надо управлять своимъ домоу. Онъ ввелъ удивительное правило въ своихъ расходахъ и управлять своими владѣніями съ мудростью. Въ его „Капитуляріяхъ“ можно найти тотъ чистый и священный источникъ, изъ котораго онъ извлекалъ свои богатства. Довольно указать хоть на слѣдующее: онъ приказывалъ продавать яица съ птичьихъ дворовъ своихъ владѣній и сорныя травы съ своихъ садовъ“.

Принцъ Евгений Савойскій, котораго неправильно было-бы считать только великимъ полководцемъ, потому что онъ обнаружилъ также высокія способности какъ въ управленіи, такъ и въ дипломатіи по дѣламъ, которыя на него возлагались, совѣтывалъ императору Карлу VI слѣдовать въ управленіи финансами совѣтамъ негціантовъ.

Великій герцогъ тосканскій Леопольдъ показалъ, въ концѣ XVIII столѣтія, что можетъ сдѣлать государь даже въ государствѣ очень небольшомъ, тѣмъ, что онъ ввелъ въ управленіе самую строгую экономію частнаго хозяйства: при немъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Тоскана сдѣлалась одною изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ въ Европѣ.

Тѣмъ-же принципомъ руководствовались министры, съ наибольшимъ успѣхомъ управлявшіе финансами Франціи: с.-денискій аббатъ Сугерій, кардиналъ Амбуазъ, Сюлли, Кольберъ, Неккеръ. Всѣ они находили въ строгой экономіи простаго частнаго человека средства для исполненія самыхъ крупныхъ предпріятій. Аббатъ с.-денискій доставилъ обильныя средства для второго кресто-

ваго похода — предпріятія, котораго я лично далеко не одобряю, но которое требовало громад-ныхъ расходовъ; Амбуазъ подготовилъ завоеваніе Милана Людовикомъ XII; Сюлли — паденіе австрійскаго дома, Кольберъ — блестящіе успѣхи Людовика XIV, а Неккеръ доставить средства вести самую счастливую войну, какую только совершила Франція въ XVIII столѣтіи.

Вообще-же исторія показываетъ намъ, что правительства всегда страдали отъ недостатка денегъ и принуждены были, подобно частнымъ лицамъ, прибѣгать, чтобы вынудываться изъ затрудненій, къ разорительнымъ, а иногда и позорнымъ средствамъ. Такъ было, напримѣръ, при Карлѣ Лысомъ, при которомъ никто не достигалъ почестей и не пользовался безопасностью иначе какъ за деньги; — при Карлѣ II, королѣ австрійскомъ, продавшемъ Дюнкирхенъ французскому королю и получившемъ въ Голландіи два съ четвертью милліона за то, чтобы отсрочить отплытіе флота, который былъ снаряженъ въ Англіи въ 1680 г. и долженъ былъ идти въ Индію защищать англичанъ, раздавленныхъ батавцами. Таковы были, наконецъ, всѣ правительства, которыя дѣлались несостоятельными или вслѣдствіе порчи звонкой монеты или вслѣдствіе неисполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ. Людовикъ XIV, совершенно истощившій къ концу своего царствованія всѣ средства своего прекраснаго королевства, создавалъ и продавалъ должности, изъ коихъ одна была смѣшнѣе другой. Создавались тогда должности королевскихъ совѣтниковъ, смотрѣвшихъ за кладвою дровъ, должности браздобрѣвъ-цирульниковъ.

контролеровъ-досмотрщиковъ сѣжаго масла, пробовальщиковъ соленого масла и т. д. Но всѣ эти способы приобрѣтенія средствъ, столько-же жалкіе по суммамъ, какія они доставляли, сколько и вредные по своему вліянію, лишь на короткое время отсрочивали катастрофу, которая должна была наступить какъ неизбѣжное послѣдствіе правительственной расточительности. „Когда не хотятъ слушаться разума“, сказалъ Франклинъ, „онъ никогда не замедлитъ дать себя почувствовать“.

Переводъ М. Шенкина. — М. Вольфъ.

ИЗДАНИЕ

ФРЕДЕРИКЪ БАСТІА.

Александръ Бастіа

Докторъ философіи

докторъ Страсбургскаго университета

Докторъ права

профессоръ философіи

французскаго языка

ИЗДАНИЕ

М. Третья и четвертая

изданы

Смоданъ де Сисмонди

Редакция: *М. Щепкинъ.—И. Вернеръ.*

Вышли:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

Томасъ Мальтусъ.

Джонъ Стюартъ Милль.

Давидъ Юмъ.

Иеремія Бентамъ.

Франсуа Кенэ.

Печатаются

Ж. Тюрго и физиократы.

Ф. Леплэ.

Симондъ де-Сисмонди.

Преподукъ Тасмiа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Жизнь и труды Бастиа	I—XIII
Библиографія	XIV—XVI

Кобденъ и Лига.

Введеніе	I

Экономическіе софизмы, памфлеты и апологіи.

I. Прошеніе фабрикантовъ свѣтъ и др.	29
II. Взаимность	37
III. Предостереженіе	40
IV. Минимая желѣзная дорога	46
V. Два топора	48
VI. Китайская сказка	53
VII. Сборщикъ податей	58
VIII. Правая и лѣвая рука	66
IX. Законъ	72
X. Мѣшокъ хлѣба	74
XI. Домъ	79
XII. Рубанокъ	81

Государство.	86

Что видно и чего не видать, или политическая экономія въ одномъ урокъѣ.

Вступительное объясненіе	103
Разбитое стекло	105
Налогъ	109
Общественныя работы	115
Посредники	119
Ограниченіе	129
Машины	137
Кредитъ	146

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ БАСТІА.

„Легко могло быть, говорить А. де-Фовилль, начиная біографію Бастіа, что онъ сошелъ-бы въ могилу, почти никому невѣдомый: онъ родился 11-го мессидора IX года, т.-е. 30 іюня 1801 г. (*); первая книга его явилась въ свѣтъ только въ 1845 г., а черезъ пять лѣтъ послѣ того, 24 декабря 1850 г., его уже не стало“. Тѣмъ не менѣе „Полное Собраніе“ его сочиненій, изд. Гильоменомъ, состоитъ изъ VII томовъ. Правда, при такой спѣшной работѣ не все одинаково зрѣло и продумано; нѣкоторыя сочиненія устарѣли, за-то другія не потеряли ни своего колорита, ни вкуса, ни даже интереса современности.

Въ этомъ изданіи собраны образцы, могущіе познакомить читателей съ блестящимъ стилемъ и важнѣйшими принципами, которыми руководствовался этотъ неутомимый боецъ и проповѣдникъ экономической свободы.

Клодь-Фредерикъ Бастіа родился въ Байоннѣ и былъ единственнымъ сыномъ именитаго купца, который велъ торговлю съ Испаніей; девяти лѣтъ

(*) Большинство біографовъ полагаютъ, что Бастіа родился 19 іюня 1801 г.; другіе—29 іюня. Мы исправили эту ошибку на основаніи записей гражданского состоянія (l'état civil).—Прим. Фовилля.

онъ остался сиротою. Изъ ближайшихъ родственниковъ отца были въ живыхъ: его родной дѣдъ, бывший потомъ его опекуномъ, родной дядя и тетка, Жюстина Бастіа, которая своими ласками и материнскою любовью сумѣла вселить въ племянника сыновнюю нѣжность къ себѣ. Пробывъ одинъ годъ въ школѣ С.-Севера, мальчикъ былъ отправленъ въ началѣ 1815 г. учиться въ Сорезъ, гдѣ и остался до 1819 г. Старинные отчеты по раздаткѣ школьныхъ наградъ, заботливо сохраненные доминиканцами, свидѣтельствуютъ, что въ будущемъ авторѣ „Софизмовъ“ и „Экономическихъ Гармоній“ рано сказалось влеченіе къ литературѣ. Кромѣ англійской преміи, полученной Бастіа въ 1817 г., ему были присуждены еще двѣ награды — за эклогу и басню въ 1818 г. и за стихи въ 1819 г. нераздѣльно съ другомъ его, Викторомъ Кальметомъ. Стихи обоихъ юношей не дошли до насъ; но трогательное воспоминаніе связано съ этою совмѣстною работою двухъ товарищей: награда состояла изъ золотой медали, которую подѣлить между ними было нельзя. „Возьми ее себѣ, сказалъ Бастіа своему другу, у тебя есть отецъ и мать и потому награда принадлежитъ тебѣ по праву“. Эта деликатность чувства не оставляла Бастіа въ теченіе всей его жизни.

Но вотъ молодымъ людямъ приходилось покинуть школу и изъ міра идеаловъ окунуться въ практическую жизнь — вдохновенный поэтъ дѣлается служащимъ въ торговой конторѣ. Дядя Бастіа помѣстилъ его при своемъ дѣлѣ, въ Байоннѣ; тутъ пришлось отложить въ сторону и эклогу, и басню, *debit et credit* — таковъ былъ девизъ

торгового дома. Но Фредерикъ Бастіа былъ, кажется, неособенно податливъ на прелести счетоводства по двойной бухгалтеріи. Онъ любилъ веселиться, какъ и всѣ молодые люди; но среди разныхъ удовольствій и развлеченій его не покидала жажда знаній; ему хотѣлось научиться всему — знать религію, философію, исторію, географію, ботанику, химію, механику, алгебру, музыку и сверхъ того четыре-пять иностранныхъ языковъ: англійскій, итальянскій, испанскій и мѣстное нарѣчіе басковъ. Ж.-Б. Сэ своимъ „Трактатомъ“, пользовавшимся въ то время заслуженнымъ авторитетомъ, пробудилъ сильный интересъ къ политической экономіи. Смерть дѣда въ 1825 г. имѣла рѣшительное значеніе въ судьбѣ молодого Бастіа, который оставилъ торговую контору и уѣхалъ въ свое наслѣдственное помѣстье въ Мюгронъ, темномъ мѣстечкѣ округа С.-Севера, и тамъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Но ему не посчастливилось на этомъ поприщѣ: не смотря на свои выдающіяся способности, онъ никогда не могъ сдѣлаться дѣльцемъ, практикомъ — ему недоставало просто умѣнья вести хозяйственные счета, и вотъ онъ забросилъ свое родовое помѣстье, о которомъ очень жалѣлъ потомъ (*).

Можетъ быть, онъ былъ-бы менѣе легкомысленъ въ своихъ дѣлахъ, если-бы имѣлъ семью, о

*) Въ 1846 г. онъ писалъ Кобдену: „если-бы вмѣсто того, чтобы бѣгать по улицѣ въ грязи, отъ одного барина къ другому и, повиданшись съ однимъ и другимъ, не получить отъ нихъ за кѣлый день ничего кромѣ рѣзкихъ и неопредѣленныхъ отвѣтовъ, какъ-бы хорошо было собирать эти господа у себя за столомъ, въ богатой гостиницѣ — сколько развѣшалось-бы тогда затрудненій!“.

которой пришлось-бы заботиться. Но въ этомъ отношеніи судьба повернулась къ нему спиной. Многіе и не подозрѣвали, что онъ былъ женатъ, тогда какъ онъ имѣлъ жену и даже тещу; но онъ такъ быстро забылъ самъ объ этомъ несчастномъ случаѣ въ своей жизни, что біографамъ его было простительно пройти его молчаніемъ.

Въ Мюгронѣ онъ нашелъ то, чѣмъ дорожилъ болѣе всего—друга по уму и сердцу. Феликсъ Кудруа былъ для Бастіа не только человѣкомъ, которому онъ повѣрялъ свое горе и радости жизни, но и постояннымъ сотрудникомъ, такъ-сказать умственнымъ товарищемъ, въ продолженіи долгихъ лѣтъ, что они жили одинъ возлѣ другого. У нихъ были одни вкусы, часто однѣ и тѣ-же мысли, различны были способы разсужденія и чувства, и это различіе какъ нельзя болѣе оживляло и такъ-сказать оплодотворяло ихъ совместную работу. Сочиненія Ад. Смита, Франклина, Ж.-Б. Сэ, Дестюта де-Траси и др. служили главнымъ предметомъ размышленія, долгихъ бесѣдъ и споровъ двухъ неразлучныхъ друзей; когда-же, бывало, они договаривались до чего-нибудь опредѣленнаго по интересовавшимъ ихъ вопросамъ, то собирали вокругъ себя, въ качествѣ прозелитовъ или своихъ противниковъ, кое-кого изъ ихъ деревенскихъ сосѣдей, такъ что въ Мюгронѣ самъ собою образовался кружокъ людей, умѣвшихъ вести веселыя и серьезныя бесѣды по научнымъ и общественнымъ вопросамъ (*).

*) Надо вспомнить по этому поводу о бельгійскомъ клубѣ въ Морлаивельдѣ (прот. Гайно), принявшемъ ния Фридерика Бастіа. Еже-

Бастіа съ юношескою горячностью приветствовалъ июльскую революцію и первымъ сочиненіемъ его былъ манифестъ, 1830 г., обращенный „къ избирателямъ департамента ландовъ“. Хотя этотъ манифестъ оказался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, однако изложеннымъ въ немъ воззрѣніямъ онъ обязанъ былъ своимъ выборомъ въ мировые судьи югронскаго округа. Бастіа не былъ юристомъ и не слѣдовалъ общепринятымъ приемамъ присяжныхъ судей. По словамъ Фр. Пасси, онъ пользовался такимъ оригинальнымъ способомъ творить судъ и расправу: „стругая кусокъ дерева или выбивая тактъ разнѣннымъ ножомъ, а иногда вырисовывая на бумагѣ разныхъ старичковъ, онъ предоставлялъ каждой сторонѣ объясняться, какъ она находила нужнымъ. Въ концѣ-же всего, выслушавши обѣ стороны и подумавъ немного, онъ подымалъ голову и произносилъ свое краткое рѣшеніе, не заботясь ни о какихъ юридическихъ данныхъ, на которыхъ оно могло-бы быть основано. Никто не спрашивалъ—на основаніи какой статьи онъ произнесъ свой приговоръ: онъ судилъ по здравому смыслу и справедливости, и этого было достаточно“.

Занятія въ этой скромной должности мѣстнаго судьи должны были утвердить въ Бастіа убѣжденіе, до какой степени личный интересъ вообще способенъ къ заблужденіямъ. Для него, какъ человека

тѣмные вечера этого клуба, начавшіеся въ 1886 г., подъ председательствомъ инженера Вейлера, безъ перерыва продолжается до настоящихъ дней. Чтеніе вслухъ „Софизмовъ“ Бастіа послужило предметомъ обсужденій и „кружокъ экономическихъ чтеній“, присоединившійся къ этому клубу, много способствуетъ теперь распространенію въ средѣ рабочихъ этого промышленнаго округа здравыхъ экономическихъ понятій.

въ высшей степени безкорыстнаго, такое убѣжденіе было особенно полезно потому, что открывало ему глаза на то, что обыкновенно люди, когда дѣло коснется ихъ кошелька, теряютъ вѣрное понятіе о справедливомъ и несправедливомъ и доводятъ свои претензіи часто до чудовищныхъ размѣровъ. Автору „Софизмовъ“ приходилось не разъ вспоминать о томъ, какъ онъ, сидя на креслѣ миюгронскаго судьи, учился на ландскихъ обывателяхъ, обращавшихся къ его разбирательству.

Бастіа могъ совѣмъ погрязнуть въ этомъ узкомъ существованіи, если-бы счастливый случай не вывелъ его на свѣтъ Божій, въ 1834 г. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ генеральнымъ совѣтникомъ своего департамента и началъ дѣйствовать смѣлѣе. Онъ мечталъ уже о томъ, какъ-бы въ Бордо, или въ Байоннѣ основать кафедрѣ политической экономіи. Когда-же Дюшателъ, въ то время министръ торговли, позволилъ выдвинуть вопросъ о пользѣ таможенныхъ стѣсненій, который имперія оставила въ наслѣдство реставраціи, а реставрація бережно передала июльской монархіи. Бастіа взялся за перо и не безъ внутренней силы ринулся въ борьбу. Въ напечатанныхъ тогда „Размышленіяхъ о ходатайствахъ Бордо, Гавра и Ліона относительно таможенъ“ (апрѣль 1834 г.) высказаны имъ въ первый разъ главныя основанія его теоріи о цѣнности, развитыя потомъ въ „Экономическихъ Гармоніяхъ“. Цѣлые семь лѣтъ молчанія прошли послѣ этого перваго выхода Бастіа въ борьбу. Напечатанныя послѣ того статьи — „Казна и виноградники“ (январь 1841 г.), „Мемуаръ о винодѣліи“ (январь 1843), „Распредѣленіе поземель-

наго налога въ ландахъ" (1844) были написаны просто въ защиту мѣстныхъ интересовъ и не имѣли никакого общаго значенія.

Между тѣмъ приближался часъ, когда Бастіа долженъ былъ выйти на подвигъ проповѣдника свободной торговли. Свѣтъ озарилъ его съ сѣвера. Въ кружкѣ Мюгрона были тогда приверженцы, и проти вники, даже клеветники Англіи. Ссора съ однимъ изъ этихъ послѣднихъ побудила Бастіа подписаться на англійскій журналъ—*The Globe and Traveller*, и вотъ совершенно случайно раскрылась передъ нимъ дѣятельность знаменитой манчестерской Лиги отъ начала ея до конца. Въ то время Франція и не подозрѣвала даже о ея существованіи. Побѣда Лиги была поразительна: старинные хлѣбные законы, представлявшіе собою краеугольный камень британскаго протекціонизма и считавшіеся долгое время его несокрушимыми основами, разсыпались въ прахъ подъ смѣлыми ударами Кобдена, Брайта, Томпсона, Мура, Фокса... „Вотъ что можетъ, думалъ Бастіа, совершить вѣра, когда умѣло возьмешься за дѣло. Она двигаетъ горами и даже опрокидываетъ ихъ... И такъ, мужайтесь!“ Спустя нѣсколько недѣль послѣ того редація *Журнала Экономистовъ*, извѣстнаго въ теченіи почти 50 лѣтъ своими солидными и честными услугами наукѣ, а въ то время, въ 1844 г., только-что начинавшаго свою карьеру, получила изъ глубины ландовъ рукопись подъ заглавіемъ: „О вліяніи французскаго и англійскаго тарифовъ на будущность обоихъ народовъ“. Эта рукопись, можетъ быть и до сихъ поръ, покоилась-бы въ папкѣ, въ которую была положена ея авторомъ, если-бы глав-

ному редактору этого журнала, Дюссару, и его издателю Гильомеу не пришла мысль извлечь ее оттуда. Статья появилась въ печати въ октябрѣ 1844 г. и произвела сильное впечатлѣніе. За ней скоро появилась и первая книга Бастіа — „Кобденъ и Лига“, напечатанная въ 1845 г. Бастіа самъ повезъ свою рукопись въ Парижъ къ тому-же Гильомеу. „Тамъ, рассказываетъ Молинали про это появленіе Бастіа въ столицѣ Франціи, онъ не имѣлъ времени даже на то, чтобы заказать платье у портного или купить какую-нибудь шляпу, да онъ и не думалъ объ этомъ. Своими длинными волосами и маленькой шляпой на головѣ, въ широчайшемъ сюртукѣ и съ огромнымъ зонтикомъ въ рукахъ, онъ былъ похожъ скорѣе на захоластнаго крестьянина, прѣхавшаго осматривать достопримѣчательности города“. Своимъ оригинальнымъ чисто-деревенскимъ видомъ онъ обращалъ на себя общее вниманіе на парижскихъ бульварахъ, не привыкшихъ къ такимъ своеобразнымъ фигурамъ. Скромному деревенскому жителю было сначала не по себѣ пребываніе въ такомъ шумномъ, громадномъ Вавилонѣ. „Въ Мюгронѣ, говаривалъ онъ, уже въ 9 часовъ утра мы знали все, что дѣлается съ нашими друзьями“, а здѣсь! Въ письмахъ домой Бастіа жаловался иногда на тоску по родинѣ — ему не доставало тетушки Жюстины, вѣрнаго друга Кудруа, не доставало и стариннаго дома, въ которомъ онъ жилъ и который манилъ его къ себѣ. Но эти чувства не мѣшали Бастіа дѣлать свое дѣло въ Парижѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, замѣчаетъ его біографъ, въ которыхъ священныи отонъ, разъ вспыхнувши, уже не

погасаетъ". „Шпага вынута изъ ноженъ, писалъ онъ въ это время Кобдену, и не будетъ опять вложена въ нихъ; монополія и я—кто изъ насъ раньше отправится на кладбище!" Слишкомъ дерзкая увѣренность, которая не могла осуществиться, но которая должна была найти свое оправданіе въ горячности вѣры Бастіа въ торжество справедливости. Въ Парижѣ Бастіа быстро преобразился изъ мирнаго деревенскаго обывателя въ жестокаго борца за свои заветныя идеи, не идущаго ни на какія сдѣлки. Равнодушіе французскаго общества къ тому, что совершалось въ это время на Сѣверѣ, откуда долженъ былъ возсіять свѣтъ правды и благодѣлительствовать человѣчеству, оскорбляло его патристическое чувство, которое съ необычайною горячностью вылилось у него въ предисловіи къ книгѣ „Кобденъ и Лига". „Мужайтесь! Впередъ"! Вотъ лозунгъ, далѣе котораго онъ ничего не хотѣлъ знать. Для исполненія своей мечты онъ, подобно Кобдену, не вѣдаетъ покоя и отдыха: вербуетъ купцовъ, журналистовъ, теребитъ депутатовъ, осаждастъ министровъ. И вотъ дѣло какъ будто пошло на ладъ: первая ассоціація за свободу обмѣна учреждена въ началѣ 1846 г., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такая-же ассоціація—въ самомъ Парижѣ. Въ гостинной Монтескье составлялись шумныя собранія, въ которыхъ принимали участіе всѣ выдающіеся экономисты Франціи; на нихъ долженъ былъ присутствовать и самъ Кобденъ. Но душою этого общества былъ главный секретарь его—самъ Бастіа. Дѣятельность его была изумительна: онъ велъ обширную переписку, разсылалъ политическія статьи въ разныя газеты, не прерывая однако

своихъ постоянныхъ работъ для *Журнала Экономистовъ*, а потомъ заправлялъ специальнымъ органомъ этого общества—*Свободнымъ Обмѣномъ*. Словомъ, въ короткое время Бастіа сдѣлался центромъ цѣлаго круга ученыхъ, публицистовъ, журналистовъ. Но въ результатъ всей этой неустанной борьбы получились слѣдующія исполненные горечи строки изъ предисловія къ „Кобдену и Лигѣ“: „новотъ прошло 20 лѣтъ (послѣ трудовъ Ж.-Б. Сэ) и политическая экономія не только не приобрѣла ни пяди земли, но можно сказать почти съ увѣренностью, что она даже потеряла то, чѣмъ владела; можно даже утвердительно сказать, что у нея не осталось ровни ничего, если не считать того ничтожнаго пространства, на которомъ возвышается зданіе академіи нравственныхъ наукъ... Интересъ общественный преданъ расхищенію и, наконецъ, не существуетъ болѣе экономической школы—она перешла, такъ-сказать, въ область исторіи“...

Особенно тяжелъ для Бастіа былъ 1848 г., когда, вслѣдствіе февральской революціи, совершился потрясающій кризисъ во Франціи—страну бросало изъ одной крайности въ другую; возбуждавшая всеобщія жалобы стѣсненность выборовъ въ парламентъ сразу превратилась въ общую подачу голосовъ;—власть изъ рукъ буржуазіи перешла къ народу, который могъ воскликнуть уже отъ своего лица: „государство, это—я“;—вмѣсто безчисленныхъ, разорявшихъ народъ монополій и исключительныхъ привилегій—цѣлый потокъ социальныхъ проектовъ и реформъ, долженствовавшихъ облагодѣтельствовать страну и положить конецъ

внутренней, глубокой распрѣ между большинствомъ эксплуатируемаго народа и меньшинствомъ эксплуатирующихъ классовъ. Тутъ уже не могло быть и рѣчи о той мирной борьбѣ, „безъ волненій, не проливая капли крови, только силою общественнаго мнѣнія“, которую съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выдержала въ Англии манчестерская Лига, — о той борьбѣ справедливости и здраваго смысла противъ царившаго въ то время хищенія, о которой простодушный Бастіа мечталъ для своего отечества.

Послѣдніе три года 1848, 1849 и 1850 были самыми плодотворными въ жизни Бастіа: не смотря на сильныя страданія, которыя терпѣливо переносилъ онъ вслѣдствіе пораженія дыхательныхъ органовъ, онъ продолжалъ неустанно работать, и къ этому времени относятся самыя выдающіяся изъ его сочиненій, направленные съ одной стороны противъ господствовавшей въ жизни Франціи системы „законнаго хищенія“, а съ другой противъ соціалистическихъ и коммунистическихъ теорій и проектовъ общественнаго преобразованія. „Экономическіе Софизмы“, „Экономическія Гармоніи“, „Что видно и чего не видать“ были написаны именно въ эти послѣдніе годы жизни Бастіа, не считая многихъ отдѣльныхъ статей, брошюръ и писемъ („О даровомъ кредитѣ“, переписка съ Прудономъ) занимаютъ большую часть „Полнаго Собранія“ его сочиненій. Не малымъ утѣшеніемъ для Бастіа было избраніе его отъ ландовъ въ члены учредительнаго собранія въ 1848 г. Въ 1849 г. онъ былъ избранъ въ законодательное собраніе. Но дѣятельность его на этомъ поприщѣ не озна-

меновалась никакимъ выдающимся успѣхомъ — скромность Бастіа, лишеннаго вдобавокъ ораторскаго искусства, терялась въ слишкомъ шумныхъ собраніяхъ, хотя онъ и подымалъ тамъ свой симпатическій голосъ въ пользу рабочаго класса, подоходнаго налога и противъ расточительности правительства, дожившейся слишкомъ тяжелымъ бременемъ на благосостояніе народа.

Это были послѣднія вспышки полуразрушеннаго организма. Болѣзнь Бастіа подтачивала его послѣднія силы — подъ конецъ всего ему приходилось сознаться въ своемъ безсиліи продолжать борьбу и признать себя побѣжденнымъ. Состояніе его здоровья не позволяло ему оставаться въ Парижѣ — его отправили на вѣрную смерть въ Италію. По дорогѣ въ Римъ онъ проѣздомъ остановился въ Пизѣ и здѣсь прочелъ о себѣ въ газетахъ такое извѣщеніе: „славный Бастіа, знаменитый писатель...“ Это извѣщеніе слишкомъ рано возвѣстило о наступавшей развязкѣ съ жизнью и, къ горькому сознанию самого Бастіа, дало ему понять, какъ мало оставалось ему надежды на исцѣленіе. Въ Римѣ положеніе его было безнадежно. Бастіа никогда не былъ набожнымъ, но всегда глубоко религіознымъ человекомъ и *вѣрилъ*, что законы Божественнаго Промысла, положенные въ основу созданія, несокрушимы и что никакая рука человѣская не въ силахъ поколебать ихъ^{*)}. Онъ хотѣлъ умереть и умеръ не только христіаниномъ, но и

*) Это начало проходить красною нитью черезъ всѣ сочиненія Бастіа и съ особенною вымученностью выразилось въ его „Гаржеміяхъ“. См. ниже эти очерки.

вѣрнымъ католикомъ на рукахъ своего двоюроднаго брата, аббата Монклара, и друга и сотрудника своего Пальоте, 24 декабря 1850 г. Последнимъ словомъ, слѣдѣвшимъ у него съ языка, было — „истина“... Черезъ 11 лѣтъ послѣ кончины Бастиа, 23 апрѣля 1878 г., въ Мюронѣ поставленъ ему памятникъ въ формѣ бюста и аллегорической фигуры, записывающей на камнѣ заглавіе важнѣйшихъ сочиненій французскаго экономиста. Этотъ скромный памятникъ сооруженъ трудами Леона Са, внука Ж.-Б. Са, котораго Бастиа былъ ближайшимъ послѣдователемъ и продолжателемъ въ пропагандѣ науки.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Вотъ общій переченьъ сочиненій Фр. Бастіа, изданныхъ въ VII томахъ фирмою Гильомена.

Томъ 1.—Предисловіе.—Біографическая замѣтка.—Переписка съ разными лицами.—Первыя сочиненія: Aux électeurs du département des Landes „Къ избирателямъ департамента Ландовъ“, 1830.—Réflexions sur les pétitions de Bordeaux, etc.—„Размышленія о ходатайствахъ Бордо“ и др. 1834. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ высказаны общія подлженія автора, развитыя имъ подробно въ „Софизмахъ“ и „Гармоніяхъ“.—Le fisc et la vigne—„Казна и виноградникъ“. 1841.—Mémoire sur la question vinicole—„Мемуаръ по вопросу о винодѣліи. 1843.—Mémoire sur la répartition de l'impôt foncier dans les Landes—„Мемуаръ о распредѣленіи земельного налога въ Ландахъ“. 1847 г.—Оба мемуара имѣютъ болѣе мѣстное значеніе.—Разныя сочиненія: De l'influence des tarifs français et anglais sur l'avenir des deux peuples—„О вліяніи французскаго и англійскаго тарифовъ на будущность обоихъ народовъ. 1844.—De l'avenir du commerce des vins entre la France et la Grande Bretagne—„О будущности торговли виномъ между Франціей и Великобританіей“. 1845. Это первые опыты изложенія теоріи свободной торговли.—Мелкія сочиненія и письма.

Томъ II.—Свободная торговля. — Сюда вошли статьи изъ еженедѣльнаго журнала: *Свободный Общественный*, въ 1846, 1847 и 1848 г., а также рѣчи, произнесенныя Бастіа въ Бордо, Парижѣ, Лионѣ и Марселѣ.

Томъ III.—Cobden et la Ligue, ou l'agitation anglaise pour la liberté des échanges.—Кобденъ и Лига, или англійское движеніе въ пользу свободы торговли“. 1845. Извлеченіе изъ предисловія къ этой книгѣ, которымъ начинается этотъ выпускъ нашей „Библіотеки“, даетъ понятіе о самомъ сочиненіи Бастіа.

Томъ IV и V.—Sophismes Economiques — Экономическіе Софизмы“. 1847.—Petits pamphlets — „Маленькіе памфлеты“. Первая серія „Софизмовъ“ состоитъ изъ 22 главъ, а вторая серія—изъ 17 главъ; это —безпощадная критика господствовавшей во Франціи покровительственной и запретительной системы, такъ упорно поддерживавшейся тогдашнимъ правительствомъ. Изъ этихъ 39 очерковъ въ настоящемъ выпускѣ приведены слѣдующіе болѣе рельефные 12 очерковъ: Pétition des fabricants de chandelles etc., Reciprocité, Remontrance, Un chemin de fer négatif, Les deux haches, Conte chinois, Le percepteur, La main droite et la main gauche, La Loi, Le sac de blé, La maison, Le rabot.—Изъ памфлетовъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ: L'état, 1849 г., который и переведенъ подъ заглавіемъ „Государство“. —Въ тѣхъ-же двухъ томахъ нашла себѣ мѣсто переписка Бастіа съ Прудонъ —Gratuité du crédit— „Даровой кредитъ“. 1850, въ которой изложенъ ихъ споръ о законности и необходимости процента. Достойно вниманія, что эта пере-

ниска, въ которой оба противника были достойны другъ друга, была напечатана въ журналѣ *Le Peuple*, издававшемся самимъ Прудономъ, признавшимъ превосходство своего противника. — Тутъ-же нашло себѣ мѣсто одно изъ самыхъ оригинальныхъ сочиненій автора, доставившее ему въ свое время громкую извѣстность, подъ заглавіемъ: *Ce que l'on voit et ce que l'on ne voit pas, ou l'économie politique en une leçon* — „Что видно и чего не видать, или политическая экономія въ одномъ урокѣ“. 1850. Задача этихъ талантливыхъ очерковъ объяснена въ предисловіи къ нимъ. Въ настоящемъ выпускѣ изъ 12 очерковъ помѣщены слѣдующіе: 7: *La vitre cassée, L'impôt, Travaux publics, Les intermediaires, Restrictions, Les machines и Le credit*.

Томъ VI. — *Harmonies économiques* — „Экономическія Гармоніи“. 1850. Это сочиненіе, пользовавшееся очень большою репутаціей, представляетъ собою болѣе полное изложеніе общихъ началъ политической экономіи. Задача его — доказать, что экономическіе законы гармоничны между собою, что общее направленіе ихъ состоитъ въ прогрессивномъ совершенствованіи человѣческой жизни и что достиженіе этой цѣли возможно лишь при одномъ условіи — уваженіи къ свободѣ и собственности чьей-бы то ни было. Изъ этого сочиненія переведены здѣсь слѣдующія статьи: *A la jeunesse française*, въ видѣ предисловія; *Organisation naturelle—Organisation artificielle; Capital и Les deux devises*.

Томъ VII. — Разныя статьи и письма.

Кобденъ и Лига.

ВВЕДЕНІЕ*).

„Жребій брошенъ, воскликнулъ Кеппель; я пишу свою книгу; прочтутъ-ли ее теперь или когда-нибудь въ будущемъ — что мнѣ до этого? Она можетъ ждать своего читателя“. Я — не Кеппель, я не исторгъ у природы ни одной изъ ея тайнъ а все-таки осмѣливаюсь повторить слова великаго человѣка: „моя книга можетъ ждать, рано или поздно она найдетъ себѣ читателя“. Правда, моя родина будетъ еще нѣкоторое время спокойно почитать сномъ добровольнаго невѣдѣнія на-счетъ той громадной революціи, которая сотрясаетъ теперь всю почву Британіи; но настанетъ день, когда она остолбенѣетъ отъ изумленія при видѣ того вулканическаго огня... нѣтъ, при видѣ этого благотворнаго свѣта, который возсіяетъ съ Сѣвера. Настанетъ день, и этотъ день не за горами, когда она вдругъ, безъ всякаго предупрежденія узнаетъ великую новость: Англія открыла всѣ свои порты; она уничтожила всѣ преграды, отдѣ-

*) Введеніе къ статьѣ „Кобденъ и Лига, или англійское движеніе въ пользу свободы торговли“, въ полномъ собраніи сочиненій Бастиа занимаетъ 80 страницъ; мы сдѣлали въ немъ большія сокращенія.

Прим. А. де-Фовилля.

лавшія ее отъ другихъ народовъ; у нея было 50 колоній, а теперь осталась только одна—вселенная; она торгуетъ со всѣми, кто только хочетъ торговать съ нею; она покупаетъ, не требуя продажи; она входитъ во всевозможныя сношенія, не требуя ни одного изъ нихъ; она вызываетъ наплывъ къ себѣ вашихъ французскихъ продуктовъ; Англія освободила трудъ и торговлю. Тогда-то, можетъ быть, захотятъ узнать, какъ, кѣмъ, съ какихъ поръ приготавлилась эта революція; въ какомъ недоступномъ для взора подземельѣ, въ какихъ никому невѣдомыхъ катакомбахъ она была задумана; какое таинственное франмасонство завязало тамъ первыя нити? И тогда-то эта книга дастъ такой отвѣтъ на этотъ вопросъ: „ахъ, Господи, да все это совершилось при полномъ свѣтѣ солнца или, по крайней мѣрѣ, въ-открытую, на глазахъ всѣхъ и каждого (говорятъ-же, что въ Англіи нѣтъ солнца). Все это совершенно гласно, публичнымъ обсужденіемъ, которое продолжалось цѣлыхъ десять лѣтъ и сразу велось на всѣхъ пунктахъ страны. Это движеніе вызвало къ жизни много англійскихъ газетъ и увеличило размѣры прежде существовавшихъ; оно породило тысячи тоннъ брошюръ и памфлетовъ; за ходомъ этого движенія съ безпокойствомъ слѣдили въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Китаѣ и даже въ дикихъ ордахъ чернокожихъ африканцевъ. Только вы одни, французы, ничего не подозревали. А почему? Я могъ-бы сказать почему, но будетъ-ли это благо-разумно съ моей стороны? Впрочемъ, куда ни шло, правда требуетъ, и я выскажу ее. Потому, что среди насъ работаютъ два великихъ лиходѣя,

подкупомъ дѣйствующихъ на гласность. Одинъ, это—*Монополія*, а другой—*Духъ партіи*. Первый сказалъ: мнѣ нужно, чтобы ненависть стояла между Франціей и другими странами, ибо если народы перестанутъ ненавидѣть другъ друга, то кончатъ тѣмъ, что поймутъ одинъ другого, сдружатся, слюбятся и, можетъ быть,—страшно даже подумать!—станутъ *мѣняться* продуктами своей промышленности. Второй сказалъ: мнѣ нужны національныя распри, ибо я жажду власти и овладѣю ею, если только мнѣ удастся окружить себя популярностью, которую я вырву изъ рукъ моихъ противниковъ;—если мнѣ удастся выставить ихъ измѣнниками, продавшими родину иностранцу, готовому завоевать насъ, а себя представить спасителемъ отечества. Тогда-то былъ заключенъ союзъ между Монополіей и Духомъ партіи, которые и порѣшили, что всякая гласность относительно всего, что происходитъ за предѣлами страны, должна выразиться въ слѣдующихъ двухъ словахъ: *скрывать* и *искажать*. Вотъ какими способами систематически держали Францію въ невѣдѣніи насчетъ того, что хочетъ раскрыть эта книга. Но какъ могли совершить это журналы и газеты? Васъ это удивляетъ? И меня также. Но успѣхъ ихъ неоспоримъ.

Однако, такъ какъ я сейчасъ введу читателя (если только у меня есть какой-нибудь читатель), въ совершенно новый для него міръ, то да позволено мнѣ будетъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній объ экономическомъ устройствѣ Великобританіи, о причинахъ, породившихъ Лигу, о духѣ и важности этой ассоціаціи съ точки зрѣнія соціальной, нравственной и политической. 1

Не разъ говорили и часто повторяли, что экономическая школа, которая предоставляет интересы разных общественных классов их естественному течению, возникла въ Англіи, а изъ этого положенія съ поразительнымъ легкомысліемъ поспѣшили вывести то заключеніе, что ужасающій контрастъ крайней роскоши и нищеты, отличающій Великобританію, есть результатъ ученія, такъ авторитетно возвыщеннаго Адамомъ Смитомъ и такъ систематично изложеннаго Ж.-Б. Сэ. Какъ будто вѣрять тому, что по ту сторону Ламанша властно господствуетъ свобода и что именно она непосредственно вызываетъ неравномѣрное распредѣленіе богатства...

Здѣсь необходимо установить, что хотя экономическое устройство Великобританіи и покоится на принципѣ свободы, хотя богатство и распределяется тамъ согласно естественнымъ законамъ и хотя, наконецъ, по мѣткому выраженію Ламартина, каждая промышленность ея дѣйствуетъ въ силу свободы и въ ней находитъ свое оправданіе, котораго не можетъ дать ей никакая система произвола, однако нѣтъ такой другой страны въ свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ еще уцѣлѣло рабство, въ которой теорія Смита, ученіе о невмѣшательствѣ — *laissez faire, laissez passer* — примѣнялось-бы меньше, чѣмъ въ Англіи, и въ которой человѣкъ служилъ-бы для другого предметомъ болѣе систематической эксплоатаціи...

Англійская аристократія, какъ извѣстно, одна является владѣтельницей всей земли въ странѣ, и одна держитъ въ рукахъ своихъ законодательную

власть. А потому надо узнать прежде всего, какъ пользовалась она этою властью — въ интересахъ-ли цѣлаго общества, или только ради одной собственной выгоды?

„Если-бы нашъ сводъ финансовыхъ постановлений, говорилъ Кобденъ въ парламентѣ, обраща-ясь къ самой аристократіи, если-бы нашъ statute-book очутился на лунѣ, одинъ безъ всякихъ историческихъ объясненій къ нему, то этого было-бы достаточно для ея обитателей, чтобы понять, что онъ есть твореніе Собранія Господъ, владѣющихъ землею (landlords)“.

Когда аристократія въ одно и тоже время имѣетъ и право издавать законы и власть навязывать ихъ народу, то, къ несчастью, она всегда пользуется ими въ свою пользу. Вѣдь это — горькая истина. Она огорчить, я знаю, тѣхъ добродушныхъ людей, которые мечтаютъ, что злоупотребленія уничтожаются обыкновенно не реакціей эксплуатируемыхъ, а свободною и братскою инициативой эксплуатирующихъ. Но пусть укажутъ намъ въ исторіи такой примѣръ самоотреченія — мы очень желали-бы этого. По крайней мѣрѣ никогда не являли намъ такого примѣра ни господствовавшія касты въ Индіи, ни спартанцы, ни афиняне, ни римляне, которыми постоянно рекомендуютъ намъ восторгаться, ни феодалыные господа среднихъ вѣковъ, ни антильскіе плантаторы, и даже весьма сомнительно, чтобы эти притѣснители человѣчества считали когда-нибудь свою власть несправедливою и незаконною...

Англійская аристократія имѣла передъ собой и подъ собою самое трудолюбивое, самое дѣятель-

ное, самое настойчивое, самое энергическое и въ то-же время самое послушное населеніе на земномъ шарѣ; еѣ-то она методически и эксплуатировала.

Эта эксплуатация была задумана какъ нельзя лучше и исполнена самымъ энергическимъ образомъ. Обладаніе землей отдало въ руки англійской олигархіи законодательную власть, а съ помощью ея она систематически отобрала богатство у промышленности. Это богатство употребила она на осуществленіе той системы захватовъ, которая отдала въ руки Великобританіи 45 колоній, а эти колоніи, въ свою очередь, служили ей предлогомъ къ тому, чтобы на-счетъ промышленности и на пользу младшихъ членовъ аристократическихъ семействъ собирать тяжелые налоги, содержать большія арміи и могущественный военный флотъ.

Надо отдать справедливость англійской олигархіи: она въ своей двойной политикѣ внутренняго и внѣшняго хищенія обнаружила удивительную ловкость. Двухъ словъ, скрывающихъ въ себѣ два предразсудка, было достаточно для нея, чтобы склонить на свою сторону даже тѣ классы общества, которые несутъ на себѣ всю тягость положенія: она прозвала монополию *покровительствомъ*, а колоніи — *мѣстами сбыта*.

Такимъ образомъ британская олигархія или, по крайней мѣрѣ, ея законодательная власть не только составляетъ язву для самой Англій, но и грозитъ постоянною опасностью Европѣ.

А если это такъ, то какъ-же Франція не обращаетъ никакого вниманія на эту разыгрывающуюся передъ ея глазами гигантскую борьбу цивилизации съ феодализмомъ? Какъ-же она не

знаеть даже именъ такихъ достойныхъ благословенія челоѣчества, людей, какъ Кобденъ, Брайтъ, Муръ, Виллье, Томпсонъ, Фоксъ, Вильсонъ и многихъ другихъ, которые имѣли смѣлость начать борьбу и ведутъ ее съ такимъ изумительнымъ талантомъ, мужествомъ, самоотверженіемъ и энергіей?

„Но это—вопросъ только торговой свободы“, скажутъ мнѣ. Но какъ-же не видать, что эта свобода торговли должна вырвать у олигархій самыя источники внутренняго хищенія — монополіи, и хищенія вѣшняго—колоніи, потому что и монополіи, и колоніи совершенно несовмѣстимы со свободою торгоа, представляя собой ни что иное, какъ произвольную грань этой свободы!

Но что я говорю! Если Франція имѣеть хотя смутное понятіе объ этой борьбѣ на смерть, которая надолго рѣшитъ судьбу челоѣческой свободы, то симпатіи ея, кажется, не въ пользу побѣды этой свободы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Францію такъ напугали словами: свобода, конкуренція, перепроизводство;—ей такъ много твердили, что подъ этими словами кроется бѣдность, пауперизмъ, вырожденіе рабочихъ классовъ;—ей такъ часто повторяли, что есть-моль английская политическая экономія, обратившая свободу въ орудіе макиавелизма и притѣсненія, а что французская политическая экономія, подъ словами—филантропія, социализмъ, организація труда, возстановитъ равенство на землѣ;—ей такъ много твердили обо всемъ этомъ, что она возненавидѣла ученіе, которое однако основывается прежде всего на справедливости и здоровомъ смыслѣ, и выражаетъ

ся въ слѣдующей аксіомѣ: „пускай люди свободно, кто какъ хочетъ, мѣняются плодами своихъ трудовъ“. Если-бы этотъ крестовый походъ противъ свободы велся только мечтателями, которые хотѣли-бы во что-бы то ни стало формулировать науку, не будучи подготовлены къ этому предварительнымъ изученіемъ, то зло было-бы еще не такъ велико. Но развѣ не прискорбно видѣть, какъ настоящіе экономисты, руководимые, безъ сомнѣнія, стремленіемъ къ пустой популярности, убѣждаются такими фальшивыми взываніями и дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ въ то, во что сами навѣрно не вѣрятъ, а именно: что пауперизмъ, пролетаріатъ, страданія низшихъ классовъ общества порождены такъ-называемой чрезмѣрной конкуренціей, перепроизводствомъ?

Не поразительно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что бѣдность, лишенія, недостатокъ продуктовъ происходятъ... какъ вы думаете, отчего? Отъ изобилія этихъ продуктовъ! Не странно-ли, что когда говорятъ, что людямъ ѣсть нечего, то это потому, что на землѣ слишкомъ много средствъ пропитанія? Если не во что одѣться, то потому, что машины выбрасываютъ слишкомъ много одежды на рынки? Несомнѣнно, что пауперизмъ въ Англіи фактъ неоспоримый, что неравномѣрность богатства въ этой странѣ поразительна. Но зачѣмъ-же искать для этихъ явленій такой невѣроятной причины, когда они объясняются такъ просто—систематическимъ ограбленіемъ рабочихъ праздными людьми?

Здѣсь умѣстно будетъ описать экономическое устройство Великобританіи, какъ оно было въ послѣдніе года, предшествовавшіе частичнымъ пре-

образованіямъ, до нѣкоторой степени фальшивымъ и навязаннымъ въ 1842 г. парламенту настоящимъ кабинетомъ...

Здѣсь авторъ посвящаетъ этому описанію до 12 страницъ и затѣмъ сводитъ его къ слѣдующимъ 8-ми пунктамъ:

1) Старшія линіи англійской аристократіи владѣютъ всею поверхностью территоріи.

2) Поземельный налогъ оставался безъ измѣненія въ теченіе 150 лѣтъ, тогда какъ рента увеличилась въ 7 разъ. Онъ составляетъ только 25-ю часть общихъ доходовъ государства.

3) Недвижимая собственность свободно переходитъ по наслѣдству безъ платежа пошлины, тогда какъ личная собственность оплачивается ихъ.

4) Косвенные налоги поражаютъ гораздо легче предметы высшихъ достоинствъ, которыми пользуются богачи, чѣмъ такіе-же предметы низшаго достоинства, которыми пользуется народъ.

5) Въ силу хлѣбныхъ законовъ тѣ-же старшіе члены аристократическихъ семействъ берутъ въ свою пользу съ пропитанія народа налогъ, сумма котораго опредѣляется лучшими авторитетами въ *миллиардъ* франковъ.

6) Колоніальная система, практикуемая въ очень широкихъ размѣрахъ, требуетъ тяжелыхъ налоговъ, а эти налоги, уплачиваемые почти полностью рабочими классами, составляютъ также почти полностью наслѣдство младшихъ отраслей праздныхъ классовъ.

7) Мѣстные налоги, какъ напримѣръ десятины (*tithes*), поступаютъ также въ пользу этихъ младшихъ линій при посредствѣ господствующей церкви.

8) Если колониальная система требует большого напряженія силъ, то и поддержаніе этихъ силъ, въ свою очередь, нуждается въ колониальномъ устройствѣ, а колониальное устройство вызываетъ монополію. Только по тремъ предметамъ торговли англійскій народъ несетъ чистый убытокъ въ 124 милліона.

Мнѣ кажется, что эти факты таковы, что способны разсѣять много ошибокъ, много предразсудковъ, много слѣпыхъ предубѣжденій. На сколько вполне ясныхъ и притомъ неожиданныхъ рѣшеній наводятъ они какъ экономистовъ, такъ и политиковъ!

Но прежде всего, какъ могли эти новомодныя школы, поставившія своею задачей вовлечь Францію въ систему взаимныхъ хищеній, припугнуть ее конкуренціей, какъ могли, говорю я, эти школы такъ упорно поддерживать то положеніе, что пауперизмъ въ Англіи порожденъ именно свободой? Скажите вѣриѣ, что онъ есть порожденіе организованнаго, систематическаго, настойчиваго, безжалостнаго хищенія. Не въ этомъ-ли заключается самое простое, самое вѣрное и самое удовлетворительное объясненіе?

Какъ! Свобода порождаетъ пауперизмъ! Конкуренція, свобода сдѣлокъ, право мѣнять принадлежащее мнѣ на правахъ полной собственности имущество на другое, ведутъ къ несправедливому распредѣленію богатства? Да неужели законъ Провидѣнія ужъ такъ несправедливъ? Надо-моль скорѣй замѣнить его другимъ закономъ—человѣческимъ, да еще какимъ! Все ограничивающимъ и всевоспреещающимъ. Вмѣсто *laissez faire*, вмѣсто свободы дѣйствій—мѣшать дѣлать; вмѣсто *laissez passer*, свободы двигаться,

мѣнять всякому движенію; вмѣсто свободы мѣнять-
ся—мѣнять всякому обмѣну; вмѣсто того, чтобы
вознагражденіе за трудъ предоставить тому, кто
совершилъ его, отдать его тому, кто не совер-
шалъ никакого труда! Только при такомъ условіи
можно, видите-ли, избѣгнуть неравенства состоя-
ній среди людей! „Да, скажете вы, опытъ сдѣ-
ланъ; но свобода и пауперизмъ совмѣстно суще-
ствуютъ въ Англіи“. Но вѣдь больше этого вы ниче-
го и сказать не можете. Хотя вы и приводите сво-
боду и нищету во взаимную связь, какъ причину и
слѣдствіе, однако одной изъ нихъ—свободы да-
же не существуетъ тамъ совсѣмъ. Тамъ всякій
можетъ свободно работать, но не всякій можетъ
пользоваться плодами своего труда. Если что
дѣйствительно совмѣстно существуетъ въ Англіи,
такъ это небольшое число хищниковъ и громад-
ное число обираемыхъ ими, и не надо быть вели-
кимъ экономистомъ, чтобы сдѣлать изъ этого за-
ключеніе о богатствѣ однихъ и нищетѣ другихъ.

Затѣмъ, какъ-бы ни былъ поверхностенъ
взглядъ нашъ на общее состояніе Великобританіи,
какъ оно нами представлено, и на духъ феода-
лизма, управляющій тамъ экономическими учреж-
деніями, нельзя не убѣдиться, что совершающаяся
въ этой странѣ финансовая и таможенная ре-
форма есть вопросъ столько-же общеввропейскій
и гуманитарный, какъ и чисто-англійскій. Дѣло
идетъ здѣсь не только объ измѣненіи порядка рас-
предѣленія богатства внутри соединеннаго коро-
левства, но и о глубокомъ измѣненіи того вліянія,
какое оно оказываетъ на другія страны. Очеви-
дно, что вмѣстѣ съ несправедливыми привилегіями

великобританской аристократіи падаютъ и политика, въ которой такъ упрекали Англію, и ея колоніальная система, и ея узурпація, и ея армія, и флотъ, и ея дипломатія во всемъ, что содержится въ нихъ притѣснительнаго и опаснаго для человѣчества.

Вотъ о какой славной побѣдѣ помышляетъ Лига, провозглашая „полное, немедленное и безусловное уничтоженіе всѣхъ монополій, всѣхъ какихъ-бы то ни было покровительственныхъ пошлинъ въ пользу-ли земледѣлія, промышленности, или торговли и навигаціи,—провозглашая, однимъ словомъ, абсолютную свободу торговли“.

Среди бѣдствій, распространившихъ на рабочіе классы тягость описаннаго нами порядка вещей, семь человѣкъ собрались въ октябрѣ мѣсяцѣ 1838 года въ Манчестерѣ и, съ свойственной англосаксонскому племени мужественной рѣшимостью, порѣшили опрокинуть законнымъ порядкомъ всѣ монополіи, но опрокинуть ихъ безъ волненій, не проливая капли крови, только силой общественнаго мнѣнія, и совершить глубокую революцію, можетъ-быть болѣе глубокую, чѣмъ какую совершили наши отцы въ 1789 г.

Да, какимъ надо обладать особымъ мужествомъ, чтобы рѣшиться на такое предпріятіе? Противники, съ которыми имъ приходилось бороться, имѣли на своей сторонѣ богатство, вліяніе, законодательство, церковь, государство, казну, земли, служебное положеніе, монополіи и кромѣ того уваженіе, почетъ, которыми они пользовались по преданію.

Гдѣ-же было найти точку опоры противъ такихъ внушительныхъ силъ? Въ промышленныхъ клас-

сахъ? Но, увы, въ Англіи, какъ и во Франціи, каждая промышленность считаетъ свое существованіе связаннымъ съ какой-нибудь жалкой монополіей: протекціонизмъ незамѣтно наложилъ на все свою тяжелую руку. Чѣмъ убѣдить общество—предпочесть отдаленные и на первый взглядъ подлежащіе еще большому сомнѣнію интересы непосредственнымъ и положительнымъ выгодамъ? Какъ разсѣять столько предрассудковъ и софизмовъ, которые, благодаря времени и эгоизму, такъ глубоко вѣзались въ людскіе умы? Если-бы даже и удалось просвѣтить ихъ на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ классахъ общества, что составляетъ уже само по себѣ тяжелую задачу, то какъ вселить въ нихъ столько энергіи, настойчивости и обдуманности въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы посредствомъ выборовъ овладѣть законодательною властью?

Но эти трудности не испугали основателей Лиги: они взглянули имъ прямо въ глаза, взвѣсили ихъ и сочли себя достаточно сильными, чтобы преодолѣть ихъ. Рѣшено было дѣйствовать...

Манчестеръ сдѣлался колыбелью этого великаго движенія. Весьма понятно, что оно зародилось именно на сѣверѣ Англіи среди промышленнаго народа, какъ понятно и то, что настанетъ день, когда оно зародится и среди земледѣльческаго населенія южной Франціи. И точно, въ обѣихъ странахъ тѣ самыя отрасли промышленности, которыя даютъ продукты, годные для взаимнаго обмѣна, болѣе всего и страдаютъ отъ запрещеній, и очевидно, что если-бы обмѣнъ былъ свободенъ, то англичане доставляли-бы намъ уголь, машины, мануфактурный товаръ, однимъ словомъ—продукты

своихъ рудниковъ и фабрикъ, а мы платили-бы за нихъ своимъ хлѣбомъ, шелкомъ, винами, масломъ, фруктами, то-есть произведеніями нашего земледѣлія.

Это до извѣстной степени объясняетъ нѣсколько странное, повидимому, имя, принятое ассоціаціей: Anti-corn-law-League („Лига противъ хлѣбнаго закона“). Такъ какъ это несоответствующее содержанію движенія имя, безъ сомнѣнія, не мало повліяло на то, что Европа не остановила своего вниманія на важномъ значеніи *антиаціи*, то необходимо, мнѣ кажется, привести здѣсь мотивы, заставившіе Лигу принять именно это, а не другое названіе.

Рѣдко французская печать говорила о Лигѣ; когда-же ей поневолѣ приходилось заговаривать о ней, то она старалась перетолковать ея названіе Anti-corn-law и убѣдить общество въ томъ, будто дѣло шло здѣсь о вопросѣ, совершенно спеціальномъ—о простомъ измѣненіи закона, опредѣляющаго въ Англіи условія ввоза хлѣба.

Но не такова была задача Лиги. Она помышляла о полномъ и коренномъ уничтоженіи всѣхъ привилегій и всѣхъ монополій, о безусловной свободѣ торговли, о безграничной конкуренціи, что должно было повести за собою паденіе аристократическаго господства, всего, что было въ немъ несправедливаго; расторженіе колониальныхъ путей, вредныхъ своею исключительностью, т. е. она стремилась къ полнѣйшей революціи во внутренней и виѣшней политикѣ Великобританіи.

Легко понять, почему *фритредеры* съ перваго же раза направили всѣ свои силы противъ только одной монополіи—въ хлѣбной торговлѣ; она

составляла для нихъ краеугольный камень всей системы. Она, эта монополія, была привилегіей аристократіи, главнымъ выигрышемъ, который оставили за собою законодатели. Отымите у нихъ эту монополію, и они легко поступятся остальными выгодами.

Къ тому-же эта монополія есть самое тяжелое бремя для народа, — бремя, несправедливость котораго легче всего доказать: налогъ на хлѣбъ, на пищу, на жизнь! Какой въ самомъ дѣлѣ удивительный лозунгъ, способный пробудить къ себѣ самыя горячія симпатіи народныхъ массъ.

Какое великое и прекрасное зрѣлище являетъ собою эта маленькая кучка людей, старающихся своимъ трудомъ, настойчивостью и энергіей сокрушить такое наиболѣе гнетущее и крѣпко сплоченное устройство, которое когда-либо, послѣ рабства, тяготѣло надъ великимъ народомъ, надъ человечествомъ, и все это совершаютъ эти люди, не прибѣгая къ грубой силѣ, не пробуя даже вызвать малѣйшее общественное негодованіе, но лишь освѣщая живымъ свѣтомъ все изгибы этой системы, опровергая все софизмы, на которыхъ она построена и вселяя въ массы народа знаніе и нравственныя понятія, которыя одни могутъ освободить народъ отъ ярма, его подавляющаго.

Но это зрѣлище становится еще внушительнѣе, когда видишь, какъ постепенно день ото дня все расширяется необозримое поле битвы, вслѣдствіе нарождающихся одинъ за другимъ все новыхъ и новыхъ вопросовъ и интересовъ.

Сначала аристократія держитъ себя гордо и не вступаетъ въ споръ. Чувствуя себя обладательни-

цей политической силы, благодаря обладанію землей;—матеріальной силы, благодаря арміи и флоту;—нравственной силы, благодаря церкви;—законодательной силы, благодаря парламенту и, наконецъ, чувствуя себя обладательницей самой высшей силы—общественнаго мѣнія, благодаря тому ложному чувству національнаго величія, которое льститъ народу и кажется неразрывно связаннымъ съ учрежденіями, на которыя кто-то осмѣливается нападать; созерцая высоту, толщину и прочность укрѣпленій, за которыми она укрылась; сравнивая свое могущество съ силами нѣсколькихъ отдѣльных лицъ, направившихъ ихъ противъ нея. она, аристократія, полагаетъ, что можетъ пока предаться молчанію и презрѣнію.

А между тѣмъ Лига дѣлаетъ свое дѣло. Если аристократія имѣетъ на своей сторонѣ господствующую церковь, то Лига зоветъ къ себѣ на помощь всѣ дессидентскія церкви. Онѣ не связаны съ монополіей никакой десятиной, а существуютъ на добровольныя даянія, т. е. крѣпки общественнымъ къ себѣ довѣріемъ. Онѣ скоро поняли, что эксплуатація человѣка человѣкомъ, зовется-ли она рабствомъ или протекціонизмомъ, противна христіанскому милосердію. Тысяча шестьсотъ дессидентскихъ священниковъ откликаются на призывъ Лиги, а семьсотъ человѣкъ изъ нихъ сѣдаютъ со всѣхъ концовъ королевства въ Манчестеръ. Здѣсь они совѣщаются и рѣшаютъ идти проповѣдывать по всей Англіи свободу торговли, какъ согласную съ высшими законами Провидѣнія, которые они обязаны распространять въ силу своего призванія.

Если аристократія имѣетъ за себя поземельную собственность и земледѣльческіе классы, то Лига опирается на собственность рукъ, талантовъ и разума. Ничто не сравнится съ тою горячностью, съ какою промышленные классы посѣпили на встрѣчу великому дѣлу. Добровольная подписка доставила Лигѣ фондъ въ 200.000 фр.—въ 1841 г., 600.000—въ 1842 г., миллионъ—въ 1843 г., 2 миллиона—въ 1844 г. Благодаря этимъ обильнымъ средствамъ, Лига излагаетъ свое ученіе въ самыхъ разнообразныхъ и наиболѣе ясныхъ формахъ, распространяетъ его среди народа въ брошюрахъ, памфлетахъ, объявленіяхъ и безчисленныхъ газетахъ; она раздѣляетъ Англію на 12 отдѣловъ и въ каждомъ изъ нихъ назначаетъ своего профессора политической экономіи. Она сама, подобно передвижному университету, открываетъ публичныя засѣданія во всѣхъ городахъ и графствахъ Великобританіи. Къ тому-же Тотъ, Кто править людскими дѣлами, какъ будто поберегъ для Лиги неожиданные способы для успѣха. *Почтовая реформа* даетъ ей возможность вести съ избирательными комитетами, основанными ею по всей странѣ, корреспонденцію въ количествѣ болѣе 300.000 депешъ ежегодно; желѣзныя дороги сообщаютъ ей невѣроятную подвижность,—пространства какъ будто не существуютъ для нея: можно видѣть однихъ и тѣхъ-же лицъ, дѣйствующихъ утромъ въ Ливерпульѣ, вечеромъ въ Эдинбургѣ и Глазговѣ; наконецъ, *избирательная реформа* открываетъ среднему классу двери парламента, и основатели Лиги, Кобденъ, Брайтъ, Жибсонъ, Виллье получили возможность поражать монополію передъ лицомъ са-

михъ монополистовъ и въ той самой средѣ, гдѣ она была учреждена. Они вступаютъ въ палату общинъ и основываютъ тамъ, помимо виговъ и торіевъ, новую партію, если только можно назвать ее этимъ именемъ, которой никогда не бывало въ лѣтописяхъ конституціонныхъ странъ и которая рѣшила никогда не жертвовать абсолютною правдой, абсолютною справедливостью, абсолютными принципами вопросамъ и комбинаціямъ личнаго свойства, приемамъ министерствъ и оппозицій.

Но недостаточно было только собрать во-едино общественные классы, надъ которыми непосредственно тяготѣетъ монополія, надо было еще открыть глаза тѣмъ изъ нихъ, которые искренне вѣрили, что ихъ благосостояніе и даже самая жизнь связаны съ протекціонизмомъ. Кобденъ беретъ на себя эту трудную и опасную задачу. Въ какіе-нибудь два мѣсяца онъ созываетъ 40 митинговъ въ центрахъ земледѣльческаго населенія. Тамъ, окруженный часто тысячами рабочихъ и фермеровъ, въ среду которыхъ проскользнуло, конечно, не мало тайныхъ агентовъ, привлеченныхъ опасностью, грозившей ихъ интересамъ, онъ выказалъ такое мужество, такое хладнокровіе, ловкость и краснорѣчіе, которыя если не вызвали симпатій, то возбудили удивленіе къ нему въ его самыхъ ожесточенныхъ противникахъ. Онъ находился въ такомъ-же положеніи, въ какомъ оказался-бы французъ, если-бы онъ пошелъ проповѣдывать свободу торговли въ кузницахъ Декаzeville или анзенскимъ рудокопамъ. Тутъ не знаешь, чему больше удивляться въ этомъ превосходномъ человѣ-

къ,—онъ въ одно и то-же время экономистъ, трибунъ, государственный человѣкъ, тактикъ, теоретикъ; къ нему, мнѣ кажется, какъ нельзя лучше можно примѣнить то, что было сказано о Дестютъ де-Траси: „Силою здраваго смысла онъ приближается къ гению“. Его труды были вознаграждены по заслугамъ, и аристократія съ грустью увидѣла, какъ быстро принципъ свободы охватилъ народонаселеніе, преданное земледѣлію.

Миновало время, когда она могла драпироваться въ мантию гордаго презрѣнія: она вышла, наконецъ, изъ своего бездѣйствія. Она силится перейти въ наступленіе и первымъ дѣломъ ея было клеветать на Лигу и ея основателей. Она вооружить ихъ общественную и частную жизнь, но скоро принуждена покинуть поле битвы личныхъ расчетовъ, на которомъ могла-бы оставить больше убитыми и ранеными, чѣмъ Лига, и прибѣгаетъ къ помощи цѣлой массы софизмовъ, которые во всѣ времена и во всѣхъ странахъ служили опорой монополіи. „Покровительство земледѣлію, наплывъ иностранныхъ продуктовъ, пониженіе заработной платы, какъ результатъ изобилія припасовъ, національная независимость, исчезновеніе звонкой монеты, обезпеченіе колоніальныхъ рынковъ, политическое преобладаніе, господство на моряхъ“—вотъ вопросы, которые обсуждаются не только учеными и въ школахъ, но передъ лицомъ всего народа демократіей и аристократіей.

На дѣлѣ оказалось, однако, что члены Лиги—не только мужественные агитаторы, но и глубокіе экономисты. Ни одинъ изъ этихъ многочисленныхъ софиз-

мовъ не устоялъ передъ силой публичнаго обсужденія, а вызванныя Лигой парламентскія изслѣдованія доказали несостоятельность этихъ софизмовъ.

Тогда аристократія прибѣгаетъ къ другому средству. Нищета въ народѣ—громадная, глубокая, ужасная и причина ея, очевидно, въ возмутительномъ неравенствѣ распредѣленія общественнаго богатства. Противъ знамени Лиги, на которомъ стоитъ: „Справедливость“, аристократія ставитъ другое знамя, на которомъ написано: „Милосердіе“. Она уже не отрицаетъ народныхъ страданій, но рассчитываетъ на могущественное дѣйствіе милостыни. „Ты страдаешь, говоритъ она народу, потому что слишкомъ размножился, и вотъ я приготовлю тебѣ обширную систему выселенія. Ты умираешь отъ истощенія и я надѣлю каждую семью огородомъ и коровой. Ты изнемогаешь отъ утомленія, ибо требуютъ отъ тебя слишкомъ много работы, и я сокращу ее“. Потомъ идутъ подлиски для доставленія бѣднымъ классамъ даровыхъ бань, развлеченій, воспитательныхъ заведеній и под. Все—однѣ подачки, все—одни палліативы; но о причинѣ, вызывающей эти бѣдствія, о монополіи, о фальшивомъ и несправедливомъ распредѣленіи богатства никто не обмолвился ни однимъ словомъ.

Лигѣ приходится здѣсь защищаться противъ наступательной системы, которая настолько вѣроломна, что готова признать за своими противниками, кромѣ другихъ монополій, еще и монополию челоуѣколюбія и поставить ее въ границы, указываемыя точною и холодною справедливостію, которая не только менѣе способна, чѣмъ милосер-

діе, но и безсильна, даже слишкомъ лицемѣрна для того, чтобы возбудить необдуманную благодарность со стороны тѣхъ, кто страдаетъ.

Я не стану воспроизводить здѣсь возраженія, сдѣланныя Лигой противъ всѣхъ этихъ проектовъ, такъ-называемыхъ, благотворительныхъ учреждений. Достаточно сказать, что она примкнула ко всему, что было неоспоримо полезнаго въ этихъ предпріятіяхъ. Такъ, напримѣръ, среди манчестерскихъ фритредеровъ было собрано около милліона, чтобы расширить кварталы, въ которыхъ живутъ рабочіе классы, дать имъ больше воздуха и свѣта. Такая-же сумма, собранная добровольною подпискою, была назначена на сооруженіе въ этомъ городѣ школьныхъ зданій. Но въ то-же время Лига не переставала доказывать, какая опасная западня кроется подъ этой пышной вывѣской филантропіи: „Когда англичане умираютъ съ голоду, говорила она, то нельзя утѣшать ихъ только словами: *мы перенесемъ васъ въ Америку, идѣтъ такъ много припасовъ*, а надо доставить имъ эти припасы. Недостаточно только надѣлать рабочія семьи огородами для разведенія картофеля, а не надо лишать ихъ тѣхъ выгодъ, которыя они могли-бы получить, употребляя болѣе существенную и здоровую пищу. Недостаточно только сократить чрезмѣрную работу, на которую обрекаетъ ихъ хищеніе, а надо прекратить самое хищеніе, дабы 10-ти часовой трудъ стоилъ 12-ти часового. Недостаточно еще дать имъ воздухъ и воду, надо дать имъ хлѣба, или по крайней мѣрѣ возможность купить его. Не филантропію, а свободу надо противопоставить притѣсненію; не бла-

готовительность, а только справедливость может излѣчить бѣдствія несправедливости, милостыня-же имѣетъ и можетъ имѣть лишь недостаточное, временное и притомъ непрочное и часто растлѣвающее вліяніе“.

За этими софизмами, увертками и оговорками для аристократіи оставалось только одно средство для борьбы— *большинство голосовъ*. И вотъ, послѣдній актъ агитаціи долженъ былъ совершиться въ средѣ избирательныхъ коллегій. Распространить въ народѣ здравыя экономическія понятія, Лигѣ оставалось дать практическое направленіе личнымъ силамъ своихъ безчисленныхъ приверженцевъ. Измѣнить въ корнѣ избирательныя учрежденія королевства, подорвать вліяніе аристократіи, подчинить подкупъ карательной силѣ закона и общественнаго мнѣнія—такова была новая фаза, въ которую вступила *агитація* съ энергіей, постоянно возрастающей по мѣрѣ пріобрѣтенныхъ ею успѣховъ. *Vires acquirit eundo*. По призыву Кобдена, Брайта и ихъ друзей, тысячи фритредеровъ занесли свои имена въ избирательныя списки, а тысячи монополистовъ были вычеркнуты изъ нихъ, и это движеніе было такъ быстро, что можно было предвидѣть день, когда сенатъ явится представителемъ не отдѣльнаго класса, а цѣлаго общества.

Здѣсь авторъ излагаетъ финансовую программу Роберта Пила: таможенныя реформы, подходящий налогъ и т. д.

Я старался какъ можно яснѣе поставить вопросъ, взволновавшій Англію. Я описалъ и побитвы, и важность столкнувшихся на немъ инте-

ресовъ, и послѣдствія одержанной побѣды. Я доказалъ, мнѣ кажется, что хотя жаръ разгоравшейся борьбы сосредоточивался на вопросахъ о налогахъ, таможенныхъ, хлѣбѣ, сахарѣ, однако, въ дѣйствительности дѣло шло о монополіи и свободѣ, объ аристократіи и демократіи, о равномерномъ и неравномерномъ распредѣленіи благосостоянія. Все дѣло шло о томъ, останется ли законодательная власть и политическое вліяніе въ рукахъ хищниковъ, или перейдутъ они къ людямъ труда, т. е. будутъ-ли они по прежнему плодить въ мірѣ смуты и раздоры, или-же будутъ сѣять сѣмена согласія, единенія, справедливости и мира.

Когда видишь, какъ великій народъ, вліяніе котораго въ мірѣ неоспоримо, проникается ученіями справедливости и правды; — когда видишь, какъ отвергаетъ онъ ложныя идеи первенства, которыя долгое время дѣлали его опаснымъ для другихъ націй; — когда видишь, какъ онъ готовится вырвать политическую силу изъ рукъ алчной и наглой олигархіи, поневолѣ вѣришь даже въ ту минуту, когда первые удары были направлены только на экономическіе вопросы, что въ этой борьбѣ подняты самыя важныя и самыя благородныя интересы. Если несмотря на многіе уроки несправедливости, на многіе примѣры вѣроломства въ международныхъ сношеніяхъ, Англія, едва замѣтная часть земного шара, породила на своей почвѣ такъ много великихъ и полезныхъ идей; если она была колыбелью свободной печати, суда присяжныхъ, представительной системы, отмены рабства, вопреки сопротивленію могущественной и безжалостной олигархіи, то чего только міръ не будетъ

въ правѣ ожидать отъ этой самой Англіи, когда все ея нравственное, социальное и политическое могущество перейдетъ въ руки демократіи, посредствомъ медленной и тяжелой революціи, мирно совершившейся въ умахъ ея гражданъ, подъ руководствомъ ассоціаціи, считающей въ средѣ своей столько людей, которые своими высокими талантами и испытанною нравственностью озарили такимъ яркимъ свѣтомъ свою страну и свой вѣкъ. Такая революція не есть просто событіе, случайность, катастрофа, совершенная несокрушимымъ, но скоропреходящимъ энтузіазмомъ; нѣтъ, это—медленный социальный переворотъ, измѣняющій всѣ условія существованія общества, самую среду, въ которой оно жило и дышало... Это — сама справедливость, самъ здравый смыслъ, овладѣвшіе властью. Это—общее благо, благо народа, благо большихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ, сдѣлавшееся правиломъ жизни, передъ которымъ привилегія, насилие, каста, исчезаютъ со сцены, но не вслѣдствіе дворцовой революціи или уличнаго бунта, а вслѣдствіе прогрессивнаго и общаго признанія правъ и обязанностей человѣка. Однимъ словомъ, это — торжество человѣческой свободы, это — смерть монополіи, смерть Протея въ самыхъ разнообразныхъ видахъ его, то побѣдителя, то рабовладѣльца, то церковника, то феодала, то промышленника и финансиста и даже филантропа... Въ какой-бы костюмъ онъ ни облачился теперь, ему не уйти отъ взоровъ общественнаго мнѣнія: оно привыкло узнавать его и въ красномъ мундирѣ, и въ черномъ платьѣ, и въ курткѣ плантатора, какъ и въ расшитомъ зо-

лотомъ кафтана благороднаго пера. Свобода для всѣхъ! Каждому справедливое и должное вознагражденіе по его трудамъ! Для каждого справедливое и естественное участіе въ равенствѣ, соотвѣтственно его трудамъ, способностямъ, предусмотрительности и нравственности! Свободный общинъ со всей вселенной! Миръ со всѣмъ міромъ! Нѣтъ болѣе порабощенія колоній, нѣтъ болѣе арміи, флота, развѣ только для защиты національной независимости! Коренное различіе между тѣмъ, что составляетъ и что не должно составлять задачи правительства и закона! Политическая ассоціація имѣетъ лишь одно призваніе—защищать для каждого его свободу и безопасность противъ всякаго несправедливаго нападенія на нее какъ внутри, такъ и внѣ государства; равномерный налогъ для того, чтобы прилично вознаградить тѣхъ, кто занимается его собираніемъ, а не для того, чтобы подъ названіемъ *мѣста сбыта* служить маскою внѣшней узурпаціи, а подъ именемъ *протекціонизма* служить взаимному ограбленію гражданъ.

Вотъ, за что борются теперь въ Англіи, хотя поле битвы повидимому ограничено узкими предѣлами таможеннаго вопроса. Но этотъ вопросъ включаетъ въ себѣ и вопросъ о рабствѣ въ его новой формѣ, какъ вѣрно сказалъ въ парламентѣ одинъ членъ Лиги, Жибсонъ: „Овладеѣть людьми, чтобы заставить ихъ работать на себя, или овладѣть плодами ихъ труда—это тоже рабство; разница только въ степени“.

Взирая на революцію, не скажу подготовляющуюся только, но уже совершающуюся, въ сосѣдней странѣ, революцію, исходомъ которой интересуется

весь міръ;—взирая на то, какъ проявленія этого гуманнаго дѣла уже ясно сказываются даже въ дипломатическихъ и парламентскихъ сферахъ тѣмъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ вырывается у аристократіи рядъ послѣдовательныхъ реформъ;—взирая на эту могущественную агитацію, болѣе могущественную и болѣе важную по своимъ результатамъ чѣмъ ирландская агитація, потому что она стремится, между прочимъ, преобразовать взаимныя отношенія народовъ, измѣнить условія ихъ промышленнаго существованія и водрузить принципъ братства на мѣсто раздѣлявшей ихъ вражды;—взирая на все это, нельзя не подивиться тому глубокому, всеобщему и систематическому молчанію, которое сама наложила на себя французская печать. Изъ всѣхъ общественныхъ явленій, которыя мнѣ приходилось наблюдать, это молчаніе и въ особенности то вліяніе, которое оно производитъ, повергаетъ меня въ величайшее изумленіе. Если мелкому германскому князю, благодаря его неусыпной бдительности, удалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отклонить отъ своихъ владѣній гулъ французской революціи, то это еще можно понять; но чтобы въ средѣ великой націи, которая кичится свободой печати и публичнаго слова, газеты съумѣли въ теченіи цѣлыхъ 7 лѣтъ скрывать отъ общественнаго вниманія самое крупное въ наше время соціальное движеніе и факты, которые помимо своего общечеловѣческаго значенія должны подѣйствовать и уже непреодолимо дѣйствуютъ на весь нашъ промышленный строй,—это дѣйствительно чудо стратегіи, которому не повѣрить потомство....

И надѣюсь, что это сочиненіе пробудитъ нѣкоторыя надежды въ школѣ экономистовъ. Было время, когда она имѣла вполнѣ основательныя причины провидѣть въ недалекомъ будущемъ торжество своего принципа. Хотя масса простого народа жила еще подъ властью предразсудковъ, однако образованные люди, изучавшіе нравственныя и политическія науки, были почти свободны отъ этихъ предразсудковъ. Бывали еще разногласія о своевременности рѣшенія вопросовъ, но по существу ученій авторитетъ Смита и Сэ былъ неоспоримъ.

Но вотъ прошло 20 лѣтъ, и политическая экономія не только не приобрѣла ни пяди земли, но можно сказать почти съ увѣренностью, что она даже потеряла то, чѣмъ владѣла; можно даже утвердительно сказать, что у нея не осталось ровно ничего, если не считать того ничтожнаго пространства, на которомъ возвышается зданіе академіи нравственныхъ наукъ. Въ теоріи самыя странныя нелѣпости, какія-то апокалипсическія видѣнія, самыя причудливыя утопіи овладѣли слѣдующимъ за нами поколѣніемъ. А на практикѣ монополія одерживала одну побѣду за другою. Колоніальная система расширилась въ своихъ основаніяхъ: протекціонизмъ создалъ совсѣмъ ложное вознагражденіе за трудъ, а интересъ общественный преданъ расхищенію, и, наконецъ, не существуетъ болѣе экономической школы — она перешла, такъ-сказать въ область исторіи.

Впрочемъ, небольшое число людей осталось вѣрно принципу свободы. Они останутся вѣрны ему даже и тогда, когда окажутся въ полнѣйшемъ

одиначествѣ, потому что истина экономическая съ съ такой-же силой овладѣваетъ душою человѣка, какъ и истина математическая. Но, не теряя вѣры въ окончательное торжество истины, эти люди не могутъ не чувствовать глубокаго унынія, при видѣ теперь умственного состоянія и попятнаго движенія ученія.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, я не могу не выразить надежды, что эта книга, не смотря на свои недостатки, доставитъ немало утѣшенія, пробудитъ много надеждъ, оживитъ энергію и преданность въ сердцахъ моихъ политическихъ друзей и покажетъ имъ, что если свѣточъ истины померкъ въ одномъ мѣстѣ, то неотразимый блескъ кидаетъ онъ на другомъ; что человечество не пятится назадъ, а движется впередъ гигантскими шагами и что недалеко то время, когда союзъ и благосостояніе народовъ утвердятся на непоколебимой основѣ: свободный и братскій союзъ между людьми всѣхъ странъ, всѣхъ климатовъ и всѣхъ племенъ.

Экономическіе софизмы, памфлеты и апологіи.

I.

Прошеніе фабрикантовъ салныхъ и стеариновыхъ свѣчъ, лампъ, подсвѣчниковъ, рефлекторовъ, щипцовъ, гасильниковъ и производителей сала, масла, камеди, алькоголя и вообще всего, что касается освѣщенія.

„Гг. членамъ палаты депутатовъ.“

Милостивые государи!

„Вы стоите на хорошей дорогѣ. Вы отвергаете отвлеченныя теоріи; изобиліе продуктовъ, дешевизна васъ мало занимаютъ. Вы особенно заняты судьбой производителя. Вы хотите освободить его отъ внѣшней конкуренціи, хотите сохранить національный рынокъ для національнаго труда.“

„Мы хотимъ доставить вамъ прекрасный способъ приложить вашу... какъ-бы это выразиться? вашу теорію? Но нѣтъ ничего обманчивѣе, какъ теорія. Ваше ученіе? Вашу систему? Вашъ принципъ? Но вы не любите ученій, вы имѣете отвращеніе къ системамъ, а что касается принциповъ—объявляете, что ихъ совсѣмъ нѣтъ въ социальной экономіи. А потому просто скажемъ такъ.“

вашу практику, не знающую ни теории, ни принципа.

„Мы терпимъ отъ нестерпимой конкуренціи со стороны иностраннаго соперника, который поставленъ, кажется, настолько благопріятіе насъ въ производствѣ свѣта, что *наводитъ* имъ нашъ *національный рынокъ* по цѣнамъ баснословно дешевымъ: какъ только является онъ на рынокъ, наша продажа прекращается, потому что всѣ потребители бросаютъ насъ и обращаются къ нему, и вотъ одна изъ отраслей французской промышленности, имѣющая безчисленное множество развѣтвленій, внезапно поражается полнымъ застоємъ. Этотъ соперникъ никто иной, какъ солнце. Оно открываетъ противъ насъ такую ожесточенную борьбу, что мы заподозриваемъ въ подстрекательствѣ его противъ насъ, вѣроломный Альбіонъ (хорошая дипломатія по теперешнимъ временамъ!) тѣмъ болѣе, что онъ оказываетъ этому горделивому острову нѣкоторыя льготы, въ которыхъ отказываетъ намъ.

„Мы покорнѣйше просимъ васъ издать законъ, который предписалъ-бы запретить всѣ окна, слуховыя окна, абажуры, ставни, затворы, створы, форточки, словомъ, заткнуть всѣ отверстия, дыры, щели и трещины, черезъ которыя солнечный свѣтъ обыкновенно проникаетъ въ дома въ ущербъ тѣмъ прекраснымъ продуктамъ промышленности, которыми мы гордимся, что надѣлили ими страну: не захочетъ-же она отвѣчать намъ неблагодарностью и покинуть насъ въ такой неравной борьбѣ.

„Не примите, господа депутаты, нашу просьбу за насмѣшку, и по крайней мѣрѣ не отталкивайте

ее отъ себя, пока не выслушаете причинъ, по которымъ мы просимъ вашей защиты.

„Прежде всего, если вы преградите, насколько возможно, доступъ естественному свѣту, если вы такимъ образомъ создадите потребность въ искусственномъ освѣщеніи, то какая только промышленность во Франціи не получитъ тогда благотворнаго поощренія?

„Если будетъ потребляться больше сала, то потребуется больше быковъ и барановъ, а слѣдовательно умножится число искусственныхъ луговъ, количество мяса, шерсти, кожъ и въ особенности удобренія, этой главной основы земледѣльческаго богатства.

„Если будетъ потребляться больше масла, то расширится культура мака, оливы и полевой рѣпы. Эти богатая и истощающія почву растенія какъ разъ кстати дадутъ возможность воспользоваться усиленнымъ плодородіемъ, которое доставитъ нашимъ землямъ разведеніе скота.

Наши безплодные ланды покроются смолистыми деревьями. Многочисленные рои пчелъ будутъ собирать на нашихъ холмахъ благоухающія сокровища, которыя теперь испаряются безъ всякой пользы, какъ и цвѣты, съ которыхъ они собираются. Нѣтъ, стало-быть, ни одной отрасли земледѣлія, которая не получила-бы широкаго развитія.

„Тоже самое и навигація. Тысячи судовъ пойдутъ на ловлю китовъ, и въ короткое время мы приобрѣтемъ флотъ, способный поддержать честь Франціи и достойный патріотическаго чувства нижеподписавшихся просителей, продавцевъ свѣчъ и т. д.

„Но что сказать о предметахъ парижскаго про-

изводства (*articles de Paris*)? Вы сами увидите, какъ золото, бронза, хрусталь въ подсвѣчникахъ, лампахъ, люстрахъ, канделябрахъ, заблестятъ тогда въ обширныхъ магазинахъ, въ сравненіи съ которыми теперешніе магазины покажутся жалкими лавчонками.

— До бѣдняка, собирающаго камедь на вершинѣ своей дюны, или до несчастнаго рудокопа, копающагося въ глубинѣ темныхъ подземныхъ галерей, у каждаго возвысится заработная плата, а слѣдовательно поднимется и его благосостояніе.

— Соболаговолите подумать надъ этимъ, господа, и вы сами убѣдитесь, что, можетъ быть, не найдется ни одного француза, начиная съ богача акціонера въ Анзенѣ и кончая жалкимъ продавцемъ спичекъ, положеніе котораго, вслѣдствіе исполненія нашего ходатайства, не измѣнилось-бы къ лучшему.

— Мы напередъ знаемъ ваши возраженія, господа; но вы не сдѣлаете ни одного изъ нихъ, которое не было-бы взято изъ растрепанныхъ книгъ приверженцевъ свободной торговли. Мы заранѣе позволяемъ себѣ увѣрить васъ, что каждое слово, которое вы произнесете противъ насъ, тотчасъ-же обратится противъ васъ самихъ и противъ принципа, управляющаго всей вашей политикой.

— Скажете-ли вы намъ, что если мы выиграемъ отъ этого покровительства, то Франція ничего не выиграетъ, потому что расходы упадутъ на потребителя?

— На это мы отвѣтимъ вамъ:

— Вы не имѣете болѣе права ссылаться на интересы потребителя. Когда только выгоды его сталкивались съ выгодами производителя, вы все-

гда отдавали его въ жертву послѣднему. Вы поступали такъ ради *поощренія труда*, ради *расширенія области труда*. По тому-же самому побужденію вы и теперь должны поступить точно также.

„Вы сами напросились на возраженіе. Когда говорили вамъ: потребитель нуждается въ свободномъ ввозѣ желѣза, каменнаго угля, кунжута, пшеницы, тканей, то вы отвѣчали тогда: да, но производитель заинтересованъ тѣмъ, чтобы ввозъ ихъ не былъ допущенъ. Стало-быть, если потребители заботятся о доставленіи имъ естественнаго свѣта, то производители требуютъ его запрещенія.

„Но производитель и потребитель, говорили вы также, составляютъ одно. Если фабрикантъ выгадываетъ, благодаря покровительству, то онъ доставляетъ выгоду и земледѣльцу. Если земледѣліе процвѣтаетъ, то оно открываетъ новые рынки фабрикамъ. И такъ, если вы пожелаете намъ монополію на освѣщеніе въ продолженіе дня, то прежде всего мы накупимъ много сала, угля, масла, смолы, воску, алкоголя, серебра, желѣза, бронзы, хрусталя, чтобы обезпечить ими наше производство, а кромѣ того мы и наши многочисленные поставщики, сдѣлавшись богачами, расширимъ наше потребленіе и такимъ образомъ распространимъ довольство во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда.

„Скажете-ли вы, что свѣтъ солнца есть даръ природы и что отталкивать такой даръ—все равно, что отказываться отъ самого богатства подъ предлогомъ поощренія способовъ къ его приобрѣтенію.

„Но берегитесь, не нанесите смертельнаго уда-

ра въ самое сердце вашей-же политикѣ; берегитесь—до сихъ поръ вы всегда запрещали ввозъ иностраннаго продукта, *потому что* онъ приближается къ дару природы и *тѣмъ болѣе* потому, что онъ приближается къ этому дару. Чтобы удовлетворить требованіямъ другихъ монополистовъ вы руководствовались только *полумотивомъ*, а для исполненія нашей просьбы вы имѣете въ своемъ распоряженіи *цѣлый мотивъ*, и отказывать намъ въ нашей просьбѣ, *основываясь* именно на томъ, что мы гораздо *правѣе* другихъ, это—то-же, что построить такое уравненіе: плюсъ, помноженный на плюсъ, равенъ минусу; другими словами это значило-бы городить *нелѣпость* на *нелѣпости*.

„Трудъ и природа участвуютъ въ производствѣ продукта въ различной степени, смотря по мѣсту и климату. Доля участія природы всегда даровая и только участіе труда сообщаетъ продукту его цѣнность и должно быть оплачено.

„Если лиссабонскій апельсинъ продается вдвое дешевле парижскаго, то потому, что естественное, а слѣдовательно даровое тепло сообщаетъ одному апельсину то, чѣмъ другой обязанъ искусственному, а слѣдовательно и дорого оплачиваемому теплу.

„Слѣдовательно, когда апельсинъ привозится къ намъ изъ Португаліи, то можно сказать, что онъ пришелся намъ наполовину даромъ, или другими словами—за *полумеры* противъ парижскаго апельсина.

„И вотъ, на основаніи этой *полударовщины* (простите намъ это выраженіе) вы настаиваете на его запрещеніи. Вы говорите: какъ можетъ на-

національний трудъ выдержать конкуренцію иностраннаго труда, когда первому приходится исполнить всю работу, а послѣднему только половину ея, потому что остальное додѣлываетъ солнце? Но если изъ-за *полударовщины* вы рѣшаете отвергнуть конкуренцію, то какимъ-же образомъ полная *даровщина* можетъ побудить васъ признать эту конкуренцію? Или вы плохо знакомы съ логикой, или, отвергая *полударовщину*, какъ вредную для нашего національнаго труда, вы должны тѣмъ паче отвергнуть, съ гораздо большею энергіей, и полную *даровщину*.

„Еще разъ, если какой-нибудь продуктъ, каменный уголь, желѣзо, пшеница или ткани приходятъ къ намъ изъ-за границы, и если мы имѣемъ возможность пріобрѣсть ихъ съ меньшей затратой труда, чѣмъ если-бы сами стали добывать ихъ, то вся разница заключается здѣсь въ томъ *дарѣ* природы, который жалуется намъ. Этотъ даръ бываетъ больше или меньше, смотря по тому, какъ велика или мала эта разница. Онъ составляетъ четверть, половину, три четверти цѣнности продукта, если иностранецъ запросить съ насъ только три четверти, половину или четверть всей оплаты. Но мы получимъ его полностью, если даритель, подобно солнцу, дающему даромъ свой свѣтъ, ничего не потребуетъ съ насъ за него. Вопросъ—мы категорически ставимъ его здѣсь—заключается въ томъ, чего хотите вы для Франціи—благъ дароваго потребленія или мнимыхъ выгодъ тяжелаго производства? Выбирайте то или другое, но будьте послѣдовательны, потому что если вы отвергнете, какъ это обыкновенно дѣ-

лается у васъ, каменный уголь, желѣзо, пшени-
ницу, иностранныя ткани, соответственно тому,
насколько цѣна ихъ приближается къ нулю, то
какъ-же непослѣдовательно будетъ съ вашей сто-
роны допускать свѣтъ солнца, цѣна котораго въ
теченіе цѣлаго дня равна нулю?^а

II.

Взаимность.

Есть люди (правда, ихъ немного, но они все-таки есть), которые начинаютъ понимать, что препятствія, хотя-бы и искусственныя, все-таки препятствія, и что наше благосостояніе выиграетъ скорѣе отъ свободы, чѣмъ отъ покровительства, на томъ-же самомъ основаніи, по которому каналъ для него выгоднѣе, чѣмъ „гористая, песчаная и неудобная дорога“.

Но, необходимо, говорятъ они, чтобы эта свобода была обоюдная. Если мы уничтожимъ наши заставы передъ Испаніей, а Испанія не уничтожитъ своихъ передъ нами, то мы, очевидно, сдѣлаемъ глупость, а потому заключимъ лучше *торговые договоры*, сдѣлаемъ, на основаніи принципа взаимной справедливости, уступки съ тѣмъ, чтобы и намъ сдѣлали ихъ, поступимся правомъ купить, чтобы получить больше выгоды отъ продажи.

Людамъ, разсуждающимъ такимъ образомъ я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что они—извѣстно это имъ, или нѣтъ—руководствуются принципомъ протекціонизма, только они менѣе послѣдовательны, чѣмъ настоящіе протекціонисты, точно также какъ эти послѣдніе еще непослѣдовательнѣе, чѣмъ сторонники безусловныхъ запрещеній.

Я докажу это слѣдующей басней:

Стульта и Пуэра.

Были гдѣ-то два города, *Стульта* и *Пуэра*. Съ большими издержками построили они дорогу, соединившую ихъ другъ съ другомъ. Когда она была построена, *Стульта* подумала: вотъ *Пуэра* стала наводнять меня своими продуктами, надо подумать объ этомъ. Велѣдствіе этого, она создала и устроила на жалованьѣ отрядъ *тормазилицы-ковъ*, названныхъ такъ потому, что они обязаны были воздвигать препятствія обозамъ, которые шли изъ *Пуэры*. Не много времени спустя *Пуэра* также завела своихъ *тормазилицы-ковъ*.

Прошло нѣсколько столѣтій, наука сдѣлала большіе успѣхи, расширился и умственный кругозоръ *Пуэры*, и она поняла, что взаимныя преграды ничего не приносятъ обоимъ городамъ, кромѣ взаимнаго вреда, и вотъ она послала въ *Стулту* дипломата, который съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ краснорѣчіемъ говорилъ въ такомъ смыслѣ: „Мы построили дорогу, а теперь мы-же сами загораживаемъ ее. Это нелѣпо. Ужъ лучше было-бы оставить все въ прежнемъ положеніи, тогда по крайней мѣрѣ намъ не зачѣмъ было-бы тратиться на содержаніе дороги, да еще на разныя преграды. Отъ имени *Пуэры* я пришелъ предложить вамъ, конечно, не отказываться сразу отъ взаимныхъ преградъ, потому что это значило-бы дѣйствовать по принципу, а мы, также какъ и вы, ненавидимъ всякіе принципы, но нѣсколько ослабить эти преграды, взвѣсивъ напередъ со всею справедливостью наши взаимныя уступки“.

Такъ говорить дипломатъ. *Стульта* просила времени на размышленіе. Поочередно совѣтывалась она съ своими фабрикантами и земледѣльцами, а по прошествіи нѣскольکو лѣтъ объявила, что прекращаетъ всякія переговоры.

Узнавъ объ этомъ, держали совѣтъ и жители *Пуэры*. На совѣтѣ одинъ старикъ, котораго заподозрили, что онъ тайно подкупленъ *Стультой*, всталъ и сказалъ: „Преграды, созданныя *Стультой*, вредятъ нашей продажѣ, это — несчастье; преграды-же, нами созданныя, вредятъ нашей куплѣ, это — другое несчастье. Мы ничего не можемъ сдѣлать съ первымъ изъ этихъ несчастій, но второе зависить отъ насъ: освободимъ-же себя, по крайней мѣрѣ, отъ одного несчастія, коли не можемъ отдѣлаться отъ обоихъ. Уничтожимъ нашихъ *тормазилщиковъ*, не требуя того-же самаго отъ *Стульты*: придетъ, безъ сомнѣнія, время, когда она научится вѣрнѣе понимать свои выгоды“.

Другой совѣтникъ, человѣкъ практики и фактовъ, а не принципа, воспитанный опытомъ своихъ предковъ, возразилъ: „Нечего слушать этого мечтателя, теоретика, новатора, утописта, экономиста, этого *стультомана*. Мы всѣ пропадемъ, если дорожныя преграды между *Стультой* и *Пуэрой* не будутъ хорошо уравнены, уравновѣшены и вѣрно рассчитаны. Иначе явится больше затрудненія для того, чтобы *идти*, чѣмъ для того, чтобы *прийти*, т. е. для того, чтобы *вывозить*, чѣмъ для того, чтобы *возвезти*. Мы окажемся относительно *Стульты* въ такомъ-же точно подчиненіи, въ какомъ Гавръ, Нантъ, Бордо, Лиссабонъ, Лондонъ, Гамбургъ, Новый-Орлеанъ находятся къ городамъ,

расположеннымъ при истокахъ Сены, Луары, Гаронны, Тайо, Темзы, Эльбы и Миссиссипи, потому что гораздо труднѣе плыть вверхъ по теченію рѣки, чѣмъ внизъ.—Голосъ: „города при устьяхъ рѣкъ процвѣтали больше, чѣмъ лежащіе при истокахъ“.—Это невозможно. Тотъ же голосъ: „Однако это такъ“.—Значитъ, они процвѣтали *вопреки правиламъ*! Такое рѣшительное разсужденіе пошатнуло все собраніе. Ораторъ окончательно убѣдилъ его своими рѣчами о національной независимости, національной чести, національномъ достоинствѣ, національномъ трудѣ, о наплывѣ чужихъ продуктовъ, о пошлинахъ, и убійственной конкуренціи, короче—онъ отстаивалъ сохраненіе взаимныхъ преградъ.

Если вамъ интересно, я могу сводить васъ въ одну страну, гдѣ вы увидите собственными глазами дорожныхъ сторожей и тормазильщиковъ, которые съ лучшими въ мірѣ способностями, по распоряженію того-же законодательнаго собранія, работаютъ за счетъ однихъ и тѣхъ-же плательщиковъ,—одни надъ тѣмъ, чтобы облегчать движеніе по дорогѣ, другіе—надъ тѣмъ, чтобы затруднять это движеніе.

III.

Предостереженіе.

Ошъ, 30 августа 1847 г.

Когда вслѣдствіе усталости или задержки лошадей мнѣ приходится сидѣть въ какомъ-нибудь городѣ, то я поступаю обыкновенно такъ, какъ и всякій добросовѣстный путешественникъ — осматриваю памятники, церкви, публичныя гулянья и музеи.

Сегодня я ходилъ смотрѣть статую, воздвигнутую въ честь г. д'Этины, бывшаго интенданта ошскаго округа, благодарными и просвѣщенными жителями этой мѣстности. Этотъ великій правитель, скажу даже — великій человѣкъ, искрестилъ вѣренную его заботамъ провинцію великолѣпными дорогами. Тамъ до сихъ поръ благословляютъ память о немъ, но не такъ относились къ нему при его жизни: ему пришлось выдержать сильную оппозицію, выразившуюся не въ однихъ только устныхъ и письменныхъ жалобахъ. Разсказываютъ, что въ мастерскихъ ему часто приходилось пускать въ ходъ необыкновенную силу, которой одарила его природа. Онъ говаривалъ деревенскимъ жителямъ: „вы прокли-

наете меня, а дѣти ваши будутъ благословлять меня“. За нѣсколько дней передъ смертью онъ писалъ генеральному контролеру слѣдующія строки, напоминающія намъ божественныя слова Основателя христіанства: „Я нажилъ себѣ много враговъ; но, по милости Божіей, я простилъ ихъ,—вѣдь, они еще не понимаютъ чистоты моихъ намѣреній“.

Г. д'Этиньи изображенъ со сверткомъ бумагъ въ правой рукѣ и съ другимъ сверткомъ подъ мышкой лѣвой руки. Можно думать, что одинъ изъ этихъ свертковъ есть планъ той самой сѣти дорогъ, которою онъ надѣлилъ страну. Но что же означаетъ второй свертокъ? Протерѣвъ глаза и бинокль, я прочелъ на немъ одно слово: *Предостереженіе*. Думая, что художникъ хотѣлъ состричь, или дать людямъ спасительный урокъ, увѣковѣчивъ воспоминаніе объ оппозиціи, оказанной жителями этой страны сооруженію дороги, я поспѣшилъ въ архивъ и нашелъ тамъ документъ, на который, безъ сомнѣнія, намекалъ художникъ. Онъ написанъ на мѣстномъ нарѣчій. Привожу его здѣсь въ точномъ переводѣ въ назиданіе *Промышленному Вѣстнику* и протекціонному комитету. Увы! Они не изобрѣли ничего новаго: доктрины ихъ господствовали здѣсь около ста лѣтъ тому назадъ.

— Милостивый государь!

Горожане и поселяне ошскаго округа прослышали о задуманномъ вами проектѣ — открыть по всѣмъ направленіямъ пути сообщенія. Мы пришли со слезами на глазахъ просить васъ хорошенько разсмотрѣть печальное положеніе, въ которое вы насъ повергаете.

„Подумали ли вы объ этомъ, милостивый государь? Вы хотите связать ошскій округъ съ окрестными мѣстами! Но этимъ вы готовите намъ вѣрную гибель — насъ завалятъ всевозможными товарами. Что станется съ нашимъ *національнымъ трудомъ*, когда съ открытіемъ вашихъ дорогъ *наводнятъ* насъ иностранные товары? Теперь ограждаютъ насъ горы и непроходимые овраги и подъ ихъ *покровительствомъ* развился нашъ трудъ. Правда, мы почти ничего не вывозимъ, но мы имѣемъ по крайней мѣрѣ вѣрный и обеспеченный рынокъ. А вы хотите предать его алчному чужеземцу? Не говорите намъ, милостивый государь, о нашей дѣятельности, о нашей энергій, о нашей смѣливости, о плодородіи нашихъ земель, потому что мы во всемъ, во всѣхъ отношеніяхъ находимся въ отчаянномъ приниженіи. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтите себѣ, что хотя природа и наградила насъ такой землей и такимъ климатомъ, которые допускаютъ самое большое разнообразіе продуктовъ, однако нѣтъ у насъ ни одного такого продукта, относительно котораго сосѣдніе округа не находились-бы въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Можемъ-ли мы въ культурѣ хлѣба бороться съ равнинами Гаронны? въ культурѣ вина — съ Борделэ? въ скотоводствѣ — съ Пиренеями? въ производствѣ шерсти съ ландами Гаскони, гдѣ земля не имѣетъ цѣнности? И такъ, вы видите сами, что если откроете сообщеніе съ разными мѣстностями, то намъ придется страдать отъ наплыва къ намъ чужого вина, хлѣба, мяса и шерсти. Всѣ эти предметы составляютъ, конечно, не малое богатство, но лишь при условіи, чтобы они были продуктами національна-

го труда; если-же они будутъ продуктами чужого труда, то погибнетъ національный трудъ, а съ нимъ и наше богатство.

„Милостивый государь, не будемъ умнѣе нашихъ отцовъ. Они не только не создавали новыхъ путей для обращенія товаровъ, но весьма благо-разумно заграждали даже существовавшія дороги. Они старались разставить таможенныхъ досмотрщиковъ по нашимъ границамъ, чтобы отразить отъ нихъ конкуренцію вѣроломныхъ иностранцевъ. Какъ-же непослѣдовательно было-бы теперь покровительствовать этой конкуренціи!

„Не будемъ мудрѣе природы. Она помѣстила горы и овраги между разными обществами людей, дабы каждое могло мирно трудиться, подъ защитою ихъ отъ всякаго внѣшняго соперничества. Срыть горы, засыпать овраги, значило-бы сдѣлать такое-же зло, какъ уничтожить таможи. Кто знаетъ, не заронить-ли когда-нибудь вашъ теперешній проектъ такой пагубной мысли въ голову какого-нибудь теоретика! Берегитесь, милостивый государь, логика безжалостна. Если вы однажды признаете, что легкость сообщеній хороша сама по себѣ и что если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и мѣшаетъ людямъ, то во всякомъ случаѣ доставляетъ имъ въ общемъ скорѣе выгоды, чѣмъ неудобства,—если вы признаете это, то настанетъ конецъ прекрасной системѣ Кольбера. Тогда мы возьмемся доказать вамъ, что ваши проекты о дорогахъ основаны на чемъ-то другомъ, а не на этомъ безразсудномъ предположеніи.

„Милостивый государь, мы совсѣмъ не теоретики, не люди принципа, мы не претендуемъ на

геніальность, а говоримъ просто языкомъ здраваго смысла. Если вы откроете нашу страну влиянію всѣхъ внѣшнихъ соперничествъ, если вы дадите свободный доступъ на наши рынки хлѣбу съ Гаронны, Бордоскому вину, Беарискому льну, шерсти съ ландовъ, пиренейскимъ воламъ, то будетъ ясно, какъ Божій день, — какъ станетъ вывозиться наша монета за границу, какъ падетъ нашъ трудъ, какъ изсякнетъ самый источникъ заработной платы, какъ обезцѣнится наша собственность. Что же касается до выгодъ, которыя вы намъ сулите, то позвольте сказать вамъ, что онѣ очень сомнительны; надо прежде переломать себѣ голову, чтобы замѣтить ихъ.

„И такъ, мы смѣемъ надѣяться, что вы сохраните олскій округъ въ томъ счастливомъ разобщеніи, въ какомъ онъ теперь находится. Если мы падемъ въ этой борьбѣ съ фантазерами, мечтающими облегчить торговлю, то предвидимъ, что нашимъ дѣтямъ придется выдержать еще другую борьбу, противъ другихъ фантазеровъ, которые захотятъ, пожалуй, завести у насъ и свободу торговли“.

IV.

Мнимая желѣзная дорога.

И уже говорилъ, что когда, къ несчастью, становились на сторону выгоды производителя, то непременно сталкивались съ интересомъ цѣлаго общества, потому что производитель, по самому положенію своему, требуетъ всегда только лишнихъ усилій, заботъ и всякихъ препонъ.

Замѣчательный примѣръ этого я нашелъ въ одной бордоской газетѣ. П. Симіо задается въ ней слѣдующимъ вопросомъ:

Должна-ли желѣзная дорога, идущая изъ Парижа въ Испанію, прерываться въ Бордо?

Онъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно и приводитъ множество доводовъ въ пользу этого рѣшенія. Не стану разбирать ихъ всѣ, но остановлюсь только на слѣдующемъ:

Желѣзная дорога, идущая изъ Парижа въ Байонну, должна прерываться въ Бордо для того, чтобы товары и проѣзжіе, поневолѣ останавливающіеся въ этомъ городѣ, доставили заработокъ лодочникамъ, носильщикамъ, комиссіонерамъ, содержателямъ гостинницъ и т. д.

Ясно, что здѣсь выгодамъ посредниковъ труда дано предпочтеніе передъ выгодами потребителей.

Но если Бордо долженъ воспользоваться этимъ перерывомъ желѣзной дороги и если эта выгода его совпадаетъ съ общимъ интересомъ, то Ангулемъ, Пуатье, Туръ, Орлеанъ, еще болѣе всѣ промежуточные пункты, Руффекъ, Шательро и пр., должны также требовать для себя перерывовъ и притомъ во имя общаго интереса, во имя интереса національнаго труда, потому что чѣмъ болѣе увеличатся эти перерывы, тѣмъ болѣе умножатся случаи сохраненія товаровъ въ складахъ, уплаты комиссіонныхъ денегъ, перегрузокъ на всѣхъ пунктахъ желѣзно-дорожной линіи. Слѣдуя такой системѣ, придешь къ мысли о постройкѣ такой желѣзной дороги, которая состояла-бы изъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ перерывовъ, т.-е. такой желѣзной дороги, которая въ дѣйствительности не существовала-бы.

Какъ будетъ угодно господамъ протекціонистамъ, но несомнѣнно, что *принципъ запрещеній*—тотъ же, что и *принципъ перерывовъ*: принести потребителя въ жертву производителю, средству пожертвовать цѣлью.

Д в а т о п о р а .

*Прощение плотника Жака Бонола министру
торговли г. Кюнень-Гридену.*

Милостивый государь г. фабрикантъ-министръ! Я такой-же плотникъ, какъ Исусъ Христосъ, владѣю топоромъ и тесломъ и готовъ всегда къ вашимъ услугамъ.

Рубя и обтесывая съ ранней зари и до поздней ночи во владѣніяхъ нашего короля, мнѣ пришло на умъ, что мой трудъ также *націоналенъ* какъ и вашъ.

И вотъ я думаю: почему-бы *покровительству* не посвятить и моей мастерской, какъ посвящаетъ оно вашу мастерскую.

Ибо если вы работаете сукна, то я строю крыши—оба мы, только различными способами, укрываемъ нашихъ кліентовъ отъ холода и дождя.

А между тѣмъ я ищу заказовъ, тогда какъ заказы ищутъ васъ. Вы сѣумѣли заpastись ими, запретивъ обращаться за сукномъ къ кому-нибудь другому кромѣ васъ, тогда какъ въ моемъ дѣлѣ заказчики обращаются къ кому имъ вздумается.

Что-же тутъ удивительнаго? Г. Кюнень, сдѣлавшись министромъ, вспомнилъ о Кюнень суконщикѣ. Это такъ натурально.

И такъ, взгляните на мое положеніе. Я зарабатываю по 30 су въ день, не считая воскресныхъ и прогульныхъ дней; если-же я явлюсь къ вамъ вмѣстѣ съ какимъ-нибудь фламандскимъ плотникомъ, то вы, ради одной уступленной имъ вамъ конфійки, отдадите предпочтеніе ему, а не мнѣ.

Если-же я захочу одѣться и какой-нибудь бельгійскій суконщикъ предложитъ мнѣ свое сукно рядомъ съ вашимъ, то вы прогоните изъ страны и его и его сукно.

Такимъ образомъ, по-неволѣ отправляясь за покупками въ вашу лавку, притомъ самую дорогую, мои несчастные 30 су на дѣлѣ обращаются въ 28 су. Что я говорю? Они не стоятъ и 26 су, ибо вы, вмѣсто того, чтобы просто выгнать бельгійскаго суконщика за свой собственный счетъ, заставляете меня еще платить за содержаніе сыщиковъ, которые служатъ вашимъ интересамъ.

А такъ какъ большинство вашихъ товарищей-законодателей, съ которыми вы отлично понимаете другъ друга, берутъ съ меня одно или два су каждый подъ предлогомъ покровительства то желѣзу, то каменному углю, то маслу и хлѣбу, то въ концѣ-концовъ не спасти мнѣ отъ грабежа и 15 су изъ 30, которыя я зарабатываю.

Вы, безъ сомнѣнія, возразите мнѣ, что эти гроши, такъ просто перекладываемые изъ моего кармана въ вашъ карманъ, даютъ возможность жить людямъ около вашего замка, а вамъ въ тоже время даютъ возможность вести широкую жизнь. На это я замѣтилъ-бы вамъ, что если вы оставите эти гроши въ моемъ карманѣ, то они также дадутъ возможность людямъ жить около меня.

Какъ-бы то ни было, г. министр-фабрикантъ, но я, зная, что дурно буду принять вами, не иду къ вамъ прямо требовать (на что имѣю однако полное право) уничтоженія тѣхъ стѣсненій, которыя вы навязываете вашимъ кліентамъ, а предпочитаю идти по общей проторенной дорогѣ, и покорнѣйше просить васъ оказать и мнѣ какое-нибудь покровительство.

Но здѣсь явится у васъ такое затрудненіе: „другой мой, скажете вы мнѣ, я-бы охотно оказалъ покровительство тебѣ и твоимъ товарищамъ; но скажи, какъ приладить таможенные льготы къ работѣ плотниковъ. Запретить что-ли входить въ дома какъ съ суши, такъ и съ моря?“.

Да, это было-бы довольно смѣшно; но, не оставляя своей мечты, я нашелъ другой способъ оказать покровительство дѣтямъ Св. Іосифа, и вы, я надѣюсь, тѣмъ охотнѣе примете его, что онъ ничѣмъ не отличается отъ пріема, составляющаго привилегію, которую вы ежегодно устанавливаете сами для себя.

Это удивительное средство заключается въ запрещеніи употреблять во Франціи острые топоры.

Я утверждаю, что такое запрещеніе ни болѣе нелогично и ни болѣе произвольно, какъ и то, которому вы подвергаете насъ относительно вашего сукна.

За что вы гоняете бельгійцевъ? За то, что они продаютъ дешевле васъ. А почему продаютъ они дешевле вашего? Потому, что они, какъ ткачи, имѣютъ какое-нибудь преимущество передъ вами.

Между вами и какимъ-нибудь бельгійцемъ та-

же разница, какая существует между тупымъ и острымъ топоромъ.

А какъ-же это вы заставляете меня, плотника, покупать у васъ продукты тупого топора?

Взгляните на Францію, какъ на работника, который своимъ трудомъ хочетъ добыть себѣ всякіе предметы, между прочимъ и сукно.

Для этого есть у него два способа:

Во-первыхъ, самому прясть и ткать шерсть;

Во-вторыхъ, сработать, ну, хоть, стѣнные часы, обои, или вино и промѣнять ихъ потомъ бельгійцамъ на сукно.

Самый вѣрный изъ этихъ двухъ способовъ, дающій наилучшій результатъ, можетъ представлять собою острый топоръ, а другой способъ — тупой топоръ.

Вѣдь вы-же не отрицаете, что въ настоящее время во Франціи гораздо труднѣе получить штуку сукна изъ-подъ ткацкаго станка (это—тупой топоръ), чѣмъ виноградную лозу (это — острый топоръ). Вы настолько не отрицаете этого, что, ради именно этого *излишка труда* (въ чемъ собственно и полагаете вы богатство), вы и рекомендуете, даже больше—*навязываете* намъ самый дурной изъ двухъ топоровъ.

Но будьте-же послѣдовательны, будьте безпристрастны, если ужъ не хотите быть справедливы, и поступайте съ бѣдными плотниками точно такъ, какъ вы поступаете сами съ собой.

Издайте законъ, въ которомъ было-бы сказано:

„Никто не можетъ пользоваться другими брусьями и бревнами, какъ только нарубленными тупыми топорами“.

Вотъ что произойдетъ тогда:

Если теперь дѣлаемъ мы 100 ударовъ топоромъ, то мы будемъ дѣлать ихъ 300. То, что мы дѣлаемъ въ часъ времени, потребуетъ 3-хъ часовъ. Какое могущественное поощреніе для труда! Ученики, подмастерья и хозяева не въ состояніи будутъ удовлетворить всѣмъ заказамъ. Намъ забросаютъ заказами, а слѣдовательно увеличится и наша заработная плата. Кому понадобится крыша, долженъ будетъ подчиниться нашимъ требованіямъ точно также, какъ теперь всякій желающій пріобрѣсть сукно принужденъ подчиняться вашимъ требованіямъ.

VI.

Китайская сказка.

Было въ Китаѣ два большихъ города, *Чангъ* и *Чангъ*. Великолѣпный каналъ соединялъ ихъ. Императоръ нашелъ нужнымъ уничтожить его и велѣлъ завалить его громадными обломками скалъ.

Видя это, Куангъ, первый мандаринъ, сказалъ ему:

„Сынъ неба, вы ошибаетесь“.

На это императоръ отвѣчалъ:

— Куангъ, ты говоришь глупости.

Само собой разумѣется, что я привожу здѣсь только сущность этого разговора.

Черезъ три мѣсяца небесный императоръ призвалъ къ себѣ мандарина и сказалъ ему:

— Куангъ, смотри!

И Куангъ, открывши глаза, посмотрѣлъ.

Онъ увидѣлъ, какъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ канала работало множество народа. Одни скапывали землю, другіе насыпали ее, третьи равняли, четвертые мостили и пр., и вотъ мандаринъ — онъ былъ очень ученъ — подумалъ: это — строятъ дорогу.

Еще черезъ три мѣсяца императоръ опять зоветъ къ себѣ Куанга и говоритъ ему:

— Смотри!

И Куангъ посмотрѣлъ.

Онъ увидѣлъ, что по дорогѣ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга построились гостинницы. Масса пѣшеходовъ, повозокъ и паланкиновъ двигались взадъ и впередъ и безчисленное множество китайцевъ, еле-передвигавшихъ ноги отъ усталости, таскали большія тяжести изъ *Чина* въ *Чанъ* и изъ *Чана* въ *Чинъ*. И Куангъ подумалъ: вѣдь это уничтоженіе канала дало столько работы бѣднымъ людямъ! Но ему тогда и въ голову не пришло, что этотъ трудъ былъ отвлеченъ отъ другихъ занятій.

Прошло еще три мѣсяца, и императоръ опять сказалъ Куангу:

— Смотри!

И Куангъ увидѣлъ, что гостинницы были переполнены путешественниками, и такъ какъ они хотѣли ѣсть, то кругомъ открылись мясныя лавки, пекарни, колбасни и продажа ласточкиныхъ гнѣздъ, а такъ какъ этотъ честный ремесленный народъ не могъ-же ходить раздѣтымъ, то завелись портные, сапожники, продавцы зонтовъ и вѣровъ; и такъ какъ обыкновенно не спятъ-же подъ открытымъ небомъ даже и въ небесной имперіи, то набѣжали плотники, каменщики и кровельщики. За ними явились: полиція, мировые судьи, факіры, однимъ словомъ — кругомъ каждой гостинницы образовался цѣлый городъ съ своими предметами.

И императоръ сказалъ Куангу:—какъ тебѣ это правятся?

И Куангъ отвѣчалъ: „я никогда не повѣрилъ-бы, что уничтоженіе канала можетъ создать для народа столько работы“. Но ему тогда и въ голову не

пришло, что это—трудъ не вновь созданный, а отвлеченный отъ другихъ занятій, что путешественники ѣли и пили и прежде, когда ѣздили по каналу, точно также какъ должны ѣсть и пить теперь, когда ихъ заставили ѣздить по дорогѣ.

Но вотъ къ великому удивленію китайцевъ императоръ скончался и этотъ сынъ неба былъ преданъ землѣ.

Преемникъ его позвалъ къ себѣ Куанга и сказалъ ему:—велите расчистить каналъ.

И Куангъ сказалъ новому императору:

„Сынъ неба, вы ошибаетесь“.

И императоръ отвѣчалъ:

— Куангъ, ты говоришь глупости.

Но Куангъ, настаивая на своемъ, сказалъ: „ваше величество, какая ваша цѣль?“

— Моя цѣль, сказалъ императоръ,—облегчить сообщеніе между жителями *Чина* и *Чана* и удешевить провозъ товаровъ, дабы народъ могъ имѣть дешевый чай и дешевую одежду...

Но Куангъ напередъ зналъ, что отвѣчать. Наканунѣ получилъ онъ нѣсколько нумеровъ китайской газеты *Промышленнаго Вѣстника*. Вытвердивъ свой урокъ, онъ просилъ позволенія отвѣчать и, получивъ его, ударился девять разъ лбомъ о паркетъ и сказалъ:

„Вы желаете, ваше величество, посредствомъ облегченія провоза сбавить цѣну на предметы потребленія и сдѣлать ихъ доступными для народа и ради этого вы начинаете съ того, что уничтожаете весь трудъ, вызванный закрытіемъ канала. Ваше величество! Въ политической экономіи абсолютная дешевизна...“ — Но императоръ перебилъ

его: — Мне кажется, что ты говоришь заученный урокъ. Куангъ: „Да, это правда; для меня было-бы удобнѣе прочесть то, что я хочу сказать“. И, развернувъ „Общественный Духъ“ (Esprit public), онъ прочелъ: „Въ политической экономіи абсолютная дешевизна предметовъ потребленія есть второстепенный вопросъ. Вся задача заключается въ равновѣсіи между цѣною труда и цѣнами на предметы первой необходимости. Обиліе труда составляетъ богатство народовъ, и наилучшая экономическая система — та, которая доставляетъ наибольшее количество всевозможной работы. Не спрашивайте, лучше-ли заплатить за чашку чая 4 или 8 кашей, заплатить за рубашку 5 или 10 таэль; все это — ребячество, не достойное серьезнаго человѣка. Никто не оспариваетъ вашего предложенія. Но вопросъ заключается въ томъ, лучше-ли платить за предметы потребленія дороже и, благодаря обилію работъ и высокой цѣнѣ на трудъ, имѣть болѣе средствъ къ ихъ приобрѣтенію, чѣмъ исчерпать источники труда, уменьшить массу народонаселенія, перевезти съ помощью дорогъ предметы потребленія въ другое мѣсто, правда за болѣе дешевую цѣну, но въ то-же время отнять у нѣкоторыхъ нашихъ рабочихъ возможность купить ихъ даже за эту уменьшенную цѣну“.

Эти доводы не убѣдили императора, и Куангъ сказалъ ему: „Государь, соизвольте подождать; я долженъ прочесть еще замѣтку изъ *Промышленнаго Вѣстника*“.

Но императоръ сказалъ:

— Я не нуждаюсь въ вашихъ китайскихъ газетахъ, я и безъ нихъ понимаю, что создавать

препятствія значить вызывать трудъ въ этомъ направленіи. Но ни въ этомъ мое призваніе. Ступайте, расчистите каналъ, а потомъ мы преобразуемъ и нашу таможеню.

И Куангъ пошелъ, рвалъ себѣ бороду и восклицалъ: „О Фо-о-о! О Пе-е-е! О Ли-и-и!“ Взывалъ онъ ко всѣмъ богамъ Китая: „сжальтесь надъ своимъ народомъ; къ намъ пришелъ императоръ анлійской школы, и я предвижу, что мы скоро лишимся всего, потому что намъ придется больше ничего не дѣлать.“

VII.

Сборщик податей.

Жакъ Бономъ, винодѣль.

Лясушъ, сборщикъ податей.

Лясушъ. Вы собрали 20 бочекъ вина?

Жакъ Бономъ. — Да, благодаря своимъ заботамъ и трудамъ.

„Потрудитесь отдать мнѣ 6 и притомъ самыхъ лучшихъ бочекъ“.

— Какъ? 6 бочекъ изъ 20! Боже мой! Вы хотите разорить меня. А позвольте узнать, для чего вамъ нужны эти бочки?

„Первую отдадутъ государственнымъ кредиторами. Когда имѣешь долги, то меньше всего приходится думать о процентахъ“.

— Но куда ушелъ капиталъ?

„Это слишкомъ долго рассказывать. Часть его пошла на приготовленіе зарядовъ, которые надымили-таки на славу. Другая пошла на жалованье тѣмъ, кто давалъ себя калѣчить въ чужой странѣ, прежде чѣмъ опустошили ее. А потомъ, когда эти расходы привлекли къ намъ нашихъ друзей-враговъ, они не захотѣли покидать страну, не забравши денегъ, которыя и пришлось заплатить“.

— Ну, а какую-же имѣю я теперь выгоду отъ этого?

„Возможность сказать себѣ:

Какъ я горжусь тѣмъ, что я французъ.

Когда гляжу на эту колонну“.

— И чувствовать униженіе, что оставляешь своимъ наслѣдникамъ землю, обремененную вѣчнымъ долгомъ. Ну, что же дѣлать? Приходится платить свои долги, какъ-бы безразсудно ни растратили ихъ. Хорошо, отложимъ одну бочку. Но куда-же пойдутъ остальные пять?

„Еще одна бочка нужна на вознагражденіе государственныхъ чиновниковъ, на покрытіе расходовъ главы государства, на содержаніе судей, возстановляющихъ ваше право на земли, которыя хочешь присвоить себѣ сосѣдъ вашъ;—жандармовъ, которые охотятся за ворами и разбойниками въ то время, когда вы спокойно почиваете;—сторожей, оберегающихъ дороги, ведущія въ городъ;—священниковъ, которые крестятъ вашихъ дѣтей;—наставниковъ, которые ихъ учатъ и воспитываютъ, и наконецъ, вашего покорнаго слуги, потому что и онъ не станетъ-же даромъ работать“.

— И такъ, услуга за услугу! На это нечего возразить. Положимъ, что я лучше-бы самъ стоворился со священникомъ и школьнымъ учителемъ, но не стану настаивать на этомъ. Отложимъ и другую бочку. Но до шести бочекъ еще далеко.

„Не думаете-ли вы, что двухъ бочекъ много за ваше участіе въ расходахъ по содержанію арміи и флота?“

— Увы! Этого пожалуй и немного въ сравненіи съ тѣмъ, чего они стоили мнѣ, отнявъ у меня двоихъ нѣжно любимыхъ сыновей.

„Но вѣдь надо-же поддержать равновѣсіе европейскихъ силъ“.

— Эхъ, Боже мой! Равновѣсіе осталось-бы то-же, если бы вездѣ и уменьшили эти силы на половину или на три четверти. Но тогда мы сохранили-бы нашихъ дѣтей и наши доходы. Для этого нужно только столкнуться.

„Да, но что-же дѣлать, если никакъ не столкнутся“.

— Но это-то и изумляетъ меня, вѣдь всѣ страдаютъ отъ этого.

— Ты самъ хотѣлъ этого, Жакъ Бономъ“.

— Вы шутите, господинъ сборщикъ; развѣ я имѣю голосъ въ собраніи?

— А кого избрали вы вашимъ депутатомъ?

— Храброго генерала, который скоро будетъ маршаломъ, если Богу угодно будетъ продлить его жизнь?

— А на чей счетъ живетъ этотъ храбрый генералъ?

— На счетъ моихъ бочекъ, какъ мнѣ кажется.

— А что случилось-бы съ нимъ, если-бы онъ подаль голосъ за сокращеніе арміи и вашего участія въ ея содержаніи?

— Въмѣсто того, чтобы сдѣлаться маршаломъ, онъ получилъ-бы отставку.

— Понимаете-ли вы теперь, что вы сами...“

— Перейдемте, пожалуйста, къ пятой бочкѣ.

— Эта бочка отправится въ Алжиръ!“

— Въ Алжиръ? А еще увѣряютъ, что всѣ мусульмане отличаются трезвостью, варвары эдакіе! Я не разъ самъ задавалъ себѣ такой вопросъ: потому-ли они не знаютъ медака, что они басур-

мане, или, что еще вѣроятнѣе, потому они и басурмане, что не знаютъ медака? Но какую же услугу оказываютъ они мнѣ взаменъ этой амброзии, стоявшей мнѣ такихъ большихъ трудовъ?

„Никакой; къ тому-же ваша бочка предназначена не столько мусульманамъ, сколько истиннымъ христіанамъ, которые постоянно живутъ въ Берберіи“.

— Но что же они тамъ дѣлаютъ, что могло бы быть полезно мнѣ?

„Совершаютъ набѣги и въ свою очередь страдаютъ отъ нихъ; убиваютъ другихъ и даютъ убивать себя; наживаютъ дизентеріи и возвращаются домой лѣчиться; устраиваютъ пристани, прокладываютъ дороги; строятъ деревни и заселяютъ ихъ мальтійцами, итальянцами, испанцами и швейцарцами, живущими на счетъ вашей и многихъ другихъ бочекъ, за которыми я еще приду къ вамъ“.

— Помилосердуйте! Уже это слишкомъ! Я наотрѣзъ отказываюсь отдать вамъ эту бочку. Всякаго винодѣла, дѣлающаго такія глупости, въ пору было бы отправить въ Бисетръ, въ тюрьму. О, Воже! Прокладывать дороги въ Атласъ, когда я не могу отсюда тронуться съ мѣста! Строить тавани въ Берберіи, когда Гаронна день ото дня все больше мелѣетъ! Отнять у меня моихъ любимыхъ дѣтей для того, чтобы мучить кабилловъ! Заставить меня платить за дома, посѣвы, лошадей, которыхъ отдають грекамъ и мальтійцамъ, когда вокругъ насъ столько бѣдниковъ!

„Бѣдниковъ? Да отъ нихъ-то, отъ этихъ лишнихъ людей и стараются освободить страну“.

— Благодарю покорно! Выпроваживать ихъ

въ Алжиръ на капиталъ, который даль-бы имъ возможность жить и здѣсь.

„Кромѣ того, вы закладываете тамъ фундаментъ великой имперіи, водворяете цивилизацію въ Африкѣ и покрываете безсмертной славой ваше отечество“.

— Вы—поэтъ, господинъ сборщикъ, а я простой винодѣль и отказываю вамъ въ этой бочкѣ.

„Подумайте хорошенько о томъ, что черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ вы вернете ваши затраты сторицей. Такъ говорятъ всѣ, кто руководить этимъ дѣломъ“.

— А пока они берутъ на покрытіе издержекъ сначала одну бочку вина, затѣмъ двѣ, три и вотъ концѣ-концовъ я обложенъ налогомъ въ одну тонну! Я настаиваю на своемъ отказѣ.

„Теперь ужъ поздно упрямиться: вашъ довѣренный установилъ для васъ сборъ въ одну тонну, или въ четыре полныхъ бочки“.

— Да, что правда, то правда! Проклятая слабость! Мнѣ самому казалось, что я поступаю неблагоразумно, когда ввѣрялъ ему свои полномочія, ибо что могло быть общаго между военнымъ генераломъ и бѣднымъ винодѣломъ?

„Но общее между вами, это, какъ вы сами видите—вино, потому что вы добываете его, а оно распоряжается имъ отъ вашего имени.“

— Смѣйтесь надо мною, милостивый государь, я заслуживаю этого. Но все-таки будьте разсудительны и оставьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, эту 6-ю бочку. Вѣдь проценты по государственному долгу уплачены, расходы на содержаніе главы государства покрыты, содержаніе государственныхъ чл-

новниковъ обезпечено, война съ Африкой можетъ вестись безъ конца. Чего-же вамъ еще надо?

„Со мной не торгуются. Вамъ слѣдовало раньше сообщить генералу о вашихъ намѣреніяхъ. Теперь-же онъ ужь распорядился вашимъ сборомъ винограда“.

— Проклятый ворчунъ! Но что-же, наконецъ, вы хотите сдѣлать съ моей бѣдной бочкой вина, украшеніемъ моего подвала? Попробуйте-ка это вино: какъ оно мягко, вкусно, густо, бархатисто!...

„Да, прекрасно! Восхитительно! Какъ оно пригодится г. Д..., фабриканту суконъ“.

— Г. Д... фабриканту? Чѣмъ этимъ хотите сказать?

„То, что онъ извлечетъ изъ него большую выгоду“.

— Какъ? Что такое? Чортъ побери, если я что-нибудь понимаю!

„Развѣ вы не знаете, что г. Д... основалъ превосходное предпріятіе, весьма полезное для страны, но которое въ итогѣ ежегодно приносить только значительный убытокъ?“

— Отъ всего сердца я жалѣю о немъ. Но я-то тутъ при чемъ?

„Палата поняла, что если это новое дѣло будетъ такъ продолжаться, то г. Д... принужденъ будетъ или лучше работать, или закрыть свое заведеніе“.

— Да что-же общаго между невѣрными спекуляціями г. Д... и моею бочкой?

„Палата рѣшила, что если она дастъ г-ну Д... немного вина, взятаго у васъ въ подвалѣ, нѣ-

сколько гектолитровъ хлѣба у вашихъ сосѣдей, нѣсколько су изъ жалованья рабочихъ, то его убытки превратятся въ доходы".

— Разсчитать такъ — же вѣрнѣе, какъ и остроумнѣе. Но, чортъ возьми, онъ странно несправедливъ. Какъ! г. Д... покроетъ свои убытки на счетъ моего вина?

— Нѣтъ, не на счетъ вина собственно, а на счетъ его цѣны. Это — то, что называется преміей поощренія. Но вы совсѣмъ изумлены! Развѣ вы не видите, какую важную услугу оказываете отечеству?

— Вы хотите сказать — г-ну Д...?

— Нѣтъ, именно отечеству. Г. Д... увѣряетъ, что его промышленность процвѣтетъ, благодаря этому соглашенію, а слѣдовательно и страна стала-бы богаче. Это самое онъ повторялъ въ послѣдніе дни въ палатѣ, въ которой состоитъ депутатомъ".

Какой ловкій обманъ! Какъ! Какой-нибудь дуралей затѣетъ глупое предпріятіе, растратитъ свои капиталы и выудитъ у меня достаточное количество вина и хлѣба, чтобы покрыть свои убытки, и въ этомъ видятъ общую выгоду!

— Вашъ уполномоченный разсудитъ такъ; вамъ не остается теперь ничего другого, какъ выдать мнѣ 6 бочекъ вина и продать какъ можно выгодно еще остальные четырнадцать".

— Ну, это — мое дѣло, а не ваше".

— Да, но будетъ очень обидно, если вы не продадите ихъ за высокую цѣну".

— Я самъ позабочусь объ этомъ".

„Вѣдь найдется еще много нуждъ, на которыя понадобятся эти деньги“.

— Знаю, знаю это, милостивый государь!

„Во-первыхъ, если вы купите желѣзо для починки вашихъ заступовъ и сохъ, то по закону заплатите за него кузнецу вдвое противъ того, чего оно стоитъ“.

— А! Да это какой-то вертепъ мошенниковъ!..

„Потомъ, если вамъ нужно купить масло, мясо, полотно, каменный уголь, шерсть, сахаръ, то каждый продавецъ, на основаніи того-же закона, поставитъ вамъ ихъ въ счетъ вдвое дороже“.

— Но вѣдь это гадко, ужасно, отвратительно!

„Къ чему эти жалобы? Вы сами черезъ вашего уполномоченнаго.“

— Да оставьте меня въ покоѣ съ моимъ полномочіемъ. Я дурно воспользовался имъ, это правда. Но въ другой разъ не поймать меня въ эту ловушку: я выберу въ свои уполномоченные простого и честнаго крестьянина.

„О, нѣтъ, вы опять выберете храбраго генерала“.

— Какъ! Я опять выберу генерала, чтобы роздали мое вино какимъ-то африканцамъ и фабрикантамъ?

„Да, вы опять выберете его, я говорю вамъ это“.

— Ну, ужъ это слишкомъ. Я не выберу его, если не захочу.

„Но вы захотите и непременно выберете“.

— Пускай попробуетъ, онъ увидитъ, съ кѣмъ имѣть дѣло.

„Посмотримъ. А пока прощайте. Я увожу ваши 6 бочекъ и распредѣлю ихъ, какъ назначилъ вашъ генералъ.“

VIII.

Правая и лѣвая рука.

Докладъ королю.

Государь! Когда видишь, какъ эти приверженцы свободной торговли дерзко распространяють свое ученіе, какъ они доказываютъ, что право купить и продать истекаетъ изъ права собственности, поневолѣ серьезно тревожишься насчетъ положенія нашего *національнаго труда*. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать французамъ съ своими руками и способностями, когда они будутъ свободны?

Администраціи, которую вы удостоили своимъ довѣріемъ, придется призадуматься надъ такимъ тревожнымъ положеніемъ и поискать въ своей мудрости какого-нибудь новаго *покровительства*, вза-мѣнъ прежняго столь скомпрометированнаго. Она предлагаетъ вамъ: *запретить вашимъ вѣрнымъ подданнымъ употреблять правую руку*.

Государь, не обижайте насъ и не подумайте, будто мы легкомысленно рѣшили на новую мѣру, которая на первый взглядъ можетъ показаться слишкомъ странной. Глубокое изученіе *покровительственной системы* раскрыло намъ слѣдующій силлогизмъ, на которомъ она всецѣло основывается.

Чѣмъ больше работаешь, тѣмъ дѣлаешься все богаче.

Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ сильнѣе работаешь.

Слѣдовательно, чѣмъ больше препятствій, тѣмъ становишься все богаче.

Что-же такое на самомъ дѣлѣ этотъ *протекционизмъ*, какъ ни остроумное примѣненіе этого силлогизма?

Позволимъ себѣ такое предположеніе. Представимъ себѣ страну въ видѣ какого-нибудь сложнаго существа, состоящаго изъ 30 милліоновъ ртовъ, а стало-быть изъ 60 милліоновъ рукъ. Положимъ, что оно работаетъ надъ стѣнными часами, рассчитывая промѣнять ихъ потомъ въ Бельгій на десять квинталовъ желѣза. А мы говоримъ ему: „Само приготовь это желѣзо“. — Я не могу, отвѣчаютъ намъ, это отыметъ у меня слишкомъ много времени. Я не готовлю и пяти квинталовъ за то время, какъ сработаю часы. „Утопистъ! возразимъ мы, потому-то мы и запрещаемъ тебѣ дѣлать часы и приказываемъ приняться за желѣзо. Развѣ ты не видишь, что мы создаемъ тебѣ работу?“

Государь, отъ вашей проницательности не ускользнетъ, конечно, что такое требованіе было-бы равносильно тому, какъ если-бы мы сказали: *работай одной только лѣвой рукой, а не правой*.

Создавать препятствія, чтобы дать возможность расширить свой трудъ—вѣдь таковъ принципъ отживающей теперь системы запрещеній. Но таковъ же и принципъ нарождающагося теперь новаго *запрещенія*. Государь, вводить такую регламентацію не значитъ вводить что нибудь новое, а значитъ просто быть послѣдовательнымъ.

Что-же касается до дѣйствительности этой мѣры, то она неоспорима. Правда, очень трудно, гораздо труднѣе чѣмъ думаютъ — работать одною лѣвой рукой все, что привыкли дѣлать правою. Вы убѣдитесь въ этомъ, государь, если сооблаговолите провѣрить нашу систему на какомъ-нибудь, знакомомъ для васъ дѣлѣ, ну, хоть на тасованіи картъ. И такъ, мы можемъ считать себя счастливыми, что открыли для труда новое безграничное поприще.

Когда рабочіе всякаго рода будутъ принуждены работать одной лѣвой рукой, то представьте себѣ, государь, какое огромное число ихъ потребуется для того, чтобы удовлетворить совокупности всѣхъ существующихъ потребностей, предположивъ, что онѣ не измѣнятся (такъ всегда поступаемъ мы, когда сравниваемъ двѣ противоположныя системы производства). Такой поразительный спросъ на ручной трудъ непременно вызоветъ значительное возвышеніе заработной платы, и тогда пауперизмъ, какъ по волшебству, и исчезнетъ изъ страны.

Ваше отеческое сердце, государь, возрадуется при мысли, что благотворное вліяніе новаго закона распространится и на ту интересную часть великой семьи, судьба которой составляетъ предметъ вашей усиленной заботливости. Въ самомъ дѣлѣ, какова теперь судьба женщинъ во Франціи? Дерзкій и огрубѣлый въ тяжелыхъ работахъ полъ незамѣтно вытѣсняетъ ихъ изъ всякой дѣятельности.

Въ прежнее время онѣ еще получали кое-какія средства въ конторахъ для продажи лотерейныхъ билетовъ. Но безжалостная филантропія за-

крыла эти конторы, а подь какимъ предлогомъ? Чтобы сберечь, доказывала она, гроши бѣдняковъ“. Но развѣ когда-нибудь бѣдняки получали на эти гроши такія тихія и невинныя радости, какія скрывала для нихъ таинственная урна фортуны? Когда бѣднякъ, лишенный всѣхъ радостей жизни, откладывалъ каждыя двѣ недѣли свой дневной заработокъ, чтобы поставить его на счастливый выигрышъ въ лотереѣ, — сколько прекрасныхъ часовъ счастья доставлялъ онъ своему семейству! Надежда никогда не покидала домашняго очага. Мансарды преисполнялись иллюзіями: жена мечтала затмить своихъ сосѣдокъ блескомъ своего туалета, сынъ грезилъ видѣть себя тамбуръ-мажоромъ, а дочь чувствовала, какъ идетъ она къ алтарю подь руку съ своимъ суженымъ. А вѣдь стоитъ чегонибудь и забыться въ сладкомъ снѣ!

О! Лотерея составляла поэзію бѣдняка, а мы вырвали ее изъ его рукъ!

Лотерея закрыта, но чѣмъ-же замѣнить ее для нашихъ бѣдняковъ? Табакомъ и почтой?

Табакъ, слава Богу, процвѣтаетъ, благодаря тонченнымъ привычкамъ, которыя, по примѣру августѣйшихъ особъ, такъ искусно восторжествовали среди нашей элегантнои молодежи.

А почта!... Мы ничего не скажемъ о ней — она составитъ предметъ особаго доклада.

И такъ, что-же еще, за исключеніемъ табаку, остается для вашихъ подданныхъ? Ничего, кромѣ вышиванія, вязанія и шитья, — печальныя средства, которыя все болѣе вытѣсняются варварскои наукой, называемои механикой.

Но лишь только появится вашъ указъ, лишь только правыя руки будутъ отрублены, или связаны, все сразу измѣнится. Въ двадцать, въ тридцать разъ большаго числа вышивальницъ, прачекъ, гладилицъ, портнихъ и рубашницъ не достанетъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей (*Nonni soit qui mal y pense!*) королевства, предполагая, что потребление, согласно нашему способу разсужденія, не измѣнится.

Правда, холодные теоретики будутъ оспаривать это предположеніе, потому что платья и сорочки станутъ дороже. Но этотъ аргументъ ничего не доказываетъ ни противъ *работы одной лѣвой рукой*, ни противъ *протекціонизма*, потому что самая эта дороговизна есть результатъ и признакъ того излишняго напряженія силъ и труда, на которомъ въ томъ и другомъ случаѣ мы предполагаемъ основать благоденствіе рабочаго класса.

Да, мы рисуемъ себѣ трогательную картину будущаго процвѣтанія швейной промышленности. Сколько движенія! Сколько дѣятельности! Сколько жизни! На каждое платье понадобится 100 пальцевъ вмѣсто 10. Вы не увидите тогда ни одной праздной дѣвушки, и намъ, при свойственной намъ, государь, проникательности, нечего объяснять, изъ какимъ нравственнымъ послѣдствіямъ поведетъ эта великая революція. Не только увеличится число занятыхъ дѣломъ дѣвушекъ, но каждая изъ нихъ и выручитъ больше, потому что ихъ будетъ все-таки меньше, чѣмъ сколько потребуется, а если опять появится конкуренція, то уже не между дѣвушками, работающими платья, а между прекрасными дамами, которыя ихъ носятъ.

И такъ вы видите, государь, что наше предложеніе не только согласно съ экономическими преданіями правительства, но и само по себѣ нравственно и демократично.

Чтобы оцѣнить его послѣдствія, предположимъ, что преобразование уже совершилось, и перенесемъ мыслію къ будущему; представимъ себѣ, что оно дѣйствуетъ уже 20 лѣтъ. Праздность изгнана изъ страны, довольство и согласіе, радости жизни и нравственность вмѣстѣ съ трудомъ проникли во всѣ семьи, нѣтъ больше нищеты, нѣтъ больше проституціи. Только потому, что одна лѣвая рука не удобна для работы, явилось много новаго труда, а съ нимъ и достаточное вознагражденіе. Все уладилось какъ нельзя лучше, и мастерскія переполнились рабочими. Не правда-ли, государь, что если-бы тогда утописты вдругъ потребовали свободы для правой руки, то вызвали-бы тревогу во всей странѣ? Не правда-ли, что такая реформа перевернула-бы все вверхъ дномъ? Значить, наша система хороша, коли ее нельзя было-бы уничтожить безъ страданій народа.

IX.

З а к о н ъ.

Бросьте взглядъ на земной шаръ. Когда народы бываютъ самыми счастливыми, самыми правдивыми, самыми миролюбивыми? Когда законъ рѣже всего вмѣшивается въ частную, личную дѣятельность; — когда правительство меньше даетъ себя чувствовать; — когда личность имѣетъ наибольшую силу, а общественное мнѣніе наибольшее вліяніе; — когда не такъ многочисленъ его составъ управленія и не такъ сложно его устройство; — когда легче, равномернѣе налоги; — когда народное недовольство не такъ жгуче и рѣже находитъ себѣ оправданіе; — когда дѣятельнѣе проявляется отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ классовъ общества и когда, слѣдовательно, нравы, если они не безупречны, неуклонно стремятся къ исправленію; — когда взаимныя сношенія, договоры, ассоціаціи встрѣчаютъ наименѣе препятствій и преградъ всякаго рода; — когда трудъ, капиталъ, народонаселеніе подвергаются наименьшимъ искусственнымъ перемѣщеніямъ; — когда люди наиболѣе руководствуются собственными наклонностями; — когда Промыселъ Божій наиболѣе правитъ людскими дѣлами; — однимъ словомъ, тогда, когда на-

роды наиболѣе приближаются къ такому рѣшенію: „въ предѣлахъ права все по свободной и способной къ совершенствованію самодѣтельной волѣ человѣка; ничего посредствомъ закона и насилія, а все на основаніи всеобщей справедливости“.

Надо сказать, что въ мірѣ слишкомъ много великихъ людей, слишкомъ много законодателей, организаторовъ, основателей обществъ, вожakovъ народовъ, отцовъ націй и пр., и пр. Очень ужъ много людей, которые становятся выше человѣчества, чтобы заправлять его судьбами, слишкомъ много людей, считающихъ своимъ непрощеннымъ призваніемъ пещись о его благополучіи.

Но мнѣ скажутъ на это: какъ-же вы говорите это, когда сами такъ много заботитесь о немъ. Да, это правда. Но согласитесь, что я забочусь совсѣмъ въ другомъ смыслѣ и съ другой точки зрѣнія, и если я вмѣшиваюсь въ толпу реформаторовъ, то лишь съ одною цѣлью—заставить ихъ отказаться отъ своихъ поползновеній.

Я забочусь о человѣчествѣ не такъ, какъ Во-кансонъ о своемъ автоматѣ, но какъ физиологъ поступаетъ съ человѣческимъ организмомъ—чтобы изучать его и удивляться ему.

Я занимаюсь имъ въ смыслѣ того знаменитаго путешественника, который попалъ однажды въ среду дикаго племени. Въ то время тамъ родился ребенокъ, и вотъ цѣлая толпа колдуновъ, знахарей и гадалщиковъ, вооруженныхъ кольцами, крючьями и цѣпями, окружила новорожденного. Одинъ говорилъ: этотъ ребенокъ никогда не будетъ обонять запаха трубки мира, если я не расширю ноздрей его. Другой: онъ будетъ лишенъ слуха, если я

не оттяну ушей его до самых плечъ. Третій: онъ никогда не увидить свѣта солнца, если я не скошу ему глазъ. Четвертый: онъ никогда не будетъ держаться прямо, если я не согну его ногу. Пятый: онъ не будетъ думать, если я не сдавлю ему мозга. „Прочь! воскликнулъ путешественникъ. Богъ Самъ вѣдаетъ, что творить; не старайтесь знать больше Его, и если Богъ даровалъ органы этому хрупкому созданію, то не мѣшайте имъ развиваться, крѣпнуть упражненіемъ, опытомъ и свободой.

Точно такъ-же Богъ даровалъ человѣчеству все, что нужно, дабы оно могло исполнить свое назначеніе. Какъ есть частная фізіологія человѣка, такъ есть и фізіологія соціальная, — и та, и другая отъ Промысла Божія.

Соціальныя органы также имѣютъ свое устройство, чтобы гармонически развиваться на вольномъ просторѣ свободы. И такъ, прочь эмпирики и организаторы! Долой ихъ кольца, цѣпи, крючья, клещи! Долой ихъ искусственныя пріемы! Долой ихъ общественныя мастерскія, фаланстеры, правительственная опека, централизація, тарифы, государственная религія, даровые и монопольныя банки, всѣ ихъ стѣсненія, преграды, улучшеніе нравовъ и уравниеніе всѣхъ посредствомъ налога! Напрасно навязывали общественному организму такъ много разныхъ системъ, теперь пора кончить тѣмъ, съ чего слѣдовало начать — пора отбросить въ сторону эти системы и испробовать, наконецъ, дѣйствіе свободы, которая есть дѣло вѣры въ Бога и Его созданіе.

X.

М ѣ ш о к ѣ х л ѣ б а . *)

Матюренъ былъ бѣденъ, какъ Іовъ, работалъ изо дня въ день для своего пропитанія, но владѣлъ кускомъ невоздѣланной земли, не знаю какъ доставшимся ему по наслѣдству. Онъ страстно желалъ обработать его. Но, увы, думалъ онъ про себя, рыть канавы, строить ограды, пахать землю, очищать ее отъ корней и камней, разрыхлять и обсеменять ее—все это, правда, прокормить меня черезъ годъ или два, но никакъ не сегодня и не завтра. Чтобы приняться за обработку, я долженъ напередъ принасти что нибудь такое, что дало-бы мнѣ возможность просуществовать до будущей жатвы, и я по опыту знаю, что безусловно нуженъ *предшествоующій* трудъ для того, чтобы сдѣлать производительнымъ трудъ *настоящій*. Добрякъ Матюренъ не остановился на однихъ размышленіяхъ, а сейчасъ-же принялся за работу и сталъ откладывать кое-что изъ своего заработка, чтобы купить заступъ и *мяшокъ хлѣба*, безъ которыхъ приходится отказываться отъ самыхъ пре-

*) Этотъ очеркъ, какъ и два послѣдующіе, выиты изъ памфлета: „Капиталъ и рентъ“.

красныхъ земледѣльческихъ проектовъ. Онъ повелъ себя такъ хорошо, былъ такъ дѣтеленъ и воздерженъ, что въ концѣ-концовъ сталъ владѣльцемъ желаннаго *мѣшка хлѣба*. Я отнесу его на мельницу, сказалъ онъ, и, благодаря ему, проживу какъ-нибудь, пока поле мое не покроется богатой жатвой. Но только-что собрался онъ идти, какъ приходитъ къ нему Жеромъ, и проситъ одолжить ему его сокровище. „Если ты одолжишь мнѣ этотъ мѣшокъ, упрасивалъ Жеромъ, то окажешь мнѣ большую *услугу*: я имѣю въ виду очень выгодную работу, но не могу приняться за нее, потому что у меня нѣтъ запасовъ, на которые я могъ-бы прожить до ея окончанія“. — Я находился точно въ такомъ-же положеніи, какъ и ты, отвѣтилъ Матюрень, и если теперь мнѣ навѣрно хватить на нѣсколько мѣсяцевъ хлѣба, то благодаря лишь тому, что я не щадилъ своихъ силъ и голодалъ. Во силу какой-же справедливости этотъ *мѣшокъ хлѣба* долженъ пойти теперь на исполненіе твоего, а не моего предпріятія?

Можно было думать, что они долго торговались, но вышло не такъ; они скоро покончили на слѣдующемъ:

Во-первыхъ, Жеромъ обѣщался вернуть черезъ годъ точно такой-же *мѣшокъ хлѣба* того-же качества, того-же вѣса, зерно въ зерно. „Эта первая статья вполне справедлива, говорилъ онъ, иначе выходило-бы, что Матюрень не взаимъ далъ-бы мнѣ этотъ мѣшокъ, а просто подарилъ-бы мнѣ его.“

Во-вторыхъ, онъ обязался дать сверхъ гектолитра еще 5 литровъ хлѣба. „Эта вторая статья

также справедлива, какъ и первая, подумалъ онъ, иначе Матюрень оказалъ-бы мнѣ услугу безвозмездно: онъ обрекъ-бы себя на лишенія, отказался-бы отъ своего дорогого ему предпріятія, и далъ-бы мнѣ возможность исполнить мое дѣло, далъ-бы мнѣ право въ теченіе цѣлаго года пользоваться его сбереженіями—и все это даромъ. Такъ какъ онъ отсрочиваетъ обработку своей земли и даетъ мнѣ возможность исполнить выгодную работу, то весьма натурально, что и я, въ свою очередь, долженъ сдѣлать его въ какой-нибудь долъ участникомъ въ тѣхъ выгодахъ, которыми я обязанъ только его пожертвованію“.

Съ другой стороны, Матюрень, какъ человѣкъ развитой и умѣлый, рассуждалъ такъ: „по первой статьѣ нашего соглашенія *мѣшокъ хлѣба* вернется ко мнѣ только черезъ годъ, тогда я могу опять отдать его взаймы; онъ вернется ко мнѣ опять черезъ годъ, и я опять отдамъ его и т. д. до безконечности. Въ то-же время я не могу отрицать, что онъ давнымъ-давно будетъ съѣденъ. А вотъ что дѣйствительно странно: я буду вѣчно оставаться владѣльцемъ *мѣшка хлѣба*, тогда какъ *мѣшокъ*, который я далъ взаймы, давно ужъ пересталъ существовать. Но это объясняется тѣмъ, что онъ былъ уничтоженъ еще въ то время, когда находился въ пользованіи Жерома, я-же дамъ Жероау возможность выработать большую *цѣнность*, и слѣдовательно онъ можетъ вернуть мнѣ *мѣшокъ хлѣба*, или его *цѣнность*, и не только не понесетъ отъ этого никакого убытка, но даже получить выгоду. Что-же касается меня, то эта *цѣнность*

должна оставаться моею собственностью до тѣхъ поръ, пока я самъ не уничтожу ея, употребивъ ее въ свою пользу. Если-бы я употребилъ ее на обработку моей земли, то вернулъ-бы ее себѣ въ видѣ хорошаго урожая. Теперь-же я даю ее займа другому и долженъ получить ее обратно въ томъ-же видѣ.

Изъ второй статьи договора я вывожу еще такое поученіе. По прошествіи года я получу еще 5 литровъ хлѣба сверхъ ста литровъ, которые я далъ займа. Слѣдовательно, если я буду продолжать работать и сберегать изъ того, что получу, также какъ дѣлалъ это раньше, то черезъ нѣсколько времени я буду въ силахъ давать займа два, три, четыре мѣшка хлѣба; когда-же у меня наберется ихъ такое количество, что я изъ 5 добавочныхъ литровъ на каждый мѣшокъ, скоплю достаточную сумму для своего прожитка, то мнѣ можно будетъ и отдохнуть подъ старость. Но развѣ я въ такомъ случаѣ не буду жить на счетъ ближняго? Конечно, нѣтъ; вѣдь сейчасъ-же было доказано, что, давая займа, я оказываю услугу, улучшаю и расширяю трудъ моихъ должниковъ и выговариваю себѣ только самую маленькую часть того *излишка* производства, который получится, благодаря моей ссудѣ и моимъ сбереженіямъ. Чудно въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ можетъ достигнуть покоя и *досуга*, который никому не повредить и не возбудить ничьей справедливой зависти.

Въ концѣ первой главы мы увидимъ, что такое *досугъ* и какъ онъ достигается.

XI.

Д о м ъ.

У Мондора былъ домъ; на постройку его онъ ничего, ни у кого не бралъ. Онъ былъ обязанъ имъ только своему личному труду, или, что то-же самое, былъ обязанъ своему труду, справедливо вознагражденному. Первымъ дѣломъ его было войти въ соглашеніе съ архитекторомъ, который за 100 экю въ годъ взялся поддерживать домъ всегда въ должномъ порядкѣ. Мондоръ предвкушалъ уже, какіе счастливые дни будетъ онъ проводить въ этомъ убѣжищѣ, которое признается нашею конституціей неприкосновеннымъ. Но вдругъ Валерій захотѣлъ поселиться въ немъ. „Да, подумали-ли вы о томъ, что говорите? сказалъ Мондоръ. Это я построилъ его, онъ стоилъ мнѣ 10 лѣтъ тяжелыхъ трудовъ, а вы хотите пользоваться имъ!“ Порѣшили обратиться къ судьямъ—глубокомысленныхъ экономистовъ не искали, потому что ихъ не было въ странѣ. Выбрали людей справедливыхъ, здравосмыслящихъ, что то-же самое: политическая экономія, справедливость, здравый смыслъ — одно и то же. И вотъ что постановили судьи. Если Валерій хочетъ въ теченіе года занимать домъ Мондора, то долженъ исполнить три условія: первое — черезъ годъ очистить домъ и сдать его въ пол-

номъ порядкѣ владѣльцу, — поврежденія отъ времени въ домѣ всегда неизбѣжны; второе — уплатить Мондору 300 франковъ, которые онъ ежегодно уплачиваетъ архитектору за исправленіе такихъ поврежденій отъ времени, которыя непременно окажутся, пока въ домѣ будетъ жить Валерій; а потому онъ и долженъ по всей справедливости заплатить за нихъ; третье — оказать Мондору такую же услугу, какую онъ оказалъ ему. Но объ этой услугѣ Мондоръ и Валерій должны свободно договориться между собою.

XII.

Рубанокъ.

Это было давно, очень давно. Въ одной бѣдной деревушкѣ жилъ столяръ-философъ, вѣдь всѣ мои дѣйствующія лица немного философы. Жакъ работалъ съ утра до вечера, не покладая своихъ сильныхъ рукъ, но и голова его въ то-же время также усиленно работала. Онъ любилъ давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, разсуждать о ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Не разъ размышлялъ онъ такъ: топоромъ, пилою и молоткомъ я могу дѣлать только грубую мебель и за нее будутъ платить мнѣ то, что слѣдуетъ. Но если-бы у меня былъ еще рубанокъ, я не только угодилъ-бы своимъ дзвальцамъ, но и самъ заработалъ-бы больше. Безусловно вѣрно, что я могу разсчитывать на услуги другихъ только пропорціонально тому, что самъ оказываю имъ. И такъ, рѣшено, я сдѣлаю себѣ рубанокъ.

Только-что собрался онъ приняться за дѣло, какъ пришла ему въ голову такая мысль: я работаю на своихъ покупателей 300 дней въ году; если я употреблю 10 дней на изготовленіе рубанка и если онъ, положимъ, прослужитъ годъ, то мнѣ останется только 290 дней на заготовку мебели. Слѣдовательно, чтобы не дать маху, я дол-

женъ своимъ рубанкомъ выработать въ 290 дней столько, сколько я вырабатываю теперь въ 300 и даже больше, иначе не стѣитъ и затѣвать это. Жакъ пустился въ расчеты. Онъ высчиталъ, что продать новую улучшенную мебель за такую цѣну, которая вполне вознаградитъ его за 10 дней, потраченныхъ на приготовленіе рубанка. Увѣрившись въ этомъ, онъ принялся за работу.

Черезъ 10 дней Жакъ уже обладалъ прекраснымъ рубанкомъ и утѣшался еще болѣе тѣмъ, что онъ самъ сработалъ его. Онъ подпрыгнулъ отъ радости, подобно доброй Перреттѣ, потому что вѣрно вычислилъ выгоду, которую долженъ получить отъ этого хитраго инструмента, и былъ счастливѣе ея, потому что ему не пришлось восклицать потомъ: „Прощай мой теленокъ, прощай моя корова, свинья и насѣдка!“

Неожиданный приходъ его товарища Гильома, столяра изъ сосѣдней деревни, прервалъ его воздушные замки. Гильомъ, любуясь его рубанкомъ, былъ пораженъ тѣми выгодами, которыя можно получить отъ него. И вотъ онъ сказалъ Жаку:

— Ты долженъ оказать мнѣ *услугу*.*

— Какую?

— „Одолжи мнѣ этотъ рубанокъ на одинъ годъ“.

Понятно, что при такомъ предложеніи Жакъ не могъ не воскликнуть:

— Да подумаль-ли ты, что говоришь, Гильомъ? Если я окажу тебѣ эту *услугу*, чѣмъ отплатишь ты мнѣ за нее?

— „Ничѣмъ! Развѣ не ты знаешь, что заемъ долженъ быть даровой? Развѣ тебѣ неизвѣстно, что капиталъ самъ по себѣ непродуцирующъ? Развѣ

ты не слыхалъ, что провозглашено общее братство? Если ты окажешь мнѣ *услугу* только съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, получить и съ меня что-нибудь, то въ чемъ-же будетъ твоя заслуга?

— Гильомъ, другъ мой, братство не значить еще, чтобы всѣ пожертвованія приходились только на одну сторону, тогда почему-бы и мнѣ не требовать ихъ отъ тебя. Я не знаю, должна-ли быть есуда даровая или нѣтъ, но, знаю, что если отдамъ тебѣ мой рубанокъ даромъ на цѣлый годъ, то значить—я просто подарилъ-бы его тебѣ. По совѣсти-же—я не для этого сработалъ его.

„Ну, такъ вотъ что: оставимъ новыя истины всеобщаго братства, изобрѣтенныя господами социалистами. Я прошу тебя сдѣлать мнѣ услугу—какую-же услугу хочешь ты получить съ меня за нее?“

— Во-первыхъ, черезъ годъ мой рубанокъ не будетъ никуда годенъ, и его придется бросить. Стало-быть справедливо, чтобы ты или вернулъ мнѣ точно такой-же другой рубанокъ, или далъ мнѣ денегъ на поправку моего рубанка, или-же отработалъ мнѣ 10 дней, которые я долженъ буду потратить на приготовленіе новаго инструмента. Такъ, или иначе, а я долженъ получить рубанокъ обратно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его отдалъ.

Да, это вполнѣ справедливо, и я подчиняюсь этому условію. Я обязуюсь возвратить тебѣ или тотъ-же самый рубанокъ, или другой подобный ему, или цѣнность его, т. е. то, чего онъ стоитъ. Доволенъ-ли ты этимъ? Чего-же тебѣ еще требовать съ меня.

— Совсѣмъ напротивъ. Я сработалъ этотъ рубанокъ для себя, а не для тебя. Я ждалъ отъ него

большей выгоды, лучшей работы, большей платы за нее, а следовательно вообще улучшения моего положенія. Какъ-же я уступлю тебѣ все это даромъ, и почему именно я долженъ сработать рубанокъ а ты будешь пользоваться имъ? Ужъ лучше я самъ потребую у тебя пилу и топоръ. Какое въ самомъ дѣлѣ смѣшеніе понятій! Не прощали, если каждый сохранить то, что сдѣлать своими руками, какъ сохраняетъ теперь самыя руки? Пользоваться даромъ руками другого, называется *рабствомъ*; пользоваться даромъ рубанкомъ другого—развѣ это можетъ назваться братствомъ?

„Да, если мы порѣшимъ, что я черезъ годъ возвращу тебѣ твой рубанокъ такимъ-же чистымъ и острымъ, какъ онъ теперь“.

— Но дѣло идетъ не о будущемъ, а о настоящемъ годѣ. Я сработалъ этотъ рубанокъ, чтобы улучшить свой трудъ и свое положеніе; если ты вернешь его мнѣ черезъ годъ, то значить—не я, а ты въ теченіе цѣлаго года будешь пользоваться его выгодами. Вотъ почему я вовсе не намѣренъ оказывать тебѣ такую *услугу*, не получая отъ тебя ничего взаменъ ея. И такъ, если ты хочешь имѣть мой рубанокъ, то кромѣ возвращенія его мнѣ въ цѣлости, какъ мы уже условились съ тобою, ты долженъ оказать мнѣ еще *услугу*, о которой и будемъ теперь толковать: ты долженъ вознаградить меня за мою услугу.

И вотъ порѣшили они такъ: Гильомъ обязался въ концѣ года принести Жаку совсѣмъ новый рубанокъ и, сверхъ того, еще одну доску, въ вознагражденіе за тѣ выгоды, которыхъ онъ лишился, уступивъ ихъ своему товарищу.

Не найдется такого человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ дѣлами этого рода, который усмотрѣлъ-бы въ этой сдѣлкѣ малѣйшую несправедливость, или притѣсненіе.

Удивительно-же было только слѣдующее: когда черезъ годъ рубанокъ былъ возвращенъ Жаку, то онъ опять отдалъ его взаймы, опять получилъ его обратно и опять отдалъ его въ третій и четвертый разъ. Теперь-же этотъ инструментъ находится въ рукахъ его сына, который до сихъ поръ все отдаетъ его взаймы. Бѣдный рубанокъ! Сколько разъ мѣняли въ немъ то ножъ, то ручку! Это уже не прежній рубанокъ, но это все та-же *цѣнность*, по крайней мѣрѣ для потомства Жака!

Государство.

Я-бы очень желалъ, чтобъ установили премію не въ 500, а въ миллионъ франковъ, съ награжденіемъ еще крестами и лентами для выдачи ихъ тому, кто далъ-бы хорошее, простое и вразумительное опредѣленіе слова: *Государство*.

Какую громадную услугу оказалъ-бы онъ обществу!

Государство! Что это такое? Гдѣ оно? Что оно дѣлаетъ? Что должно дѣлать?

То, что мы знаемъ теперь про него, это—какая-то таинственная личность, которая навѣрно болѣе всѣхъ на свѣтѣ хлопочетъ, болѣе всѣхъ тормозится, болѣе всѣхъ завалена работой, съ которою болѣе всѣхъ совѣтуются, которую болѣе всѣхъ обвиняютъ, къ которой чаще всѣхъ обращаются и къ которой чаще всѣхъ взываютъ о помощи.

Я не имѣю чести знать васъ, милостивый государь, но готовъ держать какое хотите пари,—одинъ противъ десяти, что вы въ теченіе уже 6 мѣсяцевъ занимаетесь составленіемъ утопій, а если это такъ, то бьюсь объ закладъ,—одинъ противъ десяти, что исполненіе вашихъ утопій вы возлагаете на *Государство*. А вы, милостивая госуда-

рыня, я увѣренъ въ томъ, отъ всего сердца желаете излѣчить всѣ страданія бѣднаго человѣчества и были-бы очень рады, если-бъ *Государство* пришло вамъ на помощь.

Но, увы, несчастное *Государство*, подобно *Фигаро*, не знаетъ кого слушать, въ какую сторону повернуться. Сто тысячъ голосовъ изъ печати и съ трибуны кричатъ ему всѣ разомъ:

„Организируйте трудъ и рабочихъ.“

„Искорените эгоизмъ.“

„подавите нахальство и тиранию капитала.“

„Сдѣлайте опыты съ навозомъ и яйцами.“

„Избороздите страну желѣзными дорогами.“

„Оросите равнины.“

„Облѣсите горы.“

„Устройте образцовыя фермы.“

„Учредите благоустроенныя мастерскія.“

„Населите Алжиръ.“

„Выкормите дѣтей.“

„Обучите юношество.“

„Поддержите старость.“

„Разошлите жителей городовъ по деревнямъ.“

„Уравновѣсьте выгоды всѣхъ промышленностей.“

„Давайте займы деньги безъ процентовъ всякому, кто желаетъ получить.“

„Освободите Италію, Польшу и Венгрію.“

„Воспитайте и усовершенствуйте верховую лошадь.“

„Поощряйте искусство, дайте намъ музыкантовъ и танцовщицъ.“

„Запретите торговлю и за-одно создайте намъ торговый флотъ.“

„Откройте истину и зароните въ наши головы сѣмена разума. Назначеніе *Государства* — просвѣщать, развивать, расширять, укрѣплять, одухотворять и освящать душу народовъ“ *).

„Но, господа, минуту терпѣнія, жалостливо отвѣчаетъ *Государство*. Я постараюсь удовлетворить васъ, но для этого мнѣ необходимы нѣкоторыя средства. Я заготовила проекты 5-ти или 6-ти налоговъ, совсѣмъ новыхъ и самыхъ благословенныхъ въ мірѣ. Вы увидите сами, съ какимъ удовольствіемъ будутъ платить ихъ“.

Но тутъ поднялся страшный крикъ: „У! У! Нечего сказать — не велика заслуга сдѣлать что-нибудь на такія средства! Къ чему-же тогда и называться *Государствомъ*. Нѣтъ, вы бросьте ваши новые налоги, мы-же требуемъ еще отмѣны старыхъ налоговъ. Уничтожьте:

„Налогъ на соль.

„Налогъ на нашитки.

„Налогъ на литературу.

„Октруа.

„Патенты.

„Поборы“.

Среди этого гвалта, послѣ того какъ страна два или три раза мѣняла свое *Государство* за то, что оно не удовлетворяло всѣхъ ея требованій, я хотѣлъ-бы замѣтить, что она страдаетъ противорѣчіемъ. Но, Боже мой, на что я отваживаюсь! Лучше было-бы сохранить мнѣ это замѣчаніе про себя самого.

*) Эта послѣдняя фраза принадлежитъ Ламартину.

И вотъ я навсегда скомпрометированъ, теперь всѣ считаютъ меня человѣкомъ *безъ сердца, безъ души*, сухимъ философомъ, индивидуалистомъ, буржуа, однимъ словомъ — экономистомъ англійской или американской школы.

О, простите меня, великіе писатели, которые ни передъ чѣмъ не останавливаетесь, даже передъ противорѣчіями. Я, конечно, не правъ и охотно отступаю. Я ничего такъ не желаю, будьте увѣрены въ этомъ, какъ если-бы вы дѣйствительно открыли внѣ насъ существующее благотворительное и неистощимое въ своихъ благодѣяніяхъ существо, называемое *Государствомъ*, которое имѣло-бы наготовѣ хлѣбъ для всѣхъ ртовъ, работу для всѣхъ рукъ, капиталы для всѣхъ предприятий, кредитъ для исправленія всѣхъ проектовъ, масло для всѣхъ ранъ, цѣлебный бальзамъ для всѣхъ страданій, совѣты на случай всякихъ затрудненій, рѣшенія по всѣмъ сомнѣніямъ, истину для всѣхъ умовъ, развлеченія отъ всякой скуки, молоко для дѣтей, вино для старцевъ, — которое предусматривало-бы всѣ наши нужды, предупреждало-бы всѣ наши желанія, удовлетворяло-бы нашу любознательность, исправляло-бы всѣ наши промахи, всѣ наши ошибки и избавляло-бы насъ отъ всякой предусмотрительности, осторожности, провищательности, опытности, порядка, экономіи, воздержанія и всякаго труда.

И почему-же мнѣ не желать этого? Ей-Богу, чѣмъ больше я размышляю объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, какъ это было-бы удобно для всѣхъ, мнѣ-же самому хочется поскорѣ воспользоваться этимъ неисчерпаемымъ источникомъ бо-

гатства и свѣта, этимъ универсальнымъ цѣлителемъ, этой неисчерпаемой сокровищницей, этимъ непогрѣшимымъ совѣтникомъ, котораго вы зовете *Государствомъ*.

Вотъ почему я и прошу, чтобы мнѣ показали, опредѣлили его, и вотъ почему я предлагаю учредить премію для того, кто первый откроетъ этого феникса. Согласитесь-же со мною, что этого драгоценнаго открытія еще не сдѣлано, потому что до сихъ поръ все, что являлось подъ именемъ *Государства*, народъ тотчасъ-же опрокидывалъ, именно за то, что оно не выполняло нѣсколько противорѣчивыхъ требованій программы.

Говорить-ли? Я боюсь, чтобы въ этомъ отношеніи мы не сдѣлались игрушкой самой странной иллюзіи, которая когда-либо овладѣвала умомъ человека.

Человѣку свойственно имѣть отвращеніе къ труду и страданіямъ, а между тѣмъ онъ обреченъ самой природой страдать отъ лишеній, если не возьметъ на свои плечи всю тягость труда, — ему остается только выбирать одно изъ этихъ двухъ золъ. Но что надо сдѣлать, чтобы избѣгнуть и того, и другого? До сихъ поръ онъ находилъ для этого только одно средство, и никогда не найдетъ другого — *пользоваться трудомъ своего ближняго*: надо сдѣлать такъ, чтобы трудъ и удовольствія не распредѣлялись между всѣми въ естественной пропорціи, но чтобы весь трудъ падалъ на долю однихъ, а всѣ удовольствія жизни приходились на долю другихъ. Отсюда рабство и хищеніе, въ какомъ-бы видѣ оно ни проявлялось: въ видѣ-ли войны, лицемѣрія, насилій, стѣсненій, обмановъ и т. д.,

чудовищныхъ злоупотребленій, вполне согласныхъ съ породившею ихъ мыслию. Должно ненавидѣть и бороться съ притѣснителями, но все-таки нельзя упрекнуть ихъ въ томъ, что они непослѣдовательны.

Рабство, благодаря Бога, отживаетъ свой вѣкъ. Съ другой стороны, хотя существующая теперь возможность для каждаго защищать свое добро затрудняетъ всякое прямое и открытое хищеніе, однако сохраняется еще несчастная первоначальная склонность, присущая всѣмъ людямъ—дѣлить сложные дары жизни на двѣ части, на однихъ валить всю тяжесть труда и страданій, а для себя самихъ сохранить только удовольствія этой жизни. Посмотримъ, въ какой новой формѣ проявляется это печальное направленіе.

Притѣснитель не давить теперь притѣсняемаго прямо собственными руками—наша совѣсть стала къ этому слишкомъ чувствительна. Тиранъ и его жертва еще существуютъ, но между ними помѣстился посредникъ *Государство*, т. е. самъ законъ. Чѣмъ, спрашивается, лучше всего можно заглушить укоры совѣсти, а что еще дороже—преодолѣть сопротивленіе? И вотъ всѣ мы, по тому или другому праву, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, обращаемся къ—*Государству*. Мы говоримъ ему: „Я нахожу, что соотношеніе между моими радостями жизни и трудомъ не удовлетворяетъ меня и я хотѣлъ-бы для восстановленія желаемого равновѣсія между ними, попользоваться чѣмъ-нибудь отъ благъ моего ближняго. Но это не безопасно для меня. Не можете-ли вы помочь мнѣ въ этомъ? Не можете-ли вы дать мнѣ хорошее мѣсто? Или побольше стѣснить промышленность моихъ конкур-

реентовъ? Или даромъ ссудить меня капиталами, которые вы отобрали у ихъ владѣльцевъ? Или воспитать дѣтей моихъ на казенный счетъ? Или выдать мнѣ премію въ видѣ поощренія? Или обезпечить меня, когда мнѣ исполнится 50 лѣтъ? Тогда съ спокойной совѣстію я достигну своей цѣли, потому что за меня будетъ дѣйствовать самъ законъ, а я буду пользоваться всѣми выгодами хищенія, ничѣмъ не рискуя и не возбуждая ничего негодованія!

Такъ какъ, съ одной стороны, очевидно, что всѣ мы обращаемся къ *Государству* съ подобными требованіями, а съ другой стороны, доказано, что *Государство* не можетъ удовлетворить однихъ, не усиливъ тягостей другихъ, то, въ ожиданіи иного опредѣленія *Государства*, я позволю себѣ привести здѣсь мое мнѣніе—почемъ знать, можетъ быть, оно и удостоится преміи? Вотъ оно:

Государство, это—громадная фикція, посредствомъ которой всѣ стараются жить на счетъ всѣхъ.

Въ наше время, какъ и прежде, каждый въ большей или меньшей степени хочетъ пользоваться трудами ближняго. Никто не позволяетъ себѣ явно выражать это чувство и всякій скрываетъ его даже отъ самого себя; но какъ-же поступаютъ тогда? Выдумываютъ посредника и обращаются къ *Государству*, которому каждый классъ общества по-очередности говоритъ такъ: „Вы, которые законно и честно можете брать, берите у общества, а мы ужъ подѣлимъ“. Увы! *Государство* всегда слишкомъ склонно слѣдовать такому адекому совѣту, такъ какъ оно состоитъ изъ министровъ, чиновниковъ и вообще людей, сердцу которыхъ никогда

не чуждо желаніе и которые готовы всегда, какъ можно скорѣе ухватиться за него, умножить свои богатства и усилить свое вліяніе. *Государство* быстро соображаетъ, какую выгоду оно можетъ извлечь изъ возложенной на него обществомъ роли. Оно станетъ господиномъ, распорядителемъ судьбы всѣхъ и каждого; оно будетъ много брать, но за-то ему и самому много останется; оно умножитъ число своихъ агентовъ, расширить область своихъ правъ и преимуществъ и дѣло кончится тѣмъ, что оно доростетъ до подавляющихъ размѣровъ.

Но что слѣдуетъ хорошенько замѣтить себѣ, это—поразительное ослѣпленіе общества на этотъ счетъ. Когда солдаты побѣдоносно и радостно обращали въ рабство побѣжденныхъ, они были, правда, варварами, но не были непоследовательны. Цѣль ихъ, какъ и наша, состояла въ томъ, чтобы жить насчетъ другихъ; но они ни въ чемъ не противорѣчили ей. А что мы должны думать о народѣ, который и не подозреваетъ, что *взаимный грабежъ* есть все-таки грабежъ, хотя онъ и взаимный; что онъ не сталъ менѣе преступенъ потому, что совершается законно и въ порядкѣ; что онъ ничего не прибавляетъ къ общему благосостоянію, а напротивъ, еще умаляетъ его на всю ту сумму, которой стѣдитъ ему разорительный посредникъ, называемый *Государствомъ*.

И эту великую химеру мы начертали, въ назиданіе народу, на фронтоиѣ нашей конституціи. Вотъ первыя слова, которыми начинается ея вступленіе:

„Франція учредила республику для того, чтобы...

поднять всѣхъ гражданъ на все возвышающуюся степень нравственности, свѣта и благосостоянія“.

Слѣдовательно, по этимъ словамъ, Франція, т. е. *понятіе отвлеченное*, призываетъ французовъ, т. е. *дѣйствительно существующихъ людей* къ нравственности, благосостоянію и т. д.

Не значить-ли это, по смыслу этой странной иллюзіи, ожидать всякаго блага не отъ себя самихъ, а отъ чьей-то сторонней энергіи? Не указываетъ-ли это на то, что рядомъ и независимо отъ французовъ существуетъ еще какое-то добродѣтельное, просвѣщенное и богатое существо, которое можетъ и должно изливать на нихъ свои благодѣянія? Не даетъ-ли это право предпологать, и притомъ безъ всякой надобности, что между Франціей и французами, т. е. между простымъ, сокращеннымъ и отвлеченнымъ понятіемъ о всѣхъ личностяхъ въ совокупности, и между этими самыми личностями существуютъ еще какія-то отношенія отца къ сыну, опекуна къ опекаемому, учителя къ ученику? Кто не знаетъ, что иногда выражаются метафорически и отечество называютъ нѣжной матерью. Но чтобы доказать во-очію всю безсодержательность приведеннаго положенія нашей конституціи достаточно показать, что оно не только легко, но даже съ выгодною для здраваго смысла можетъ быть выражено въ обратной формѣ. Такъ, пострадала-ли-бы точность выраженія, еслибъ во вступленіи было сказано:

„Французы устроились въ республику, чтобы призвать Францію на все возрастающую степень нравственности, свѣта и благосостоянія“.

..Какое-же значеніе имѣетъ аксіома, въ которой

подлежащее и дополнение могут свободно переставляться безъ ущерба смыслу? Всякій понимаетъ, когда говорятъ: мать выкормить ребенка; но странно было-бы сказать: ребенокъ выкормить мать.

Американцы иначе понимали отношенія гражданъ къ *Государству*, когда въ заголовкѣ своей конституціи начертали слѣдующія простые слова:

„Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, желая образовать болѣе совершенный союзъ, установить справедливость, обезпечить внутреннее спокойствіе, оградить, умножить общее благосостояніе и обезпечить блага свободы себѣ и нашему потомству, постановляемъ и проч.“

Тутъ нѣтъ ничего химерическаго, нѣтъ никакой абстракціи, отъ которой граждане требовали-бы себѣ всего. Они надѣются только на себя, на свою собственную энергію.

Если я позволю себѣ критически отнестись къ первымъ словамъ нашей конституціи, то не изъ-за метафизической тонкости, какъ это можно подумать, а просто потому, что, по моему убѣжденію, это *олицетвореніе Государства* служило въ прошломъ и послужитъ въ будущемъ обильнымъ источникомъ для всякихъ бѣдствій и революцій.

И точно, общество съ одной стороны, *Государство* съ другой стоятъ какъ два различныя существа; послѣднее должно изливать на первое цѣлый потокъ человѣческихъ радостей, а первое имѣетъ право въ изобиліи требовать ихъ отъ послѣдняго. Что должно произойти при этомъ?

Вѣдь *Государство* не объ одной рукѣ и не можетъ быть таковымъ. У него двѣ руки — одной

брать, а другою раздавать или, иначе — одна тяжелая, а другая — легкая рука. Дѣятельность второй по необходимости подчинена дѣятельности первой. Строго говоря, *Государство* можетъ брать и не отдавать, что и случалось иногда. Это объясняется пористымъ и липкимъ свойствомъ обѣихъ рукъ, въ которыхъ всегда удерживается какая-нибудь часть, а иногда и все сполна, до чего только онѣ прикасаются. Но чего никогда не видали, чего никогда никто не увидитъ и чего даже предположить нельзя — чтобы *Государство* возвращало обществу болѣе, чѣмъ сколько оно получило съ него. Совершенно безразсудно съ нашей стороны то, что мы становимся къ нему въ положеніе какихъ-то смиренныхъ нищихъ. Для государства безусловно невозможно предоставлять частныя выгоды нѣкоторымъ лицамъ, безъ того, чтобы не нанести большаго вреда цѣлому обществу.

Очевидно, стало-быть, что *Государство* оказывается, вслѣдствіе нашихъ обращаемыхъ къ нему требованій, въ заколдованномъ кругу.

Если оно отказывается сдѣлать добро, которое отъ него требуютъ, то его обвиняютъ въ слабости, нежеланіи, неспособности. Если оно хочетъ исполнить это требованіе, то принуждено давить народъ двойными налогами, т. е. сдѣлать больше зла, чѣмъ добра, и навлечь на себя общее нерасположеніе съ другого конца.

Такимъ образомъ у общества двѣ надежды, у правительства два обѣщанія: *много благъ и никакихъ налоговъ*. Такъ какъ надежды и обѣщанія противорѣчатъ другъ друга, то онѣ никогда и не осуществляются.

Не въ этомъ-ли причина всѣхъ нашихъ революцій? Между *Государствомъ*, расточающимъ неисполнимыя обѣщанія, и обществомъ, преисполненнымъ неосуществимыхъ надеждъ, становятся два класса людей: честолюбцы и утописты. Роль ихъ вполнѣ опредѣляется ихъ положеніемъ. Достаточно этимъ искателямъ популярности крикнуть народу: „Правительство обманываетъ тебя; если-бы мы были на его мѣстѣ, то осыпали-бы тебя благодѣяніями и освободили-бы отъ налоговъ“!

И вотъ народъ вѣрить, народъ надѣется, народъ дѣлаетъ революцію.

И лишь только друзья его заберутъ власть въ свои руки, какъ ихъ уже заваливаютъ безчисленными требованіями объ уступкахъ. „Дайте-же мнѣ работы, хлѣба, пособія, денегъ, образованія, колоній, кричитъ народъ, и освободите меня, какъ вы обѣщали мнѣ, изъ когтей казны“.

Новое *Государство* смущается не менѣе прежняго, потому что въ отношеніи невозможнаго очень легко давать обѣщанія, но нелегко исполнять ихъ. Оно старается выгадать время, которое нужно ему, чтобы вызрѣли его широкіе проекты. Сначала оно робко дѣлаетъ опыты: съ одной стороны слегка расширяетъ начальное обученіе, съ другой—слегка измѣняетъ питейный акцизъ (1830). Но роковое противорѣчіе всегда стоитъ передъ нимъ лицомъ къ лицу: коли оно хочетъ быть филантропомъ, то поневолѣ заботится о пополненіи казны, а если отказывается отъ нея, то поневолѣ отказывается и отъ филантропіи.

Эти два обѣщанія всегда и неизбежно становятся одно съ другимъ. Прибѣгать къ кредиту,

т. е. пожирать будущее, составляет теперь единственное, дѣйствительное средство помирить эти общанія, и вотъ стараются сдѣлать немного добра въ настоящемъ на-счетъ большого зла въ будущемъ. Но такой пріемъ вызываетъ призракъ банкротства, которое губить кредитъ. Что-же остается дѣлать? Новое *Государство* отважно берется за дѣло: собираетъ силы вокругъ себя, душитъ общественное мнѣніе, обращается къ произволу, надсмѣивается надъ своими-же прежними принципами, объявляетъ во-всеуслышаніе, что управлять возможно только при условіи быть непопулярнымъ, короче сказать—оно объявляетъ себя *всеуправляющимъ*.

Здѣсь-то и ждутъ его другіе искатели популярности: они эксплуатируютъ ту-же иллюзію, идутъ тѣмъ-же протореннымъ путемъ, достигаютъ тѣхъ-же успѣховъ и вскорѣ затѣмъ поглощаются тою же пропастью...

Прочитайте послѣдній манифестъ монтаньяровъ, выпущенный ими по поводу выбора президента. Онъ, правда, длинноватъ, но въ общемъ можетъ быть выраженъ въ такихъ словахъ: *Государство должно давать гражданамъ много и брать съ нихъ мало*. Это—все та-же тактика, или, если хотите, то-же заблужденіе.

Государство обязано даромъ „обучать и воспитывать всѣхъ гражданъ“.

Оно обязано:

„Давать общее и профессиональное образованіе, приновленное по возможности къ нуждамъ, призванію и способностямъ гражданина“.

Оно обязано:

„Вселить въ него сознание о его обязанностяхъ къ Богу, къ людямъ и къ самому себѣ; развить его чувства, склонности и способности, наконецъ, научить его знать свое собственное дѣло, понимать свои интересы и знать свои права“.

Оно обязано:

„Сдѣлать для всѣхъ доступными науку и искусство, продукты мысли, сокровища ума, всѣ умственные наслаждения, возвышающія и укрѣпляющія душу“.

Оно обязано:

„Исправлять всякій вредъ, претерпѣваемый гражданами отъ пожара, наводненія“ и проч.

Оно обязано:

„Быть посредникомъ между капиталомъ и трудомъ и регуляторомъ кредита“.

Оно обязано:

„Оказывать серьезное поощреніе и дѣйствительное покровительство земледѣлію“.

Оно обязано:

„Выкупать желѣзныя дороги, каналы, рудники“ и, безъ сомнѣнія, управлять ими съ тою промышленною способностью, которою оно отличается.

Оно обязано:

„Вызывать великодушныя начинанія, поощрять ихъ и всѣми зависящими средствами содѣйствовать ихъ исполненію. Какъ регуляторъ кредита, оно будетъ въ широкихъ размѣрахъ заправлять промышленными и земледѣльческими ассоціаціями ради обезпеченія ихъ успѣховъ“.

Все это *Государство* должно исполнить, однако безъ ущерба тѣмъ обязанностямъ, которыя теперь лежатъ на немъ. Такъ, на примѣръ, оно должно

всегда сохранять угрожающій видъ передъ иностранцами, потому что „мы, говорятъ подписавшіеся подъ этой программой, связанные этой святою солидарностью и прошлымъ республиканской Франціи, мы несемъ наши обѣты и наши надежды за преграды, воздвигаемыя деспотизмомъ между народами: правъ-же, которыхъ мы желаемъ для себя, желаемъ мы и для всѣхъ, кто страдаетъ подъ гнетомъ тирановъ; мы хотимъ, чтобы наша славная армія была въ случаѣ надобности также и арміей свободы.

Вы видите, что мягкая рука *Государства*, эта добрая рука, всѣмъ дающая и все распределяющая, будетъ слишкомъ занята во время управленія монтаньировъ. Вы, думаете, можетъ быть, что столько-же работы будетъ и для жесткой руки, которая просовывается въ наши карманы и опорожняетъ ихъ?

Разочаруйтесь. Искатели популярности дурно знали-бы свое дѣло, еслибъ не умѣли выставлять на показъ только мягкую руку и прятать другую — жесткую. Управленіе ихъ будетъ сплошнымъ праздникомъ для всѣхъ плательщиковъ.

„Налогъ, говорятъ эти люди, долженъ падать только на излишекъ, а не на предметы необходимости“.

Развѣ не настанетъ чудное время, когда казна для того, чтобы осыпать насъ своими благодѣяніями, будетъ довольствоваться тѣмъ, что сократить наши избытки?

Но это еще не все. Монтаньяры помышляютъ еще и о томъ, чтобы „налогъ потерялъ свой притѣнительный характеръ и былъ только дѣломъ братства“.

Силы небесныя! Я зналъ, что теперь въ модѣ всюду совать *братство*, но я и не подозрѣвалъ, что его можно поставить въ заголовкѣ окладного листа сборника податей.

Росписывая подробности дѣла, подписавшіеся подъ программой возвѣщаютъ:

„Мы хотимъ немедленнаго уничтоженія налоговъ на предметы первой необходимости, какъ-то: на соль, напитки и пр.

„Преобразованія поземельнаго налога, октруа, патентнаго сбора.

„Дароваго правосудія, т. е. упрощенія формы и сокращенія расходовъ“ (здѣсь подразумѣваются, вѣроятно, гербовыя пошлины).

Итакъ, поземельный налогъ, октруа, патентный сборъ, гербовыя пошлины, соль, напитки, почта, тутъ ничего не позабыто. Эти господа открыли секретъ—какъ дать *горячую работу* одной *малой ручкѣ Государства* и парализовать его *жесткую руку*.

Къ вамъ обращаюсь я теперь, мой безпристрастный читатель, съ такимъ вопросомъ: развѣ все это не ребячество, да еще опасное ребячество? Какъ-же народу не дѣлать революцій на революціяхъ, когда уже рѣшено не останавливаться до тѣхъ поръ, пока не осуществится это противорѣчіе — „ничего не давать *Государству*, но получать отъ него какъ можно больше!“

Не думаютъ-ли, пожалуй, что монтаньяры, достигнувъ власти, не сдѣлаются жертвами тѣхъ-же самыхъ способовъ, которые они употребляютъ, чтобы овладѣть ею?

Граждане! Во все времена были извѣстны двѣ

политическія системы и обѣ онѣ опираются на уважительныя основанія. По одной системѣ *Государство* должно много дѣлать, по оно должно и много брать. По другой—эта двойственная дѣятельность ея должна давать себя чувствовать. Приходится выбирать одну изъ этихъ двухъ системъ. Что-же касается до третьей сисемы, состоящей въ томъ, чтобы требовать всего отъ *Государства*, но ничего не давать ему, то согласитесь, что это—химера, нелѣпность, ребячество, опасное противорѣчіе. Тѣ, кто прикрывается этой системой, чтобы доставить себѣ удовольствіе обвинять всѣ правительства въ безсиліи и такимъ образомъ поставить ихъ прямо подъ ваши удары, только льстятъ и обманываютъ васъ, или на худой конецъ обманываютъ самихъ себя.

Что касается до насъ, то мы думаемъ, что *Государство* есть ни что иное, да и не должно быть ничѣмъ инымъ, какъ *общественная сила*, установленная не для того, чтобы служить гражданамъ орудіемъ притѣсненія и взаимнаго грабежа, а, напротивъ, для того, чтобы облегчить каждому свое и способствовать царству справедливости и безопасности.

Что видно и чего не видеть.

Въ области экономическихъ явленій всякое дѣйствіе, привычка, постановленіе, законъ порождаютъ не только какое-нибудь одно слѣдствіе, но цѣлый родъ послѣдствій. Изъ нихъ только одно первое непосредственно обнаруживается въ одно время съ причиной, его вызвавшей, — *его видно*. Остальныя открываются послѣдовательно одно за другимъ — *ихъ не видать*, и хорошо еще, если можно *предвидѣть* ихъ.

Вся разница между плохимъ и хорошимъ экономистомъ въ слѣдующемъ: одинъ придерживается только слѣдствія, которое *видно*, а другой принимаетъ въ расчетъ и то, что *видно*, и всё тѣ послѣдствія, которыя надо *предвидѣть*.

Это различіе громадно, потому что почти всегда случается, что ближайшій результатъ бываетъ благопріятенъ, а дальнѣйшія послѣдствія пагубны, и на-оборотъ. Отсюда слѣдуетъ, что плохой экономистъ преслѣдуетъ маленькое благо въ настоящемъ, за которымъ слѣдуетъ великое зло въ будущемъ, тогда какъ истинный экономистъ имѣетъ въ виду великое благо въ будущемъ, рискуя маленькимъ зломъ въ настоящемъ.

То-же происходитъ въ области гигиены и нравственности. Часто, чѣмъ слаще первый плодъ какой-нибудь привычки, тѣмъ горше остальные. Объ

этомъ свидѣлствуютъ: развратъ, лѣнь, расточительность. Слѣдовательно, когда человѣкъ, пораженный слѣдствіемъ, которое *видно*, не научился еще различать того, *чего не видать*, предается пагубнымъ привычкамъ не только по склонности, но и по расчету.

Это объясняетъ эволюцію человѣчества, фатально связанную со страданіями для него. Невѣжество съ колыбели сопровождаетъ человѣка и въ поступкахъ его опредѣляется ихъ ближайшими послѣдствіями, единственными, которыя онъ можетъ видѣть при своемъ рожденіи. Требуется не мало времени для того, чтобы онъ привыкъ принимать во вниманіе еще и другія послѣдствія. Этому научаютъ его два разныхъ учителя: опытъ и предусмотрительность. Опытъ заправляетъ имъ сильно, но слишкомъ грубо. Онъ научаетъ насъ познавать всѣ послѣдствія нашихъ поступковъ, заставляя переживать ихъ на себѣ самихъ, и мы непремѣнно, въ концѣ-концовъ, узнаемъ, что огонь жжется лишь потому, что сами обожглись. На мѣсто такого суроваго учителя я хотѣлъ-бы, по возможности, поставить другого, болѣе мягкаго—предусмотрительность. Вотъ почему я разсмотрю послѣдствія нѣкоторыхъ экономическихъ явленій, противопоставляя тому, *что видно*, то, *чего не видать*.

Разбитое стекло.

Были-ли вы когда-нибудь свидетелем гнѣва добродушнаго буржуа Жака Бонома, когда его ужасный сынъ разбилъ оконное стекло? Если вы присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, то, навѣрно такъ-же, какъ и всѣ присутствующіе, хотя-бы ихъ было тридцать и болѣе человекъ, словно сговорившись, сѣвшили утѣшить несчастнаго хозяина слѣдующими общими фразами: „Нѣтъ худа безъ добра. Подобными случаями держится промышленность. Каждый хочетъ жить. Что случилось-бы со стекольщиками, если-бы никогда не били стекль?“

Въ этомъ утѣшеніи кроется цѣлая теорія, которую не худо выяснить на этомъ совсѣмъ простомъ случаѣ, потому что это — та-же самая теорія, которою, къ несчастью, руководствуются обыкновенно наши экономическія учрежденія.

Если предположить, что надо истратить 6 фр. для починки стекла и что этимъ хотить сказать, что, благодаря этому случаю, стекольная промышленность получила 6 фр. и что на эти 6 фр. ей оказано поощреніе, то я буду вполне согласенъ съ этимъ разсужденіемъ, не буду даже оспаривать его, ибо оно совершенно правильно. Придетъ стекольщикъ, исполнить свое дѣло, возьметъ 6 фр., потретъ руки отъ удовольствія и въ сердца своемъ благословитъ ужаснаго ребенка. *Это — то, что видно.*

Но, если путемъ разсужденія, придуть, какъ это часто случается, къ тому заключенію, что хорошо, коли бьютъ стекла, потому что это усиливаетъ обращеніе денегъ, а слѣдовательно служить поощреніемъ промышленности вообще, то я воскликну: Стойте! Ваша теорія не идетъ дальше того, *что видно*, и не хочетъ знать того, *чего не видать*.

А *не видать* того, что если нашъ буржуа истратилъ 6 фр. на какую-нибудь вещь, то онъ не можетъ истратить ихъ на другую. *Не видать* того, что, если-бы ему не пришлось вставлять новое стекло, взамѣнъ разбитаго, то онъ могъ-бы, напримѣръ, купить себѣ новые сапоги вмѣсто стоптанныхъ, или книгу для своей библіотеки. Короче сказать—онъ употребилъ бы эти 6 фр. на что-нибудь такое, на что теперь употребить ихъ не можетъ.

Подведемъ-же счетъ промышленности вообще.

Стекло разбито, и стекольная промышленность обогатилась на 6 фр. *Это видно*.

Если-бы стекло не было разбито, то эти 6 фр. пошли-бы въ пользу сапожного, или какого-нибудь другого мастерства. *Этого не видать*.

И такъ, если-бы приняли въ соображеніе то, *чего не видать*, какъ фактъ отрицательный, и то, *что видно*, какъ фактъ положительный, то поняли-бы, что для промышленности вообще, или для національнаго труда нѣтъ никакой выгоды отъ того, будутъ-ли стекла биться или не будутъ биться.

Теперь подведемъ счетъ Жака Бонома.

При первомъ предположеніи—что стекло разбито, онъ тратитъ 6 фр. и пользуется такимъ-же,

не больше и не меньше, стекломъ какъ прежде.

При второмъ предположеніи — что стекло не было разбито, онъ истратилъ-бы 6 фр. на обувь и пользовался-бы въ одно и то-же время и парой сапогъ и стекломъ.

Слѣдовательно, такъ какъ Жакъ Бономъ составляетъ часть общества, то, принявъ общество въ его совокупности и сведя балансъ его совокупнымъ трудамъ и наслажденіямъ, придется заключить, что оно потеряло цѣнность стекла, то, чего стоило стекло.

Продолжая эти обобщенія, мы придемъ къ тому неожиданному выводу, что „общество теряетъ цѣнность всѣхъ предметовъ безъ пользы уничтоженныхъ“, и къ тому афоризму, отъ котораго волосы станутъ дыбомъ на головахъ протекціонистовъ — что „ломать, бить, уничтожать не значить поощрять національный трудъ“, или короче — что „разрушеніе не выгодно“.

Но надо, чтобы читатель хорошенько понять, что въ этой маленькой драмѣ, какую я предложилъ его вниманію, участвуютъ не два, а три лица. Одно лицо — Жакъ Бономъ, представляетъ собой потребителя, который вслѣдствіе уничтоженнаго стекла принужденъ имѣть одно наслажденіе вмѣсто двухъ. Другое лицо, стекольщикъ, изображаетъ собой производителя, промыселъ котораго получилъ поощреніе благодаря этому случаю. Третье лицо сапожникъ, или всякій другой мастерской, трудъ котораго настолько-же пострадалъ отъ той же причины. Это-то третье лицо, которое держать всегда въ тѣни, олицетворяетъ собой то, *чего не видать*, и является необходимымъ

элементом задачи. Оно-то и научает насъ понимать, какъ нелѣпо находить выгоду въ разрушеніи. Это самое лицо научить насъ скоро и тому, что не менѣе нелѣпо находить выгоду въ запрещеніи, которое представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ частное разрушеніе. Разберите хорошенько все доказательства, приводимые въ пользу этой системы запрещенія и вы не найдете ничего, кромѣ переиначенной фразы: *что стало-бы со стеклянникомъ, если-бы никогда не было стекла?*

Налогъ.

Не случилось-ли вамъ слышать такое мнѣніе: „Налогъ есть лучшее помѣщеніе; это животворная роса? Посмотрите, сколько семействъ живутъ благодаря ему и прослѣдите мысленно, какъ онъ отражается на промышленности; да это безконечное благо, это—сама жизнь!“

Чтобы опровергнуть это ученіе, я долженъ привести опять то-же возраженіе. Политическая экономія хорошо знаетъ, что ея аргументы не настолько забавны, чтобы можно было сказать: „Повтореніе нравится“ (Repetita placent). Поэтому она передѣлала это выраженіе на свой ладъ, вполне увѣренная, что въ ея устахъ— „Повтореніе научаетъ“ (Repetita docent).

Выгоды, получаемыя чиновниками, это—то, *что видно*. Благо, получаемое отсюда ихъ поставщиками, это опять—то, *что видно*. Все это бросается въ глаза.

Но ущербъ, который несутъ при расплатѣ плательщики, это—то, *чего не видать*, и убытокъ, который терять отъ того ихъ поставщики, это то, *чего тѣмъ болѣе не видать*, хотя оно и должно бы броситься въ глаза разуму.

Когда чиновникъ тратитъ на себя 100 су больше прежняго, то это значить, что плательщикъ налога сталъ тратить на себя на 100 су меньше.

По расходы чиновника *видны*, потому что онѣ дѣлаются на глазахъ всѣхъ, тогда какъ расходоватьщика *не видать*, потому что, увы, ему не даютъ сдѣлать ихъ.

Вы сравниваете націю съ отвердѣвшей отъ засухи почвой, а налогъ—съ живительнымъ дождемъ. Пусть будетъ такъ. Но вы должны-бы были также спросить себя: гдѣ источники этого дождя и не налогъ-ли самъ вытягиваетъ всю влагу изъ почвы и изсушаетъ ее?

Вы должны были-бы задать себѣ еще одинъ вопросъ — возможно-ли, чтобы почва восполняла этимъ дождемъ точно такое-же количество драгоценной влаги, какое она теряетъ испареніями?

Положительно-же вѣрно то, что Жакъ Бономъ отсчитываетъ 100 су сборщику податей и взамѣнъ ихъ ничего не получаетъ. А если потомъ чиновникъ, издержавъ свои 100 су, и возвращаетъ ихъ Жаку Боному, то не иначе какъ въ уплату за какое-нибудь соотвѣтствующее количество хлѣба или работы. Слѣдовательно, въ окончательномъ выводѣ Жакъ Бономъ прямо теряетъ 5 фр.

Вполнѣ справедливо, что часто, даже очень часто, если хотите, чиновникъ отплачиваетъ Жаку Боному равносильной услугой. Въ такихъ случаяхъ обѣ стороны ничего не теряютъ и тутъ происходитъ простой обмѣнъ услугъ. Точно также моя аргументація не имѣетъ никакого отношенія къ полезнымъ должностямъ. Я говорю такъ: если вы хотите создать какую-нибудь должность, то докажите прежде, что она полезна. Докажите напередъ, что она, получая съ Жака Бонома свою часть, вознаградить его вполнѣ за то, чего она

ему стоит. Но помимо этой внутренней полезности должности не выставляйте, въ видѣ доказательства приносимой ею пользы, тѣхъ выгодъ, которыя получаетъ чиновникъ, его семейство и его поставщики, не увѣряйте, что она поощряетъ трудъ.

Если Жакъ Бономъ даетъ 100 су чиновнику за оказываемую ему дѣйствительно полезную услугу, то это совершенно тоже самое, какъ если-бы онъ заплатилъ эти 100 су сапожнику за пару сапогъ. Тутъ—услуга за услугу и обѣ стороны квиты. Но если Жакъ Бономъ отдаетъ 100 су чиновнику и не только не получаетъ за это никакой услуги, но даже встрѣчаетъ притѣсненія себѣ, то это все равно, какъ еслибы онъ отдалъ эти деньги вору. Тутъ ужъ никакъ нельзя было-бы сказать, что чиновникъ тратитъ эти 100 су къ великой пользѣ *національнаго труда*; то-же сдѣлалъ-бы всякій мошенникъ, то-же сдѣлалъ-бы и Жакъ Бономъ, если-бы не встрѣтилъ на своемъ пути легальнаго или велегальнаго паразита.

Будемъ-же судить о вещахъ не только потому, что видно, но и потому еще, чего не видать.

Въ прошломъ году я состоялъ членомъ финансоваго комитета; тогда членовъ оппозиціи систематически еще не исключали изъ всѣхъ комиссій и въ этомъ отношеніи учредительное собраніе поступало очень умно. Тогда намъ довелось слышать, какъ Тьеръ говорилъ слѣдующее: „Я всю жизнь боролся съ партіей легитимистовъ и клерикаловъ. Когда-же пришлось намъ сблизиться въ виду общей опасности и откровенно объясниться, когда я коротко узналъ ихъ, то увидѣлъ, что они совсѣмъ не такія чудовища, какими я представлялъ ихъ себѣ раньше“.

Да, недовѣріе всегда преувеличиваетъ и взаимная ненависть возгорается между партіями, которыя сторонятся другъ отъ друга, а если-бы большинство допустило проникнуть въ среду комиссіи нѣсколькимъ членамъ изъ меньшинства, то съ обѣихъ сторонъ признали-бы, что ихъ идеи совсѣмъ не такъ не схожи между собою и въ особенности намѣренія ихъ совсѣмъ не такъ превратны, какъ предполагали прежде.

Какъ-бы тамъ ни было, но въ прошломъ году я состоялъ членомъ финансоваго комитета. Всякій разъ, когда кто-нибудь изъ нашихъ товарищей доказывалъ, что надо назначить болѣе умѣренное содержаніе президенту республики, министрамъ и посланникамъ, то ему отвѣчали такъ:

«Ради пользы самой службы, приходится обставлять нѣкоторыя должности особо пышностью и почетомъ. Только такимъ способомъ можно привлечь къ нимъ людей достойныхъ. Безчисленное множество нуждающихся обращаются къ президенту республики, и какъ-же ставить его въ такое трудное положеніе — всегда, во всемъ, всѣмъ отказывать. Нѣкоторая представительность министерскихъ и дипломатическихъ салоновъ составляетъ одинъ изъ рычаговъ конституціонныхъ правительствъ, и т. д.»

Хотя не трудно опровергнуть подобные аргументы, однако они, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ серьезнаго разсмотрѣнія. Всѣ они опираются на общее благо; хорошо, или дурно понято это благо — другой вопросъ; что же касается меня, то я придаю ему больше значенія, чѣмъ многіе изъ нашихъ Катоновъ, руководимыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ скаречною или завистью.

Болѣе-же всего возмущаетъ мою совѣсть, какъ экономиста, и заставляетъ меня краснѣть за умственную репутацію моей родины, это то, что приходится (что всегда и случается) къ слѣдующей нелѣпой пошлости, которая однако всегда благосклонно принимается:

„Роскошь важныхъ чиновниковъ поощряетъ искусство, промышленность, трудъ. Когда глава государства и его министры задаютъ праздники и вечера, то всегда содѣйствуютъ движенію жизни во всѣхъ артеріяхъ и венахъ социальнаго организма. Сократить имъ содержаніе, значитъ обречь на голодовку парижскую, а слѣдовательно и всю народную промышленность“.

Ради Бога, господа, пощадите хоть ариметику и не доказывайте во всеуслышаніе передъ національнымъ собраніемъ всей Франціи изъ страха—какъ-бы она къ стыду своему не одобрила васъ, что отъ сложенія получаются разныя суммы, смотря потому, складываются-ли они сверху или снизу.

Какъ! Я иду нанять землекопа, чтобы онъ за 100 су провелъ канавку на моемъ полѣ, и въ тотъ самый моментъ какъ мы договариваемся, приходитъ сборщикъ податей, отбираетъ у меня эти 100 су и передаетъ ихъ министру внутреннихъ дѣлъ; мой договоръ съ землекопомъ перерывается, а министръ прибавляетъ новое блюдо къ своему обѣду. Какъ-же, на какомъ основаніи позволяете вы себѣ доказывать, что этотъ officialный расходъ составляетъ прибавку къ народной промышленности? Да развѣ вы не понимаете, что это—простая *перестановка* труда и пользованія благами жизни? Правда, министръ держитъ теперь

лучшій столъ чѣмъ прежде, но правда также и то, что у земледѣльца земля хуже осушена. Что парижскій трактирщикъ нажилъ 100 су, я согласенъ съ этимъ; но согласитесь и вы со мной, что землекопъ, пришедшій изъ провинціи, лишился возможности заработать 5 фр. Тутъ можно сказать только одно—что официальное блюдо за обѣдомъ министра и довольный трактирщикъ составляютъ то, что видно, а залитое водою поле и оставшійся безъ работы землекопъ—то, чего не видать.

Боже мой! Какъ трудно доказывать въ политической экономіи, что дважды два четыре; если-же вамъ удастся доказать это, то всѣ закричатъ: „да это такъ ясно, что скучно становится“. А потомъ рѣшають вопросъ, какъ будто вы ничего не доказывали.

Общественныя работы.

Когда нація убѣждается, что какое-нибудь большое предпріятіе полезно для общества, то приводить его въ исполненіе на общія средства, это — вполне естественно. Но, признаюсь, я начинаю горячиться, когда въ подкрѣпленіе такого рѣшенія приводятъ слѣдующую экономическую ошибку: „Къ тому-же это — средство создать работу для рабочихъ“.

Государство открываетъ дорогу, строитъ дворецъ, исправляетъ улицу, роетъ каналъ; этими предпріями оно доставляетъ работу нѣкоторымъ рабочимъ — это видно; но, съ другой стороны, оно отымаетъ работу у нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ, это — то, чего не видать.

Положимъ, что началась постройка дороги. Тысячи рабочихъ приходятъ каждое утро на работу, и каждый вечеръ уходятъ домой, унося съ собою свой заработокъ — это ясно какъ день. Если-бы не было рѣшено строить дорогу и не были назначены на нее необходимыя средства, то весь этотъ народъ не нашель-бы себѣ здѣсь работы и ничего не заработокъ-бы, — это также ясно какъ день.

Но достаточно-ли этого? Не обнимаетъ-ли собою это предпріятіе въ общей совокупности, еще чего нибудь другого? Въ ту самую минуту, когда г. Дюпенъ торжественно произноситъ: „Собраніе по-

становило², спускаются-ли миллионы, какъ по волшебству, въ сундуки гг. Фульда и Бино? Чтобы эволюція, какъ выражаются теперь, совершилась вполне, не должно-ли государство вѣрно рассчитывать какъ свои средства, такъ и необходимый расходъ предпріятія, пустить въ ходъ своихъ сборщиковъ податей и привлечь плательщиковъ къ обложенію?

Вглядитесь-же въ этотъ вопросъ съ обѣихъ сторонъ. Соглашаясь на то, чтобы дать этимъ миллионамъ именно такое, а не другое назначеніе, не забудьте также подумать и о томъ, какое назначеніе плательщики дали-бы, а теперь не могутъ дать этимъ самымъ миллионамъ. Тогда вы поймете, что всякое общественное предпріятіе имѣетъ и обратную сторону медали. На одной сторонѣ ея изображены: занятый дѣломъ рабочий, съ девизомъ — *что видно*; на другой — рабочий безъ работы, съ девизомъ — *чего не видать*.

Опровергаемый мною въ этой статьѣ софизмъ тѣмъ болѣе опасенъ, что въ примѣненіи къ общественнымъ работамъ, онъ служитъ оправданіемъ самыхъ безразсудныхъ предпріятій и расточительности. Когда желѣзная дорога или мостъ дѣйствительно полезны, то достаточно сослаться на эту пользу. Если-же этого сдѣлать не могутъ, то какъ поступаютъ тогда? Прибѣгаютъ къ такой мистификаціи: „Надо доставить работу рабочимъ“.

Сказано — сдѣлано: отдають приказъ срывать и насыпать насыпи на Марсовомъ Полѣ. Извѣстно, что великій Наполеонъ полагалъ, что онъ дѣлалъ доброе дѣло, когда заставлялъ то рыть, то засыпать канавы. Онъ говоритъ тоже самое: „Какое

мѣ дѣло до результатовъ? Нужно имѣть передъ глазами только одно — распространение богатства среди рабочихъ классовъ.

Но пойдемъ дальше, вникнемъ въ дѣло, ибо деньги слѣпятъ намъ глаза. Просить у гражданъ помощи на общественное дѣло въ видѣ денегъ, на самомъ дѣлѣ — тоже, что просить у нихъ помощи натурой, потому что каждый изъ нихъ добывается трудомъ ту сумму, которою онъ обложенъ. Итакъ, если собрать всѣхъ гражданъ и заставить ихъ натурою совершить какое-нибудь для всѣхъ полезное дѣло, — это было-бы понятно: они нашли-бы свое вознагражденіе въ результатахъ исполненнаго ими дѣла. Но, когда ихъ собираютъ, чтобы строить дороги, по которымъ никто не будетъ ѣздить, сооружать дворцы, въ которыхъ никто не будетъ жить, и все это подъ предлогомъ доставить имъ-же работу — вотъ гдѣ нелѣпность, на которую они вполне основательно могутъ возразить такъ: зачѣмъ намъ такая работа, ужъ лучше будемъ мы работать за свой собственный счетъ.

Способъ привлеченія къ дѣлу гражданъ платежемъ денегъ, а не личнымъ трудомъ ихъ, натурою, ни въ чемъ не измѣняетъ этихъ общихъ результатовъ. Разница здѣсь только въ томъ, что при послѣднемъ способѣ привлеченія потеря распределится между всѣми одинаково, а при первомъ способѣ ея избѣгнуть рабочіе, которымъ государство дало работу, и свалить эту потерю на своихъ соотечественниковъ, которымъ и безъ того придется расплачиваться.

Есть такая статья въ нашей конституціи:

„Общество покровительствует и поощряет развитие труда... учрежденіемъ, при помощи государства, департаментовъ и общинъ, общественныхъ работъ, способныхъ занять свободныя руки“.

Какъ временная мѣра въ какую-нибудь критическую пору, въ продолженіе, на примѣръ, суровой зимы, такое вмѣшательство плательщиковъ еще можетъ принести свою пользу. Оно дѣйствуетъ точно такъ-же, какъ страхованіе: оно ничего не прибавляетъ ни къ труду, ни къ заработной платѣ, но оно беретъ что-нибудь отъ труда и отъ заработной платы въ обыкновенное время для того, чтобы вознаградить ихъ, правда, съ потерей, въ послѣдствіи, когда наступитъ тяжелое время.

Но какъ мѣра постоянная, общая, систематическая, это—не болѣе, какъ разорительная мистификація; это—невозможность, противорѣчіе, изъ-за которыхъ слегка показываютъ частичку труда, получающаго поощреніе, это—то, что видно, и прячутъ много заторможенного труда, это—то, чего не видать.

Посредники.

Общество представляет собою совокупность услугъ, которыя люди добровольно, или по принужденію, оказываютъ другъ другу, т. е. совокупность *услугъ общественныхъ или частныхъ*.

Первыя, предписываемыя и регламентируемыя закономъ, который однако, мимоходомъ сказать, не всегда удобно измѣнять, даже когда это нужно сдѣлать, могутъ надолго вмѣстѣ съ нимъ пережить пользу, какую они прежде приносили, и все-таки сохранять за собою названіе *услугъ общественныхъ*, даже тогда, когда онѣ превратились просто въ общественныя притѣсненія. Вторыя услуги являются дѣломъ доброй воли и личной ответственности. Каждый даетъ и получаетъ, что хочетъ и что можетъ, по взаимному соглашенію. Онѣ всегда предполагаютъ дѣйствительную пользу ими приносимую, точно опредѣленную взаимнымъ сравненіемъ ихъ между собою.

Вотъ почему первыя такъ часто страдаютъ неподвижностью, въ то время, какъ послѣднія развиваются по закону прогресса.

Довольно странно, что въ то время, какъ преувеличенное развитіе общественныхъ услугъ способствуетъ утвержденію въ обществѣ пагубнаго паразитства, многія новомодныя ученія, сообщая такой-же характеръ свободнымъ и частнымъ услу-

гамъ, стараются преобразовать частныя профессіи въ постоянныя должности.

Эти ученія усиленно возстають противъ тѣхъ, кого онѣ называютъ *посредниками*. Они охотно уничтожили-бы капиталиста, банкира, спекулятора, предпринимателя, торговца и негоціанта, обвиняя всѣхъ ихъ въ томъ, что они становятся помѣхою между производствомъ и потреблениемъ, вымогая деньги у той и другой стороны и не доставляя имъ взамѣнъ ровно ничего. Или, еще лучше, они хотѣли-бы возложить на государство дѣло, исполняемое этими лицами, потому что тогда это дѣло не могло-бы быть уничтожено.

Софизмъ социалистовъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы доказать обществу, что оно платитъ *посредникамъ* за оказываемыя ими услуги, и скрыть отъ него, что ему пришлось-бы платить за то-же государству. Это—опять все та-же борьба между тѣмъ, что бросается въ глаза, и тѣмъ, что познается только умомъ, т. е. между тѣмъ, что видно и чего не видать.

Такъ было въ особенности въ 1847 г. по случаю голода, когда социалистическимъ школамъ удалось популяризировать свою пагубную теорію. Онѣ хорошо понимали, что самая вѣрная пропаганда всегда имѣетъ нѣкоторый успѣхъ среди людей, обреченныхъ на страданія—*malesuado faimes*, т. е. „голодь—плохой совѣтникъ“.

И вотъ при помощи грожкихъ фразъ: *эксплоатация человека человекомъ, спекуляция голодомъ, барышничество*, они начали поносить торговлю и утаивать ея благотворное вліяніе.

„Зачѣмъ, твердили они, предоставлять негоці-

зятамъ заботу о доставкѣ средствъ пропитанія изъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ Россіи? Почему государство, департаменты, общины не организуютъ особое учрежденіе для снабженія страны про-
мантомъ и не заведутъ запасныхъ магазиновъ? Эти учрежденія продавали-бы припасы по своей цѣнѣ, и бѣдный народъ былъ-бы освобожденъ отъ той дани, которую онъ теперь платитъ вольной, т. е. эгоистической, индивидуальной и анархической торговлѣ.

Это—дань, которую народъ платитъ торговлѣ, это—то, что видно. А дань, которую народъ платилъ-бы государству и его агентамъ, при социалистической системѣ, это—то, чего не видать.

Но въ чемъ состоитъ эта предполагаемая дань, платимая народомъ торговлѣ? А вотъ въ чемъ: въ томъ, что два лица мѣняются взаимными услугами вполне свободно, подъ влияніемъ одной только конкуренціи и по свободно условленной между ними цѣнѣ.

Когда желудокъ голодаетъ и обрѣтается въ Парижѣ, а хлѣбъ, могущій наплатить его,—въ Одессѣ, то страданіе не прекратится, пока хлѣбъ не приблизится къ желудку. Есть три способа, чтобы это совершилось: 1) голодные могутъ сами идти разыскивать себѣ хлѣбъ; 2) они могутъ поручить розыскать его тѣмъ, кто занимается этимъ дѣломъ; 3) они могутъ сложиться и возложить эту операцію на государственныхъ чиновниковъ.

Который изъ этихъ трехъ способовъ — самый выгодный?

Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ и въ особенностяхъ, чѣмъ свободнѣе, просвѣщеннѣе, и опыт-

нѣе люди, тѣмъ скорѣе они *добровольно* выбирали второй способъ и, признаюсь, въ моихъ глазахъ этого достаточно, чтобы отдать преимущество именно этому способу. Мой умъ отказывается допустить, что человечество въ общей совокупности ошибалось въ такомъ дѣлѣ, которое стоитъ къ нему ближе всего.

Но рассмотримъ его подробнѣе.

Чтобы 36 миллионѣвъ гражданъ отпразднелись въ Одессу за хлѣбомъ, въ которомъ они нуждаются,— это, очевидно, невозможно. Первый способъ, стало-быть, никуда негоденъ. Потребители не могутъ не посредственно дѣйствовать сами, имъ по-неволѣ приходится прибѣгнуть къ *посредникамъ*, чиновникамъ или негоціантамъ.

Замѣтимъ однако, что первый способъ могъ-бы быть самымъ естественнымъ. Въ сущности тотъ, кто голоденъ, и долженъ-бы самъ идти искать хлѣба. Это—*трудъ*, касающійся его лично, это—*услуга*, которую онъ долженъ оказать самому себѣ. Если же кто-нибудь другой, подъ какимъ-бы то ни было ярлыкомъ, оказываетъ ему эту *услугу* и беретъ на себя трудъ за него, то этотъ другой имѣетъ право на вознагражденіе. Все это я говорю здѣсь въ подтвержденіе того, что услуги посредниковъ заключаютъ сами въ себѣ принципъ вознагражденія.

Какъ-бы тамъ ни было, но разъ приходится прибѣгать, какъ называютъ социалисты, къ паразитамъ, то спрашивается: который изъ этихъ паразитовъ менѣе требователенъ, негоціантъ или чиновникъ?

Торговлѣ (я предполагаю, что она свободна, а иначе какъ-же могъ-бы я разсуждать?) ради ея

собственного интереса приходится изучать времена года, слѣдить изо дня въ день за состояніемъ урожаявъ, получать свѣдѣнія со всѣхъ концовъ свѣта, предусматривать существующія потребности и всегда быть на-готовѣ. Она имѣетъ всегда на-готовѣ суда, держитъ повсюду своихъ корреспондентовъ, и непосредственный интересъ ея состоитъ въ томъ, чтобы купить, какъ можно дешевле, сберечь деньги на всѣхъ подробностяхъ этой операціи и достигнуть наилучшихъ результатовъ съ наименьшими усилиями. Въдѣ не одни только французскіе негоціанты, но и негоціанты всего міра заняты снабженіемъ Франціи хлѣбомъ въ тотъ день, когда она нуждается въ немъ; и если ихъ собственный интересъ требуетъ отъ нихъ неуклоннаго исполненія этой задачи съ наименьшими издержками, то существующая между ними конкуренція также неуклонно заставляетъ ихъ дать возможность и потребителямъ воспользоваться всей достигнутой ими экономіей. Лишь только хлѣбъ привезенъ, то въ интересахъ торговли—продать его какъ можно скорѣй, чтобы покрыть свои издержки, возстановить затраченные въ дѣло капиталы и при благопріятныхъ обстоятельствахъ снова начать ту-же операцію. Руководствуясь сравнительными цѣнами на хлѣбъ, торговля распределяетъ его по всей поверхности страны, начиная всегда съ самаго дорогого мѣста, гдѣ чувствуется наибольшая потребность въ немъ. Нельзя представить себѣ вѣрнѣе рассчитанную *организацию* этого дѣла въ интересахъ тѣхъ, кто чувствуетъ голодъ, и лучшая сторона этой организации, не замѣченная социалистами, является именно результатомъ того, что

она свободна. Правда, потребитель принужденъ уплатить торговлѣ ея расходъ за перевозку, храненіе въ складахъ, комиссію и т. д.; но при какой-же системѣ не требуется, чтобы тотъ, кто вѣсть хлѣбъ, вознаграждать за издержки по его доставкѣ? Ему приходится платить вознагражденіе за *оказанную ему услугу*. Что-же касается до размѣра этого вознагражденія, то благодаря конкуренціи оно доведено до возможнаго минимума, относительно-же его справедливости было-бы странно, если-бы мастеровые Парижа не стали работать на негоціантовъ Марсея, когда негоціанты Марсея работаютъ на мастеровыхъ Парижа.

Но пускай, согласно измышленію социалистовъ, государство заступитъ мѣсто торговли — что произойдетъ тогда? Я прошу указать мнѣ, гдѣ въ этомъ случаѣ искать экономіи для общества. Ужь не въ покупной-ли цѣнѣ? Пускай представлятъ себѣ, что въ Одессу вдругъ наѣхали въ одинъ день и притомъ въ день общей нужды уполномоченные отъ 40.000 общинъ—какое дѣйствіе произвело-бы это на цѣнность? Не получится-ли экономія отъ сокращенія расходовъ? Но развѣ при этомъ потребуется меньше судовъ, меньше экипажа на нихъ, меньше перегрузки, меньше складовъ, или, можетъ быть, не придется никому ничего платить за все это? Не получится-ли экономія на счетъ прибыли негоціантовъ? Но развѣ ваши уполномоченные и чиновники поѣдутъ въ Одессу даромъ? Но можетъ статься—они будутъ кататься и работать во имя братства? Вѣдь имъ тоже надо жить. Развѣ ихъ время не должно быть оплачено? Не думаете-ли ли вы, что этотъ расходъ не превзой-

доть въ тысячу разъ 2% и 3%, зарабатываемых теперь торговцем, — размѣръ барыша, на который онъ всегда охотно согласится?

Но подумайте еще хорошенъко о трудности взиманія столькихъ налоговъ и распредѣленія такого количества хлѣба. Подумайте о несправедливостяхъ, о злоупотребленіяхъ, неизбѣжныхъ при такомъ предпріятіи. Подумайте, наконецъ, объ отвѣтственности, какая лежала-бы на правительствѣ.

Соціалисты, придумавшіе эти глупости и въ дни общаго несчастья виѣдряющіе ихъ въ умы народныхъ массъ, сами-же съ легкою развязностью награждаютъ себя прозваньемъ *передовыхъ людей*, а привычка—безъ разбора распорядиться словами, не безъ нѣкоторой опасности, признаетъ за ними это прозваніе и заключающееся въ немъ понятіе. *Передовые люди!* Подъ этими словами разумѣютъ, что эти господа видятъ дальше, чѣмъ простые смертные; что единственная вина ихъ въ томъ, что они слишкомъ опередили всѣхъ и если еще не наступило время уничтожить нѣкоторыя свободныя услуги, признаваемые за паразитовъ, то лишь по милости общества, которое отстало отъ социализма. По совѣсти я нахожу, что вѣрно совершенно противоположное положеніе и не знаю, къ какому вѣку варварства слѣдовало бы обратиться въ этомъ отношеніи, чтобы найти ученіе, стоящее въ уровень съ социализмомъ.

Новомодныя ученія безпрестанно противопоставляютъ ассоціацію настоящему обществу, и при этомъ они не воображаютъ того, что общество-то, при свободномъ устройствѣ, и есть настоящая ассоціація, стоящая гораздо выше всѣхъ союзовъ,

изображаемыхъ ихъ плодовитымъ воображеніямъ.

Поясню это примѣромъ.

Для того, чтобы человѣкъ, вставая, имѣлъ что одѣться, необходимо, чтобы кусокъ земли былъ огороженъ, расчищенъ, осушенъ, обработанъ и засѣянъ какимъ-нибудь растеніемъ; необходимо, чтобы стада кормились на этомъ кускѣ, чтобы они дали шерсть; необходимо, чтобы изъ этой шерсти было спрядено, соткано и выдѣлано сукно, чтобы это сукно было выкрашено, а изъ него скроено и сшито платье. Но этотъ длинный рядъ операций предполагаетъ еще массу другихъ: употребленіе земледѣльческихъ орудій, овчаренъ, мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ, каменнаго угля, машинъ, повозокъ и т. д.

Если-бы общество не было вполне реальной ассоціаціей, то желающій имѣть одежду былъ-бы поставленъ въ необходимость работать одинъ самъ на себя, т.-е. самъ исполнять всѣ безчисленныя операции этого рода, начиная съ перваго удара заступомъ и кончая послѣднимъ стежкомъ швейной иглки.

Благодаря общительности, составляющей отличительную особенность людскаго рода, эти операции распредѣлились теперь между множествомъ работниковъ и, ради общаго блага, все болѣе и болѣе подраздѣляются, такъ что по мѣрѣ того, какъ потребленіе становится все сильнѣе и дѣятельнѣе, специальное дѣло можетъ вскормить новую промышленность. За этимъ слѣдуетъ распредѣленіе полученнаго продукта, соотвѣтственно той долѣ участія, какую каждый внесъ въ общее дѣло. Если это не ассоціація, то я желалъ-бы знать, что-же это такое?

Замѣтите, что ни одинъ изъ этихъ работниковъ не получилъ изъ ничего ни малѣйшаго атома не-обходимаго ему матеріала, всѣ они принуждены оказывать другъ другу взаимныя услуги и взаимную помощь ради общей цѣли, и потому всѣ они по отношенію одинъ къ другому могутъ быть разсматриваемы какъ *посредники*. Если, напримѣръ, во время производства какой-нибудь операціи перевозка является настолько важнымъ дѣломъ, что требуетъ особаго лица, пряденіе — другого лица, а тканье — третьяго, то почему-же первое будетъ считаться *паразитомъ* больше, чѣмъ второе и третье? Развѣ перевозка не нужна? А кто занимается ею развѣ не тратитъ на нее свое время и трудъ, и развѣ не берегаетъ онъ ихъ къ выгодѣ своихъ товарищей? А развѣ эти послѣдніе работаютъ болѣе его, или дѣлаютъ что-нибудь другое чѣмъ онъ? Развѣ всѣ они не одинаково подчинены въ отношеніи вознагражденія, т.-е. въ отношеніи раздѣла продукта, закону, устанавливающему цѣны на него? Не вполнѣ-ли свободно совершается и установилось это распредѣленіе труда ради общаго блага? Зачѣмъ-же понадобилось, чтобы пришелъ какой-то социалистъ и, подъ предлогомъ какой-то организаціи, деспотически разрушилъ наше добровольное соглашеніе, остановилъ раздѣленіе труда, поставилъ разрозненныя усилія отдѣльныхъ лицъ на мѣсто совокупныхъ усилій цѣлаго общества и отодвинулъ назадъ цивилизацію?

Развѣ ассоціація, которую я описываю здѣсь, — менѣе ассоціація потому, что каждый свободно вступаетъ въ нее и выходитъ изъ нея, свободно выбираетъ себѣ мѣсто въ ней, обсуждаетъ и раз-

считываетъ самъ за себя, подъ своею личною отвѣтственностью, и вносить въ ассоціацію энергію и гарантію личнаго интереса? Для того, чтобы она была достойна этого имени, развѣ необходимо, чтобы отъявился непрощенный реформаторъ и навязалъ намъ свою формулу и свою волю и, такъ-сказать, олицетворилъ въ себѣ все человѣчество?

Чѣмъ болѣе разсматриваешь эти *передовыя школы*, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что въ основѣ ихъ лежитъ только одно: невѣжество, провозглашающее себя непогрѣшимымъ и во имя этой непогрѣшности вызывающее къ деспотизму.

Да простить мнѣ читатель это отступленіе. Можетъ быть, оно и не бесполезно въ настоящую минуту, когда трескучія обвиненія противъ *посредниковъ*, взятыхъ изъ книги с.-симонистовъ, фаланстерцевъ и икарійцевъ, наводняютъ собой журналистику и трибуну и серьезно угрожаютъ свободѣ труда и взаимнымъ сношеніямъ.

Ограниченіе.

Г. Прогибанъ (не я его такъ называлъ, а г. Шарль Дюпентъ, который съ тѣхъ поръ...) посвящалъ все свое время и капиталы на обработку желѣзной руды, въ своихъ имѣніяхъ. Такъ какъ природа была щедрѣе къ бельгійцамъ, то они и продавали желѣзо французамъ дешевле, чѣмъ г. Прогибанъ, а это значило, что всѣ французы, или вся Франція, могли имѣть данное количество желѣза *съ меньшей затратой труда*, покупая его у честныхъ фламандцевъ. Руководствуясь собственнымъ интересомъ, они не сдѣлали ошибки и каждый день можно было видѣть, какое множество гвоздарей, кузнецовъ, колесниковъ, механиковъ, и земледѣльцевъ, или сами отправлялись, или посылали своихъ довѣренныхъ за желѣзомъ въ Бельгію. Это очень не нравилось г. Прогибану.

И вотъ ему пришло въ голову остановить это *потребленіе* собственными силами. Это было бы еще наименьшимъ изъ золъ, такъ какъ онъ одинъ страдалъ отъ этого. Я возьму ружье, говоритъ онъ, заткну за поясъ 4' пистолета, наполню патронташъ, опояшусь шпагой и въ такомъ вооруженіи пойду на границу. Перваго кузнеца, гвоздаря, механика или слесаря, который появится тамъ—обдѣлывать свои, а не мои дѣла, я тотчасъ же убью—пускай знаетъ, какъ надо жить.

Передъ самымъ отходомъ г. Прогибанъ задумалъ

мался, что нѣсколько охладило его воинственный жаръ. И онъ сказалъ себѣ: прежде всего, еще далеко неизвѣстно, какъ отнесутся къ моему нападению покупщики желѣза, мои соотечественники и враги: какъ-бы они прежде не убили меня самого. Потомъ, если-бы я забралъ съ собою даже всѣхъ своихъ служителей, то и тогда мы не могли-бы выстеречь всѣхъ проходовъ. Наконецъ, вся эта затѣя обойдется мнѣ очень дорого, гораздо дороже того, что она дастъ мнѣ.

Г. Прогибанъ съ грустью рѣшилъ-было покориться своей участи и оставаться, какъ и всѣ, свободнымъ, какъ вдругъ блестящая мысль озарила его.

Онъ вспомнилъ, что въ Парижѣ существуетъ громадная фабрика, выдѣлывающая законы. Что такое законъ, спросилъ онъ себя? Это—такая мѣра, которой, если она разъ принята, будь она хороша или дурна—все равно, каждый обязанъ подчиниться. Для ея исполненія организуютъ общественную силу, а для учрежденія этой общественной силы обращаются къ народу и берутъ у него людей и деньги.

Если-бы мнѣ удалось заполучить на этой великой парижской фабрикѣ совсѣмъ маленькій законъ, который-бы гласилъ, что „бельгійское желѣзо запрещено“, и достигъ-бы слѣдующихъ результатовъ: правительство замѣнило-бы тѣхъ немногихъ служителей, которыхъ я хотѣлъ послать на границу, двадцатью тысячами человѣкъ, все сыновей моихъ упрямыхъ ковачей, слесарей, гвоздарей, кузнецовъ, ремесленниковъ, механиковъ и земледѣльцевъ. Потомъ, чтобы поддерживать здоровье и

доброе настроеніе этихъ 20 тысячъ таможенниковъ, оно роздало-бы имъ 25 милліоновъ франковъ, которыя были-бы взяты у тѣхъ-же ковачей, гвоздарей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Надзоръ былъ-бы устроенъ гораздо лучше и не стоить-бы мнѣ ровно ничего, а я, сверхъ того, былъ-бы огражденъ и отъ грубости перекупщиковъ; я сталъ-бы продавать желѣзо по той цѣнѣ, по какой-бы мнѣ хотѣлось, и, наслаждаясь сладкимъ покоемъ, радовался-бы, что нашъ великій народъ сдѣлался жертвой позорной мистификаціи. Это отучило-бы его лѣзть впередъ и провозглашать себя предвѣстникомъ и двигателемъ прогресса въ Европѣ. Да, это было-бы довольно пикантно; стоило-бы хлопотать объ этомъ.

И вотъ г. Прогибанъ пошелъ на фабрику законовъ. Въ другой разъ я, можетъ быть, расскажу исторію его темныхъ продѣлокъ, а теперь буду говорить только о томъ, что онъ открыто дѣлалъ. Прежде всего онъ подалъ господамъ законодателямъ слѣдующую записку:

„Бельгійское желѣзо продается во Франціи по 10 фр., что заставляетъ и меня продавать мое желѣзо по той-же цѣнѣ. Я желалъ-бы продавать его по 15 фр., но не могу этого сдѣлать по милости проклятаго бельгійскаго желѣза. Сочините законъ, который гласилъ-бы такъ: *отнынѣ воззг бельгійскаго желѣза во Францію запрещенъ*. Тогда я тотчасъ-же подыму цѣну на 5 фр. и вотъ какія будутъ отъ этого послѣдствія:

„За каждый квинталъ желѣза, который я буду отпускать, я буду получать не 10, а 15 фр.; тогда я разбогачѣю наискорѣйшимъ образомъ, рас-

ширю свое производство и доставлю работу большому числу рабочихъ. И я мои рабочіе будемъ больше тратить къ большей выгодѣ нашихъ многочисленныхъ поставщиковъ. А эти послѣдніе, располагая большимъ сбытомъ, усилятъ свои заказы и такимъ образомъ мало по малу усиленная дѣятельность охватитъ всю страну. Эта благотворительная монета въ 100 су, которую вы доставите моему карману, будетъ подобна камню, который, будучи брошенъ въ озеро, оставитъ по себѣ на немъ на далекое пространство безконечное число концентрическихъ круговъ“.

Фабриканты законовъ, восхищенные этою рѣчью, и оставшись въ восторгѣ, что узнали, какъ легко поднять на законномъ основаніи благосостояніе народа, постановили ввести *ограниченіе*. Къ чему эти праздные разговоры о трудѣ и экономіи? говорили они. Къ чему все эти тягостныя средства умножить народное богатство, когда достаточно для этого одного декрета? И дѣйствительно, законъ имѣлъ все тѣ послѣдствія, какія предрекалъ г. Прогибанъ; но сверхъ того онъ имѣлъ еще и другія послѣдствія. Надо отдать полную справедливость г. Прогибану: разсужденіе его не было *ошибочно*, но оно было не полно. Испрашивая себѣ привилегію, онъ указалъ только на то, что *видно*, но оставилъ въ тѣни то, чего *не видать*. Онъ указалъ только на двухъ дѣйствующихъ лицъ, тогда какъ на сценѣ ихъ было трое. Постараемся исправить эту невольную или умышленную забывчивость.

Да, монета, законнымъ порядкомъ водворенная въ карманъ г. Прогибана, составляетъ выгоду для

него самого и для тѣхъ, труду которыхъ онъ долженъ оказать поощреніе. Если-бы эта монета въ силу новаго закона ушла съ луны, то ея добрыя послѣдствія не уравновѣшивались-бы никакими послѣдствіями вредными. Къ несчастію, эта таинственная монета въ 100 су не съ луны падаетъ, а выходитъ изъ кармановъ желѣзника, гвоздаря, колесника, кузнеца, земледѣльца, строителя, словомъ изъ кармана Жака Бонома, который, заплативъ ее сегодня, не получаетъ взамѣнъ ея ни на единый миллиграмъ болѣе желѣза, чѣмъ когда платилъ за него 10 фр. Съ перваго взгляда каждый замѣчаетъ, что это обстоятельство совершенно измѣняетъ вопросъ, ибо очевидно, что барышъ г. Прогибана состоитъ изъ убытка Жака Бонома и все, что г. Прогибанъ можетъ сдѣлать на эту монету въ пользу народнаго труда, могъ-бы сдѣлать и Жакъ Бономъ. Камень былъ брошенъ на одну изъ точекъ поверхности озера только потому, что на законномъ основаніи не было дозволено бросить его на другую точку.

Слѣдовательно, то, *чего не видать*, восполняется темъ, *что видно*, и въ результатъ подобной операціи является несправедливость, и притомъ, что особенно плачевно, несправедливость, установленная закономъ.

Но это не все. Я сказалъ, что въ приведенномъ разсужденіи оставлено въ тѣни третье лицо. Я долженъ разоблачить здѣсь это лицо, и оно раскроетъ намъ вторую потерю въ 5 фр. Только тогда получится полный результатъ этой эволюціи.

Жакъ Бономъ владѣетъ 15 фр., добытыми тяжелымъ трудомъ. Мы беремъ здѣсь еще то вре-

мя, когда онъ былъ свободенъ, т. е. время до изданія новаго закона. Что дѣлалъ онъ тогда съ этими 15 фр.? На 10 фр. онъ покупалъ какой-нибудь новый товаръ и этою новинкой оплачивалъ квинталъ бельгійскаго желѣза, если за него не дѣлалъ этого посредникъ. Но у Жака Бонома оставалось еще 5 фр. Онъ не бросалъ ихъ въ рѣку (это—то, *чего не видать*), но отдавалъ ихъ какому-нибудь промышленнику въ обмѣнъ на доставленное имъ удовольствіе, ну, хоть напимѣръ, на покупку въ книжной лавкѣ „Рѣчи Боссюета о всеобщей исторіи“.

Такимъ образомъ въ пользу народнаго труда поступало 15 франковъ, а именно:

- 10 фр. за новинку парижской промышленности;
- 5 фр. торговцу книгами.

Что же касается до Жака Бонома, то онъ за свои 15 фр. получаетъ 2 предмета:

- Одинъ квинталъ желѣза;
- Одну книгу.

Но является новый законъ.

Въ какомъ положеніи оказывается Жакъ Бономъ? Въ какомъ положеніи оказывается народный трудъ?

Жакъ Бономъ, уплачивая до послѣдняго сантима свои 15 ф. г. Прогибану за квинталъ желѣза, долженъ довольствоваться только однимъ этимъ квинталомъ желѣза и теряетъ удовольствіе имѣть еще книгу, или какой-нибудь другой предметъ. Значитъ—онъ теряетъ 5 фр. Въдъ съ этимъ нельзя не согласиться, точно такъ-же, какъ нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что если запрещеніе подымаетъ цѣну на товары, то потребитель теряетъ разницу.

Но, возразятъ мнѣ, ее выигрываетъ *національный трудъ*.

Нѣтъ, онъ ея не выигрываетъ, потому что съ изданіемъ новаго закона онъ, какъ и прежде, получаетъ тѣ-же 15 фр. Разница здѣсь только въ томъ, что послѣ изданія закона эти 15 фр., принадлежавшіе Жаку Боному, идутъ теперь на металлургію, а прежде, до изданія закона, они дѣлились между галантерейнымъ и книжнымъ магазинами.

Насиліе, совершаемое на границѣ непосредственно самимъ г. Прогибаношъ, или при посредствѣ закона, можетъ быть разсматриваемо различно съ нравственной точки зрѣнія. Есть люди, которые думаютъ, что всякое хищеніе перестаетъ быть безнравственнымъ, если только оно не противорѣчитъ закону. И-же не могу придумать другого болѣе увеличивающаго вину обстоятельства. Какъ-бы тамъ ни было, но несомнѣнно только одно,— что экономическіе результаты совершенно одинаковы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ.

Поверните дѣло какъ хотите, но сохраните только пронизательность взора и вы увидите, что ничего хорошаго не выходитъ ни изъ законнаго, ни изъ незаконнаго хищенія. Мы не отрицаемъ, что для г. Прогибана, или его производства, пожалуй, даже для народнаго труда получается выгода въ 5 фр. Но мы утверждаемъ, что получаютъ также и два убытка: одинъ для Жака Бонома, который принужденъ платить 15 фр. за то, что стоило ему прежде 10 фр., а другой для народнаго труда, теряющаго разницу между двухъ цѣнъ. Выбирайте какую хотите изъ этихъ двухъ потерь для

восполненія признанной нами выгоды, но одна изъ нихъ всегда составитъ чистый убытокъ.

А вотъ мораль этого дѣла: насиловать не значитъ производить, а значитъ разрушать. О, если-бы насиловать значило производить, то во сколько разъ наша Франція была-бы богаче того, что она есть!

Машины.

„Проклятiе машинамъ! Съ каждымъ годомъ ихъ усиливающееся могущество повергаетъ въ жертву пауперизма миллионы рабочихъ, лишая ихъ труда, съ трудомъ заработной платы, а съ заработной платой и хлѣба! Проклятiе машинамъ!“

Вотъ какой крикъ несется отъ общаго предразсудка и эхо его раздается въ журналахъ.

Но проклинать машины, значитъ проклинать умъ человѣческiй!

Смущаетъ-же меня больше всего то—какъ можетъ найтись хоть одинъ человѣкъ, который мирился-бы съ такимъ ученiемъ!

Если оно справедливо, то къ какому ведетъ оно непреложному послѣдствию? Къ тому, что дѣятельность, довольство, богатство, всевозможное счастье составляютъ удѣлъ только тупыхъ народовъ, умственно порженныхъ народовъ, которымъ Богъ не даровалъ пагубной способности думать, наблюдать, разсуждать, изобрѣтать, достигать съ наименьшими средствами наибольшихъ результатовъ. Наоборотъ, лохмотья, жалкiя лачужки, нищета, истощенiе—неизбѣжный удѣлъ каждой нации, которая ищетъ и находитъ въ желѣзѣ, огнѣ, вѣтрѣ, электричествѣ, магнетизмѣ, въ законахъ химiи и механики, однимъ словомъ—въ силахъ природы дополненiе къ своимъ собственнымъ си-

ламъ. Здѣсь какъ разъ у мѣста вспомнить слова Руссо: „Всякій человѣкъ, который мыслить, есть развращенное животное“.

Но это не все. Если это ученіе справедливо, то такъ какъ всѣ люди думаютъ и изобрѣтаютъ, такъ какъ дѣйствительно всѣ, отъ перваго до послѣдняго, въ каждую минуту своего существованія стараются призвать къ содѣйствію естественныя силы природы, сдѣлать больше съ меньшими усилиями, достигнуть наибольшаго удовлетворенія съ наименьшимъ трудомъ,—то приходится заключить, что все человѣчество какъ-бы охвачено общимъ стремленіемъ къ своему разрушенію, благодаря именно этому умственному тяготѣнію къ прогрессу, волнующему cadaго изъ его членовъ.

Если это такъ, то статистика должна-бы доказать, что жители Ланкастера, покидая изъ-за машинъ свою родину, идутъ искать работы въ Ирландію, гдѣ эти машины неизвѣстны, а исторія должна-бы засвидѣтельствовать, что варварство омрачаетъ эпоху цивилизаціи, а цивилизація царить во времена невѣжества и варварства.

Очевидно, что въ этой грудѣ противорѣчій есть что-то такое, что отталкиваетъ насъ и даетъ знать, что въ поставленной задачѣ скрывается что-то недостаточно выясненное.

Вся тайна заключается въ слѣдующемъ: за тѣмъ, что видно, скрывается то, что не видно. Постараюсь выяснить эту тайну. Доказательства мои будутъ повтореніемъ предыдущихъ, потому что дѣло идетъ объ одной и той-же задачѣ.

Всѣмъ людямъ свойственна естественная склонность всегда стремиться къ тому, что дешево,

если только не мѣшаетъ ему никакое насиліе, т. е. стремиться къ тому, что при одинаковомъ удовольствіи потребностей, требуетъ отъ нихъ меньшаго труда, все равно, откуда-бы ни происходила эта дешевизна: отъ искуснаго *иностраннаго производителя*, или отъ искуснаго *производителя механическаго*.

Теоретическое возраженіе, выставленное противъ этой естественной склонности одинаково въ обоихъ случаяхъ. И въ томъ и другомъ случаѣ ее упрекаютъ въ томъ, что будто-бы трудъ обрекается ею на бездѣтельность. Не бездѣйствующій, а свободный трудъ, — вотъ что собственно опредѣляетъ ее.

И вотъ почему въ обоихъ случаяхъ этому стремленію противопоставляютъ на практикѣ одно и то же препятствіе — насиліе. Законодатель ставитъ преграды иностранной конкуренціи и воспрещаетъ конкуренцію машинную. Какимъ-же другимъ способомъ можно остановить естественную склонность всѣхъ людей, кромѣ лишенія ихъ свободы?

Правда, во многихъ странахъ законодатель поражаетъ одну изъ этихъ двухъ конкуренцій, не рѣшаясь коснуться другой. Это доказываетъ только одно — что законодатель этой страны непоследователенъ.

Тутъ особенно нечему удивляться. Стоя на ложномъ пути, всегда бываешь непоследователенъ, иначе все человѣчество было-бы побито. Никто никогда еще не видалъ, да и не увидитъ, чтобы какой-бы то ни было ложный принципъ былъ доведенъ до конца. Мнѣ приходилось уже говорить, что непоследовательность есть предѣлъ негнѣности.

Къ этому я могъ-бы прибавить, что она въ то-же время служить и ея доказательствомъ.

Но вернемся къ нашему объясненію, оно не будетъ продолжительно.

Жакъ Бономъ имѣлъ 2 фр., которые платилъ прежде за работу двумъ рабочимъ.

Но вотъ онъ съ помощью веревокъ и гирь выдумываетъ такое приспособленіе, которое сокращаетъ его трудъ на половину.

Благодаря этому изобрѣтенію, онъ достигаетъ той-же цѣли—сберегаетъ 1 фр. и отпускаетъ одного рабочаго.

Онъ разсчитываетъ одного рабочаго, это—то, что видно.

Обыкновенно, ничего не види кромѣ этого, говорятъ: „Вотъ какъ бѣдность слѣдуетъ за цивилизаціей, вотъ какъ свобода пагубна для равенства. Умъ человѣческой сдѣлалъ завоеваніе и тотчасъ же рабочій навсегда упалъ въ бездну пауперизма. Можетъ случиться, что Жакъ Бономъ оставитъ у себя работать обоихъ рабочихъ, но тогда онъ не дастъ каждому изъ нихъ больше какъ по 10 су, потому что они будутъ конкурировать другъ съ другомъ и согласятся на сбавку. Вотъ какимъ образомъ богатые становятся все богаче, а бѣдные все бѣднѣе. Надо передѣлать общество“.

Прекрасное заключеніе, достойное своего начала!

Къ счастью, и заключеніе, и начало одинаково ложны, потому что за первую половиною явленія, за тѣмъ, что видно, скрывается другая половина—то, чего не видать.

Не видать-же того франка, который сберегъ

Жакъ Бономъ, не видать необходимыхъ послѣдствій этого сбереженія.

Такъ какъ Жакъ Бономъ, вслѣдствіе своего изобрѣтенія, не тратитъ теперь на заработную плату болѣе одного франка, то у него остается другой франкъ въ запасъ.

Слѣдовательно, если оказывается въ мірѣ рабочій, предлагающій свои свободныя руки, то оказывается въ мірѣ и капиталистъ, предлагающій свой свободный франкъ. Эти два элемента встрѣчаются и взаимно дополняютъ другъ друга.

Ясно какъ день, что отношеніе между спросомъ и предложеніемъ труда, между спросомъ и предложеніемъ заработной платы, ни въ чемъ не измѣнилось.

Благодаря изобрѣтенію, одинъ рабочій, за плату въ одинъ франкъ исполняетъ теперь тоже самое дѣло, какое прежде исполняли двое рабочихъ.

Второй-же рабочій, за плату второго франка, исполняетъ уже какое-нибудь новое дѣло.

Что-же тутъ измѣнилось въ мірѣ? Для народа получилось однимъ новымъ удовлетвореніемъ больше, или другими словами—изобрѣтеніе составляетъ, такъ-сказать, даровое завоеваніе, даровую прибыль для человѣчества.

Изъ той формы доказательства, которую я привелъ, пожалуй, выведутъ такое заключеніе:

Если кто извлекаетъ выгоды изъ изобрѣтенія машинъ, то одинъ только капиталистъ. А рабочій классъ не только временно страдаетъ, но и никогда не воспользуется выгодами этого изобрѣтенія, потому что по вашему-же объясненію, машины только *перемѣщаютъ* часть народнаго тру-

да, правда, не уменьшая его, но за-то нисколько и не увеличивая его².

Составляя этот очеркъ, я не задавался мыслію разрѣшить всѣ возраженія. Единственная цѣль моя состояла въ томъ, чтобы разбить общій предразсудокъ, весьма опасный и притомъ весьма распространенный. Я хотѣлъ доказать, что если новая машина и лишаетъ временно извѣстное количество рукъ работы, то въ то-же время непременно создаетъ свободный фондъ вознагражденія. Эти руки и этотъ фондъ комбинируются, чтобы произвести то, что невозможно было произвести до изобрѣтенія, а изъ этого слѣдуетъ, что въ окончательномъ результатѣ, благодаря этому изобрѣтенію, при одинаковомъ трудѣ, увеличивается сумма получаемыхъ удовольствованій?

Кто пользуется этимъ излишкомъ удовольствованія?

Кто? Во-первыхъ, капиталистъ, изобрѣтатель; онъ первый извлекаетъ пользу изъ машины, и въ этомъ состоитъ его вознагражденіе за его изобрѣтательность и рѣшимость. Въ этомъ случаѣ, какъ мы видимъ, онъ дѣлаетъ на издержкахъ производства сбереженіе, которое, на что-бы оно ни было употреблено (а на что-нибудь оно будетъ употреблено непременно), дастъ работу какъ разъ тому количеству рукъ, какое машина оставила безъ работы.

Но скоро наступаетъ конкуренція, которая заставляетъ его понизить продажную цѣну своего продукта соразмѣрно этому самому сбереженію.

Тогда уже не изобрѣтатель пользуется выгодой отъ своего изобрѣтенія, а покупатель его продук-

товъ, потребитель, общество, а въ томъ числѣ и рабочіе, однимъ словомъ—человѣчество.

Здѣсь не видать того, что сбереженіе, оказавшееся въ распоряженіи всѣхъ потребителей, составляетъ фондъ, изъ котораго почерпается заработная плата для вознагражденія рабочихъ, оставшихся вслѣдствіе введенія машинъ безъ работы.

Возвращаясь къ нашему примѣру, мы видимъ, что Жакъ Бономъ производитъ свой продуктъ, расходуя 2 франка на заработную плату.

Теперь, благодаря его изобрѣтенію, заработная плата обходится ему только въ 1 франкъ.

Пока онъ продаетъ свой продуктъ по прежней цѣнѣ, одинъ рабочий оказывается лишнимъ для приготовления этого спеціальнаго продукта, *это — то, что видно*; но тутъ является другой рабочий, который получаетъ работу, на одинъ франкъ, сбереженный Жакомъ Бономомъ, *это — то, чего не видать*.

Когда, въ силу естественнаго хода вещей, Жакъ Бономъ принужденъ будетъ понизить на 1 франкъ цѣну своего продукта, онъ не сдѣлаетъ никакого сбереженія; тогда онъ не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи одного франка, на который онъ могъ бы сдѣлать новый заказъ національному труду. Но въ этомъ случаѣ мѣсто его займетъ потребитель его продукта, а этотъ потребитель есть все челоѣчество. Кто купитъ этотъ продуктъ, заплатитъ за него однимъ франкомъ дешевле, т. е. сбережетъ одинъ франкъ, который непремѣнно поступитъ въ фондъ для выдачи заработной платы; *это опять — то, чего не видать*.

Этой задачѣ о машинахъ давали еще и другое рѣшеніе, основанное на фактахъ.

Говорили такъ: машина уменьшаетъ издержки производства и понижаетъ цѣну продукта. Вслѣдствіе пониженія цѣны продукта, усиливается потребление, которое, въ свою очередь, вызываетъ расширение производства, и въ концѣ-концовъ даетъ послѣ изобрѣтенія работу тому-же, если не большому числу рабочихъ, чѣмъ сколько требовалось ихъ до этого изобрѣтенія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія ссылаются на типографское дѣло, прядильни, печать и т. д.

Это доказательство не имѣетъ научнаго значенія.

Изъ приведеннаго положенія слѣдовало-бы заключить, что, если-бы потребление спеціальнаго продукта, о которомъ идетъ рѣчь, осталось безъ измѣненія, или почти безъ измѣненія, то машина нанесла-бы вредъ труду. Но это не такъ.

Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ всѣ мужчины носятъ шляпы. Если-бы благодаря машинѣ цѣна на нихъ понизилась на половину, то отсюда еще не слѣдуетъ непременно, что стали-бы носить вдвое больше шляпъ.

Скажутъ-ли, что въ данномъ случаѣ часть народнаго труда осталась безъ дѣла? Да, это такъ по обыкновенному пониманію; но это не такъ по моему пониманію. Хотя въ такой странѣ и не было-бы куплено ни одной шляпой больше, однако, весь фондъ, сбереженный на заработную плату, остался-бы неприкосновеннымъ. То, чего пошло-бы менѣе на приготовленіе шляпъ, осталось-бы въ экономіи у всѣхъ потребителей, и было-бы употреблено на вознагражденіе рабочихъ, оставшихся, вслѣдствіе введенія машинъ, безъ работы,

и такимъ образомъ вызвало-бы усиленное разви-
тiе другихъ отраслей промышленности.

Таковъ общiй порядокъ вещей. Я видѣлъ жур-
налы, стоявшiе 80 фр.; теперь-же они стоятъ
48, а это составляетъ для подписчиковъ экономiю
въ 32 фр. Неизвѣстно, пойдутъ-ли эти 32 фр.
на журнальное дѣло, да въ этомъ и нѣтъ ника-
кой надобности, но вотъ что достоверно извѣстно
и что дѣйствительно необходимо — если они не
примутъ именно этого направленiя, то непремѣн-
но примутъ какое-нибудь другое. Одинъ восполь-
зуется ими, чтобы выписывать больше журналовъ,
другой — чтобы лучше ѣсть и пить, третiй — чтобы
лучше одѣваться, четвертый — чтобы имѣть лучшую
обстановку.

Итакъ, всѣ производства солидарны между со-
бою. Онѣ образуютъ одно обширное цѣлое, всѣ
части котораго соединяются между собою невиди-
мыми каналами. Чтѣ сбережено въ одномъ про-
изводствѣ, идетъ на пользу всѣхъ остальныхъ.
Тутъ особенно важно — понять, что никогда, безу-
словно никогда, сбереженiя не дѣйствуютъ во вредъ
труду и заработной платѣ.

Кредитъ.

Во всё времена и особенно въ послѣдніе годы мечтали о томъ, чтобы сдѣлать богатство всеобщимъ посредствомъ всеобщаго кредита.

Я думаю, что безъ преувеличенія можно сказать, что съ февральской революціи парижская печать выбросила въ общество болѣе 10 тысячъ брошюръ, предлагавшихъ такое рѣшеніе *соціальной задачи*.

Но это рѣшеніе, увы, основывается на чистѣйшемъ оптическомъ обманѣ, если только оптический обманъ можетъ служить основаніемъ.

Обыкновенно начинаютъ съ того, что смѣшиваютъ деньги съ продуктами, потомъ смѣшиваютъ бумажныя деньги со звонкою монетою, и изъ этихъ-то двухъ смѣшеній стараются вывести дѣйствительный фактъ.

При рѣшеніи этого вопроса надо безусловно забыть о деньгахъ, о монетахъ, о процентныхъ бумагахъ и о другихъ орудіяхъ, при помощи которыхъ продукты переходятъ изъ рукъ въ руки, а надо имѣть передъ глазами только самые продукты, составляющіе дѣйствительный предметъ займа.

Когда земледѣлецъ занимаетъ 50 фр., чтобы купить себѣ плугъ, то на самоѣ дѣлѣ ему даютъ займы не эти 50 фр., а плугъ.

Когда торговецъ занимаетъ 20.000 фр. для

покупки дома, то долгъ его составляютъ не 20,000 фр., а домъ.

Деньги являются здѣсь только для того, чтобы облегчить сдѣлку между нѣсколькими сторонами.

Пьеръ, можетъ быть, не хочетъ давать займы своего плуга, а Жакъ готовъ, можетъ быть, дать займы свои деньги. Что дѣлаетъ тогда Гильомъ? Онъ занимаетъ деньги у Жака и на нихъ покупаетъ плугъ у Пьера.

На самомъ-же дѣлѣ никто ни у кого не занимаетъ денегъ ради денегъ. Деньги занимаютъ для того, чтобы съ помощью ихъ приобрести извѣстные продукты.

Слѣдовательно, ни въ одной странѣ не можетъ быть передано изъ рукъ въ руки больше продуктовъ, чѣмъ сколько ихъ есть на самомъ дѣлѣ.

Сколько-бы ни было въ обращеніи наличной монеты и бумажныхъ денегъ, всѣ кредитующіеся взятые вмѣстѣ не могутъ получить больше плуговъ, домовъ, инструментовъ, съѣстныхъ припасовъ, матеріаловъ, чѣмъ сколько кредиторы могутъ снабдить ими.

Тутъ надо твердо помнить, что каждый заемщикъ имѣетъ своего займодавца, что каждый заемъ предполагаетъ ссуду. А если это такъ, то какую пользу могутъ принести кредитныя учрежденія? А ту пользу, что они облегчаютъ сношенія между должниками и кредиторами, даютъ имъ возможность сойтись между собою, столковаться. Но все-таки они никакъ не могутъ вдругъ увеличить количество предметовъ, занятыхъ и розданныхъ займы.

А между тѣмъ для достиженія цѣли нашихъ реформаторовъ требуется именно такое значеніе, по-

тому что они помышляютъ ни болѣе, ни менѣе какъ о томъ, чтобы доставить плуги, дома, орудія, съѣстные припасы, сырые матеріалы всѣмъ, кто ихъ желаетъ имѣть.

Что-же придумали они для этого? Чтобы займы были обезпечены государствомъ.

Вникнемъ глубже въ этотъ вопросъ, потому что здѣсь есть что-то такое, *что видно*, и что-то такое, *чего не видать*. Постараемся разглядѣть и то и другое.

Предположите прежде всего, что во всемъ мірѣ существуетъ только одинъ плугъ, а желаютъ имѣть его два земледѣльца.

Пьеръ единственный владѣлецъ плуга во всей Франціи. Жанъ и Жакъ оба хотятъ занять его. Жанъ своею честностью, состоятельностью, хорошою репутаціей вполне обезпечиваетъ этотъ заемъ. Ему *вѣрятъ*, у него есть *кредитъ*. Жакъ не внушаетъ довѣрія къ себѣ, или внушаетъ его менѣе Жана. Понятно, что Пьеръ отдастъ свой плугъ займы Жану.

Но вотъ, подъ внушеніями социалистовъ, въ это дѣло вмѣшивается государство и говоритъ Пьеру: „Отдайте свой плугъ Жаку, я ручаюсь за уплату, а моя гарантія вѣрнѣе, чѣмъ гарантія Жана, потому что онъ одинъ отвѣчаетъ за свой долгъ, тогда какъ я, государство, хотя, правда, и не имѣю ничего, но за-то располагаю достояніемъ всѣхъ плательщиковъ; въ случаѣ надобности, я заплачу тебѣ ихъ-же деньгами и капиталъ, и проценты“.

Вслѣдствіе этого, Пьеръ отдастъ свой плугъ Жаку; *это — то, что видно*.

А социалисты, потирая руки, говорятъ: „Посмот-

рите какъ удался нашъ планъ! Благодаря вмѣшательству государства, бѣдный Жакъ избѣтъ плугъ; ему не зачѣмъ теперь руками копать землю, и вотъ онъ на пути къ благосостоянію. Это—благо для него и выгода для всей націи вообще“.

— Но нѣтъ! господа, тутъ нѣтъ никакой выгоды для всей націи, потому что вотъ *чего не видать*.

Не видать того, что плугъ достался Жаку только потому, что онъ не достался Жану.

Не видать того, что если теперь Жакъ пойдетъ вмѣсто того, чтобы копать землю заступомъ, то Жанъ принужденъ будетъ копать ее вмѣсто того, чтобы пахать.

А слѣдовательно; *увеличеніе* займа, котораго хотѣли социалисты, оказывается простымъ *перемѣщеніемъ* его.

Кромѣ того, *не видать того*, что это перемѣщеніе заключаетъ въ себѣ двѣ глубокія несправедливости.

Несправедливость по отношенію къ Жану, который заслужилъ *кредитъ* своей честностью и трудолюбіемъ, но оказывается лишеннымъ его.

Несправедливость по отношенію къ плательщикамъ, принужденнымъ платить долгъ, который ихъ вовсе не касается.

Но, можетъ статья, скажутъ, что государство доставляетъ Жану ту-же легкость пользованія кредитомъ, какъ и Жаку? Но, вѣдь, на свѣтѣ только одинъ свободный плугъ, и никакъ нельзя дать взаймы двухъ плуговъ. И вотъ остается здѣсь все тотъ-же аргументъ, а именно—что, благодаря вмѣшательству государства, будетъ заключено займовъ больше

тъмъ выдано ссудъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ плугъ представляетъ собою совокупность всѣхъ свободныхъ капиталовъ въ странѣ.

Правда, я свелъ всю эту операцію къ ея простѣйшей формѣ. Но приложите тотъ-же аргументъ ко всѣмъ правительственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, какъ-бы они ни были сложны, и вы убѣдитесь, что всѣ они приводятъ только къ одному результату: къ *перемещенію* кредита, но не *увеличенію* его. Въ данной странѣ и въ данное время существуетъ всегда только извѣстное количество свободныхъ капиталовъ, и всѣ онѣ находятъ себѣ помѣщеніе. Принимая на себя гарантію за несостоятельныхъ должниковъ, государство можетъ сильно увеличить число заемщиковъ и поднять этимъ размѣръ процентовъ (всегда въ ущербъ плательщикамъ); но чего оно не можетъ сдѣлать, это — увеличить число заимодавцевъ и общую сумму ссудъ. Но я не желалъ-бы, чтобы навязали мнѣ заключенія, отъ котораго Богъ да сохранить меня. Я говорю, что законъ не долженъ искусственно благопріятствовать займамъ; но я не говорю, что законъ долженъ искусственно препятствовать имъ. Если въ нашей ипотечной, или какой-нибудь другой системѣ замѣчаются препятствія къ расширенію или правильному примѣненію кредита, то пускай устранять ихъ, — ничего не можетъ быть лучше и справедливѣе этого. Но въ этомъ — все, чего, во имя свободы, могутъ требовать у закона реформаторы, достойные этого имени.

Экономическія гармоніи.

Обращеніе къ французскому юношеству.

Любовь къ наукѣ, потребность вѣровать, умъ, свободный отъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, сердце, не вѣдающее ненависти, стремленіе къ пропагандѣ, горячность чувствъ и симпатій, безкорыстіе, преданность, добросовѣстность, энтузіазмъ ко всему доброму, прекрасному, простому, великому, честному, религіозному—таковы драгоценныя свойства юношества. Вотъ почему я и посвящаю ему эту книгу. Это—сѣмя, не имѣющее въ себѣ залога жизни, если оно не проростетъ на благодарной почвѣ, которой я его ввѣряю.

Я хотѣлъ дать вамъ цѣлую картину, а даю только краткій очеркъ; въ этомъ прошу простить меня. Впрочемъ, кто-же въ наше время можетъ закончить сочиненіе, имѣющее какую-нибудь важность? Вотъ мой эскизъ. Если-бы, при видѣ его кто-нибудь изъ васъ могъ воскликнуть, подобно великому художнику: *Anch'io son pittore!* и, схвативъ кисть, могъ сообщить этому безформенному полотну цвѣтъ и тѣло, тѣнь и свѣтъ, чувство и жизнь!

Молодые люди, вы найдете заглавіе этой книги очень высокопарнымъ: „Экономическія гармоніи“! Уже не думаю-ли я раскрыть божественныя за-

мысли Провидѣнія въ устройствѣ соціальнаго порядка и внутренней механизмъ всѣхъ силъ, которыми оно надѣлило человечество для осуществленія прогресса.

Конечно нѣтъ; но я хотѣлъ-бы навести васъ на путь такой истины: *все законные интересы гармоничны*. Въ этомъ—главная мысль моего сочиненія, и нельзя не признать ея важности.

Было когда-то въ модѣ смѣяться надъ тѣмъ, что называется *соціальной задачей* и, надо признаться, что нѣкоторые изъ предлагавшихся рѣшеній ея вполне заслуживали насмѣшки. Что-же касается до сущности этой задачи, то она не представляеть въ себѣ ничего смѣшнаго; это—тѣнь Банко на пиру Макбета, но тѣнь не безгласная, а грознымъ голосомъ взывающая къ испуганному обществу: рѣшеніе или смерть!

Слѣдовательно, вы легко поймете, что рѣшеніе этой задачи должно быть различно, смотря потому, гармоничны-ли между собою, или враждебны другъ другу самые интересы.

Въ первомъ случаѣ, рѣшенія надо искать въ свободѣ; во второмъ—въ принужденіи. Въ первомъ не надо только мѣшать, во второмъ надо мѣшать непремѣнно.

Но свобода имѣетъ только одну форму. Всякій, кто убѣжденъ, что каждая частица, входящая въ составъ жидкости, содержитъ въ себѣ самой силу, устанавливающую общій уровень, придетъ къ заключенію, что самое простое и самое вѣрное средство достигнуть такого уровня—не мѣшать. Слѣдовательно, всякій, кто признаетъ, что эта точка отправления, т.-е. что *интересы гармоничны*, вѣр-

на, согласится и съ практическимъ рѣшеніемъ соціальной задачи: воздерживаться отъ вмѣшательства и не перемѣщать интересовъ.

Принужденіе, наоборотъ, можетъ обнаруживаться, смотря по различнымъ точкамъ зрѣнія, въ безчисленныхъ формахъ. Школы, исходной точкой которыхъ служить то положеніе, что *интересы враждебны другъ другу*, еще ничто не сдѣлали для рѣшенія задачи—они только исключили изъ нея свободу. Имъ еще приходится отыскать среди безконечныхъ формъ принужденія, наиболѣе подходящую форму, если только она можетъ быть найдена. А потомъ имъ придется преодолѣть послѣднее затрудненіе—заставить всѣхъ, т.-е. людей свободныхъ, признать эту предпочтительную форму принужденія.

Но если при этой гипотезѣ человѣческіе интересы по самой природѣ своей стремятся къ нагубному столкновенію, которое можетъ быть устранено только случайнымъ вмѣшательствомъ искусственнаго соціального порядка, то судьба человечества была-бы очень сомнительна, и тогда съ ужасомъ спросишь себя:

1. Найдется-ли человѣкъ, который изобрѣлъ-бы удовлетворительную форму принужденія?

2. Убѣдитъ-ли этотъ человѣкъ въ вѣрности своей идеи безчисленные школы, которыя изобрѣли-бы свои различныя формы?

3. Согласится-ли человечество подчиниться этой формѣ, которая, согласно гипотезѣ, противорѣчила-бы всѣмъ частнымъ интересамъ?

4. Предположимъ даже, что человечество дало-бы заковать себя въ такое одѣяніе, но что произошло-бы, если-бы явился новый изобрѣтатель

съ болѣе совершенной одеждой? Должно-ли оно настаивать на сохраненіи дурной организаціи, зная, что она дѣйствительно дурна, или оно рѣшится ежедневно пережѣвывать организацію, смотря по прихотямъ моды и изобрѣтательности организаторовъ?

5. Всѣ изобрѣтатели, проекты которыхъ были-бы отвергнуты, не соединятся-ли они, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ противъ принятой системы, и притомъ тѣмъ съ большимъ вѣроятіемъ взбаламутить общество, чѣмъ болѣе эта система по своему характеру и цѣли нарушаетъ общіе интересы?

6. И, наконецъ, есть-ли такая человѣческая сила, которая была-бы способна преодолѣть антагонизмъ, составляющій будто-бы самое существо человѣческихъ силъ вообще?

Я могъ-бы безъ конца увеличить число этихъ вопросовъ, но обращаю вниманіе хоть на слѣдующее затрудненіе:

Если частный интересъ противоположенъ интересу общему, то гдѣ найдетъ себѣ мѣсто принципъ принужденія? Гдѣ будетъ находиться его точка опоры? Не внѣ-ли человѣчества? Если вы ввѣряете людямъ произволъ, то докажите, что эти люди сдѣланы изъ другого тѣста, чѣмъ мы, что они не будутъ руководствоваться пагубнымъ принципомъ личнаго интереса и что умъ ихъ, поставленный въ положеніе исключашее всякую мысль о какой-нибудь сдержкѣ, о какомъ-нибудь дѣйствительномъ сопротивленіи, былъ-бы свободенъ отъ ошибокъ, руки—отъ хищенія, а сердце—отъ алчности.

Что кореннымъ образомъ раздѣляетъ различныя соціалистическія школы (я разумѣю здѣсь вообще тѣ школы, которыя полагаютъ въ искусственной

организации рѣшеніе соціальной задачи) отъ экономической школы, это—не тотъ или другой взглядъ ихъ на какую-нибудь подробность, не та или другая правительственная комбинація, а самая точка ихъ отиравленія, слѣдующій коренной и главный вопросъ: находятся-ли человѣческіе интересы, предоставленныя самимъ себѣ въ гармоніи между собою, или они прямо противоположны другъ другу?

Ясно, что если социалисты искали какой-нибудь искусственной организации, то потому только, что признавали, что естественная организация дурна и неудовлетворительна; а считали они ее дурною и неудовлетворительною только потому, что признавали интересы человѣческіе въ корнѣ враждебными другъ другу, иначе они не обратились-бы къ принужденію. Какая-же была-бы надобность насильственно устанавливать гармонію тамъ, гдѣ все гармонично само по себѣ.

И вотъ они видѣли антагонизмъ повсюду:

Между собственникомъ и пролетаріемъ.

Между капиталомъ и трудомъ.

Между народомъ и буржуазіей.

Между зсмледѣліемъ и фабрикой.

Между поселяниномъ и горожаниномъ.

Между уроженцемъ и иностранцемъ.

Между производителемъ и потребителемъ.

Между цивилизаціей и организацией.

Чтобы сказать короче—между свободой и гармоніей.

И этимъ объясняется, какимъ образомъ въ ихъ сердцахъ живетъ еще какая-то сентиментальная филантропія, тогда какъ изъ устъ истекаетъ ненависть. Каждый изъ нихъ бережетъ всю свою

любовь для общества, но такого общества, которое создаетъ въ своемъ воображеніи, а что касается до общества, дѣйствительно существующаго, въ которомъ намъ приходится жить, то чѣмъ скорѣе рухнетъ оно къ нѣхъ удовольствію, тѣмъ лучше, потому что на развалинахъ его создастся новый Іерусалимъ.

Я сказалъ, что экономическая школа, отправляясь отъ естественной гармоніи интересовъ, пришла къ свободѣ.

Впрочемъ, должно признаться, что хотя экономисты вообще и пришли къ свободѣ, однако, къ несчастью, нельзя утверждать, чтобы они прочно установили свою точку отправленія — гармонію интересовъ.

Прежде чѣмъ идти дальше, я долженъ предостеречь васъ противъ заключеній, которыя непременно сдѣлаютъ изъ этого признанія, и сказать нѣсколько словъ о взаимномъ положеніи социализма и политической экономіи.

Безразсудно было-бы съ моей стороны утверждать, что социализмъ никогда не встрѣчался съ истиной, а политическая экономія никогда не впадала въ ошибку.

Что глубоко разъединяетъ обѣ школы, это — разница въ приѣмахъ. Одна, подобно астрологіи и алхиміи, дѣйствуетъ по воображенію; другая, подобно астрономіи и химіи, дѣйствуетъ на основаніи наблюденія.

Два астронома, наблюдающіе одно и тоже явленіе, могутъ и не прийти къ одному результату.

Но не смотря на это временное разногласіе, они чувствуютъ все-таки, что связаны общимъ

приемомъ, который рано или поздно прекратить это разногласіе. Они признаютъ себя людьми одинаковаго исповѣданія. Но между астрономомъ, который наблюдаетъ, и астрологомъ, который воображаетъ,—непроходимая пропасть, хотя случайно они и могутъ иногда встрѣтиться. Тоже самое политическая экономія и социализмъ.

Экономисты наблюдаютъ человѣка, законы его организаци и социальныя отношенія, вытекающія изъ этихъ законовъ. Соціалисты строятъ въ своемъ воображеніи фантастическое общество и потому подбираютъ подходящее къ этому обществу человѣческое сердце.

Но если наука не ошибается, то ученые ошибаются. Я не отрицаю того, чтобы экономисты не могли дѣлать неправильныхъ наблюдений, но даже утверждаю, что они непремѣнно должны были начать съ нихъ.

Но вотъ что происходитъ. Если интересы находятся въ гармоніи между собою, то всякое неправильно сдѣланное наблюденіе логически приводитъ къ антагонизму. Въ чемъ-же состоитъ тактика социалистовъ? Въ томъ, чтобы подобрать въ сочиненіяхъ экономистовъ нѣкоторыя невѣрно сдѣланныя наблюденія, выяснитъ всѣ послѣдствія изъ нихъ вытекающія и доказать, какъ они пагубны. Здѣсь они въ своемъ правѣ. Потому они возстаютъ противъ наблюдателя, котораго, зовутъ, положимъ, Мальтусомъ и Рикардо; тутъ они опять правы. Но на этомъ они не останавливаются: они набрасываются на науку, обвиняютъ ее въ жестокости и въ желаніи дѣлать зло. Здѣсь они уже попираютъ разумъ и справедливость, такъ

какъ наука не можетъ отвѣчать за неправильно сдѣланное наблюденіе. Наконецъ, они идутъ еще дальше. Они направляютъ свои удары на самое общество, грозятъ ему тѣмъ, что разрушать его, чтобы потомъ заново перестроить. А почему? Потому, говорятъ они, что наукой доказано, что современное общество стоитъ на краю пропасти. Тутъ они оскорбляютъ уже здравый смыслъ, потому что или наука не ошибается, и тогда за что нападать на нее? Или она ошибается, и въ такомъ случаѣ, они должны оставить въ покоѣ общество, потому что она ничѣмъ не угрожаетъ ему.

Эта тактика при всей своей нелогичности еще и очень вредна для экономической науки, въ особенности если тѣ, которые занимаются ею, къ несчастью, вслѣдствіе весьма понятнаго благорасположенія, руководствовались мыслію быть солидарными между собой и съ своими предшественниками. Наука — царица; приемы ея должны быть свободны и откровенны. Атмосфера партійности убиваетъ ее.

Невозможно, какъ я уже говорилъ, чтобы въ политической экономіи всякое ошибочное предложеніе въ концѣ-концовъ не приводило къ антагонизму. Съ другой стороны, невозможно, чтобы въ многочисленныхъ сочиненіяхъ экономистовъ, даже наиболѣе выдающихся, не нашлось какого-нибудь ошибочнаго положенія. Наше дѣло — указать и исправить ихъ въ интересахъ науки и общества. Упорно поддерживать, ради достоинства корпорации, такія положенія, значило-бы подвергать не только себя, что было-бы еще не такъ важно, но и саму истину, что гораздо важнѣе, ударамъ социализма.

Итакъ, еще разъ повторю и скажу такъ: последнее слово экономистовъ — свобода. Но чтобы это последнее слово приобрѣло сочувствіе людей разума и привлекло къ себѣ общую любовь, необходимо, чтобы оно твердо опиралось на слѣдующей послыжкѣ: интересы, предоставленные самимъ себѣ, стремятся къ гармоническимъ сочетаніямъ, къ прогрессивному преобладанію общаго блага.

Но многіе люди, пользующіеся авторитетомъ, высказали такія положенія, которыя, переходя отъ одного заключенія къ другому, логически привели къ безусловному злу, къ несправедливости, къ пагубному и все усиливающемуся неравенству, къ неизбѣжному пауперизму и т. п.

Мнѣ извѣстны очень немногіе изъ нихъ, кто не придавалъ-бы *цѣнности* естественнымъ дѣтелямъ природы, тѣмъ даровымъ благамъ, которыми Богъ щедро одарилъ человѣка. Слово *цѣнность* необходимо предполагаетъ, что мы не уступимъ даромъ, безъ вознагражденія, того, что обладаетъ ею. А вотъ существуютъ люди и особенно землевладѣльцы, которые продаютъ цѣною дѣйствительнаго труда дары Бога и получаютъ вознагражденіе за такіе предметы, въ производствѣ которыхъ трудъ ихъ не принималъ никакого участія. „Очевидная, но неизбѣжная несправедливость“, говорятъ эти писатели.

Является потомъ знаменитая теорія Рикардо, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ: цѣна средствъ пропитанія опредѣляется трудомъ, необходимымъ для ихъ производства на самой тощей изъ воздѣлываемыхъ почвъ. Увеличеніе же наро-

донаселенія вынуждаетъ обращаться все къ болѣе и болѣе неблагодарнымъ почвамъ. Слѣдовательно, все человѣчество (кромѣ собственниковъ земли) поневолѣ должно давать все болѣе и болѣе труда за одинаковое количество средствъ пропитанія; или, что то-же самое, получать все меньшее количество этихъ средствъ за одинаковое количество труда; тогда какъ рента землевладѣльцевъ не возрастаетъ съ каждымъ переходомъ къ обработкѣ почвъ низшаго достоинства. Заключение: все увеличивающееся обогащеніе праздныхъ людей, — все увеличивающееся обѣдненіе людей труда, — слѣдовательно пагубное неравенство.

Является, наконецъ, еще болѣе знаменитая теорія Мальтуса. Народонаселеніе стремится къ размноженію сильнѣе, чѣмъ увеличиваются средства пропитанія, и это происходитъ въ каждый данный моментъ жизни человѣчества. Стало-быть, люди не могутъ жить счастливо и спокойно, если имъ нечѣмъ кормиться. Есть два препятствія противъ такого излишка, все угрожающаго народонаселенію: уменьшеніе рожденій и увеличеніе смертности, со всѣми ужасающими формами; въ которыхъ она выражается. Нравственное воздержаніе, чтобы имѣть дѣйствительное вліяніе, должно быть всеобщимъ, но никто на это не рассчитываетъ. И вотъ остается только одно препятствіе — репрессивное: порокъ, нищета, война, эпидемія, голодъ и смертность, т. е. неизбѣжный пауперизмъ.

Я не стану говорить о другихъ, менѣе широкихъ, системахъ, которыя предвѣщаютъ такое-же безвыходное положеніе. Напримѣръ, Токвиль и многіе другіе, слѣдуя за нимъ, говорятъ: если

допустить право первородства, то придеши къ самой сильной концентрированной аристократіи. Если не допустить его, то придеши къ крайнему измелечанію и непроизводительности земли.

Но что очень замѣчательно—эти четыре безотрадные системы ни въ чемъ не противорѣчатъ другъ другу. Если-бы онѣ сталкивались между собою, то мы могли-бы утѣшиться, подумавъ, что онѣ всё ложны, ибо уничтожаютъ одна другую. Но нѣтъ, онѣ согласны между собой, составляя часть одной общей теоріи, которая, опираясь на многочисленные и правдоподобные факты, какъ-бы раскрываетъ конвульсивное состояніе современнаго общества и, основываясь на многихъ авторитетахъ науки, выступаетъ передъ подавленнымъ и смущеннымъ умомъ съ ужасающею силою.

Остается понять, какимъ образомъ составители этой печальной теоріи могли поставить своимъ принципомъ—гармонію интересовъ и въ заключеніе всего—свободу.

Конечно, если человѣчество роковымъ образомъ побуждается законами цѣнности къ несправедливости,—законами ренты къ неравенству, — законами народонаселенія къ нищетѣ, и законами наслѣдственности къ безплодію, то не слѣдуетъ говорить, что Богъ сдѣлалъ изъ соціального міра, подобно міру матеріальному, гармоничное твореніе, а придется сознаться, поникнувъ головою, что Богу угодно было основать его на возмутительномъ и непоправимомъ диссонансѣ.

Не слѣдуетъ думать, молодые люди, что социалисты опровергли и отбросили, что я назыву, не желая никого оскорбить, теоріей диссонансовъ.

Нѣтъ, что-бы они ни говорили, а все-таки они признали ее истинною, и именно потому, что они считают ее истинной, они и предлагают замѣнить свободу принужденіемъ, естественную организацію—искусственной, дѣло божеское дѣломъ собственнаго изобрѣтенія. Они говорятъ своимъ противникамъ (и въ этомъ они, пожалуй, послѣдовательнѣе ихъ): Если человѣческіе интересы, какъ вы утверждали, предоставленные самимъ себѣ, стремятся къ гармоническому сочетанію, то намъ не оставалось-бы ничего лучше сдѣлать, какъ признать и вмѣстѣ съ вами прославлять свободу. Но вы сами неопровержимо доказали, что интересы, будучи предоставлены свободному развитію, влекутъ человѣчество къ несправедливости, неравенству, науперизму и безплодію. И вотъ мы противодѣйствуемъ вашей теоріи именно потому, что она вѣрна; мы хотимъ разрушить современное общество именно потому, что оно подчиняется роковымъ законамъ, вами раскрытымъ; мы хотимъ испытать свои собственныя силы, потому что всемогущество Божіе оказалось неудачнымъ.

Вотъ въ какомъ видѣ послѣдовало соглашеніе относительно точки отправленія, разногласіе — только въ выводѣ. Экономисты, о которыхъ я упоминалъ, говорятъ: *великіе законы Провидѣнія толкаютъ общество ко злу*; но надо остерегаться и не возмущать ихъ дѣйствій, такъ какъ они, по счастью, встрѣчаютъ противодѣйствіе въ другихъ второстепенныхъ законахъ, которые замедляютъ конечную катастрофу; всякое произвольное вмѣшательство только расшатаетъ плотину, но не остановитъ рокового напора волны. Соціалисты го-

ворять: *великіе законы Провидѣнія толкаютъ общество ко злу*; ихъ надо уничтожить и выбрать новые законы въ нашемъ неистощимомъ арсеналѣ.

Католики говорятъ: *великіе законы Провидѣнія толкаютъ общество ко злу*; надо уклониться отъ нихъ, отказаться отъ человѣческихъ интересовъ, замкнуться въ отреченіи, самопожертвованіи, аскетизмѣ и покорности Провидѣнію.

И среди этого гвалта, этихъ криковъ отчаянія и скорби, среди этихъ призывовъ къ разрушенію или безропотной покорности, я пытаюсь сказать слово, передъ которымъ, если оно справедливо, должно исчезнуть всякое разногласіе: *неправда, великіе законы Провидѣнія не толкаютъ общества ко злу*.

Такимъ образомъ всѣ школы разбиваются и опровергають одна другую и относительно выводовъ, которые приходится сдѣлать изъ ихъ общей первой посылки. Я-же отвергаю эту самую посылку. Не этимъ-ли способомъ можно прекратить расколь и борьбу?

Главная мысль этого сочиненія, — гармонія интересовъ, — сама по себѣ проста. Простота-же не составляетъ-ли краеугольного камня истины? Законы свѣта, звука, движенія кажутся намъ тѣмъ непреложнѣе, чѣмъ они проще; почему-же не можетъ быть того-же съ закономъ интересовъ?

Онъ *умиротворяющъ*. Что можетъ быть болѣе примиряющаго, какъ не законъ, устанавлиющій согласіе между промышленностями, отдѣльными классами, народами и даже ученіями?

Онъ *утѣшительнъ*, потому что онъ выясняетъ, что есть ложнаго въ системахъ, приходящихъ своими выводами къ прогрессивному злу.

Онъ *религозенъ*, потому что говорить намъ, что не одинъ только небесный механизмъ, но и механизмъ социальный раскрываетъ намъ божественную мудрость и славословить Бога.

Онъ *практиченъ*, ибо что болѣе практично, какъ не слѣдующее положеніе. Пусть люди трудятся, мѣняются продуктами своего труда, учатся, сдружаются, взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, потому что по вѣчнымъ законамъ Провидѣнія изъ разумной самодѣятельности ихъ могутъ возродиться только порядокъ, гармонія, прогрессъ, благо, все большее и большее совершенствованіе, совершенствованіе безъ конца.

„Вотъ гдѣ оптимизмъ-то экономистовъ“, скажете вы! „Они до такой степени рабы своихъ собственныхъ системъ, что закрываютъ глаза передъ фактами изъ страха увидѣть ихъ. Передъ лицомъ всѣхъ несчастій, всѣхъ несправедливостей, всѣхъ угнетеній, сокрушающихъ человѣчество, они невозмутимо отрицаютъ зло. Запахъ пороха во время возстаній не достигаетъ ихъ притушившагося чувства; улицы, загроможденныя барикадами, ничего не говорятъ ихъ разуму и, если-бы даже рушилось общество, они не переставали-бы повторять: „все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ“.“

Нѣтъ, мы и не думаемъ, что все къ лучшему. Я глубоко вѣрую въ мудрость божественныхъ законовъ и по этому самому вѣрю въ свободу.

Весь вопросъ только въ томъ, чтобы узнать, есть-ли у насъ свобода.

Весь вопросъ въ томъ, чтобы узнать, дѣйствуютъ-ли эти законы во всей полнотѣ и дѣйствіе

ихъ не нарушено-ли въ своемъ основаніи противоположнымъ дѣйствіемъ учреждений человѣческихъ.

Да кто-же станетъ отрицать зло! Отрицать страданія! Тогда пришлось-бы забыть, что рѣчь идетъ о человѣкѣ, пришлось бы забыть, что и самъ—также человѣкъ. Чтобы вѣчные законы Провидѣнія признавались *гармоническими*, для этого нѣтъ надобности, чтобы они исключали зло. Для этого достаточно, чтобы оно имѣло свое объясненіе и свое назначеніе, чтобы оно само служило себѣ границей, чтобы оно само уничтожало себя собственнымъ дѣйствіемъ и чтобы каждое страданіе предупреждало другое, еще большее страданіе, подавляя причину его породившую.

Общество состоитъ изъ людей, а каждый человѣкъ представляетъ собою *свободную* силу. Такъ какъ человѣкъ свободенъ, то онъ имѣетъ право выбора, а такъ какъ онъ имѣетъ право выбора, то можетъ ошибаться, а такъ какъ онъ можетъ ошибаться, то можетъ и страдать.

Скажу болѣе—онъ долженъ ошибаться и страдать, потому что его точка отправления есть невѣжество, а передъ невѣжествомъ открываются безконечные и невѣдомые пути, изъ коихъ всѣ, кромѣ одного, ведутъ къ ошибкѣ.

Далѣе, каждая ошибка порождаетъ страданіе. Это страданіе или поражаетъ того, кто заблудился, и тогда выступаетъ впередъ личная ответственность, или оно поражаетъ невинныхъ въ этой ошибкѣ, и въ такомъ случаѣ заставляетъ дѣйствовать чудный аппаратъ солидарности интересовъ.

Дѣйствіе этихъ законовъ, вмѣстѣ съ дарованною намъ способностью приводить въ связь при-

чины и слѣдствія, должно вывести насъ силою самого страданія на путь добра и истины.

Слѣдовательно, мы не только не отрицаемъ зла, но признаемъ за нимъ особое назначеніе, какъ въ мірѣ соціальномъ, такъ и въ мірѣ матеріальномъ.

Но чтобы зло могло исполнить свое назначеніе, не слѣдуетъ искусственно растягивать эту солидарность до того, чтобы подавить личную отвѣтственность; другими словами—надо уважать свободу.

Когда человѣческія учрежденія являются вмѣшательствомъ божественныхъ законовъ, то зло, какъ и всегда, слѣдуетъ за ошибкой, но только перемѣщается и поражаетъ того, кого оно не должно-бы поражать; тогда оно перестаетъ предупреждать и не научаетъ. Тогда оно уже не полагаетъ границы самому себѣ и не разрушаетъ само себя собственнымъ дѣйствіемъ; оно усиливается, какъ это произошло-бы въ физиологическомъ мірѣ, если-бы неразуміе и излишество, совершаемыя людьми одного полушарія, не отзывались своими печальными послѣдствіями только на людяхъ противоположнаго полушарія.

Такимъ именно вмѣшательствомъ и отличается не только большинство нашихъ правительственныхъ учреждений, но еще болѣе тѣхъ учреждений, которыя хотятъ ввести его, какъ лѣкарство, могущее исцѣлить насъ отъ постигающихъ насъ золъ. Развивая среди людей, подъ предлогомъ челоѣколюбія, искусственную солидарность, тѣмъ самымъ поражаютъ личную отвѣтственность, которая становится все меньше и меньше дѣятельною и дѣйствительною. Неумѣстнымъ вмѣшательствомъ

правительственной власти искажаютъ отношеніе труда и его вознагражденія, мутятъ законы промышленности и обмѣна, насилуютъ естественное развитіе народнаго образованія, сбиваютъ капиталы и рабочія руки съ ихъ естественнаго пути извращаютъ мысли, распаляютъ чуждыя притязанія, разсвѣчиваютъ передъ народными очами самыя несбыточныя надежды, вызываютъ неслыханную потерю человѣческихъ силъ, передвигаютъ центры народонаселенія, парализуютъ дѣйствія преобрѣтеннаго опыта, короче сказать — сообщаютъ всѣмъ интересамъ искусственныя основы, стравливаютъ ихъ и потомъ восклицаютъ: „видите — интересы враждебны другъ другу. Все зло отъ свободы. Проклянемъ-же и задушимъ эту свободу“.

Но такъ какъ это святое слово все еще заставляетъ биться сердца, то ее лишаютъ ея обаянія, лишаютъ ее ея имени, и вотъ ведутъ несчастную на костеръ уже подъ именемъ *конкуренции* при рукоплесканіяхъ толпы, простирающей свои руки къ цѣнямъ рабства.

Слѣдовательно, недостаточно было только выставить естественные законы соціального строя, въ ихъ величественной гармоніи, надо было еще выяснитъ причины, имъ противодѣйствующія. Все это я старался изложить во второй части этого сочиненія.

Я старался избѣжать преній. Правда, это значило потерять возможность сообщить принципамъ, которые я хотѣлъ сдѣлать господствующими, ту устойчивость, какая бываетъ слѣдствіемъ всесторонняго обсужденія. Но вниманіе, сосредоточенное на подробностяхъ, могло быть отвлечено отъ

сущности дѣла. Если я описываю зданіе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, то какое дѣло до того, какимъ видѣли его другіе, хотя-бы они и познакомили меня съ нимъ?

А теперь я обращаюсь съ довѣріемъ къ людямъ всѣхъ школъ, считающихъ справедливости, общее благо, истину выше всякихъ системъ.

Экономисты! Я, какъ и вы, примыкаю къ свободѣ, а если и колеблю нѣкоторые изъ ея послылокъ, огорчающія ваши великодушныя сердца, то въ этомъ вы найдете, можетъ быть, новый поводъ любить наше святое дѣло и служить ему.

Соціалисты! Вы вѣрите въ ассоціацію. Я умоляю васъ сказать мнѣ, когда прочтете это сочиненіе, — развѣ современное общество, не смотря на свои заблужденія и препятствія, т. е. при господствѣ свободы, не представляетъ собою самой прекрасной, совершенной, прочной, всемірной и справедливой изъ всѣхъ ассоціацій.

Вы, сторонники равенства, допускаете только одинъ принципъ — взаимность услугъ. Пускай взаимныя сношенія людей будутъ свободны, и я утверждаю, что онѣ и не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ взаимнымъ обмѣномъ услугъ, все понижающихся въ *цѣнности* и все возрастающихъ въ *полезности* *).

*) Въ V-мъ очеркѣ *Экономическихъ Гармоній* — „О цѣнности“ Бастиа такъ опредѣляетъ эти термины: „полезность“ (способность каждаго предмета съ удобствомъ служить нашимъ потребностямъ) состоятъ изъ двухъ частей: одна часть есть результатъ дѣйствія природы; другая — результатъ дѣйствія человека. Чѣмъ болѣе въ данномъ предметѣ совершила природа, тѣмъ меньше остается сдѣлать человеку. Участіе природы въ производствѣ предмета — *даровое* (*gratuit*); участіе чело-

Коммунисты! Вы хотите, чтобы люди, сдѣлавшись братьями, пользовались нераздѣльно благами, дарованными имъ Провидѣніемъ. Я хочу доказать, что современному обществу остается только завоевать себя свободу, чтобы осуществить и даже превзойти ваши упованія и надежды, потому что при свободѣ все принадлежитъ всѣмъ при единственномъ только условіи, чтобы каждый не отказывался отъ труда приобрѣсть дары Божіи, что само по себѣ вполне естественно, — или чтобы каждый свободно могъ возложить этотъ трудъ на того, кто добровольно согласенъ принять его на себя, что то-же вполне справедливо.

Христіане всѣхъ исповѣданій! Если вы не будете единственными, сомнѣвающимися въ боже-

ства, умственное или матеріальное, было-ли оно обмѣнено или нѣтъ, работали-ли онъ въ сообществѣ съ другими или въ-одиночку, по существу своему *инимости* (опегенъ; въ томъ смыслѣ, что оне не даровое и требовало напряженіе труда), какъ показываетъ это и самое слово — effort, усиліе. Все даровое не имѣетъ *инимости*, потому что идея *инимости* предполагаетъ приобрѣтеніе путемъ *усилій*. Следовательно, понятіе о цѣнности должно быть ограничено исключительно областью усилій труда, употребляемого человекомъ для удовлетворенія его потребностей. Другимъ элементомъ въ понятіе о цѣнности входитъ то, что эти усилія должны быть обмѣнены, одни на другія. „Обмѣнъ не только констатируетъ и измѣряетъ цѣнности, но даетъ имъ существованіе... Когда два лица взаимно уступаютъ другъ другу свои настоящія усилія, или результаты своихъ предшествовавшихъ усилій, то они *служатъ* другъ другу, взаимно оказываютъ одно другому *услугу*. Следовательно, *цѣнность есть отношеніе между двумя обмѣненными услугами*. Понятіе о цѣнности впервые явилось тогда, когда человекъ сказалъ своему ближнему: сдѣлай это для меня, а я сдѣлаю вотъ это для тебя. Тогда-то они согласились между собою и тогда-то можно было сказать, что двѣ обмѣненныя услуги *стоятъ* одна другой“.

ственной премудрости, явленной въ прекраснѣйшемъ изъ его твореній, какое только раскрыто нашему познанію, то не найдете въ этомъ сочиненіи ни одного выраженія, которое-бы оскорбляло вашу самую строгую мораль, или ваши самые таинственные догматы.

Собственники! Какъ-бы ни были обширны ваши владѣнія, но если я докажу, что ваше право, которое теперь оспариваютъ у васъ, ограничивается, какъ и право самаго простого рабочаго, полученіемъ *услугъ* за *услуги*, дѣйствительно оказанныя вами или вашими предками, то это ваше право будетъ покониться отнынѣ на самомъ незыблемомъ основаніи.

Пролетаріи! Я ручаюсь, что докажу вамъ, что вы собираете плоды съ земли, которая вамъ не принадлежитъ, и употребляете на нее меньше силъ и труда, чѣмъ сколько вамъ пришлось-бы употребить ихъ на полученіе этихъ плодовъ вашимъ непосредственнымъ трудомъ, если-бы это самое поле было отдано вамъ въ томъ дѣвственномъ видѣ, въ какомъ оно находилось, прежде чѣмъ трудомъ человѣка было приготовлено къ производству.

Капиталисты и рабочіе! Я считаю возможнымъ установить слѣдующій законъ: „По мѣрѣ того какъ умножаются капиталы, безусловная доля, принадлежащая имъ въ общемъ результатѣ производства, возрастаетъ, а доля *относительная* понижается; *относительная-же* доля труда постоянно возрастаетъ, а тѣмъ болѣе возрастаетъ и его доля *безусловная*“. Изъ такого закона ясно вытекаетъ гармонія интересовъ рабочихъ и тѣхъ, кто ихъ нанимаетъ.

Ученики Мальтуса! Вы—искренніе и оклеветанныя филантропы; единственная вина ваша въ томъ, что вы хотѣли предостеречь человѣчество отъ закона, который считали роковымъ; я-же предложу вамъ другой болѣе утѣшительный законъ: при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ все увеличивающейся плотности населенія соответствуетъ все возрастающая легкость производства. А если это такъ, то, конечно, не вамъ печалиться, что упадаетъ терновый вѣнецъ съ головы нашей обожаемой науки.

Вы, люди хищенія, которые насиліемъ или хитростію, нарушеніемъ законовъ, или при содѣйствіи законовъ, достигли того, что жирѣете на счетъ народовъ;—вы, которые живете заблужденіями воли, распространяемыми невѣжествомъ, поддерживаемымъ войнами, вами-же возбуждаемыми, всякими препонами, которыя воздвигаете взаимнымъ сношеніямъ людей;—вы, которые облагаете налогомъ трудъ, предварительно обезплодивъ его и заставивъ его растерять больше сноповъ чѣмъ сколько вырвали у него колосѣвъ;—вы, которые заставляете платить вамъ за то, что создаете препятствія, дабы потомъ имѣть случай опять заставить заплатить себѣ за то, что устраните нѣкоторыя изъ этихъ препятствій;—вы, живое олицетвореніе эгоизма въ его самомъ дурномъ смыслѣ, паразиты, наросты на лживой политикѣ, готовые фдія чернила для вашей критики; только къ вамъ однимъ я не могу обратиться съ своимъ призывомъ, потому что эта книга имѣетъ цѣлью пожертвовать вами, или скорѣй—принести въ жертву ваши несправедливыя притязанія. Какъ хорошо любить

примиреніе, но никакъ нельзя примирить двухъ принциповъ: *свободу и принужденіе*.

Если божественные законы гармоничны, то лишь тогда, когда они дѣйствуютъ свободно, а безъ этого они, сами по себѣ, не будутъ гармоничны. Когда замѣчаешь какую-нибудь ошибку въ гармоніи міра, то ей непременно соответствуетъ ошибка по отношенію къ свободѣ, къ забытой справедливости. Притѣснители, грабители, люди, презирающіе справедливость, вы не можете вѣрить во всеобщую гармонію, потому что сами нарушаете ее.

Но значить-ли это, что моя книга можетъ подействовать на ослабленіе власти, пошатнуть ея устойчивость и умалить ея авторитетъ? Я имѣю ввиду совсѣмъ противоположную цѣль. Но сговоримся прежде.

Политическая наука имѣетъ своею задачей различать то, что должно входить въ прерогативы государства, отъ того, что не должно входить въ нихъ, а чтобы правильно установить это важное различіе, не слѣдуетъ терять изъ вида, что государство всегда дѣйствуетъ посредствомъ силы. Оно въ одно и то-же время опредѣляетъ и услуги, какія само дѣлаетъ, и услуги, которыхъ, въ замѣнъ оказанныхъ, требуетъ, подъ именемъ обложенія налогами. Стало быть, вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: что именно люди имѣютъ право силою налагать другъ на друга? Въ этомъ случаѣ я допускаю только одно— *справедливость*. Я не имѣю права никого *заставить*, кто-бы онъ ни былъ, быть религіознымъ, милосерднымъ, образованнымъ, трудолюбивымъ; но я имѣю право *заставить* всякаго быть *справедливымъ*, это есть дѣло законной обороны.

Собранію отдѣльныхъ личностей не можетъ принадлежать ни одного права, которое первоначально не было-бы вложено въ природу самихъ личностей. Стало-быть, если употребленіе индивидуальной силы оправдывается только требованіемъ законной обороны, а правительственная власть всегда обнаруживается силою, то надо заключить изъ этого, что дѣйствіе ея ограничивается возстановленіемъ порядка, безопасности и справедливости.

Всякое правительственное дѣйствіе внѣ этихъ предѣловъ есть посягательство на совѣсть, разумъ, трудъ, однимъ словомъ—на человѣческую свободу.

Установивъ такое положеніе, мы должны стремиться неустанно и безъ пощады къ тому, чтобы освободить отъ посягательствъ власти всю область частной дѣятельности; только при этомъ условіи мы завоюемъ себѣ свободу, или свободное дѣйствіе гармоническихъ законовъ, уготованныхъ Богомъ для развитія и прогресса человѣчества.

Поведеть-ли это къ ослабленію власти? Потеряетъ-ли она что-нибудь въ своей устойчивости оттого, что сократится область ея проявленія? Умалится-ли ея авторитетность, оттого, что она лишится нѣкоторыхъ извѣстныхъ атрибутовъ? Будетъ-ли она привлекать къ себѣ меньше уваженія потому, что будетъ возбуждать менѣе жалобъ. Не сдѣлается-ли она еще болѣе игрушкой партій, когда сократятся ея обширные бюджеты и притягательная сила власти, составляющіе приманку партій? Опаснѣе-ли будетъ ея положеніе, когда уменьшится ея отвѣтственность?

Мнѣ представляется, напротивъ, очевиднымъ, что ввести общественную власть въ предѣлы ея един-

ственного, но существеннаго, неоспоримаго, благодѣтельнаго, всѣми желаемаго и признаннаго назначенія значить—обеспечить за ней общее уваженіе и сочувствіе. Я не понимаю, изъ-за чего тогда могутъ возникнуть систематическая оппозиція, парламентская борьба, уличныя возстанія, революціи, быстрыя перемѣны, заговоры, иллюзіи, притязанія всѣхъ на управленіе подъ всевозможными формами, системы столько-же опасныя, какъ и нелѣпыя, старающіяся внушить народу ожиданіе всего отъ правительства, эта предосудительная дипломатія, эти вѣчныя войны впереди или не менѣе пагубныя вооруженные миры, эти удручающіе налоги, не поддающіеся справедливому распредѣленію, это всепоглощающее и неестественное вмѣшательство политики во всевозможныя дѣла, эти великія искусственныя перемѣщенія капитала и труда — источникъ бесполезныхъ столкновеній, колебаній, кризисовъ, убытковъ. Всѣ эти причины и тысячи другихъ, поражающія только смятенія, волненія, взаимную непріязнь, алчность и безпорядокъ, теряютъ смыслъ, и представители власти не будутъ болѣе колебать ее, а станутъ содѣйствовать всемірной гармоніи. Гармонія не исключаетъ зла, но все болѣе служиваетъ областью, отведенною ему нашимъ невѣжествомъ и испорченностью слабой человѣческой природы; назначеніе ея—въ томъ, чтобы предупреждать зло или карать его.

Молодые люди! Въ наше время, когда болѣзненный скептицизмъ является какъ-бы послѣдствіемъ и наказаніемъ за путаницу идей, я считалъ-бы себя счастливымъ, если-бы чтеніе этой

книги вызвало на ваши уста, въ порядкѣ затро-
гиваемыхъ ею идей, одно слово, столь умиротво-
ряющее, полное особой прелести, — слово, кото-
рое само по себѣ есть сила, потому что сказано
про него, что оно двигаетъ горами, — слово, этотъ
свѣтлый символъ христіанина: *я вѣрую*. Я вѣ-
рую, но не покорной и слѣпой вѣрой, такъ какъ
дѣло идетъ не о таинственной области Открове-
нія, а вѣрой въ науку и разумъ, какъ и подоба-
етъ, когда идетъ рѣчь о предметахъ, доступныхъ
изслѣдованію человѣка. — Я вѣрую, что Тотъ, Кто
создалъ міръ матеріальный, не хотѣлъ остаться
равнодушнымъ устроенію и міра соціального. — Я
вѣрую, что Онъ счумѣлъ сочетать и привести въ
гармоническое движеніе свободныхъ и живыхъ
агентовъ, такъ-же какъ и неподвижныя частицы
вещества. — Я вѣрую, что Провидѣніе сіяетъ на-
столько-же, если не больше, въ законахъ, кото-
рымъ оно подчинило интересы и волю человѣка,
какъ и въ законахъ тяготѣнія и движенія. — Я вѣ-
рую, что все въ обществѣ является причиной,
вызывающей его совершенствованіе и прогрессъ,
даже то, что вредитъ ему. — Я вѣрую, что зло ве-
детъ къ добру и вызываетъ его, тогда какъ доб-
ро не можетъ вести ко злу, а изъ этого слѣду-
етъ, что въ концѣ-концовъ добро восторжеству-
етъ. — Я вѣрую, что непреодолимое соціальное стрем-
леніе выражается въ постоянномъ приближеніи лю-
дей къ общему физическому, умственному и нрав-
ственному уровню, который въ то-же время про-
грессивно и бесконечно возвышается. — Я вѣрую,
что для постепеннаго и мирнаго развитія человѣ-
чества достаточно того, чтобы оно не встрѣчало

нарушеній въ своихъ стремленіяхъ и чтобы эти стремленія, однажды нарушенныя, приобрѣли опять свободу дѣйствій.—И вѣрую во все это не потому, что желаю, чтобы это было такъ, и что оно удовлетворяетъ потребности моего сердца, но потому, что мой разумъ, привыкшій размышлять, одобряетъ все это².

—Ахъ! Если вы когда-нибудь произнесете это слово: *я вѣрую*, то сдѣлаетесь горячими проповѣдниками его, и тогда соціальная задача скоро нашла-бы свое разрѣшеніе, потому что она, чтобы тамъ ни говорили, легко разрѣшается. Интересы—гармоничны, а слѣдовательно рѣшеніе всецѣло лежитъ въ словѣ—*свобода*.

I.

Естественная организація. — Искусственная организація.

Вполнѣ-ли вѣрно, что социальный механизмъ, какъ и механизмъ небесный, и механизмъ тѣла человеческого, подчиняется общимъ законамъ? Вполнѣ-ли вѣрно, что это—одно гармонически организованное цѣлое? Что-же особенно замѣтно здѣсь, неправда-ли, это—отсутствіе всякой организаціи? Но не есть-ли это именно та организація, которой домогаются теперь люди сердца и будущаго, всѣ выдающіеся публицисты, всѣ піонеры мысли? Не представляемъ-ли мы собою только совокупность людей, дѣйствующихъ внѣ всякой связи другъ съ другомъ и предоставленныхъ движеніямъ анархической свободы? Безчисленныя массы людей, съ трудомъ перепробовавъ одинъ за другимъ всѣ роды свободы, не ждутъ-ли онѣ, чтобы какой-нибудь великій геній сочеталъ ихъ въ одно гармоническое цѣлое? Разрушивъ старое, не слѣдуетъ-ли создать что-нибудь новое?

Если-бы эти вопросы не имѣли другого значенія, кромѣ слѣдующаго: можетъ-ли общество обойтись безъ писанныхъ законовъ, безъ правилъ, репрессивныхъ жѣръ?—можетъ-ли всякій безгранично пользоваться своими способностями даже тогда, когда посягаетъ на свободу ближняго, или нано-

силь вредъ цѣлой общинѣ?—однимъ словомъ, должно-ли смотрѣть на принципъ: *laissez faire, laissez passer*, какъ на абсолютную формулу политической экономіи;—если-бы въ этомъ, говорю я, заключался вопросъ, то рѣшеніе его было-бы ясно для всякаго. Экономисты не говорятъ, что человѣкъ можетъ убивать, грабить, поджигать, а обществу остается только позволять дѣлать это; напротивъ, они говорятъ, что сопротивленіе подобнымъ дѣйствіямъ со стороны общества обнаружится фактически, даже при отсутствіи всякаго свода законовъ, и что, слѣдовательно, это сопротивленіе есть общій законъ человѣчества; они говорятъ, что гражданскіе и уголовные законы должны регулировать, а не противодѣйствовать этимъ *признаваемымъ ими* общимъ законамъ. Отъ общественной организаціи, основанной на общихъ законахъ человѣчества, еще далеко до искусственной организаціи, вымышленной воображеніемъ, не сообразующейся съ этими законами, отрицающей или презирающей ихъ, словомъ—такой, какую хотятъ навязать многія современные школы.

Если существуютъ общіе законы, дѣйствующие независимо отъ писанныхъ законовъ, которые должны только регулировать дѣйствіе первыхъ, то должно изучать эти *общіе законы*; они могутъ быть предметомъ науки, и такая наука существуетъ, это—политическая экономія. Если-же, наоборотъ, общество есть человѣческое измышленіе, если люди представляютъ собою только косную матерію, и, по словамъ Руссо, требуется великій геній, чтобы сообщить имъ чувство и волю, движеніе и жизнь, тогда нѣтъ политической эконо-

ми, а есть только безконечное число возможных и случайных соглашений, и тогда судьба народов зависить отъ *основателя*, которому случай ввѣрить ихъ жизнь.

Чтобы доказать, что общество подчинено общимъ законамъ, я не буду пускаться въ пространныя объясненія, а ограничусь только указаніемъ на нѣкоторые факты, которые, какъ они ни избиты, сохраняютъ однако свою вѣрность.

Руссо сказалъ: „Требуется много философіи, чтобы наблюдать факты, стоящіе къ намъ слишкомъ близко“.

Таковы общественныя явленія, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Вслѣдствіе привычки, мы до такой степени свыклись съ этими явленіями, что не обращаемъ на нихъ никакого вниманія, пока не произойдетъ чего-нибудь внезапнаго и аномальнаго, что заставить насъ подвергнуть ихъ нашему наблюденію.

Возьмемъ для примѣра человѣка, принадлежащаго къ скромному классу общества, — ну хоть деревенскаго столяра, и рассмотримъ всѣ тѣ услуги, какія онъ оказываетъ обществу, и тѣ, которыми онъ, въ свою очередь, пользуется отъ него; насъ тотчасъ-же поразитъ громадная несоразмѣрность ихъ.

Этотъ человѣкъ проводитъ весь свой день въ томъ, что строгаеть доски, работаетъ столы и ящики; онъ жалуется на свое положеніе, а между тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ получаетъ онъ отъ общества въ обмѣнъ на свой трудъ?

Прежде всего, ежедневно вставая, онъ одѣвается, причемъ самъ собственноручно не сдѣлать ни одного изъ многочисленныхъ предметовъ своей одежды.

Какъ сама по себѣ ни проста его одежда, но чтобы она оказалась въ его распоряженіи, необходимо было затратить громадное количество предварительнаго труда въ разныхъ производствахъ, въ перевозкѣ и остроумныхъ изобрѣтеніяхъ. Американцы должны были произвести хлопокъ, индійцы — индиго, французы — шерсть и ленъ, бразильцы — кожу; весь этотъ матеріалъ надо было перевезти въ разные города, и тамъ обработать, спрядь, соткать, окрасить и т. д.

Но вотъ онъ завтракаетъ. Чтобы каждый день имѣть хлѣбъ, который ему надо ѣсть, необходимо расчистить, огородить, вспахать, удобрить и засеять поля; заботливо охранить жатву отъ грабежа, а это возможно только при существованіи нѣкоторой безопасности среди громаднаго количества народа; — необходимо, чтобы пшеница была собрана, смолота, замѣсена и приготовлено изъ нея тѣсто; чтобы желѣзо, сталь, дерево, камень, съ помощью труда, были обращены въ рабочіе инструменты; чтобы одни люди воспользовались домашними животными, а другіе тяжестью падающей воды и т. д. Все это — такіе предметы, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности предполагаетъ неисчислимую массу труда, совершеннаго не только въ пространствѣ, но и во времени.

Не пройдетъ дня, чтобы тому-же столяру не понадобилось хоть немного сахара, масла, чтобы не понадобились ему какая-нибудь утварь или хозяйственныя принадлежности.

Онъ посылаетъ своего сына въ школу учиться; хотя это ученіе и очень элементарно, однако на него пошло такъ много предварительнаго изученія, изысканій, знаній, что и вообразить трудно.

Вотъ онъ выходитъ изъ дому и передъ нимъ вымощенная и освѣщенная улица.

Противъ него открываетъ кто-нибудь искъ, ему приходится искать адвоката для защиты своихъ правъ, судей для ихъ подтвержденія, судебныхъ приставовъ для исполненія состоявшихся постановленій; все это предполагаетъ много предварительныхъ познаній, а слѣдовательно образованія и средствъ къ существованію.

Онъ идетъ въ церковь, это—удивительный памятникъ, а книга, которую онъ взялъ съ собою, можетъ быть, еще болѣе удивительный памятникъ разума человѣческаго. Его учатъ нравственности, развиваютъ его умъ, возвышаютъ душу, а чтобы все это было возможно, необходимо, чтобы другой человѣкъ могъ посѣщать библіотеки, училища, почерпнуть знанія изъ всѣхъ источниковъ человѣческаго развитія для того, чтобы первый могъ жить, не заботясь исключительно о своихъ матеріальныхъ нуждахъ.

Если нашъ столяръ предприметъ какую нибудь поѣздку, то онъ увидитъ, что для того, чтобы сберечь ему время и трудъ, другіе люди сравняли и сгладили путь, наполнили рвы, срыли горы, перебросили мосты черезъ рѣки, поставили колесныя экипажи на желѣзные рельсы, укротили лошадей, овладѣли паромъ и т. д.

Нельзя не поразиться той несоразмѣрностью, по-истинѣ неисчислимой, между тѣмъ, что этотъ человѣкъ получаетъ отъ общества для удовлетворенія своихъ потребностей, и тѣмъ, что онъ могъ бы самъ получить, если-бы былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Я позволю себѣ

сказать, что въ одинъ день онъ потребляетъ такое количество предметовъ, которыхъ самъ не могъ-бы произвести и въ 10 столѣтій.

А еще страннѣе то, что всѣ другіе люди находятся точно въ такомъ-же положеніи, какъ и онъ. Всѣ лица, составляющія общество, поглощаютъ, каждое въ отдѣльности, въ миллионъ разъ больше того, что они могутъ произвести, и въ то-же время они взаимно не обираютъ другъ друга. Если же ближе взглянуть въ дѣло, то замѣтишь, что нашъ столяръ заплатилъ обществу своими услугами за всѣ тѣ услуги, которыя самъ получилъ отъ него. Если-бы онъ велъ свои счета съ строгою точностью, то убѣдился-бы, что онъ ничего не получилъ отъ общества, за что не уплатилъ-бы изъ доходовъ съ своего скромнаго промысла, и что кто-бы ни былъ употребленъ во времени и пространствѣ на то, чтобы оказать ему услуги, онъ получилъ или еще получитъ свое вознагражденіе.

Какъ-же замысловато и умно должно быть устройство общественнаго механизма, если оно даетъ тотъ удивительный результатъ, что каждый человѣкъ, не-исключая и того, котораго судьба поставила въ самое приниженное положеніе, получаетъ въ одинъ день столько удовольренія, сколько самъ не въ состояніи произвести въ нѣсколько вѣковъ.

Но это еще не все: этотъ общественный механизмъ покажется еще замысловатѣе, если читатель сообразовалъ обернуться на самого себя.

Предположимъ, что онъ простой студентъ. Что онъ дѣлаетъ въ Парижѣ? Какъ онъ живетъ въ немъ? Нельзя отрицать, что общество предоставляетъ въ его распоряженіе пищу, одежду, жили-

лице, развлечения, книги, средства къ образованію, наконецъ, массу разныхъ предметовъ; какъ много времени потребовалось-бы для того, чтобы только объяснить, какъ произведены эти предметы, не говорю уже о томъ, сколько потребовалось-бы времени для того, чтобы дѣйствительно произвести ихъ. А какія, спрашивается, услуги оказываетъ этотъ студентъ обществу взаменъ всѣхъ этихъ предметовъ, потребовавшихъ столько труда, усилій, усталости, физическаго и умственнаго напряженія, передвиженія, изобрѣтательности и пр.? Никакихъ—онъ только готовится отплатить ихъ ему. Какъ-же объяснить, что эти милліоны людей, отдавшихъ положительному, дѣйствительному и производительному труду, предоставили ему воспользоваться плодами ихъ труда? А вотъ объясненіе: отецъ этого студента, бывший адвокатъ, врачъ или торговецъ, когда-то оказалъ свои услуги, можетъ быть, даже китайскому обществу, но вмѣсто непосредственныхъ услугъ, получить тогда только *право* на услуги, которое могъ-бы предъявить со временемъ, гдѣ-бы ни было и въ какой-бы то ни было формѣ. За эти-то отдаленныя и прошлыя услуги и рассчитывается теперь общество и, — удивительное дѣло!—если мысленно прослѣдить весь ходъ безконечныхъ сношеній, сдѣланныхъ для того, чтобы достигнуть извѣстнаго результата, то увидишь, что каждый получилъ вознагражденіе за свой трудъ; что эти права переходили изъ рукъ въ руки, то раздробляясь, то группируясь вмѣстѣ, пока потребленіе этого студента не привело дѣло къ равновѣсію. Какое въ самомъ дѣлѣ, странное явленіе?

Отказаться, не признавать того, что общество не может представить такихъ сложныхъ комбинацій, въ которыхъ гражданскіе и уголовные законы принимаютъ такъ мало участія, не подчиняясь дѣйствию этого чуднаго механизма, значить отвращать глаза отъ свѣта, истины. Этотъ механизмъ и есть предметъ изученія *политической экономіи*.

Тутъ надо отмѣтить еще то достойное вниманія, что въ этомъ несчетномъ числѣ взаимныхъ сдѣлокъ, дающихъ возможность студенту прожить одинъ день, нѣтъ, можетъ быть и миллионной доли такихъ, которыя были-бы заключены непосредственно. Предметы, которыми студентъ пользуется сегодня, — а ихъ безконечное множество, — являются дѣломъ людей, большинство которыхъ давнымъ-давно исчезли съ лица земли. Тѣмъ не менѣе всѣ они получили вознагражденіе, на которое рассчитывали, хотя тотъ, кто пользуется теперь продуктомъ ихъ труда, собственно ничего не сдѣлалъ для нихъ. Онъ и не зналъ ихъ и никогда не узнаетъ. Кто читаетъ эту страницу, въ тотъ самый моментъ, въ которой ее читаетъ, можетъ хотя, пожалуй и не сознаетъ этого, привести въ движеніе людей всѣхъ странъ, всѣхъ племенъ, скажу даже, — всѣхъ временъ, людей, бѣлыхъ, черныхъ, красныхъ, желтыхъ; онъ можетъ призвать къ содѣйствію, къ удовлетворенію своимъ теперешнимъ потребностямъ поколѣнія, давно сошедшія въ могилу, поколѣнія еще не народившіяся, и этою чрезвычайно силой онъ обязанъ тому, что отецъ его когда-то въ давно-былое время оказалъ услуги другимъ людямъ, которые повидимому не имѣютъ ни-

чего общаго съ тѣми, которые теперь дѣйствуютъ своимъ трудомъ. А между тѣмъ между отдельными лицами и цѣлыми поколѣніями установилось, безъ отношенія ко времени и пространству, такое равновѣсіе, что каждый получилъ свое вознагражденіе, получилъ то, что онъ рассчитывалъ получить.

Въ самомъ дѣлѣ, могло-ли произойти все это, могли-ли совершиться такіа чрезвычайныя явленія, если-бы не существовало въ обществѣ естественной и мудрой *организациі*, дѣйствующей, такъ сказать, безъ нашего вѣдома?

Въ наши дни много говорятъ объ изобрѣтеніи какой-то новой *организациі*. Но можно-ли вѣрить, чтобы какой-нибудь мыслитель, какъ-бы онъ ни былъ гениаленъ и какой-бы авторитетъ ни признавали за нимъ, могъ дѣйствительно выдумать и ввести какую-нибудь организацію, болѣе совершенную, чѣмъ та естественная организація, которую я только-что набросалъ?

Посмотримъ, въ чемъ состоятъ колеса, внутреннія пружины и двигатели того новаго механизма.

Эти колеса—люди, т. е. существа, способныя учиться, размышлять, разсуждать, ошибаться, исправлять свои ошибки, а слѣдовательно и дѣйствовать на улучшеніе или поврежденіе самого механизма. Они способны испытывать радости и печали и въ этомъ отношеніи они являются не только колесами, но и внутренними пружинами механизма. Но они являются и его основными двигателями, потому что въ нихъ содержится самый принципъ дѣятельности. Но этого мало: они

являются сами объектомъ и цѣлью этой дѣятельности, потому что въ концѣ-концовъ все опредѣляется личными удовлетвореніями и страданіями.

Новые изобрѣтатели, конечно, замѣтили это и къ несчастью, не трудно было замѣтить, что при дѣйствіи дальнѣйшемъ развитія, и даже прогрессѣ (кто допускаетъ его) могущественнаго естественнаго механизма, многія колеса неизбѣжно дѣйствіемъ рока разсыпались; что для очень большого числа человѣческихъ существъ сумма незаслуженныхъ страданій значительно превосходитъ сумму ихъ радостей.

При видѣ такого явленія многіе искренніе люди съ умомъ и великодушнымъ сердцемъ усомнились въ состоятельности самого механизма. Они прямо отвергли его, не захотѣвши хорошенько изучить его, напали и подчасъ жестоко на тѣхъ, кто открылъ и изложилъ законы этого механизма; они возстали противъ самой природы вещей и въ концѣ всего предложили *организовать* общество по новому плану, въ которомъ не найдется мѣста несправедливости, страданіямъ и заблужденіямъ.

Да сохранить меня Богъ отъ того, чтобы возставать противъ замысловъ, заведомо филантропическихъ и чистыхъ! Но я-бы отказался отъ своихъ убѣжденій, отступилъ-бы передъ голосомъ своей совѣсти, если-бы я не сказалъ, что эти люди, по моему мнѣнію, идутъ по ложному пути.

Прежде всего они, по существу своей пропаганды, принуждены печальною необходимостью не признавать блага, которое доставляетъ общество, отрицать его успѣхи, винить его за всѣ бѣдствія, разыскивать ихъ съ какою-то алчною заботливостью и при этомъ черезъ жѣру преувеличивать ихъ.

Когда они увѣрились, что открыли новую общественную организацію, совершенно отличную отъ той, которая является результатомъ естественныхъ стремленій человѣчества, то поневолѣ должны, чтобы доставить побѣду своему изобрѣтенію, изобразить въ самыхъ мрачныхъ краскахъ послѣдствія той организаціи, которую хотятъ уничтожить. Публицисты, которыхъ я разумѣю, провозгласивъ, съ энтузіазмомъ, можетъ быть, нѣсколько приподнятымъ, принципъ совершенствованія человѣка, впадаютъ въ странное противорѣчіе, когда говорятъ, что общество портится все больше и больше. Послушать ихъ, — выходитъ, что люди стали въ тысячу разъ несчастнѣе, чѣмъ были въ старинныя времена, при господствѣ феодальнаго права и рабства; что міръ сталъ какимъ-то адомъ. Если-бы возможно было оживить Парижъ X вѣка, я увѣренъ, что подобное положеніе упало-бы само-собою.

Потомъ они принимаются осуждать самый принципъ людскихъ дѣяній, я хочу сказать *личныи интересъ*, за то, что онъ привелъ общество къ такому положенію. Замѣтимъ, что человѣкъ устроенъ такъ, что всегда ищетъ пріятнаго и избѣгаетъ страданія; я согласенъ, что отсюда родятся всѣ общественныя бѣдствія, — война, рабство, монополія, привилегія; но отсюда-же идетъ и всякое благо, такъ какъ удовлетвореніе потребностей и отвращеніе отъ страданія суть главные двигатели человѣка. Слѣдовательно, вопросъ — въ томъ, чтобы узнать, не составляетъ-ли этотъ двигатель, который, по своей универсальности, изъ индивидуальнаго сдѣлался социальнымъ, самого принципа прогресса.

Во всякомъ случаѣ, развѣ не замѣчаютъ изобрѣтатели новыхъ организацій, что этотъ принципъ, врожденный человѣку, послѣдуетъ за ними въ ихъ организаціяхъ, и что тамъ онъ надѣлаетъ имъ больше бѣдъ, чѣмъ въ нашей естественной организаціи, гдѣ несправедливыя притязанія и личный интересъ каждаго, по крайней мѣрѣ, сдерживаются сопротивленіемъ всѣхъ? Эти предметы предполагаютъ всегда два несообразныя положенія: одно — что такое общество, какъ они его задумали, будетъ управляться людьми непогрѣшимыми и свободными отъ этого двигателя, т. е. личнаго интереса; другое — что народныя массы непременно дадутъ этимъ людямъ право управлять собою.

Наконецъ, организаторы, повидимому, совсѣмъ не заботятся о средствахъ для осуществленія своихъ проектовъ. Какимъ способомъ они доставятъ торжество своимъ системамъ? Какимъ способомъ они заставятъ всѣхъ людей заразъ отказаться отъ этого принципа, который приводитъ ихъ въ движеніе, т. е. отъ стремленія къ удовлетворенію потребностей и отвращенія къ страданіямъ? Тогда придется, какъ сказалъ Руссо, *измѣнить нравственное и физическое устройство человека?*

Чтобы заставить всѣхъ людей заразъ сбросить съ себя, какъ неудобное платье, теперешній общественный порядокъ, въ которомъ однако человечество жило и развивалось съ самаго начала и до нашихъ дней, принять новую организацію, придуманную людьми, и сдѣлаться послушнымъ орудіемъ другого механизма, — для этого, есть, какъ мнѣ кажется, только два средства: сила и всеобщее согласіе.

Необходимо одно из двух: или чтобы организаторъ располагалъ такой силой, которою онъ могъ-бы преодолѣть всѣ сопротивленія, такъ что человечество представляло-бы собою въ его рукахъ мягкій воскъ, изъ котораго онъ могъ-бы по своей фантазіи лѣпить все, что угодно, или чтобы онъ могъ посредствомъ убѣжденія добиться такого полного исключительнаго и слѣпнаго согласія, которое устраняло-бы всякую надобность въ употребленіи внѣшней силы.

Я сомнѣваюсь, чтобы нашлось третье средство, съ помощью котораго могла-бы восторжествовать и войти въ жизнь фаланстерія, или всякая другая искусственная организація общества.

А если дѣйствительно нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ этихъ двухъ, и если новые организаторы докажутъ, что оба они одинаково непрактичны, то тѣмъ самымъ докажутъ только, что сами понапрасну теряютъ время и трудъ.

Что касается до внѣшней матеріальной силы, которая могла-бы подчинить имъ всѣхъ царей и всѣ живущіе на землѣ народы, то объ этомъ даже сами мечтатели, какъ-бы ни было сильно ихъ воображеніе, никогда не думали. Король Альфонсъ въ порывѣ гордости могъ сказать: „Если-бы при мірозданіи я былъ призванъ на совѣтъ Бога, то звѣздный міръ былъ-бы лучше устроенъ“. Но если онъ и ставилъ собственный разумъ выше премудрости Творца, то все-таки, не былъ настолько безумцемъ, чтобы вступать въ борьбу съ Божіимъ всемогуществомъ, и въ исторіи не говорится о томъ, что онъ старался заставить звѣзды двигаться по законамъ собственного измысленія. Декартъ так-

же составилъ маленькій міръ изъ костяныхъ шариковъ и нитокъ, но хорошо сознавалъ, что онъ не настолько силенъ, чтобы двигать вселенной. Одинъ только Ксерксъ, въ опьяненіи своего могущества, дерзнулъ сказать морскимъ волнамъ: „Вы не пойдете далѣе этого“. Но не волны отступили передъ Ксерксомъ, а Ксерксъ отступилъ передъ волнами, и не явись это оскорбительное для него, но мудрое предостереженіе, онъ поглотили-бы горделиваго царя.

Итакъ, организаторамъ не достаетъ силы подвергнуть человѣчество своимъ экспериментамъ. Если-бы имъ даже удалось склонить къ своему дѣлу симпатіи персидскаго шаха, татарскаго хана и всѣхъ повелителей народовъ, властно распоряжающихся своими подданными, то и тогда они не могли-бы еще располагать такой силой, чтобы разбѣсить людей по группамъ и серіямъ и уничтожить общіе законы собственности, община, наслѣдственности и семейства, потому что даже въ Персіи и Тартаріи приходится болѣе или менѣе считаться съ людьми. Если-бъ кто нибудь изъ этихъ владыкъ и захотѣлъ измѣнить нравственный и физическій строй своихъ подданныхъ, то, весьма вѣроятно, что ему скоро нашелся-бы наслѣдникъ, который не рискнулъ-бы продолжать начатой опытъ.

Такъ какъ сила находится совершенно внѣ распоряженія нашихъ многочисленныхъ организаторовъ, то имъ и не остается никакого другого средства, какъ заручиться *всеобщимъ* согласіемъ на ихъ преобразованія.

Для этого существуетъ два способа: убѣжденіе и клевета:

Убѣжденіе! Но никогда не было видано, чтобы два умныхъ человѣка были вполне согласны по всемъ пунктамъ какой-нибудь одной науки. Какимъ-же образомъ все люди разныхъ племенъ, языковъ и правовъ, разсѣянные на поверхности земного шара, изъ которыхъ большинство не умѣетъ даже читать и умереть никогда ничего не слышавши ни о какомъ *реформаторѣ*, единогласно примутъ всемірную науку?

Но въ чемъ дѣло? Въ томъ, чтобы измѣнить характеръ труда, торговли, домашнихъ, гражданскихъ и религіозныхъ отношеній, однимъ словомъ—измѣнить физическій и нравственный строй человѣка!—И надѣяться убѣжденіемъ соединить въ одно все человѣчество!

Какая чересчуръ тяжелая задача!

Когда говорить своимъ ближнимъ:

„Уже 5.000 лѣтъ существуетъ недоразумѣніе между Богомъ и человѣчествомъ.“

„Съ Адама и до нашихъ дней родъ человѣческій идетъ по ложному пути; если онъ повѣритъ мнѣ, то я выведу его на истинный путь.“

„Богъ хотѣлъ, чтобы человѣчество шло инымъ путемъ, но оно само не захотѣло этого, и вотъ почему зло водворилось въ мірѣ. Пускай человѣчество все разомъ откликнется на мой призывъ и пойдетъ въ обратномъ направленіи, и тогда всеобщее счастье озаритъ всехъ.“

Когда, говоря я, начинаютъ такимъ образомъ, то хорошо если увѣрываютъ въ нихъ пять-шесть сторонниковъ; но отсюда до миллиарда людей еще далеко, очень далеко, такъ далеко, какъ неизмѣримо самое разстояніе между ними.

Подумайте еще и о томъ, что число социальных изобрѣтеній такъ-же безгранично, какъ и область воображенія; что нѣтъ ни одного публициста, который-бы, уединившись на нѣсколько часовъ въ своемъ кабинетѣ, не могъ-бы выйти изъ него съ какимъ-нибудь планомъ искусственной организации въ рукахъ; что изобрѣтенія Фурье, С.-Симона, Овена, Кабета, Блана и другихъ совсѣмъ не походятъ другъ на друга; что не проходитъ дня безъ того, чтобы не появились какіе-нибудь планы; что человѣчество по истинѣ до нѣкоторой степени право, если хочетъ собраться съ мыслями и пораздумать прежде, чѣмъ отбросить данную ему Богомъ социальную организацию и сдѣлать рѣшительный и безповоротный выборъ изъ такого множества социальных изобрѣтеній. И въ самомъ дѣлѣ, что произошло-бы, если-бъ общество выбрало себѣ одинъ изъ этихъ плановъ, а потомъ представился ей другой, лучшій? Можетъ-ли оно каждый день устанавливать все разныя основанія для собственности, семьи, труда, торговли? Должно-ли оно быть готово каждое утро мѣнять свою организацію?

Итакъ, говоритъ Руссо, законодатель, не имѣя возможности употребить ни силу, ни убѣжденіе, по необходимости прибѣгаетъ къ авторитету иного порядка, который-бы могъ увлечь безъ насилія и убѣдить безъ принужденія.

Что-же это за авторитетъ?

Обольщеніе Руссо не смѣетъ произнести это слово, но, слѣдуя своему всегдашнему обыкновению въ подобныхъ случаяхъ, онъ ставитъ его сзади прозрачной завѣсы такой краснорѣчивой тирады:

„Вотъ что во всѣ времена, говоритъ онъ, представляло вождей народовъ прибѣгать къ помощи неба и дѣлать боговъ причастными собственной мудрости, дабы народы, подчиняясь законамъ государства такъ-же, какъ и законамъ природы, и признавая одну и ту-же силу въ образованіи какъ человѣка, такъ и общества, повиновались *свободно*, безъ принужденія и покорно несли ярмо общественнаго благополучія. Рѣшенія этого *высшаго* разума, возвышающаго этихъ вождей надъ обычнымъ уровнемъ людей, законодатель влагаетъ въ уста бессмертныхъ, чтобы увлечь силою божественнаго авторитета тѣхъ, которыхъ нельзя взять силою человѣческаго убѣжденія. Но не всякій человѣкъ можетъ заставить говорить боговъ, и т. д.²“

Я не обвиняю современныхъ *вождей народовъ* въ томъ, что они прибѣгаютъ къ такому недостойному плутовству, однако не слѣдуетъ скрывать отъ себя и того, что, если стать на ихъ точку зрѣнія, то будетъ понятно, что они такъ легко увлекаются, вслѣдствіе своего желанія добиться успѣха. Когда искренній человѣкъ, преисполненный челоѣколюбія, вполнѣ убѣжденъ, что обладаетъ соціальной тайной, при помощи которой всѣ ближніе его могли-бы пользоваться безграничнымъ счастьемъ въ этомъ мірѣ; когда онъ ясно видитъ, что не можетъ доставить торжества своей идеѣ ни силой, ни убѣжденіемъ, и что плутовство даетъ ему единственное къ тому средство, то онъ долженъ испытывать сильное искушеніе. Извѣстно, что даже служители церкви, которые должны-бы чувствовать сильнѣйшее отвращеніе отъ лжи, и тѣ не отступали отъ *благочестивыхъ обмановъ*; и можно ви-

дѣтъ на примѣръ такого строгаго писателя, какъ Руссо, поставившаго въ заголовкѣ всѣхъ своихъ сочиненій: *Vitam impendere vero* (жизнь посвящать правдѣ), что гордая философія сама поддается соблазнительному дѣйствию правила — *цѣль оправдываетъ средства*. Что-же удивительнаго, что современные организаторы мечтаютъ также *сдѣлать боговъ участниками собственной мудрости, вложить свои рчишенія въ уста безсмертныхъ, узлечь народы безъ насилія и убѣдить ихъ безъ принужденія?*

Извѣстно, что у Фурье, по примѣру Моисея, книга Бытія предшествовала Второзаконію. С.-Симонъ и его ученики въ своихъ проповѣдническихъ стремленіяхъ пошли еще дальше. Другіе, болѣе отважные, связываютъ себя съ самой распространенной религіей, которую, подъ именемъ новаго христіанства, видоизмѣняютъ согласно своимъ воззрѣніямъ, и не найдется никого, кто-бы не былъ пораженъ тѣмъ напыщенно-мистическимъ тономъ, съ которымъ современные реформаторы обращаются въ своихъ проповѣдяхъ.

Но всѣ усилія, употреблявшіяся въ этомъ смыслѣ, доказали справедливость только одного, правда, имѣющаго свое значеніе положенія, — что въ наши дни не можетъ быть пророкомъ всякій, кто хочетъ имъ быть. Сколько ни провозглашай себя Богомъ, никто не повѣритъ тебѣ, ни общество, ни твои доброжелатели, да и самъ себѣ не повѣришь.

Такъ какъ я уже говорилъ о Руссо, то позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько размышленій объ этомъ *организаторѣ*, тѣмъ болѣе, что они помогутъ разъясненію разницы между искусственной и естественной организаціей. Къ тому-же это от-

ступленіе не будетъ совсѣмъ неумѣстно, такъ какъ съ нѣкотораго времени на „Соціальный Договоръ“ (Contrat social) смотрять, какъ на оракулъ будущаго.

Руссо былъ убѣжденъ, что одиночество есть естественное состояніе человѣка и что, слѣдовательно, общество выдуманно людьми. „Соціальный порядокъ, говоритъ онъ, въ самомъ началѣ, идетъ не отъ природы и основывается стало-быть на договорахъ“.

Кромѣ того, хотя этотъ философъ страстно любилъ свободу, однако имѣлъ печальное мнѣніе о людяхъ. Онъ считалъ ихъ совсѣмъ неспособными дать себѣ хорошее устройство. А потому было безусловно необходимо вмѣшательство какого-нибудь основателя, законодателя, вождя народовъ.

„Народъ, подчиняясь законамъ, говоритъ онъ, самъ долженъ быть ихъ творцемъ. Установить условія для существованія общества должны тѣ, которые соединяются въ общество, но какъ они установятъ ихъ? Совершится-ли это по взаимному соглашенію, вдругъ, по внезапному внушенію? Какимъ образомъ слѣная масса, которая часто сама не знаетъ, чего хочетъ, потому что она рѣдко знаетъ, въ чемъ ея благо, исполнить сама такое большое и трудное дѣло, какъ законодательная система?.. Частные люди видятъ благо, которое отвергаютъ, общество хочетъ блага, котораго не видитъ; для всѣхъ одинаково пужны руководители... Вотъ откуда возникаетъ надобность въ законодатель“.

Этотъ законодатель, какъ мы видѣли, „не можетъ дѣйствовать ни силою, ни убѣжденіемъ и

по необходимости прибѣгаетъ къ авторитету другого порядка“, т. е., выражаясь точнѣе, прибѣгаетъ къ плутовству.

Нельзя представить себѣ, на какую недостижимую высоту сравнительно съ другими людьми ставить Руссо своего законодателя:

„Нужны боги, чтобы давать законы людямъ... Кто отваживается заняться устройствомъ народа, долженъ чувствовать себя въ состояніи измѣнить, такъ-сказать, человѣческую природу... Передѣлать организмъ человѣка, чтобы сдѣлать его болѣе сильнымъ... Надо отнять у человѣка его собственныя силы, чтобы замѣнить ихъ надѣлать его другими чуждыми ему... Во всемъ этомъ законодатель является чрезвычайнымъ человѣкомъ въ государствѣ, назначеніе его совершенно о-обенное, высшее, не имѣющее ничего общаго съ дарованною человѣку властью... Если справедливо, что великій правитель—рѣдкость, то что-же сказать о великомъ законодателѣ? Первому приходится только слѣдовать по образцу, представленному послѣднимъ. Одинъ является механикомъ, изобрѣтающимъ машину, а другой простымъ рабочимъ, который собираетъ ее и пускаетъ въ ходъ“.

Что-же такое человѣчество во всемъ этомъ?

Презрѣнная матерія, изъ которой составлена эта машина.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не гордость, доведенная до безумія? Люди образуютъ собою только матеріалъ машины, которую правитель заставляетъ двигаться по модели, предложенной законодателемъ; а философъ руководитъ законодателемъ, становясь такимъ образомъ на неизмѣримое разстояніе отъ

народа, правителя и самого законодателя; онъ, такъ-сказать, парить надъ человѣчествомъ, приводитъ его въ движеніе, передѣлываетъ, такъ-сказать, заквашиваетъ его, или скорѣй научаетъ вождей народовъ—какъ надо браться за дѣло.

Однако устроитель народа долженъ-же имѣть какую-нибудь цѣль передъ глазами. Хотя это только матерія, съ которою онъ имѣетъ дѣло, но надо-же направить ее къ какому-нибудь концу. Такъ какъ люди лишены инициативы и все зависитъ отъ законодателя, то онъ одинъ рѣшаетъ, долженъ-ли народъ заниматься торговлей, земледѣліемъ, или оставаться въ варварскомъ состояніи, ихтиофагомъ и т. д.; но при этомъ желательно, чтобы законодатель не ошибся и не очень насилывалъ природу вещей.

Лиди, *словоризмисъ* соединиться вмѣстѣ, или вѣрифе—соединяясь въ общество по волѣ законодателя, имѣютъ весьма опредѣленную цѣль. „Въ силу этого, говоритъ Руссо, евреи и въ новое время арабы сдѣлали своимъ главнымъ предметомъ религію; афиняне — словесность; Карфагенъ и Тиръ—торговлю; Родосъ—мореходство; Спарта—войну и Римъ—воинскую доблесть“.

Что-же именно заставить насъ, французовъ, выйти изъ нашего одиночества или изъ *естественнаго состоянія*, чтобы образовать общество?

Или скорѣе (вѣдь мы—просто косяная матерія, служимъ только матеріаломъ для машины) къ какой цѣли направить насъ великій *устроитель*?

По идеямъ Руссо тутъ не можетъ быть ни науки, ни торговли, ни мореходства. Война цѣль болѣе благородная, а добродѣтель еще благороднѣе.

Но есть еще одна цѣль, выше всѣхъ другихъ: что должно быть завершеиіемъ всякой законодательной системы, это—*свобода и равенство*.}

Но надо знать, что разумѣеть Руссо подъ именемъ—свобода. Пользоваться свободой по его мнѣнію, не значитъ быть свободнымъ, а значить—*подать свой голосъ* даже въ томъ случаѣ, когда „будешь принужденъ къ этому безъ насилія и угроженъ противъ своего убѣжденія“, ибо тогда, „попинуешься свободно, безъ принужденія и покорно несешь ярмо общественного благополучія“.

„Въ Греціи, говоритъ онъ, народъ дѣлалъ самъ все, что нужно было ему; онъ постоянно собирався на площади, жилъ въ мягкомъ климатѣ, не былъ жаденъ, *рабы исполняли за него всю работу, его-же великимъ дѣломъ была свобода*“.

„Англійскій народъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, думаетъ, что онъ свободенъ; онъ сильно ошибается; онъ бываетъ свободенъ только во время выборовъ членовъ парламента; но лишь только они избраны, онъ—*разъ*, онъ—ничто“.

Слѣдовательно, народъ, если онъ хочетъ быть свободнымъ, долженъ дѣлать самъ все, что касается до общественныхъ обязанностей, такъ какъ въ этомъ только и состоитъ свобода. Онъ долженъ постоянно избирать, всегда находиться на площади, и горе ему, если онъ вздумаетъ работать для того, чтобъ жить.

Лишь только кто-нибудь изъ гражданъ отважится заняться собственными дѣлами, тотчасъ-же (любимое выраженіе Руссо) все пропадаетъ.

Да, затрудненіе не малое. Какъ быть, въ самомъ дѣлѣ? Чтобы упражняться въ добродѣтели,

даже изловчиться въ свободѣ, надо прежде всего существовать чѣмъ-нибудь.

Сейчасъ видно было, за какой оболочкой краснорѣчія скрытъ Руссо слово *плутовство*. Теперь же видно будетъ, какимъ потокомъ краснорѣчія воспользовался онъ, чтобы придти къ общему выводу своей книги—къ *рабству*.

„Ваши суровые климаты создаютъ ваши нужды, въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году площадь остается пуста; ваши глухіе голоса не могутъ быть слышны на открытомъ воздухѣ, и вы меньше боитесь рабства чѣмъ нищеты.

„Вы хорошо видите, что не можете быть свободны.—Какъ! Свобода можетъ сохраняться, только опираясь на рабства? Можетъ быть“.

Если-бы Руссо остановился на этомъ странномъ словѣ, читатель возмущился-бы. И вотъ онъ прибѣгаетъ къ внушительной декламации у Руссо нѣтъ никогда недостатка въ ней.

„Все, что не въ природѣ (говорится объ обществѣ), имѣетъ свои неудобства, а гражданское общество—болѣе чѣмъ что-нибудь другое. Бываютъ такія несчастныя положенія, при которыхъ нельзя сохранить свою свободу иначе, какъ на счетъ своего ближняго, и при которыхъ гражданинъ не можетъ быть вполне свободенъ безъ того, чтобы рабъ не сдѣлался еще болѣе рабомъ. Вы, современные народы, у васъ нѣтъ рабовъ, но вы сами рабы; вы собой оплачиваете ихъ свободу... Какъ вы ни хвастаетесь этимъ преимуществомъ, но я нахожу въ немъ болѣе низкаго малодушія, чѣмъ челоуѣколюбія“.

Хотѣлъ-бы я знать, не надо-ли понимать эту

рацею такъ: „современные народы, вы сдѣлали-бы лучше если-бы сами перестали быть рабами, а сдѣлали рабами другихъ“.

Да извинить меня читатель за это длинное отступленіе; я думалъ, что оно не бесполезно. Съ нѣкоторыхъ поръ намъ представляютъ Руссо и послѣдователей его „Соціальнаго Договора“ апостолами братства. Люди—какъ бездушный матеріалъ, правитель—какъ механикъ, вожди народовъ—какъ изобрѣтатели машины, философъ—какъ нѣчто стоящее выше всѣхъ, плутовство—какъ средство, рабство—какъ результатъ всего,—и вотъ въ чемъ состоитъ братство, которое намъ обѣщаютъ?

Мнѣ казалось также, что изученіе „Соціального Договора“ можетъ показать, что именно содержится характернаго въ искусственныхъ соціальныхъ организаціяхъ. Отправляться отъ той мысли, что общество противно природѣ вещей; искать всякихъ комбинацій, въ которыя можно было-бы уложить человѣчество; терять изъ виду, что оно само содержитъ въ себѣ двигающую его силу; смотрѣть на людей, какъ на бездушный матеріалъ; заботиться о томъ, чтобы сообщить имъ движеніе и волю, чувство и жизнь, и такимъ образомъ поставить себя неизмѣримо выше всего человѣчества—вотъ черты, общія всѣмъ изобрѣтателямъ общественныхъ организацій. Системы ихъ различны между собой, но сами изобрѣтатели похожи другъ на друга.

Въ числѣ новыхъ устроений, къ которымъ приглашаются слабые смертные, есть одно, изображаемое въ такихъ выраженіяхъ, которыя дѣлаютъ его достойнымъ вниманія. Формула эта такова: *прогрессивная и добровольная ассоціація*.

Но политическая экономія и основывается на томъ именно положеніи, что общество есть ничто иное, какъ ассоціація, ассоціація несовершенная сначала, потому что самъ человѣкъ несовершененъ, но совершенствующаяся вмѣстѣ съ нимъ, т. е. *прогрессивная*. Понимаютъ-ли ее въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ союзъ между трудомъ, капиталомъ и талантомъ, союзъ, результатомъ котораго должно получиться для членовъ человѣческой семьи большее количество благъ и лучшее ихъ распредѣленіе? Если эти ассоціаціи *добровольны*, если никакая сила и принужденіе не вмѣшиваются въ нихъ, если члены такого союза не обнаруживаютъ притязаній на то, чтобы расходы, связанные съ его устройствомъ, возложить на тѣхъ, кто отказывается вступить въ ихъ среду, въ чемъ-же такая ассоціація была-бы противна политической экономіи? Развѣ политическая экономія, какъ наука, не занимается изученіемъ различныхъ формъ, въ которыхъ люди соединяются вмѣстѣ, чтобы распредѣлить между собой занятія, ради бѣльшаго благосостоянія и его наилучшаго распредѣленія? Развѣ торговля не представляетъ намъ то и дѣло примѣровъ, какъ двое, трое, четверо составляютъ между собой ассоціаціи? Развѣ половничество не есть въ своемъ родѣ простая, если хотите, форма ассоціаціи капитала и труда? Развѣ мы не видали, какъ въ послѣднее время составлялись компаніи на акціяхъ, при которыхъ самый ничтожный капиталъ получаетъ возможность участвовать въ самыхъ обширныхъ предпріятіяхъ? Развѣ въ нашей странѣ не найдется нѣсколькихъ фабрикъ, въ которыхъ стараются сдѣлать всѣхъ работающихъ на нихъ участниками

въ результатахъ производства? Развѣ политическая экономія осуждаетъ такія попытки людей—извлечь наибольшую выгоду изъ своихъ силъ? Развѣ она утверждала когда-нибудь, что человѣчество сказало свое послѣднее слово? Совсѣмъ наоборотъ, и я увѣренъ, что никакая другая наука не доказывала такъ ясно, что общество находится еще въ младенчествѣ.

Но какія-бы надежды ни возлагали на будущее, какія-бы представленія ни составляли о формахъ, въ которыхъ человѣчество могло-бы достигнуть наилучшаго устройства своихъ отношеній, всеобщаго распространенія благоденствія, знаній и нравственности, а надо все-таки признать, что общество представляетъ собою такую организацію, основаніемъ которой служить разумное нравственное существо, одаренное свободою, волей и способное къ совершенствованію. Если вы отымете у него свободу, то общество превратится въ печальный и грубый механизмъ.

Свободу! Какъ будто ея не хотятъ больше въ наши дни. Во Франціи, въ этомъ привилегированномъ царствѣ моды, свобода какъ будто вышла изъ употребленія. А я говорю: кто отвергаетъ свободу, тотъ не вѣритъ въ человѣчество. Нѣкоторые-же утверждаютъ, что недавно сдѣлано прискорбное открытіе — будто свобода роковымъ образомъ ведетъ къ монополіи. Нѣтъ, такого чудовищнаго, противъестественнаго сочетанія не существуетъ; это—воображаемый результатъ заблужденія, которое тотчасъ-же разсѣвается при свѣтѣ политической экономіи. Свобода порождаетъ монополію! Притѣсненіе—естественное порожденіе

свободы! Но будемъ осторожны: утверждать это, значить—утверждать, что стремленія человѣчества дурны въ самомъ корнѣ, дурны сами въ себѣ, дурны по самому существу своему;—значить доказывать, что человѣкъ по самой природѣ своей стремится къ ухудшенію, а разумъ его неудержимо идетъ къ заблужденію. Къ чему-же ведутъ тогда наши школы, наше ученье, наши изслѣдованія, наши обсуждения, какъ не къ тому, чтобы дать намъ сильнѣйшій толчекъ къ низверженію по этой роковой наклонной плоскости, ибо научиться выбирать наилучшее значило-бы для человѣчества научиться самоистребленію? Если стремленія человѣчества по существу своему нечестивы, то въ чемъ-же наши организаторы, желающіе измѣнить ихъ, будутъ искать точки опоры? Согласно ихъ послыкамъ, эта точка опоры должна находиться внѣ человѣчества. Найдутъ-ли они ее въ самихъ себѣ, въ своемъ разумѣ, въ своемъ сердцѣ? Но, вѣдь, они еще не боги; они тоже люди, а слѣдовательно, тоже стремятся со всѣмъ человѣчествомъ къ роковой пропасти. Но, можетъ быть, будутъ взывать къ вышательству государства? Но и государство состоитъ изъ людей, пришлось-бы доказывать, что они составляютъ какой-то особый классъ людей, и что не для нихъ существуютъ общіе социальные законы, если на нихъ возлагаютъ трудъ создать эти законы. Безъ такого доказательства трудность рѣшенія вопроса ни сколько не устраняется.

Не будемъ обрекать на смерть человѣчество, пока не изучимъ законовъ, силъ, энергій и стремленій его. Ньютонъ, съ тѣхъ поръ какъ открылъ законъ тяготѣнія, произносилъ всегда имя Божіе

съ непокрытой головой. На сколько разумъ выше матеріи, настолько и социальный міръ выше того матеріальнаго міра, которымъ такъ восхищался Ньютонъ, такъ какъ небесный механизмъ повинуется законамъ, не сознавая ихъ. Во сколько разъ больше оснований имѣемъ мы поклониться передъ Вѣчною Мудростью, созерцая социальный механизмъ, въ которомъ также живетъ вѣчная идея, — разумъ править матеріей (*mens agitat molem*), раскрывающая имъ, что этотъ механизмъ представляетъ собою чрезвычайное явленіе потому, что каждый атомъ его есть существо живое, мыслящее, одаренное тою изумительною энергіей, тѣмъ принципомъ нравственности, личнаго достоинства и прогресса, которые составляютъ исключительную принадлежность человѣка — *Свободой!*

III.

Капиталь.

Экономическіе законы дѣйствуютъ по одному и тому-же принципу, идетъ-ли дѣло о многочисленномъ сообществѣ людей, о двухъ отдѣльныхъ лицахъ или даже объ одномъ человѣкѣ, обреченномъ судьбою жить въ одиночествѣ.

Каждый человѣкъ, если-бы онъ могъ нѣкоторое время прожить одинъ, представлялъ-бы собою и капиталиста, и предпринимателя, и рабочаго, и производителя и потребителя. Въ немъ совершилась-бы вся экономическая эволюція. Наблюдая каждый изъ входящихъ въ составъ его элементовъ: потребность, усиліе, удовлетвореніе, даровую и трудовую полезность человѣка, получишь понятіе обо всемъ механизмѣ, хотя и въ его простѣйшей формѣ.

Если есть что-нибудь вполне очевидное на свѣтѣ, это — то, что *даровое* никогда не смѣшается съ тѣмъ, что требуетъ *усилій*. Человѣкъ всегда хорошо знаетъ, когда силы или матерія даются ему даромъ природой, безъ всякаго участія его труда, даже и въ томъ случаѣ, когда они вмѣшиваются, чтобы сдѣлать его болѣе производительнымъ.

Человѣкъ, живущій въ одиночествѣ, никогда не подумаетъ потребовать отъ своего труда того,

что можетъ непосредственно даромъ получить отъ природы. Онъ не пойдетъ искать воду куда-нибудь за версту, если есть источникъ у самой хижины его. По той-же причинѣ всякій разъ, какъ придется ему обращаться къ своему труду, онъ будетъ оставаться замѣнить его, насколько возможно, содѣйствіемъ силъ природы.

Вотъ почему, сооружая лодку, онъ сдѣлаетъ ее изъ самаго легкаго дерева, чтобы воспользоваться вѣсомъ воды. Онъ постарается приладить къ ней парусъ, дабы вѣтеръ освободилъ его отъ труда грести веслами, и т. д.

Чтобы такимъ образомъ призвать къ содѣйствію естественныя силы природы, необходимы орудія, инструменты.

Здѣсь уже ясно, что человѣку, живущему въ одиночествѣ, непременно придется хорошенько разсчитывать.

Онъ непременно задастся такимъ вопросомъ: теперь я получаю удовлетвореніе при извѣстномъ усилии съ своей стороны; когда-же я буду располагать какимъ-нибудь орудіемъ, то получу-ли я тоже удовлетвореніе при меньшемъ усилии, по прибавляя къ усилю, которое мнѣ придется сдѣлать, еще и трудъ, необходимый для приготовленія самаго орудія?

Никто не станетъ тратить свои силы ради только одного удовольствія тратить ихъ. Робинзонъ только тогда примется за приготовленіе какого-нибудь орудія, когда онъ наконецъ убѣдится, что сбережетъ свои силы при одинаковомъ удовлетвореніи потребностей, или получить большее удовлетвореніе при тѣхъ-же усиліяхъ.

Одно обстоятельство имѣетъ большое вліяніе на расчетъ, это — число и повторяемость продуктовъ, производству которыхъ должно содѣйствовать орудіе во все время, пока оно дѣйствуетъ. Здѣсь на первомъ планѣ сравненія — Робинзонъ: всякій разъ, когда онъ хочетъ доставить себѣ, безъ всякой сторонней помощи, непосредственное удовлетвореніе, то прибѣгаетъ непременно къ помощи труда.

Онъ взвѣшиваетъ тогда, сколько труда сохранить ему орудіе въ каждомъ изъ подобныхъ случаевъ; но чтобы сдѣлать орудіе, надо еще потрудиться и эту работу онъ мысленно распредѣляетъ на общее число всѣхъ случаевъ, когда онъ будетъ имъ пользоваться. Чѣмъ больше это число случаевъ, тѣмъ убѣдительнѣе мотивъ, по которому онъ рѣшается прибѣгнуть къ такому средству. — Въ этомъ-то распредѣленіи аванса на совокупность всѣхъ продуктовъ и заключается сущность *процента* и его право на существованіе.

Рѣшившись приготовить себѣ какое-нибудь орудіе, Робинзонъ видитъ, что тутъ одной доброй воли и выгоды отъ него еще недостаточно. Нужны другія орудія, чтобы сдѣлать это новое орудіе; нужно желѣзо, чтобы ковать желѣзо и т. д.; восходя отъ одной трудности къ другой, онъ доходитъ до первоначальной трудности, которая кажется неразрѣшимою. Это дастъ намъ понятіе о той чрезвычайной медленности, съ какой составлялись капиталы въ самомъ началѣ, и какое громадное напряженіе силъ долженъ былъ дѣлать человѣкъ, чтобы достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей.

Это еще не все. Если надо сдѣлать рабочіе

инструменты, то хотя и были-бы наготовѣ необходимыя для этого орудія, однако нуженъ еще *матеріалъ* для нихъ. Если этотъ матеріалъ и дается даромъ природою, какъ напримѣръ камень, то приходится все-таки собрать его въ одно мѣсто, а для этого нужно извѣстное напряженіе силъ.

Но обладаніе этими матеріалами почти всегда предполагаетъ какой-нибудь предшествующій трудъ, продолжительный и сложный, какой требуется, на-примѣръ, для выдѣлки шерсти, льна, желѣза, олова и т. д.

Но и это еще не все. Пока человѣкъ работаетъ съ единственною цѣлью облегчить себѣ будущій трудъ, ему некогда работать для удовлетворенія своихъ настоящихъ потребностей. Но это—такой порядокъ явленій, въ которомъ природа не захотѣла допустить никакихъ перерывовъ: каждый день приходится кормиться, одѣваться, имѣть кровъ, гдѣ укрыться. И вотъ Робинзонъ видитъ, что онъ не можетъ ничего предпринять, чтобы призвать къ содѣйствію себѣ естественныя силы природы, пока не соберетъ предварительно нужныхъ ему *запасовъ*. Каждый день онъ долженъ усиленнѣе охотиться, чтобы отложить про запасъ часть дичи, отъ многого отказываться, чтобы выиграть время, необходимое для приготовления задуманнаго имъ рабочаго инструмента. При такихъ обстоятельствахъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что приготовленное имъ орудіе окажется грубо, несовершенно, т. е. будетъ мало пригодно къ дѣлу.

Съ теченіемъ времени способности Робинзона все совершенствуются. Постояннымъ мысленіемъ и опытностью нашъ островитянинъ научается лучше

работать; первое сработанное имъ орудіе даетъ ему возможность сработать другія орудія и скорѣе накопить необходимые запасы.

Орудія, матеріалы, запасы—вотъ что Робинзонъ, безъ сомнѣнія, назоветъ своимъ капиталомъ и охотно признаетъ, что чѣмъ больше будетъ капиталъ, тѣмъ лучше онъ приспособитъ себѣ естественныя силы природы, тѣмъ лучше и больше онѣ будутъ помогать ему въ его трудѣ и, наконецъ, тѣмъ больше его усилія будутъ соответствовать удовлетворенію его потребностей.

Станемъ теперь въ центръ общественнаго устройства. Капиталъ и здѣсь также состоитъ изъ рабочихъ инструментовъ, матеріаловъ и припасовъ, безъ которыхъ никто, ни въ одиночествѣ, ни въ обществѣ, не могъ-бы предпринять никакой продолжительной работы. Если кто достаточно снабженъ этимъ капиталомъ, то потому только, что создалъ его своими усиліями или лишеніями, и никто не сталъ-бы дѣлать этихъ усилій, совершенно чуждыхъ удовлетворенію настоящихъ потребностей, никто не сталъ-бы подвергать себя этимъ лишеніямъ, если-бы не имѣлъ въ виду какихъ-нибудь выгодъ въ будущемъ, если-бы не имѣлъ въ виду призвать къ содѣйствію себѣ наибольшее число естественныхъ силъ природы. Для обладателей такого капитала уступить его, значить лишить себя желаемой выгоды, значить—уступить ее другому, т. е. оказать ему *услугу*. А потому, или надо не имѣть никакого самаго элементарнаго представленія о справедливости и отказаться отъ голоса разума, или надо признать, что эти люди будутъ въ полномъ правѣ

дѣлать такую услугу только въ обмѣнъ на какую-нибудь другую услугу, установленную по свободному и добровольному соглашенію. Я не думаю, чтобы нашелся хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который сталъ-бы оспаривать принципъ *взаимности услугъ*, потому что *взаимность услугъ*, другими словами, есть сама справедливость. Скажутъ, пожалуй, что такое соглашеніе не можетъ быть установлено *свободно* потому, что тотъ, кто владѣетъ капиталомъ, можетъ наслѣдственно навязать свои требованія тому, кто не имѣетъ его. Но какъ же можетъ состояться такое соглашеніе? Какъ установить эту *соразмѣрность услугъ*, если не добровольнымъ соглашеніемъ той и другой стороны? Къ тому-же развѣ не видно того, что заемщикъ, свободный въ своемъ выборѣ, откажется отъ соглашенія, если оно невыгодно, и что заемъ никогда не можетъ содѣйствовать ухудшенію его положенія? Ясно, что вопросъ, которымъ онъ задается, будетъ состоять въ слѣдующемъ: доставить-ли мнѣ употребленіе этого капитала такія выгоды, которыя болѣе чѣмъ уравниваютъ условія, мнѣ предлагаемыя? Или: трудъ, который я принужденъ теперь употребить для полученія даннаго удовлетворенія, превышаетъ-ли онъ, или нѣтъ, тѣ усилія, которыя я долженъ буду сдѣлать вслѣдствіе займа, сначала для того, чтобы вернуть *услуги*, которыхъ съ меня требуютъ, а потомъ, чтобы достигнуть желаемого удовлетворенія при помощи занятаго капитала? Прежде всего, всякій долженъ взвѣсить все это и сообразить, и если найдетъ, что никакой выгоды отъ этого соглашенія ему не окажется, то онъ и не станетъ зани-

мать и останется въ прежнемъ положеніи, и какой-же, спрашивается, вредъ произойдетъ для него? Но онъ можетъ ошибиться, возразять мнѣ. Безъ сомнѣнія. Ошибиться можно при всевозможныхъ комбинаціяхъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что здѣсь не можетъ свободно состояться никакое соглашеніе? Если-же это такъ, то пусть намъ скажутъ, чѣмъ должно замѣнить эту свободную волю, это свободное соглашеніе. Ужъ не принужденіемъ-ли, такъ какъ вѣ свободы я ничего другого не знаю, кромѣ принужденія. Нѣтъ, отвѣтятъ мнѣ, рѣшеніемъ третьяго лица. Я вполне согласенъ на это, но лишь при соблюденіи трехъ условій. Первое — чтобы рѣшеніе этого лица, какъ-бы оно ни называлось, было свободно и поставлено вѣ всякаго принужденія. Второе — чтобы это лицо было непогрѣшимо, потому что не стоитъ труда одну погрѣшимость замѣнять другой, я-же предпочитаю въ этомъ случаѣ погрѣшимость заинтересованнаго лица. Наконецъ, третье условіе чтобы это третье лицо не получало за это никакой платы. Въ самомъ дѣлѣ ни странно-ли было-бы выражать свою симпатію къ заемщику тѣмъ, чтобы сначала отнять у него его свободу, а потомъ взвалить ему на плечи лишнюю тяготу, въ видѣ вознагражденія за эту филантропическую услугу. Но оставимъ вопросъ о правѣ и перейдемъ къ политической экономіи.

Капиталь, состоитъ-ли онъ изъ матеріаловъ, припасовъ или орудій, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: *полезность* и *цѣнность*. Я-бы очень неясно изложилъ теорію цѣнности, если-бъ читатель не понималъ, что тотъ, кто уступаетъ свой капиталъ,

требуетъ себѣ въ уплату за него только *цѣнность*, т. е. услугу, оказанную имъ въ свое время, вмѣстѣ съ трудомъ, который вы сберегли заемщику. Въ дѣйствительности капиталъ—такой-же продуктъ, какъ и всякій другой, и получаетъ свое особое названіе только отъ своего будущаго назначенія. Очень было-бы ошибочно думать, что капиталъ существуетъ самъ по себѣ. Мѣшокъ хлѣба есть только мѣшокъ хлѣба, хотя-бы одинъ продавалъ его, какъ свой доходъ, а другой покупалъ, какъ капиталъ. Взаимный обмѣнъ совершается по слѣдующему неизмѣнному принципу: цѣнность за цѣнность, услуга за услугу; а все, что представляетъ собою даровую полезность, стоитъ внѣ торга, потому что даровой продуктъ не имѣетъ цѣнности, а предметомъ мѣновыхъ сдѣлокъ бываетъ только цѣнность. Въ этомъ отношеніи сдѣлки капиталами ничѣмъ не отличаются отъ всякихъ другихъ сдѣлокъ.

Отсюда въ социальномъ устройствѣ происходятъ удивительныя явленія, на которыя я могу указать здѣсь только вскользь. Человѣкъ, живущій въ одиночествѣ, владѣетъ капиталомъ только тогда, когда онъ собралъ матеріалы, припасы и орудія. Совсѣмъ другое бываетъ съ человѣкомъ, живущимъ въ обществѣ. Если онъ оказалъ какія-нибудь услуги, то этого достаточно, чтобы онъ имѣлъ право, въ свою очередь, получить съ общества при помощи всего механизма обмѣна соотвѣтственную услугу. Подъ механизмомъ обмѣна я разумѣю монету, векселя, банковые билеты и даже банкировъ. Всякій, кто оказалъ какую-нибудь *услугу* и не получилъ еще соотвѣтствующаго ей *удовлетворенія*, стано-

вится предъявителемъ документа, или имѣющаго какую-нибудь цѣнность, какъ монета, или такого, на который можно получить ее, какъ банковый билетъ,—документа, дающаго предъявителю его право на полученіе съ общества, когда онъ захочетъ, гдѣ онъ захочетъ и въ какой захочетъ онъ формѣ, равную по цѣнности *услугу*. И такое явленіе рѣшительно ни въ чемъ не нарушаетъ, ни въ принципѣ, ни въ слѣдствіяхъ, ни въ отношеніи юридическаго права, великаго закона, который я стараюсь выяснить, а именно, что *услуги обмѣниваются на услуги*. Это все тотъ-же обмѣнъ, какимъ онъ былъ въ своемъ зародышѣ, только развившійся, выросшій, осложнившійся, но не переставшій быть самимъ собой.

Слѣдовательно, предъявитель такого документа можетъ получить съ общества, по своему усмотрѣнію, или немедленное удовлетвореніе, или такой предметъ, который, съ его точки зрѣнія, имѣетъ характеръ капитала; но до этого нѣтъ никакого дѣла тому, кто уступилъ свой капиталъ. Тутъ ужъ только одно—*соразмѣрность услугъ*.

Онъ можетъ также уступить свое право другому, а этотъ другой можетъ воспользоваться имъ какъ хочетъ, но съ соблюденіемъ лишь двухъ условій: возвращенія полученнаго и оказанія *услуги* въ различное время. Если взглянуть глубже въ существо дѣла, то окажется, что въ этомъ случаѣ уступающій *лишаетъ себя* въ пользу того, кому уступаетъ, или непосредственнаго удовлетворенія, отдавая его на нѣсколько лѣтъ, или орудія своего труда, которое увеличило-бы его силы, дало-бы ему возможность воспользоваться содѣй-

ствіемъ естественныхъ силъ природы и увеличило-бы въ его пользу отношеніе полученныхъ удовольствованій къ усиліямъ, которыя онъ сдѣлалъ. Онъ лишаетъ себя этихъ выгодъ и предоставляет ихъ другому. Это, безъ сомнѣнія, значить оказать *услугу* и невозможно допустить, по строгой справедливости, чтобы за эту услугу онъ не имѣлъ права на взаимность, т. е. на полученіе соотвѣтствующей услуги. Одно простое возвращеніе полученнаго въ концѣ года не можетъ быть разсматриваемо, какъ вознагражденіе за эту специальную услугу. Люди, думающіе иначе, не понимаютъ, что здѣсь дѣло идетъ не о простой продажѣ, при которой вознагражденіе выдается тотчасъ-же, какъ полученъ купленный предметъ. Здѣсь дѣло идетъ объ отсрочкѣ, а отсрочка, сама по себѣ, составляетъ особую услугу, такъ какъ она предполагаетъ жертву со стороны оказывающаго ее и доставляетъ выгоду тому, кто въ ней нуждается. Слѣдовательно, тутъ есть мѣсто особому вознагражденію, иначе пришлось-бы отказаться отъ высшаго общественнаго закона: *услуга за услугу*. Это - то вознагражденіе принимаетъ, смотря по обстоятельствамъ, различныя наименованія: *найма, аренды, ренты*, но генерическое имя его — *процентъ*.

Такимъ образомъ, благодаря удивительному механизму обмѣна, всякая *услуга* есть капиталъ, или можетъ сдѣлаться капиталомъ. Если рабочіе должны будутъ черезъ десять лѣтъ приступить къ постройкѣ желѣзной дороги, то вѣдь мы не можемъ съ нынѣшняго-же дня начать откладывать въ натурѣ: хлѣбъ, которымъ они будутъ питаться, холстъ, въ

который они будутъ одѣваться, и тачки, необходимы для этой продолжительной работы. Но мы можемъ отложить и передать имъ *цѣнность* всѣхъ этихъ предметовъ. Для этого достаточно оказать обществу въ настоящую минуту *услуги* и заручиться за нихъ правомъ на получение черезъ 10 лѣтъ хлѣба, холста. Тутъ итъ даже необходимости оставлять это право безъ осуществленія въ промежуткѣ этого времени. Въ обществѣ есть торговцы, банкиры, есть такіе посредники, которые за наши услуги отвѣтять своей услугой и за насъ возьмутъ на себя эти лишенія. Больше-же всего удивительно здѣсь то, что мы можемъ совершить обратное дѣйствіе, какъ это ни кажется невозможнымъ съ перваго взгляда. Мы можемъ обратить въ рабочіе инструменты, въ желѣзныя дороги, въ дома капиталъ, который еще не родился, и, такимъ образомъ, утилизировать *услуги*, которыя будутъ оказаны только въ XX вѣкѣ. На это есть банкиры, которые выдадутъ капиталъ впередъ, на вѣру—что уплату его примутъ на себя рабочіе и путешественники въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи, и выданные такими банкирами особые документы *на будущее* будутъ переходить изъ рукъ въ руки, никогда не дѣлаясь непроизводительными. Признаюсь—я не думаю, чтобы изобрѣтатели искусственныхъ обществъ какъ-бы они многочисленны ни были, могли когда-нибудь выдумать что-нибудь простѣе и въ тоже время сложнѣе этого, что нибудь болѣе остроумное и справедливое. Они, конечно, отказались-бы отъ своихъ дряблыхъ и тяжелыхъ утопій, если-бы только были знакомы съ чудными гармоніями социальнаго механизма, уста-

новленнаго самимъ Богомъ. Арагонскій король также думалъ о томъ, какое подаль-бы онъ мнѣніе о небесномъ механизмѣ, если-бъ Провидѣніе призвало его на совѣтъ. И, конечно, не Ньютону было задаваться такою нечестивою мыслию.

Но надо сказать, что всѣ передачи услугъ, совершающіяся въ пространствѣ и во времени, основываются на томъ принципѣ, что *дать отсрочку значитъ оказать услугу*, другими словами—основываются на законности процента. Когда въ наше время одинъ социалистъ захотѣлъ уничтожить процентъ, то онъ не понялъ, что низводилъ обмѣнъ къ тому зачаточному состоянію его, къ тому простому немедленному обмѣну, который не имѣетъ ни будущаго, ни прошедшаго. Онъ не понялъ, что, считая себя самымъ передовымъ человѣкомъ, онъ оказался, напротивъ, самымъ отсталымъ изъ всѣхъ, потому что перестраивалъ общество по его самому примитивному образцу. Я хочу, говорилъ онъ, *взаимности услугъ*, а началъ съ того, что отнялъ характеръ *услугъ* именно у того разряда ихъ, который связываетъ, соединяетъ и объединяетъ всѣ пространства и всѣ времена. Впрочемъ, этотъ человѣкъ изъ всѣхъ социалистовъ, не смотря на все удалъство своихъ афоризмовъ въ примѣненіи къ дѣйствительности, понялъ лучше другихъ и отнесся съ наибольшимъ уваженіемъ къ настоящему устройству общества. Всѣ его планы сводятся лишь къ одной реформѣ, да и та должна быть отвергнута. Она состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить въ общественномъ механизмѣ самое могущественное и самое удивительное изъ его колесъ.

Я уже объяснялъ законность и непрерывность

процента. Здѣсь достаточно напомнить о слѣдующемъ:

1. Законность процента основывается на слѣдующемъ положеніи: *всякій, кто соглашается дать капиталъ на известный срокъ, оказываетъ услугу. Стало-быть процентъ законенъ въ силу принципа— услуга за услугу.*

2. Непрерывность процента основывается на положеніи: *берущій займы долженъ сполна вернуть занятое въ известный срокъ.* Слѣдовательно, если предметъ или его цѣнность возвращены его собственнику, то онъ можетъ опять дать ее займа. Когда она будетъ возвращена ему во второй разъ, онъ можетъ отдать ее займа въ третій разъ и т. д. до безконечности. Кто-же изъ этихъ послѣдовательныхъ и добровольныхъ заемщиковъ можетъ жаловаться?

Такъ какъ въ послѣднее время законность процента достаточно оспаривалась, чтобы запугать капиталъ и заставить его спрятаться, бѣжать куда-нибудь, то да будетъ мнѣ позволено показать, насколько безразсуденъ этотъ странный походъ противъ законности процента.

Прежде всего, не будетъ-ли такъ-же нелѣпо, какъ и несправедливо, если вознагражденіе останется одинаковымъ, не взирая на то, будетъ-ли заемщикъ пользоваться годовой, двухлѣтней, десятилѣтней отсрочкой, или-же не будетъ совсѣмъ требовать ея? Если-бы, къ несчастью, въ нашемъ сводѣ законовъ подъ вліяніемъ ученія о равенствѣ, было постановлено что-нибудь подобное, то мгновенно прекратился-бы цѣлый разрядъ человѣческихъ сношеній. Осталась-бы простая мѣна, про-

даже наличная, но не было-бы продажи на срок, ни займовъ; проповѣдники равенства освободили-бы заемщиковъ отъ тягости процента—это правда; но они лишили-бы ихъ совсѣмъ возможности занимать. На такомъ-же точно основаніи можно освободить людей отъ неудобной обязанности ихъ платить за то, что они покупаютъ. Для этого достаточно было-бы только запретить покупать, или, что то-же самое, постановить закономъ, что ~~нѣтъ~~ незаконны.

Принципъ равенства заключаетъ въ себѣ дѣйствительно нѣчто все уравнивающее. Такъ, прежде всего онъ не далъ-бы капиталу возможности образоваться, ибо кто-же сталъ-бы дѣлать сбереженія, если изъ нихъ нельзя извлечь никакой пользы? Потомъ онъ довелъ-бы заработанную плату до нуля, потому что, гдѣ нѣтъ капитала (орудій, матеріаловъ и припасовъ), тамъ не можетъ быть ни труда въ будущемъ, ни заработной платы. Дѣйствительно, тогда мы скоро дошли-бы до полнѣйшаго равенства, т. е. до *ничего*.

Но кто-же настолько слѣпъ, чтобы не понять, что отсрочка, по существу своему, есть обстоятельство *тягостное*, а слѣдовательно подлежащее *вознагражденію*? Кто-же даже видъ займа не заботится о сокращеніи сроковъ, составляющемъ предметъ нашихъ постоянныхъ заботъ. Каждый предприниматель придаетъ очень большое значеніе тому, когда, въ какое именно время онъ покроетъ свои расходы. Онъ продаетъ дороже или дешевле, смотря потому, близко или далеко это время. Чтобы оставаться совсѣмъ равнодушнымъ къ этому вопросу, надо просто отвергнуть, что капиталъ есть сила, потому что, если кто дѣйствительно признаетъ это,

тотъ естественно желаетъ, чтобы поскорѣе закончилось дѣло, въ которое онъ затратилъ капиталъ, дабы употребить его опять на какое нибудь новое дѣло.

Весьма жалки тѣ экономисты, которые думаютъ, что мы платимъ проценты на капиталъ только тогда, когда беремъ его взаймы.

Общее правило, основанное на справедливости, состоитъ въ томъ, что всякій, кто достигаетъ удовлетворенія, долженъ нести всю тягость производства, *разумѣя тутъ и отсрочку*, все равно— доставляетъ-ли онъ услугу самъ себѣ, или возлагаетъ ее на другого. Человѣкъ, живущій въ одиночествѣ и не имѣющій никакихъ сношеній съ людьми, счелъ-бы для себя *тягостнымъ* всякое обстоятельство, вслѣдствіе котораго онъ лишился-бы возможности дѣйствовать въ теченіе цѣлаго года. Почему-же подобное обстоятельство не должно считаться *тягостнымъ* въ сферѣ общественной? Если кто-нибудь добровольно подчиняется этому обстоятельству, чтобы доставить выгоду другому, добровольно соглашающемуся на вознагражденіе, то почему такое вознагражденіе будетъ незаконнымъ?

Никакое дѣло не шло-бы на свѣтъ, никакое предпріятіе, требующее предварительныхъ затратъ не могло-бы состояться, никто не сталъ-бы ни сажать, ни сѣять, ни обрабатывать землю, если-бы отсрочка, *сама по себѣ*, не разсматривалась, какъ *тягостное* обстоятельство, и какъ таковая не требовала вознагражденія. По этому пункту установилось такое всеобщее единогласное мнѣніе, что не существуетъ въ дѣйствительности такого обмѣна, въ которомъ-бы не преобладалъ этотъ принципъ.

Отсрочка, опозданіе входятъ въ оцѣнку *услугъ*, а слѣдовательно и въ составъ понятія о *цѣнности*.

Такимъ образомъ проповѣдники равенства въ своемъ крестовомъ походѣ противъ процента попираютъ ногами не только самыя элементарныя понятія справедливости, не только свой собственный принципъ—*услуга за услугу*, но и авторитетъ человѣческаго разума и всемірный опытъ. Какъ позволяютъ они себѣ выдвигать передъ всенародными очами свою безграничную гордость, скрывающуюся въ подобномъ притязаніи? И не правда-ли, что очень странно и вмѣстѣ очень печально, что сектанты принимаютъ такой скрытый, а часто даже и прямо выраженный девизъ. Съ начала міра всѣ ошибаются, кромѣ меня? *Omnes, ego non — est, но не я.*

Да простятъ мнѣ читатели, что я такъ долго отстаивалъ законность процента, основанную на слѣдующей истинѣ: *такъ какъ отсрочка стоитъ чего-нибудь, то она должна быть оплачена*; *стоитъ и платить*—два соотносительныя понятія. Ошибка—въ направленіи нашего времени. Поневолѣ приходится обращаться къ непреложнымъ истинамъ жизни, признаннымъ человѣчествомъ, но раста-таннѣмъ нѣкоторыми фанатическими новаторами. Для писателя, который стремится объяснить гармоническую связь между явленіями, повѣрьте—очень непріятно на каждомъ шагѣ дѣлать перерывы для того, чтобы разяснять самыя элементарныя понятія. Могъ-ли-бы Лапласъ изложить свою планетную систему во всей ея простотѣ, если-бы читателямъ его не были извѣстны общія и всѣми признанныя понятія; если-бы для доказательства—что

земля вращается, ему пришлось-бы предварительно учить их нумераціи? Не таково положеніе экономиста въ наше время. Если онъ не выяснитъ самыхъ элементарныхъ понятій, то не будетъ понять, а если онъ станетъ выяснять ихъ, то цѣлый потокъ всякихъ подробностей заслонитъ собою простоту и красоту цѣлаго.

И точно, счастье для человѣчества, что *процентъ* законенъ.

Въ противномъ случаѣ человѣчеству пришлось-бы остановиться передъ такой альтернативой: погибнуть, оставаясь справедливымъ, или прогрессировать съ помощью несправедливости.

Всякая промышленность представляетъ собою совокупность усилій. Но эти усилія существенно различны между собою. Одни имѣютъ дѣло съ услугами, которыя должны быть оказаны теперь-же, другія-же относятся къ безконечному ряду такихъ-же услугъ въ будущемъ. Объяснюсь.

Трудъ, который ежедневно предпринимаетъ водовозъ, долженъ быть оплаченъ тѣми, кто пользуется имъ; но трудъ, который онъ затратилъ на свою телѣжку и бочку, долженъ быть разложенъ, въ отношеніи вознагражденія за него, на неопредѣленное число потребителей.

Точно также, посѣвъ, полотье, пахота, жатва, молотьба касаются только нынѣшней уборки; но огорожа, расчистка, осушка, постройки, удобреніе касаются и облегчаютъ неопредѣленное количество будущихъ сборовъ.

По общему закону *услуга за услугу*, тѣ, которые получили удовлетвореніе, должны возстановить потраченные на нихъ усилія. Что касается до

усилій первого рода—тутъ нѣтъ никакихъ затрудненій; они взвѣшены и *оцѣнены* по взаимному соглашенію тѣмъ, кто совершалъ ихъ, и тѣмъ, кто ими пользовался. Но какъ *оцѣнить* услуги второго рода? Какъ справедливо распредѣлить постоянныя предварительно сдѣланныя затраты, общіе расходы, постоянный капиталъ, какъ выражаются экономисты? Будетъ-ли все это распредѣлено между всѣмъ рядомъ удовлетвореній, для которыхъ оно было предназначено, или нѣтъ? Какимъ способомъ можно разложить, по всей справедливости, эту тяготу на всѣхъ потребителей воды, пока телѣжка водовоза будетъ служить ему;—на всѣхъ потребителей хлѣба, пока земля будетъ доставлять его?

Я не знаю, какъ разрѣшили-бы эту задачу въ Икаріи и въ фаланстеріяхъ. Но позволительно думать, что гг. устроители обществъ, столь плодовитые въ искусственныхъ организаціяхъ и смѣлые въ навязываніи ихъ посредствомъ закона, т. е. принужденія, не взирая на то, примѣнны или непримѣнны эти организаціи, не выдумаютъ другого болѣе остроумнаго рѣшенія, какъ то, которое вполнѣ естественно, само собою придумали люди (какая смѣлость!) съ самаго начала міра, и которое теперь хотятъ воспретить имъ. Вотъ это рѣшеніе: оно вытекаетъ изъ закона о *процентѣ*.

Положимъ, что затрачено 1.000 фр. на улучшеніе земли; что размѣръ процента составляетъ 5 со 100, а средний урожай составляетъ 50 гектолитровъ. На основаніи этихъ данныхъ, цѣна каждаго гектолитра должна быть опредѣлена въ 1 фр.

Этотъ франкъ составляетъ, очевидно, законное вознагражденіе за дѣйствительную услугу, оказан-

ную земледѣльцемъ его безразлично можно называть и рабочимъ) какъ тому, кто получить этотъ гектолитръ хлѣба черезъ 10 лѣтъ, такъ и тому, кто купить его теперь-же. Стало-быть, законъ строгой справедливости соблюденъ.

Если срокъ дѣйствія улучшеній земли, или тележки и бочки водовоза можетъ быть приблизительно опредѣленъ и оцѣненъ, то къ проценту надо будетъ прибавить еще погашеніе, иначе собственникъ ошибется въ своихъ расчетахъ и не въ состояніи будетъ начать вновь своего дѣла. Тутъ дѣйствуетъ все тотъ-же законъ справедливости.

Я изобразилъ явленіе въ его самой простой формѣ, чтобы можно было ясно понять сущность его. Но въ жизни не всегда происходитъ такъ.

Собственникъ не самъ производитъ это распределеніе, не онъ рѣшаетъ, что каждый гектолитръ хлѣба будетъ оцѣненъ въ 1 франкъ, болѣе или менѣе. Все это онъ находитъ уже готовымъ въ мірѣ — какъ среднюю цѣну на хлѣбъ, такъ и размѣръ процента. На основаніи этихъ-то данныхъ, онъ и рѣшаетъ, какое дать назначеніе своему капиталу. Онъ употребить его на улучшеніе земли, если по его расчету окажется, что цѣна хлѣба дастъ ему возможность получить нормальный процентъ. Въ противномъ случаѣ онъ обратитъ свой капиталъ на болѣе выгодную промышленность, которая, именно вслѣдствіе этого, получаетъ, въ интересъ цѣлаго общества, наибольшую притягательную силу для капиталовъ. Этотъ путь, какъ истинный, приводитъ къ тому-же результату и являетъ собою еще большую гармонію взаимныхъ интересовъ.

Читатель пойметъ, что если я остановился на этомъ специальномъ вопросѣ, то потому, что хотѣлъ выяснитъ общій законъ, которому подчинены всѣ роды занятій.

Адвокатъ, на примѣръ, не можетъ заставить перваго подвергнувшагося ему подъ руку кліента вернуть ему всѣ расходы, сдѣланные на его воспитаніе, на приготовленіе къ своему дѣлу, на первое обзаведеніе, ну хоть въ 20 т. фр. Это было-бы не только несправедливо, но и неисполнимо: такого кліента, конечно, не оказалось-бы, и нашему адвокату пришлось-бы послѣдовать тому хозяину дома, который, видя, что никто не явился на его первый балъ, сказалъ: „въ слѣдующемъ году я начну со второго“.

То-же бываетъ и съ торговцемъ, и съ врачомъ, и съ судохозяиномъ, и съ артистомъ. На всѣхъ поприщахъ дѣятельности встрѣчаются двоякаго рода усилія; изъ нихъ второй родъ непременно требуетъ распредѣленія на неопредѣленное число заинтересованныхъ лицъ, и я сомнѣваюсь, чтобы можно было придумать такое распредѣленіе безъ участія *процента*.

Прогрессъ человѣчества идетъ рука объ руку съ быстрымъ накопленіемъ капиталовъ; ибо — зать, что образуются новые капиталы, значить — сказать другими словами, что препятствія, которыя когда-то тягостно преодолевались трудомъ, теперь преодолеваются безъ участія человѣческаго труда, самою природой, и не въ пользу капиталистовъ, а въ пользу, замѣьте это хорошенько, цѣлаго общества.

Если это такъ, то главный интересъ всѣхъ лю-

дей (конечно, съ точки зрѣнія экономической) въ томъ, чтобы содѣйствовать быстрому образованію капиталовъ. Но капиталъ растетъ, такъ - сказать, самъ собою подъ тройнымъ вліяніемъ—дѣятельности, воздержанія и безопасности. Мы не можемъ, конечно, оказывать прямого вліянія на дѣятельность и воздержность нашихъ братьевъ иначе, какъ при посредствѣ общественнаго мнѣнія и разумнаго обращенія къ нимъ нашихъ антипатій и симпатій. Но мы можемъ многое сдѣлать по отношенію къ безопасности, безъ которой капиталы не только не могутъ накапливаться, но и прячутся, бѣгутъ въ другое мѣсто, уничтожаются, а изъ этого видно, что кроется что-то похожее на убійство въ той горячности, съ какою рабочий классъ нарушаетъ иногда общественный миръ. Пускай-же онъ сознастъ, что капиталъ съ самаго начала работаетъ въ пользу освобожденія людей отъ ига невѣжества, нужды и деспотизма. Запугивать капиталъ, значить—заклепывать тройную цѣпь на рукахъ человѣчества.

Vires acquirit eundo—силы растутъ на ходу*, какъ нельзя точнѣе примѣняется къ капиталу и его благотворительному вліянію. Всякій накапливающийся капиталъ непременно вызываетъ и трудъ и принасадетъ вознагражденіе за этотъ трудъ. Онъ заключаетъ въ самомъ себѣ залогъ прогресса. Дѣйствительно, въ немъ есть что-то похожее на законъ скорости.

Капиталъ основывается на трехъ присущихъ человѣку способностяхъ—предвидѣть, разумѣть и воздерживаться. Прежде чѣмъ рѣшиться составлять капиталъ, надо, дѣйствительно, предвидѣть

будущее, принести ему въ жертву настоящее, располагать благородною властью надъ самимъ собой и своими потребностями, противустоять не только соблазну настоящихъ удовольствій жизни, но и внушеніямъ суетности и капризамъ общественнаго мнѣнія, всегда слишкомъ пристрастнаго къ людямъ легкомысленнымъ и расточительнымъ. Надо еще умѣть связать дѣйствія съ причинами, надо знать — какими приѣмами, какими орудіями можно побѣдить природу и приспособить ее къ производству. Въ особенности надо исполниться духомъ семейной любви, чтобы не отступить передъ пожертвованіями, плодами которыхъ будутъ пользоваться дорогія существа, нами оставленные. Составлять капиталъ, значить — готовить припасы, кровъ, пріютъ, досугъ, образованіе, независимость, достоинство для будущихъ поколѣній. Все это можетъ быть исполнено только тогда, когда дѣйствуютъ наиболѣе социальныя добродѣтели, мало того, когда онѣ вошли въ народныя привычки.

Не смотря на это, очень распространено мнѣніе, приписывающее капиталу зловредное вліяніе; говорятъ, будто бы онъ порождаетъ эгоизмъ, жестокость, макіавелизмъ въ сердцахъ тѣхъ, кто стремится къ приобрѣтенію капитала, или уже владеетъ имъ. Этого не существуетъ. Но имѣть-ли тутъ какого-нибудь смѣшенія, понятій? Правда, есть страны, въ которыхъ трудъ не даетъ многого, ибо то немногое, что зарабатывается имъ, дѣлится съ казною. Чтобы отнять у васъ плоды вашихъ тяжелыхъ трудовъ, такъ называемое государство онутываетъ васъ всевозможными препятствіями. Оно вмѣшивается во все

ваши дѣла, во всѣ сношенія, заправляетъ вашимъ разумомъ и вѣрой; переищааетъ всѣ интересы и ставитъ каждаго въ искусственное и непрочное положеніе; парализуетъ личную дѣятельность и энергію, овладѣвая общимъ напавленіемъ дѣлъ; возлагаетъ отвѣтственность за совершаемыя дѣйствія на тѣхъ, кто въ нихъ вовсе не повиненъ, — такъ что мало по малу утрачивается понятіе о справедливомъ и несправедливомъ; вовлекаетъ націю своей дипломатіей во всевозможныя распри и потомъ выдвигаетъ армію и флотъ; насколько доступно ему пониманіе народныхъ массъ, оно извращаетъ экономическіе вопросы, потому что ему нужно заставить ихъ вѣрить, что его безумные расходы, несправедливыя нападенія, его завоеванія, колоніи, составляютъ источникъ народнаго богатства. Въ такихъ странахъ капиталу очень трудно образоваться естественнымъ путемъ. Къ чему же въ особенности стремятся, это — вытянуть его силою или хитростью у тѣхъ, кто создалъ его. Въ такихъ странахъ люди обогащаются войною, общественными должностями, игрой, казенными поставками, ажіотажемъ, торговыми обманами, спекуляціями, общественными рынками и т. д. Средства, необходимыя для того, чтобы вырвать капиталъ изъ рукъ тѣхъ, кто его составляетъ, какъ разъ противоположны тѣмъ, которые требуются для его образованія. Неудивительно поэтому, что въ такихъ странахъ устанавливается особая связь между этими двумя понятіями: капиталъ и эгоизмъ, и эта связь становится неразрывной, если всѣ нравственныя понятія страны почерпаются изъ древней исторіи и среднихъ вѣковъ.

Но если направить мысль не на уничтоженіе капитала, а на его образованіе съ помощью разумной дѣятельности, предусмотрительности и воздержанія, нельзя будетъ не признать, что социальная и морализующая добродѣтель связана именно съ его пріобрѣтеніемъ.

Если образованію капитала присуща социальная мораль, то она сама-собою выражается и въ самыхъ дѣйствіяхъ его. Прямое назначеніе его заключается въ томъ, чтобы заставить природу содѣйствовать труду, освободить человека отъ всего, что есть наиболѣе матеріальнаго, мускульнаго, грубаго въ дѣлѣ производства; все болѣе и болѣе обезпечить господство разумной дѣятельности; расширить область, не скажу праздности, а досуга; легкостью удовлетворить потребностей, постепенно заглушить голосъ грубыхъ инстинктовъ и замѣнить ихъ болѣе возвышенными, деликатными, чистыми, художественными, уменными наслажденіями.

И такъ, съ какой-бы точкой зрѣнія ни разсматривать капиталъ въ его отношеніяхъ къ нашимъ потребностямъ, которыя онъ облагораживаетъ; къ нашему труду который облегчаетъ; къ удовлетворенію нашихъ потребностей, которыя очищаетъ; къ природѣ, которую онъ подчиняетъ нашей власти; къ нравственности, которую обращаетъ въ привычку; къ духу общественности, который развиваетъ; къ равенству, которое вызываетъ; къ свободѣ, которою живетъ; къ справедливости, которую водворяетъ своими самыми остроумными пріемами вездѣ и всегда и лишь при условіи, чтобы онъ накоплялся и дѣйствовать при такомъ строе

общества, при которомъ оно не отклонялось-бы отъ своего естественнаго пути,—мы и признаемъ за нимъ то, что несетъ на себѣ печать всѣхъ великихъ законовъ Провидѣнія—*Гармоніи*.

IV.

Два девиза.

Современные моралисты, противопологающіе аксіому: *Каждый для всѣхъ, всѣ для каждого*, древнему изреченію: *Каждый для себя, каждый у себя*, имѣютъ объ обществѣ весьма неполное, а потому неправильное, я даже прибавлю къ ихъ крайнему удивленію, и весьма печальное представленіе.

Исключимъ сначала изъ этихъ двухъ знаменитыхъ девизовъ все лишнее. *Всѣ для каждого* есть вставка, приведенная здѣсь изъ любви къ противоположеніямъ, она и безъ того разумѣется въ выраженіи *каждый для всѣхъ*. Что-же касается до *Каждый у себя*, то эта мысль не имѣетъ никакого прямого отношенія къ тремъ остальнымъ, но такъ какъ она имѣетъ очень важное значеніе, въ политической экономіи, то мы постараемся потомъ раскрыть смыслъ, который она заключаетъ въ себѣ.

Остается, стало быть, противоположеніе двухъ выраженій — *Каждый для всѣхъ* и *Каждый для себя*. Одно, говорятъ, выражаетъ собою принципъ симпатіи, другое — принципъ индивидуалистическій. Первое соединяетъ, второе разъединяетъ.

Если говорить только о побужденіи, опредѣляющемъ усиліе, то это противоположеніе неоспоримо. Но я утверждаю, что это не такъ, если разсмат-

ривать совокупность человеческих усилий въ ихъ результатахъ. Разсмотрите общество въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, подчиняясь въ вопросѣ о вознагражденіи услуги индивидуалистическому принципу, и вы убѣдитесь, что всякій, работающій для себя, работаетъ и для всѣхъ. Въ дѣйствительности это неоспоримо. Если читающій эти строки занимается какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ, то я прошу его хоть на мгновенье бросить взглядъ на самого себя. Развѣ, спрошу я, всѣ его труды не направлены на то, чтобы служить удовлетвореніемъ ближняго, съ другой стороны, развѣ не труду своего ближняго онъ обязанъ всѣми своими удовлетвореніями? Очевидно, что люди, доказывающіе, что *Каждый для себя* и *Каждый для всѣхъ*, взаимно исключаютъ другъ друга, думаютъ, что ассоціація несовмѣстима съ индивидуализмомъ. Они думаютъ, что *Каждый для себя* предполагаетъ обособленіе, одиночество, личное стремленіе къ одиночеству; что личный интересъ разъединяетъ людей вмѣсто того, чтобы соединять ихъ, и въ концѣ-концовъ въполучаетъ свое полное выраженіе въ *Каждый для себя*, а именно въ всѣхъ социальныхъ отношеніяхъ. Эти люди, говорящіе, имѣютъ менѣе, чѣмъ потому совершенно ложное представленіе объ обществѣ. Даже и тогда, когда люди руководствуются только личнымъ интересомъ, они стараются сблизиться, комбинировать свои усилія, соединить ихъ, работать другъ для друга, оказывать другъ другу взаимныя услуги, соединиться въ общество. Говорить, что они дѣйствуютъ такъ вопреки личному интересу, было-бы неверно; напротивъ, они

поступаютъ такъ именно въ силу личнаго интереса. Они соединяются, потому что имъ это удобно и выгодно; если-бы это было имъ неудобно или невыгодно, то они не соединились-бы вмѣстѣ. Индивидуализмъ совершаетъ здѣсь дѣло, которое сентименталисты нашего времени хотѣли-бы ввѣрить братству, самоотреченію, или какому хотите другому принципу, противоположному любви къ самому себѣ.

А это доказываетъ, — заключеніе, къ которому мы всегда приходимъ, — что Провидѣніе позаботилось объ общественности гораздо лучше тѣхъ, кто называетъ себя его пророками. — Одно изъ двухъ: или союзъ вредитъ индивидуальности, или онъ выгоденъ ей. — Если онъ вреденъ, то какъ возьмется за дѣло гг. социалисты, и какіе могутъ они предъявить разумные мотивы для осуществленія того, что оскорбляетъ всѣхъ? Если, на оборотъ, союзъ выгоденъ, то онъ совершится въ силу личнаго интереса, самого могущественнаго, постояннаго, единообразнаго, всеобщаго принципа, чтобы тамъ ни говорили его противники.

И посмотрите, какъ это происходитъ на свѣтѣ. Какой-нибудь поселенецъ Сѣверной Америки отправляется на дальній Западъ обрабатывать землю. Не проходить дня, чтобы онъ не чувствовать, сколько затрудненій создаетъ ему его одиночество. Но вотъ вскорѣ второй поселенецъ также направляется въ эту пустынную степь. Гдѣ раскинетъ онъ тамъ свою палатку? Отойдетъ-ли онъ подалѣе отъ перваго поселенца? Конечно, нѣтъ, а естественно расположится поближе къ нему. А почему? Потому что онъ очень хорошо знаетъ,

какія выгоды извлекають люди при одинаковыхъ условіяхъ, изъ одной только близости другъ къ другу. Онъ знаетъ, что среди безчисленнаго множества всевозможныхъ обстоятельствъ, они могутъ помочь другъ другу земледѣльческими орудіями, соединиться вмѣстѣ въ общей дѣятельности, преодолѣть затрудненія, непреоборимыя для личныхъ разрозненныхъ силъ, создать себѣ мѣста сбыта, мѣняться мыслями и взглядами, содѣйствовать взаимной защитѣ. Третій, четвертый, пятый поселенецъ проникаетъ въ ту-же степь, и каждаго изъ нихъ непременно тянетъ къ жилью первыхъ двухъ поселенцевъ. Слѣдующіе за ними поселенцы могутъ явиться уже съ готовыми, болѣе значительными капиталами, ибо знаютъ, что они найдутъ тамъ готовыя руки, которыя дадутъ имъ дѣло. Такъ постепенно образуется колонія. Тогда можно нѣсколько и разнообразить культуру, провести проселокъ къ большой дорогѣ, гдѣ ходить почтовая карета, привозить къ себѣ и вывозить разные товары, подумать о сооруженіи церкви, школы и т. д. Однимъ словомъ — вслѣдствіе одного только сближенія, могущество колонистовъ возрастаетъ до того, что превосходитъ въ неизмѣримо большей пропорціи совокупность ихъ разрозненныхъ силъ. Таковъ мотивъ, по которому они естественно стремятся другъ къ другу.

Но, возразятъ мнѣ, *Каждый для себя* — какое грустное, холодное правило. Никакія разсужденія и парадоксы міра не въ состояніи потушить нашего отвращенія отъ этого правила, которое такъ сильно отзывается эгоизмомъ, а эгоизмъ не есть-ли величайшее зло, не есть-ли источникъ всевозможныхъ золъ для общества?

Но разсмотримъ прежде сущность дѣла. Если аксіому *Каждый для себя* понимать въ томъ смыслѣ, что она должна заправлять всѣми нашими мыслями, всѣми нашими поступками, всѣми нашими отношеніями, что она лежитъ въ основѣ всѣхъ привязанностей, отца, сына, брата, супруговъ, друзей, гражданъ, или скорѣй — что она должна заглушить въ насъ всѣ эти привязанности, о тогда эта аксіома дѣйствительно была-бы ужасна, отвратительна, и я не думаю, чтобы нашлся на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который сдѣлалъ-бы ее правиломъ собственной жизни и рѣшился-бы положить ее въ основу теоріи.

Но неужели социалисты будут упорно отказываться, вопреки очевидности всемирных фактов, признать, что есть два рода человеческих отношений: одни подчинены принципу симпатии, и мы оставляем их в области морали, другие возникают из личного интереса, существуют между людьми, даже незнающими друг друга, но обязанными только взаимною справедливостью, и определяются добровольно и свободно установленным соглашением? Эти-то соглашения последнего рода и составляют область политической экономии. Основать эти отношения на принцип симпатии также невозможно, как невозможно было бы положить принцип личного интереса в основу семейных и дружеских отношений. И всегда буду твердить социалистам одно и тоже: вы хотите смешать то, что не может быть смешано. Если же вы так безразсудны, то все-таки вы недостаточно сильны, чтобы это исполнить. Этот кузнец, этот плотник, этот земледельец надрывали

себя на тяжелыхъ работахъ, могутъ быть прекрасными отцами, образцовыми сыновьями, могутъ обладать очень развитымъ нравственнымъ чувствомъ и нести въ своей груди самое экспансивное сердце, а вамъ, не смотря на это, никогда не удастся заставить ихъ работать съ утра до вечера, надрывать свои силы и подвергаться тяжелымъ лишениямъ на основаніи вашего принципа самоотверженія. Ваши сентиментальныя проповѣди будутъ всегда безсильны. Если же, къ несчастію, онѣ и совратятъ кого-нибудь изъ такихъ труженниковъ, то развѣ только обманомъ. Если какой-нибудь торговецъ начнетъ продавать на основаніи принципа братства, то не пройдетъ мѣсяца, какъ онъ увидитъ своихъ дѣтей нищими.

Слѣдовательно, Провидѣніе сдѣлало большое благо, что дало обществу другія гарантіи. Если человекъ сотворенъ такъ, что чувства его неотдѣлимы отъ его личности, то невозможно ни надѣяться, ни желать, ни думать, чтобы когда-нибудь личный интересъ могъ быть вообще уничтоженъ. А между тѣмъ, что должно было бы совершиться ради справедливаго равновѣсія человеческихъ отношеній, потому что, если вы не повороте этой пружины въ нѣкоторыхъ избранныхъ существахъ, то составятся два разряда людей — злыхъ людей вы обратите въ палячей, а добрыхъ обречете служить имъ вѣчными жертвами. Такъ какъ въ вопросѣ труда и обмена, принципъ *Каждый для себя* долженъ неизбѣжно преобладать какъ главный двигатель, то нельзя не изумиться тому, что Творецъ міра воспользовался этими принципомъ, чтобы осуществить въ устройствѣ социаль-

наго порядка братскую аксіому — *Каждый для всѣхъ*; всемогущая десница Его обратила препятствіе въ орудіе прогресса и ввѣрила общій интересъ интересу личному, такъ что первый сталъ неотвратимъ потому только, что нельзя разрушить второго. Намъ кажется, что ввиду этихъ результатовъ коммунисты и другіе изобрѣтатели искусственныхъ организацій могутъ сознаться безъ особаго для себя униженія, что въ дѣлѣ общественнаго устройства у нихъ есть высшій соперникъ, который гораздо сильнѣе ихъ.

И замѣйте хорошенько, что при естественномъ порядкѣ обществъ принципъ *Каждый для всѣхъ*, возымѣвшій свое начало отъ принципа *Каждый для себя*, гораздо полнѣе, гораздо абсолютнѣе, гораздо симпатичнѣе того-же принципа, какъ его возмѣщаютъ коммунисты или социалисты. Мы не только работаемъ для всѣхъ, но и не можемъ даже достигнуть какого-бы то ни было прогресса, если не сдѣлаемъ его достояніемъ цѣлаго общества. Оно такъ чудно устроено, что выдумаетъ-ли человѣкъ какой-нибудь новый пріемъ въ производствѣ, откроетъ-ли новое даровое благо природы, новую производительность земли, новую форму дѣйствій въ какомъ-нибудь изъ физическихъ законовъ, онъ лично пользуется непосредственною выгодой такихъ открытій только на короткое время, какъ это собственно и справедливо въ видѣ вознагражденія, и полезно въ видѣ частнаго поощренія. Но затѣмъ эта выгода, какъ-бы мы ни старались удержать ее, выскальзываетъ изъ нашихъ рукъ: изъ индивидуальной она становится соціальною и навсегда дѣлается достояніемъ цѣлаго общества. И въ то время, какъ

мы дѣлимся съ человѣчествомъ своими успѣхами, сами пользуемся успѣхами, которыхъ достигаютъ другіе.

Наконецъ, благодаря принципу *Каждый для себя*, всѣ усилія напряженного индивидуализма дѣйствуютъ въ смыслъ принципа *Каждый для всѣхъ*, и каждый частный прогрессъ доставляетъ обществу, въ видѣ даровыхъ полезностей, въ миллионъ разъ больше того, чѣмъ сколько онъ доставитъ выгоды изобрѣтателю.

А можетъ быть, скажутъ: зачѣмъ-же отвергать аксіому социалистовъ? Чѣмъ она можетъ повредить? Правда, ей не провести принципа самоотверженія ни въ мастерскія, ни въ торговыя конторы и магазины, и не восторжествовать ему на рынкахъ и ярмаркахъ; но если, наконецъ, она и не приведетъ ни къ чему, то и тогда вамъ нечего беспокоиться, ибо она все-таки смягчитъ нѣкоторую жесткость эгоистическаго принципа, который, будучи чуждъ всякаго чувства, не имѣетъ права и на нашу симпатію.

Съ принципомъ *Каждый для всѣхъ* никто не станетъ работать даже и *для себя*. Кто-же захочетъ удвоить свой трудъ, чтобы получить какую-нибудь одну тридцати-милліонную часть своего заработка?

Что ложно, то всегда опасно. Всегда опасно представлять, какъ достойный осужденія и проклятія всемірный вѣчный принципъ, который установленъ самимъ Богомъ для сохраненія и совершенствованія человѣчества; — принципъ, который по столько, по сколько онъ дѣлается стимуломъ нашей дѣятельности, правда, ничего не говорить нашему сердцу, за-то своими результа-

тами поражаетъ и удовлетворяетъ нашъ разумъ; — принципъ, который къ тому-же оставляетъ вполне свободнымъ поле для дѣятельности другихъ высшихъ стимуловъ, вложенныхъ Богомъ въ человеческое сердце.

Но знаете-ли вы, что происходитъ на самомъ дѣлѣ? То, что публика принимаетъ отъ социалистовъ только половину ихъ аксіомы, ея послѣднюю часть — *Всѣ для каждого*. Всѣ продолжаютъ по-прежнему работать, каждый *для себя*, но требуютъ, сверхъ того, чтобы и всѣ также работали на него.

Такъ и должно было быть: когда мечтатели захотѣли перемѣнить главную пружину человеческой дѣятельности, чтобы поставить братство на мѣсто индивидуализма — что они придумали тогда? Противорѣчіе, усиленное лицемѣріемъ. Они стали взымать къ народу такъ: „заглушите въ вашемъ сердцѣ личный интересъ и послѣдуйте за нами; вы будете вознаграждены всѣми благами, всѣми наслажденіями въ мірѣ“. Если они нарождаютъ Евангеліе, то должны подобно ему и выводить свои заключенія. Но само отреченіе предлагаемое братствомъ, предполагаетъ жертву и печали. „Жертвуйте собой“; это значить: — „займите послѣднее мѣсто, будьте бѣдны и страдайте добровольно“. Но подъ предлогомъ отреченія обѣщать наслажденія, подъ видомъ жертвы прельщать довольствомъ и богатствомъ; желая подавить страсть, которую клеймятъ прозваніемъ эгоизма, обращаться къ ея самымъ грубымъ проявленіямъ, — это значить не только признать несокрушимую жизненность принципа, который хотятъ уничтожить, но, возставая на него, довести его до высшей степени напряженія.

это значитъ—удвоить силы противника, котораго хотятъ побѣдить, на мѣсто законнаго индивидуализма поставить недостойное вождельніе, и, не смотря на чрезвычайное искусство какого-то особаго таинственнаго жаргона, пробудить самый грубый сенсуализмъ. Только алчность должна была откликнуться на этотъ призывъ.

И развѣ это не такъ? Какой общій возгласъ раздается теперь во всѣхъ рядахъ, во всѣхъ классахъ общества? *Всѣ для каждаго*.—А произнося слово *каждый*, они думаютъ только о себѣ и ничего такъ сильно не желаютъ, какъ заполучить незаслуженную ими часть изъ общаго труда.—Другими словами—это есть хищеніе, возводимое въ систему. Правда, наивное и слишкомъ прозрачное вождельніе такъ несправедливо, что отталкиваетъ насъ отъ себя; но, благодаря правилу *Всѣ для каждаго*, мы стараемся заглушить въ себѣ укоры своей совѣсти. Мы возлагаемъ на другихъ *обязанность* работать на насъ, себѣ же представляемъ право пользоваться трудомъ другихъ; мы взываемъ къ государству, къ закону—чтобы они дѣйствительно возложили на другихъ эту *обязанность* и облегчили намъ пользованіе этимъ правомъ и, наконецъ, приходимъ къ тому безумному результату, что обираемъ другъ друга во имя братства. Мы живемъ на счетъ своихъ ближнихъ и, на основаніи этого права, именуемъ себя героями самопожертвованія. Что за причудливость ума человѣческаго! Что за изворотливость человѣческой алчности! Намъ еще мало того, что каждый изъ насъ старается увеличить свою порцію на счетъ ближнихъ; намъ еще мало того, что каждый хочетъ воспользоваться

трудомъ, котораго онъ не совершалъ, мы еще хотимъ убѣдить себя въ томъ, что являемся въ жизни высокими образцами самопожертвованія; немного еще недостаетъ для того, чтобы поставить себя рядомъ съ Иисусомъ Христомъ! И мы до того ослѣпляемся, что не видимъ, что мы сами и не приносили жертвъ, заставляющихъ насъ проливать слезы умиленія при созерцаніи собственныхъ достоинствъ, а только требуемъ этихъ жертвъ отъ другихъ.

45-00

891384

K891384~

